ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

16+

2017

10

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

“В БРАЗИЛИЮ, К ДАЛЕКИМ БЕРЕГАМ!”

Основан в 1955 году

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Посольства Федеративной республики
Бразилии
в Российской Федерации

Выход специального бразильского номера журнала “Иностранная литература” — огромная радость для Посольства Бразилии в России, для всех интересующихся бразильской литературой.

Я убежден, что этот выпуск даст возможность читателям “распробовать” малоизвестную в России современную бразильскую литературу, ведь представленные здесь произведения демонстрируют всё ее многообразие и богатство.

Желаем вам приятного чтения!

Антонио Луис Еспинола Салгадо,
Посол Бразилии в России

Август 2017 года

[10]
2017

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Бразилию, к далеким берегам!

Составитель номера
Екатерина Хованович

5 Мариу ди Андради *Макунаима, герой, у которого нет никакого характера.* Роман. Перевод Владимира Култыгина

116 *Из современной поэзии.* Карлиту Азеведу, Флавиу ди Кастру, Фернанду Фабиу Фьорези Фуртаду, Маурисиу Арруда Мендонса, Кайю Мейра, Эуканаан Феррас, Ана Мартинс Маркис. Переводы Екатерины Хованович, Ирины Фещенко-Скворцовой

122 Моасир Скляр *Эдем-Бразилия.* Роман. Перевод Екатерины Хованович

194 Луис Фернанду Вериссиму *Рассказы.* Перевод Ольги Дзюбы, Галины Матвеевой

Из классики XX века — 211 *"И высший смысл в безумии самом..."* Стихи Мариу Кинтаны, Мануэла Бандейры, Сесилии Мейрелис, Карлуса Друмона ди Андради. Перевод Ирины Фещенко-Скворцовой

Документальная проза — 217 Борис Шнайдерман *Страх и Ненависть.* Главы из книги *Война под сурдинку.* Перевод Леи Любомирской. Вступление Елены Васиной

Литературное наследие — 227 *Бразильский "Парнас".* Стихи Раймунду Коррейа, Олаву Билака, Алберту ди Оливейры, Жоана Круза-и-Соузы. Перевод и вступление Ирины Поляковой

Статьи, эссе — 234 Наталия Константинова *Неделя продолжает жить*

239 Рафаэл Теодору *Общество неграмотных: быть умным для подростка становится преступлением.* Перевод Максима Тютюнникова

Босса-нова — 247 Алексей Иващенко *"Вдоль по тропинке прибрежной..."*

Футбол — 253 Владимир Ильинский *Футбол как искусство*

Письма из-за рубежа — 257 Анна Смирнова-Энрикес *Письма из Солнечного города*

БиблиофИЛ — 277 *Среди книг с* Еленой Огневой

Библиография — 281 *Бразильская литература на страницах "ИЛ"*

Авторы номера — 283

© "Иностранная литература", 2017

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева

С. М. Гандлевский

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская

Н. Г. Мельников

К. Я. Старосельская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова

А. Г. Битов

Н. А. Богомолова

Е. А. Бунимович

Т. Д. Венедиктова

А. А. Генис

В. П. Голышев

Ю. П. Гусев

С. Н. Зенкин

Вяч. Вс. Иванов

Г. М. Кружков

А. В. Михеев

М. А. Осипов

М. Л. Рудницкий

М. Л. Салганик

И. С. Смирнов

Е. М. Солонович

Б. Н. Хлебников

Г. Ш. Чхартишвили

Международный совет:

Ван Мэн

Матей Вишнек

Милан Кундера

Кэндзабуро Оэ

Роберт Чандлер

Ханс Магнус Энценсбергер

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Мариу ди Андради

Макунаима, герой, у которого нет никакого характера

Роман

Перевод Владимира Култыгина

Глава 1. *Появление* Макунаимы

В дебрях девственного леса родился Макунаи́ма, герой нашего народа. Был он черный-пречерный, дитя страха ночного. И вот как он родился: наступила такая тишина, что ничего не было слышно, кроме бормотанья великой реки Урарикоэ́ры; оттого-то женщина из чернокожего племени тапаньюмас родила ребенка-замухрышку. Этого-то ребенка и назвали Макунаимой.

С самого детства ребенок творил ужасные вещи. Заговорил он только в шесть лет. До того его пытались разговорить, но он огрызался:

— Ай, как же лень!

И больше ни слова от него не добьешься. Он не слезал с подвешенной в углу хижины люльки из ходячей пальмы да все смотрел, как другие работают. Двое его братьев, старик Маана́пе и Жиге́, мужчина в самом расцвете сил, тоже рабо-

© Владимир Култыгин. Перевод, 2017
Печатается с незначительными сокращениями.

тали. А сам Макунаима муравьев давит и головы им отрывает. Вообще-то из люльки он не вставал, но стоило ему почуять запах денег, как он немедленно топал туда, чтобы и себе пятачок урвать. И еще он очень оживлялся, когда семья в полном сборе отправлялась на речку купаться, все голенькие. В речке он беспрестанно нырял, и тогда женщины весело взвизгивали. В той речке, говорят, водятся крабики, которые то и дело норовят ущипнуть девушек своими клешнями. А когда в деревне какая-нибудь девчушка хотела с ним поиграть, он хватал ее за прелести, и девчушка убегала. Мужчинам он плевал в лицо. Но при том уважал старших и прилежно посещал муру́а, порасэ́, торэ́, бакороро́, кукуйко́гуэ — вот эти все религиозные танцы и обряды племени.

Когда приходило время спать, он забирался в свою люльку да каждый раз забывал пописать. А потому как гамак матери находился как раз под люлькой, герой сливал свой кипяток прямиком на старуху, так что все москиты до утра разлетались, и можно было спокойно спать. И тогда засыпал, и снились ему дурные слова, невиданные непристойности, и от восторга он дрыгал в воздухе ногами.

В своих полуденных разговорах женщины неизменно обсуждали проделки героя. Они весело смеялись, повторяя, что "острый шип с детства колется". А во время одного ритуала главный колдун царь Наго́ произнес речь, в которой торжественно объявил, что герой очень умен.

А когда исполнилось ему шесть лет, дали ему напиться из колокольчика, он на язычок колокольчика посмотрел, да и почувствовал, что у самого язык без костей, так и заговорил, как все. Тогда он сказал матери, чтобы она бросила чистить маниок и отвела его погулять в лес. Мать идти не захотела, потому что маниок сам себя не почистит. Макунаима тогда весь день и всю ночь ныл и хныкал. А поутру, еще затемно, он открыл правый глаз, чтобы не пропустить то мгновение, когда мать начнет дневную работу; и, когда она встала, он проснулся совсем, открыл оба глаза и сказал ей бросить плести корзину и отвести его в лес погулять. Мать отказалась, потому что корзина ведь сама себя не сплетет. Зато тут подвернулась невестка-жена Жиге, — ее и снарядила мать погулять с сыном. Жена Жиге была очень молода, а звалась Софара́. Она с опаской подошла к малому, но на сей раз Макунаима был тих и спокоен и никаких прелестей трогать не собирался. Девушка посадила ребенка на спину и отнесла его к цветущей анинге, что росла на берегу реки. Вода была почти неподвижна и только нежно щекотала листья пальмы жавари. Здесь было красиво, баклаланы и змеешейки летали над водой среди речной травы. Девуш-

ка опустила было Макунаиму на песок, но он принялся хныкать: мол, здесь муравьи! — и попросил Софару отнести его к холму, в лесную чащу. Девушка так и сделала. И как только она опустила малого на сухие листья, в заросли сыти, каладиума и коммелин, в один миг он ударился оземь и обернулся прекрасным принцем. И после этого они долго гуляли.

Когда они вернулись в хижину, девушка выглядела так, будто умаялась столько на спине дите таскать. Ведь герой немало с нею позабавился... Не успела она и положить Макунаиму в гамак, как Жиге вернулся с уловом рыбы и увидел, что подружка так за день ничего и не сработала. Жиге крепко задумался, поискал у себя клещей, а затем задал ей перцу. Софара приняла удары, не проронив ни слова.

Жиге, ни о чем не догадываясь, принялся поутру плести веревку из ананасной травы. Что тут непонятного: он увидел свежий след тапира и теперь хотел поймать зверя в ловушку. Макунаима попросил брата дать ему немного ананасной травы, но Жиге сказал, что это малышам не игрушка. Макунаима вновь ударился в плач, и от его воплей той ночью никто больше не уснул.

На следующее утро Жиге встал пораньше, чтобы доделать ловушку, и, увидев грустного мальчугана, сказал:

— Доброе утро, радость людская.

Но Макунаима только скуксился и отвернулся.

— Что ж ты не хочешь с братом поговорить?

— Я обиделся.

— Почему? Ты чего-то хочешь?

Тогда Макунаима вновь попросил дать ему ананасной травы. Жиге зло зыркнул на него, но все же скомандовал жене, чтоб принесла мальчишке травы. Девушка так и сделала. Макунаима поблагодарил их и отправился к колдуну, чтобы тот свил ему веревку и хорошенько пропитал ее табачным дымом.

Когда все было готово, Макунаима попросил мать оставить маниоковую водку каширй настаиваться самостоятельно и отвести его в лес гулять. Старуха никак не могла бросить работу, но жена Жиге оказалась тут как тут, к вашим услугам. И отправилась в лес, неся малого на закорках.

Тогда она опустила его на сухие листья, на землю, где росли амаранты и бананы, и малыш мигом подрос и превратился в прекрасного принца. Он сказал Софаре подождать немного, и что он тотчас же вернется забавляться, и отправился к месту, где тапиры ходили на водопой, чтоб поставить ловушку.

Вот возвращаются они поздненько с прогулки, а Жиге уже тоже пришел домой. Он поставил свою ловушку на след

тапира в другом месте. А жена его за весь день опять ничего не сработала. Жиге весь пожелтел от злости и, прежде чем поискать клещей, сильно ее избил. Но Софара только сжала покрепче зубы и терпеливо выдержала взбучку.

На другой день, не успели еще первые лучи солнца залезть на верхушки деревьев, Макунаима уже всех разбудил жутким воем: несите! несите с водопоя зверя, которого я поймал!.. Но ему никто-никто не поверил, и все принялись за свою дневную работу.

Макунаима сильно рассердился и попросил Софару сбегать на водопой просто посмотреть. Девушка так и сделала — а когда вернулась, рассказала всем, что в самом деле в ловушке лежит огромный дохлый тапир. Все племя отправилось за добычей, и все говорили, какой же малой умный. Когда Жиге вернулся с пустой ловушкой, все были заняты разделкой тапира. Он вызвался помогать. Когда стали раздавать, Макунаиме он не дал ни куска мяса, только одни кишки. Герой жутко разобиделся и задумал отомстить.

На другой день он попросил Софару отвести его погулять, и они остались в лесу до самой ночи. Стоило мальчику коснуться травы, как он тут же обернулся пылким принцем. Они принялись забавляться. Позабавившись три раза кряду, они побежали по лесу, играя в разные игры. Сначала они играли в салки, потом кто кого защекочет, потом закапывали друг друга в песок, потом жгли на себе солому; много разных игр они перепробовали. Вот Макунаима схватил толстенный ствол резинового дерева и спрятался в воде в корнях пираньего дерева. Когда прибежала Софара, он ударил ее по голове стволом, раскроив ей темечко. Девушка упала к его ногам, содрогаясь от смеха. Тогда она схватила его за ногу. Макунаима томно застонал, не выпуская громадного ствола из рук. Тогда девушка откусила ему большой палец ноги. В ответ Макунаима, содрогаясь от доходящего до рыданий смеха, изрисовал ее тело кровью из ноги. Затем напряг мышцы, запрыгнул на лиану и в несколько прыжков оказался на самой высокой ветке пираньего дерева. Софара полезла за ним. Тонкая веточка, на которой притаился принц, наклонялась под его весом. Когда Софара тоже забралась на верхушку, они позабавились еще раз — почти вися в воздухе. После этого Макунаима захотел еще поиграть с Софарой. В могучем замахе он выгнул все тело, но не рассчитал — ветка сломалась, и оба рухнули вниз, пересчитав все ветки, пока, наконец, не распластались на земле. Очухавшись, герой стал искать девушку, но ее нигде не было. Он подошел было к дереву — посмотреть, вдруг она зацепилась за какую-то ветку. Вдруг над собой, совсем рядом, он услышал ужасное мяуканье ягуара. Ге-

рой от страха шлепнулся на землю и закрыл глаза, чтобы не видеть, как его будут есть. Тогда раздался смех, а Макунаиме на грудь кто-то плюнул — это Софара в него и плюнула. Макунаима принялся бросать в нее камни, и, когда попадал, Софара вопила от возбуждения, вырисовывая своей плещущей кровью орнаменты на его животе. Наконец, один из камней попал девушке по губам и выбил три зуба. Она спрыгнула с ветки и — бах! — приземлилась прямиком на героя, который обхватил ее всем телом, визжа от удовольствия. И они позабавились еще раз.

Уже утренняя звезда Папасе́йя светила на небе, когда девушка вернулась домой, будто бы умаявшись столько дите на спине таскать. Но Жиге уже давно что-то заподозрил, а сегодня следил за ними в лесу и видел и превращение героя, и все остальное. Жиге был дурак. Он разозлился. Он схватил хвост броненосца и вволю надавал им герою по заднице. С тех пор и зовут у нас хвостом броненосца плетку. Крик стоял такой жуткий, что ночь съежилась от страха, а птицы попадали на землю и превратились в камни.

Когда Жиге устал бить, Макунаима побежал на заросшую кустарником поляну, пожевал корень цереуса и вернулся жив-здоров. А Жиге отвел Софару к отцу и, воротясь, уснул, привольно развалившись в гамаке.

Глава 2. Взросление Макунаимы

Жиге был дурак, и на следующий день он явился, ведя за руку девушку. Это была его новая подружка, и звалась она Ирики́. У нее была толстая тугая коса, похожая на початок маиса, в которой она прятала мышку; а еще она беспрестанно наводила красоту. Ирики красила лицо соком попугаевой пальмы и женипапу, а по утрам проводила по губам плодом асаи, так что они становились совсем пурпурными. Потом она смачивала губы соком кайенского лимона, и они оказывались совсем алыми. Тогда Ирики куталась в полосатую хлопковую накидку — черные полоски нарисованы соком пальмы акари́, зеленые — соком пальмы тата́; волосы она мазала соком гуми́рии, вот какая была красавица.

После того как съели пойманного Макунаимой тапира, на деревню чернокожих индейцев обрушился голод. Мужчины приходили с охоты с пустыми руками и рассказами о совершенно заброшенных живностью лесах. Иногда увидишь захудалого броненосца — да и тот померещился! А все оттого, что Маанапе убил однажды на обед дельфина, и тогда жаба кунауару́ по имени Марагвига́на, родоначальница всех дельфинов,

съежилась, исхудала и вконец разозлилась. Она вызвала наводнение, которое уничтожило все запасы маиса. Есть было совсем нечего, закончились даже очистки маниока, и очаг теперь служил не для приготовления пищи, а только для обогрева. Ни кусочка не осталось, чтобы на нем пожарить.

Тогда Макунаима решил развлечься. Он рассказал братцам, что в реке водятся пиябы, жежу́, бриконы, полузубки, — все эти речные рыбы, так что надо скорей идти за ядовитой лианой тимбо́, чтобы травить рыбу! Маанапе возразил:

— Да ведь тимбо давно как закончился весь.

Макунаима как ни в чем не бывало ответил:

— Рядом с той пещерой, где зарыт клад, я видел целые заросли тимбо.

— Ну пойдем, покажешь нам, где это.

И они пошли. Берега реки размыло, и в зарослях водяного ореха было не разобрать, где песок, а где вода. Маанапе и Жиге, оба в грязи с головы до ног, перескакивали с кочки на кочку, но то и дело — трах! — спотыкались и падали в незаметные из-за мутной воды ямы. И с истошными криками выскакивали, как ужаленные, из этих ям, прикрывая руками зад, чтоб уберечься от зловредных кандиру́, которые норовили в него залезть. Макунаима вдоволь посмеялся, наблюдая за обезьяньими ужимками, с которыми братцы выискивали злополучные лианы. Сам он тоже прикидывался, что ищет тимбо, но с места не сходил, осторожно держался на одном островке. Когда братцы проходили мимо него, он сгибался в три погибели и стонал от усталости.

— Отдохнул бы, малой!

Тогда Макунаима уселся на порог реки и заколотил ногами по воде, отгоняя летающих насекомых. А их было много: кусачие мошки, мокрецы, аруру́, комары, москиты, слепни, круглые мошки, мухи — все эти летающие насекомые непрестанно кружили над водой.

Когда уже дело близилось к вечеру, братцы вышли к Макунаиме злющие, ведь за все это время они не нашли ни травинки тимбо. Герой испугался и как будто невзначай спросил:

— Ну что, нашли?

— Да ничего мы не нашли!

— А ведь я точно здесь видел тимбо. Тимбо тоже ведь жить хочется, что уж там... Он узнал, что мы за ним сюда идем, и спрятался под водой. Тимбо ведь тоже жить хочется, он тоже когда-то человеком был.

Братья подивились сообразительности мальчика и вернулись все втроем в хижину.

У Макунаимы от голода уже живот вовсю сводило. На другой день он сказал старушке-матери:

— Мама, кто перенесет наш дом на холмик на том берегу? Кто дом перенесет? Ты закрой глазки, матушка, и спроси.

Старуха так и сделала. Макунаима попросил ее еще покуда не открывать глаз, а сам тем временем перенес все припасы: хижину, стрелы, корзины, мешки, фляги, сита, гамаки — на незатопленный открытый участок лесистого берега на холмике на том берегу реки. Когда старуха открыла глаза, Макунаима уже все перенес, а еще там было много дичи, рыбы, спелых бананов, было еды вдоволь. Тогда она пошла собирать земляные бананы.

— Матушка, не сочти за дерзость, но куда ты рвешь столько бананов?

— Отнесу их твоему братцу Жиге с красавицей Ирики и братцу Маанапе, а то они, бедные, поди, голодают.

Макунаима страшно расстроился. Думал он, думал и наконец сказал старушке:

— Мама, а кто перенесет наш дом на тот затопленный берег, кто перенесет? Ты спроси так, матушка, и глазки закрой.

Старушка сказала, как велел ей сын. Макунаима попросил ее еще покамест не открывать глаза, а тем временем перенес все их пожитки на залитый водой илистый лужок на том берегу. Когда она открыла глаза, все уже стояло как раньше, как будто ничего и с места не сдвигали, да и сама хижина стояла рядом с хижинами братца Маанапе и братца Жиге с Ирики-красавицей. И животы вспухли от голода сильнее прежнего.

Тогда старуха не на шутку разозлилась. Она схватила героя на руки и отправилась прочь. Пройдя через весь лес, они очутились в бескрайнем поле, в степи, которая зовется Иудиным Пустырем. Долго она шла по этому полю, так далеко ушла, что уже было не видать леса, а самому полю конца-края нет, и ничего на нем не растет, не движется, только колышутся деревья кешью. Даже птичка-красноспинка, что умеет петь на разные голоса, не прилетает развеять тоску-печаль. Старушка положила малыша на поле, где он больше не мог расти, и сказала:

— Теперь уходит прочь от тебя твоя матушка. Ты останешься здесь, на пустыре, и больше не вырастешь.

И ушла с глаз долой. Макунаима оглядел пустынную местность и почувствовал, что вот-вот заплачет. Но рядом никого не было, так что и плакать было нечего, — он и не стал плакать. Встал, собрался с духом и потопал вперед, перебирая кривыми ножками. Неделю брел он не разбирая дороги и, наконец, встретил Куррупи́ру с его верным псом Медовиком, которые жарили мясо у своего дома. А Куррупира ведь живет на верхушке пальмы тукум и просит у людей прикурить. Макунаима спросил:

— Дедушка, не дашь ли ты мне мясца поесть?

— Что ж не дать, — ответил Куррупира.

Отрезал от своей ноги кусок, пожарил, дал мальчику и спросил:

— Что ж ты на пустыре-то делаешь, малой?

— Гуляю.

— Да ну!

— Ну да, гуляю...

Тогда Макунаима рассказал, как мать наказала его за то, что он зло поступил с братьями. И когда рассказывал про то, как он перенес дом с благодатных земель туда, где даже зверь не пробегал, заливисто расхохотался. Куррупира взглянул на него и пробурчал:

— Ты, малой, не мальчишка уже, ты не мальчишка... Так только взрослые поступают...

Макунаима поблагодарил Куррупиру и попросил его показать дорогу к деревне чернокожих индейцев. А Куррупира, он же хотел съесть героя, потому указал неверный путь:

— Ты иди вот здесь, мальчик-мужчина, прямо иди вот так, а как пройдешь вон тот пень, сверни налево, повернись там и возвращайся — окажешься прямо под моими кокосами.

Макунаима пошел по дороге, которую указал ему Куррупира, но, когда увидел пень, почесал ногу, пробормотал:

— Ай, как же лень!.. — И пошел напрямик.

Куррупира ждал-ждал, а малой все не возвращался... Тогда чудище взгромоздилось на оленя, который у него заместо коня, ударило его круглой ступней в бок и пустилось в погоню, покрикивая:

— Жаркое из моего мяса! Жаркое из моего мяса!

А мясо отвечало из живота героя:

— Что такое?!

Макунаима ускорил шаг и бегом помчался в кусты каатинги, но Куррупира гнал быстрее, и все стремительнее и стремительнее сокращалось расстояние между чудищем и мальчуганом.

— Жаркое из моего мяса! Жаркое из моего мяса!

А мясо отвечало:

— Что такое?!

Малой в ужасе думал, что же ему делать. А в тот день была назначена лисья свадьба, и старушка Вей, Солнце, просеивала свой свет сквозь сито дождя. Макунаима увидал на дороге лужу, хлебнул мутной водицы и изверг мясо.

— Жаркое из моего мяса! Жаркое из моего мяса! — все кричал Куррупира.

— Что такое?! — отвечало мясо уже из лужи.

Макунаима нырнул в заросли и убежал.

Долго ли он шел, коротко ли, как вдруг услышал из-за большого муравейника голос, как будто какая старушка тихонько поет.

Пошел он на голос и увидел, что это старушка-агути́ делала маниоковую муку в типити́ — мешке, сделанном из листа пальмы жасита́ры.

— Бабуль, не дашь ли мне поесть сладкого маниока?

— Конечно, — ответила старушка. Дала мальчику сладкого маниока и спросила: — А как же ты, внучок, оказался один в этих краях?

— Так, гуляю.

— Да что ты!

— Говорю же, гуляю.

Тогда Макунаима рассказал, как обманул Куррупиру, и громко расхохотался. Старушка-агути посмотрела на него пристально и прокартавила:

— Малой такого не сделает, внусек, малой такого не сделает... Такой басковитый и такой улодец... Но не беда, это я исплавлю.

Зачерпнула она, значит, полнехонек ковш кипящего ядовитого бульона и окатила им малого с ног до головы. Макунаима и ахнуть не успел, как был весь в горячем желтом соке, только на голову не попало — сумел ею вовремя дернуть. Герой чихнул, да так сильно, что шмякнулся оземь. Тогда он стал расти-крепнуть, пока не стал, наконец, ладно скроенным могучим парнем. А голова, на которую не попал бульон, так и осталась насовсем плоской с затылка и с сопливой детской физиономией.

Макунаима поблагодарил старуху за ворожбу и весело устремился в родную деревню. Ночь созвала все жучиное царство, муравьи устлали землю, а в воздухе плясали повылезавшие из воды комары. Было жарко, как в гнезде, где насиживают яйца. Старушка тапаньюмас, мать героя, услышала доносившийся из серого далека голос сына и испугалась. Макунаима предстал перед ней с хмурым лицом и сказал:

— Мама, мне приснилось, что у меня выпал зуб.

— Значит, кто-то из родни помрет, — ответила старушка.

— Так и есть. Тебе жить одно солнце осталось. А все потому, что ты меня родила.

На другой день братья ушли на рыбалку и охоту, старушка отправилась в поле, а Макунаима остался один с подружкой Жиге. Тогда он обернулся муравьем-резальщиком и укусил Ирики, чтобы сделать ей приятно. Но девушка отшвырнула муравья подальше. Тогда Макунаима обернулся помадным де-

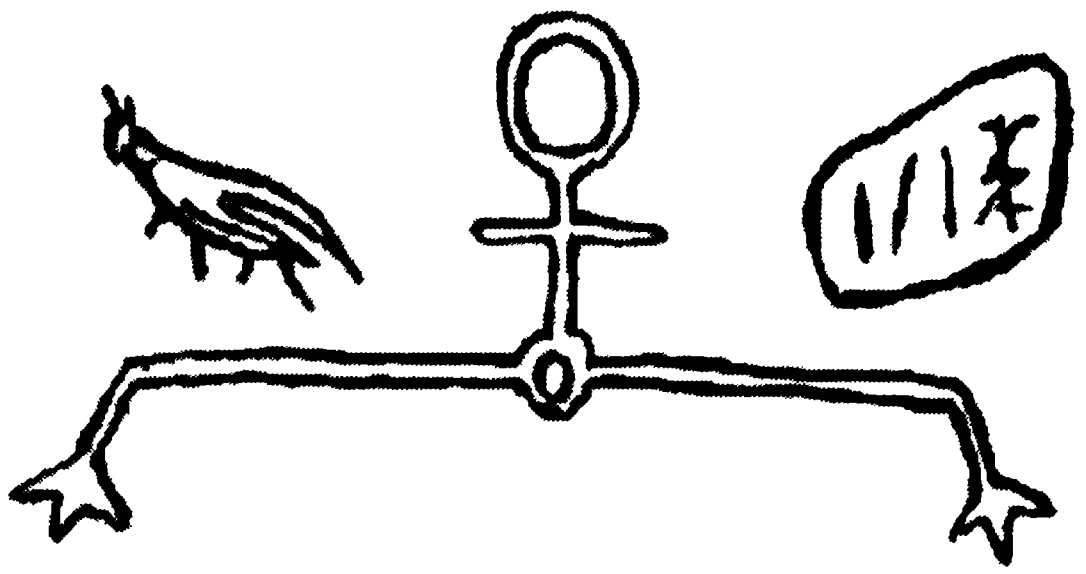
ревом уруку́. Красавица Ирики радостно засмеялась, собрала зерна, вся разукрасилась, намазала лицо и все прочее. Стала писаная красавица. Тогда Макунаима не вытерпел, вновь обернулся человеком и стал жить-поживать с подружкой Жиге.

Когда старшие братья вернулись с охоты, Жиге сразу понял, что его подружка ему изменила, но Маанапе сказал ему, что теперь Макунаима уже насовсем сделался взрослым парнем, причем очень крепким. Маанапе был колдун. Жиге глянул — в хижине было полно еды: были бананы, был маис, был сладкий маниок, был маисовый кисель, был кашири́ — маниоковая водка, было много рыбы: мапара́ и каморинов, консервов из паку́, ламантина с маракуйей, были сахарные яблоки, плоды абиу́, сапоти́ллы, была пасо́ка из оленины и свежее мясо акути́ — вот эти отменные яства и еще многие другие... Жиге решил, что поругаться с братом будет себе дороже, и оставил ему красавицу Ирики. Вздохнул, поискал у себя клещей и уснул, привольно развалившись в гамаке.

На другой день Макунаима, позабавившись спозаранку с красавицей Ирики, отправился погулять. Он прошел все заколдованное пернамбукское Царство Камней и у ворот города Сантарена увидел олениху, только что давшую потомство.

— То-то я на нее поохочусь! — воскликнул он и пустился в погоню. Олениха — раз! — и ускакала, но герой подхватил ее детеныша, который едва мог держаться на ногах, спрятался за толстым стволом москитного дерева и принялся щипать олененка, так что он истошно кричал. Мама олененка вся затряслась, выпучила глаза, встала как вкопанная, развернулась и быстро-быстро побежала обратно, наконец, остановилась напротив дерева, заливаясь горючими слезами. Тогда герой пронзил молодую мать стрелой. Она упала, недолго побрыкалась и, наконец, распласталась по земле. Герой гордился новой победой. Но когда он подошел поближе к олениxе и посмотрел на нее пристально, то не смог сдержать вопля ужаса. Не иначе как Анья́нга наслал это наваждение... Это была вовсе и никакая не олениха, это была совсем даже старушка тапаньюмас, мать героя, это ее Макунаима убил, это она теперь лежала перед ним на земле, вся исцарапанная колючими листьями пальм и иглами громадных кактусов.

Придя в себя, герой первым делом отправился за братьями, и все втроем всю ночь плакали, пили пальмовое пиво олонити и ели рыбный карима́н из забродившего маниока, провожая мать. Рано утром они положили тело старушки в гамак и закопали его под камнем в месте, которое зовется Муравьиным Логовом. Маанапе, а он ведь был ученый — высший класс, сделал надгробную надпись. Вот такую:



Положенное время братья постились, Макунаима все время поста героически жаловался на жизнь. Живот покойницы медленно распухал, пока, наконец, к концу сезона дождей не превратился в большой мягкий холм. Тогда Макунаима дал руку Ирики, Ирики дала руку Маанапе, Маанапе дал руку Жиге, и все вчетвером пошли бродить по свету.

Глава 3. Си, Мать Лесов

Однажды, заплутав в лесных тропах, шли они, вконец измученные жаждой, а поблизости ни речки, ни пруда, ни болотистого игапó. Даже сочный имбý, плод которого набирает вдоволь влаги, там не рос, а меж тем Вей, Солнце, проникнув сквозь листву, нещадно хлестала путников по спине. Они взмокли, как во время ритуала, все участники которого обмазываются с ног до головы пахучим маслом плодов пеки, но продолжали идти. Внезапно Макунаима встал как вкопанный и вскинул руки, делая своим товарищам знак замолчать. Все замерли и не издавали ни звука, словно ночь настала. Ничего не было слышно, но Макунаима прошептал:

— Что-то там есть.

Мужчины оставили красавицу Ирики сидеть на корнях ходячего дерева сумаумы и наводить красоту, а сами стали осторожно продвигаться вперед. Вей уже устала бить своей жаркой плеткой, и через полторы лиги Макунаима оторвался от братьев и наткнулся на спящую женщину. То была Си, Мать Лесов. По ее иссохшей правой груди герой понял, что она принадлежит к племени одиноких женщин, зовущихся икамиа́бами, или амазонками, что обитает на берегах озера Лунное Зеркало, которое находится рядом с рекой Ньямунда́. Женщина была красивая, а ее тело, раскрашенное женипапу, было сплошь покрыто шрамами, истерзано пороками.

Герой прыгнул на нее, чтобы позабавиться. Но Си не хотела забав. Она взяла свое трезубое копье, а Макунаима схватился за нож. Жестокая была схватка! Вопли дерущихся раз-

носились под листвой по всему лесу, а птички съеживались от страха. Ох и досталось же герою! Воительница разбила ему лицо в кровь и вдела копье ему в зад, а у самой ни царапинки. С каждым движением икамиабы[1] герой только сильнее кричал и обливался кровью, так что птицы съеживались в ужасе. Наконец, почуяв, что ему крышка, потому что никак не одолеть ему икамиабу, герой пал на землю и стал отползать, крича братьям:

— Держите меня, а то я ее убью! Держите меня, а то я ее убью!

Братья тотчас подоспели и схватили Си. Маанапе связал ей руки за спиной, а Жиге древком толстого копья ударил ее по макушке. Тогда обессиленная икамиаба рухнула в заросли папоротника. Макунаима дождался, пока она перестанет шевелиться, и позабавился с Матерью Лесов. Тогда слетелись аратинги, зеленокрылые ара, воробьиные попугайчики, туины, амазоны, нандайи — всевозможные попугаи от каждого попугайского племени, чтобы приветствовать Макунаиму, нового Императора Девственного Леса.

И братья продолжили путь с новой попутчицей. Они пересекли город Цветов, миновали реку Горя, прошли под водопадом Счастья, вышли на дорогу Наслаждений и, наконец, прибыли в рощу Радости, что находится в холмах Венесуэлы. Оттуда Макунаима и правил таинственными лесами, пока Си руководила женщинами, что орудуют трезубыми копьями.

Вольготно жилось герою. День-деньской он беззаботно давил кочевых муравьев-тайок и шумно прихлебывал фруктовую настойку пажуари́, а то брал в руки ко́чо и пел под журчание его струн, и леса нежно гудели, убаюкивая змей, клещей, москитов, муравьев и злых богов.

Ночью приходила Си, пахнущая древесным соком, окровавленная после битвы, и забиралась в гамак, который сплела из собственных волос. Они забавлялись и потом смеялись вдвоем весело.

Долго они смеялись, прижимаясь друг к другу. Си была такая ароматная, что у Макунаимы голова кружилась от слабости.

— Ну и ну! Какая же ты душистая, радость моя! — шептал он в наслаждении.

И еще сильнее принюхивался. Тогда такое блаженное изнеможение находило на него, что уж от сна глаза сами закры-

1. Икамиаба — представительница племени женщин-воительниц, обитавшего на территории нынешней Бразилии. Икамиабы не терпели присутствия в племени мужчин и храбро сражались против европейских завоевателей.

вались. Но Матери Лесов все было мало, и тогда она запрокидывала гамак, так что оба оказывались сильнее прижаты друг к другу, и требовала еще забав. Полумертвый от сонливости, вконец измученный, Макунаима забавлялся лишь для того, чтобы не ударить в грязь лицом, но только женщина хотела весело посмеяться с ним, как он устало отмахивался:

— Ай, как же лень!..

И, отвернувшись, сладко засыпал. А Си хотела еще покуда забавляться... Звала его, дразнила... Но герой спал без задних ног. Тогда Мать Лесов брала трезубое копье и колола им своего дружка. Макунаима вскакивал, бешено смеялся и вертелся от щекотки:

— Хватит, прекрасная!

— А вот и не хватит!

— Дай поспать, солнышко...

— Давай позабавимся.

— Ай, как же лень!..

И они еще забавлялись.

Но в те дни, когда Император Девственного Леса особенно налегал на пажуари, Си несладко приходилось с таким пьяницей. Только начнут свои забавы, а герой уж и забыл, чем занят.

— Ну же, герой!

— Ну же что?

— Чего ты остановился?

— Остановился, что?

— Ну вы поглядите, мы тут забавляемся, а он останавливается в самом разгаре!

— Ай, как же лень...

В такие дни Макунаима был не на коне. Поуютнее устроившись в мягких косах подруги, он сладко засыпал.

Тогда Си прибегала к хитроумному приему, чтобы оживить героя. Она бежала в лес нарвать огненной крапивы, а вернувшись, отделывала ею героя и себя. И Макунаима становился могуч как лев. А Си — как львица. И оба забавлялись и забавлялись, охваченные пылкой страстью.

В бессонные ночи забавы становились еще более изобретательными. Когда горючие звезды проливали на землю невыносимо палящее раскаленное масло, лес был словно в огне. Даже птицам не спалось на маисовых полях. Они вертели головой, перелетали с ветки на ветку и — о чудо из чудес — от их нескончаемого щебета, не дававшего спать, казалось, что наступил черный-пречерный рассвет. Гул стоял немыслимый, все запахи усиливались до невозможности, а от жары и вовсе деться было некуда.

Макунаима с размаху шлепал по гамаку, и Си улетала из него прочь. Тогда она просыпалась, поднималась над гамаком и прыгала на героя. Так они и забавлялись. А затем, полностью разбуженные желанием, придумывали новые способы забав.

Шести месяцев не прошло, как Мать Лесов родила краснокожего младенца. Пришли славные мулатки из Баии, из Ресифи, из Риу-Гранди-ду-Норти и из Параибы и вручили Матери Лесов красивый яркий красный бант, ведь она теперь была главной на всех рождественских празднествах. Потом они отправились, довольные и веселые, обратно, танцуя на ходу, и их сопровождали футболисты, жулики, юные бездельники, и вся эта золотая молодежь пела серенады. Макунаима, как положено по обычаю, месяц отдыхал, а вот поститься отказался наотрез. Малыш родился плоскоголовым, а из-за Макунаимы голова становилась еще более плоской, потому что он то и дело трепал его по макушке, приговаривая:

— Сынок, подрастай скорей, поедешь в Сан-Паулу и заработаешь кучу денег.

Все икамиабы души не чаяли в краснокожем ребенке и при первом омовении положили в реку все свои драгоценности, чтобы малыш всегда был богат. Они послали в Боливию за ножницами, а когда ножницы прибыли, воткнули у изголовья люльки, ведь иначе придет Тутý-Марамбá и высосет у ребенка через пупок всю кровь, а у Си откусит большой палец на ноге. Пришел Туту-Марамба, увидел ножницы и промахнулся — облизал дырку от ножниц и ушел восвояси. Теперь с малыша никто глаз не спускал. Послали в Сан-Паулу за знаменитыми шерстяными ботиночками, что делает дона Áна Франсиска ди Алмéйда Лéйти Морáйс, и в Пернамбуку за кружевными чулками “Альпийская роза”, “Цветок Гуабирóбы” и “По тебе страдаю”, сшитыми руками доны Жоакины Лейтóн, известной как Горбатая Ворчунья. Они цедили сок лучших тамариндов из садов владений сестер Лóуро-Виéйра в Óбидус и давали ребенку с этим соком лекарство от глистов. Счастливая, мирная жизнь!.. Но однажды в хижину Императора влетел мрачный филин и залаял по-лисьи, предвещая беду. Макунаима затрясся от ужаса, отогнал москитов и еще крепче приналег на настойку, чтобы отогнать и страх. Пил он, пил, напился и всю ночь проспал. Тогда пришла черная змея мусурáна и принялась сосать единственную живую грудь Си, ни капли молока не оставила. А Жиге так и не удалось подоить ни одной из икамиаб, и оставшийся без кормилицы малыш сосал-сосал на следующий день материнскую грудь, да отравился и помер.

Ангелочка положили в каменный гробик в форме угольной черепахи-жабути, а чтобы блуждающие огни не выели

ему глазки, его закопали прямо посередине деревни под песни, пляски и пальмовое вино.

После церемонии все еще нарядная спутница Макунаимы сняла с себя великолепный талисман-муйракитáн, отдала его Императору и поднялась по лиане в небо. Там Си живет и по сей день, не боясь муравьев, гуляет в прекрасных нарядах и не снимает украшений. Она вся светится, она стала звездой. Теперь она — Бета Центавра.

На другой день Макунаима отправился навестить могилу и увидел, что из тела его сына родилось деревце. О растении тщательно заботились, и выросла из него гуарана́. Из растертых плодов ее делают лекарство от многих болезней, а также напиток, который спасает от жары, что насылает Вей, Солнце.

Глава 4. Змей, который стал Луной

На другой день герой встал ранехонько и, снедаемый тоскою по незабвенной Си, проколол нижнюю губу и вставил в это отверстие талисман, как того требует обычай. К горлу его подступил большущий ком. Он быстро собрал братьев, они попрощались с икамиабами и пустились в путь.

Долго они блуждали по всем этим лесам, которыми теперь правил Макунаима. Повсюду его ждали почести и, где бы он ни появлялся, его сопровождала свита из красных попугаев ара и зеленых попугаев нандайя. Долгие ночи, полные горькой тоски, герой проводил на верхушке дерева асаи, среди плодов, пурпурных, как кровоподтеки на его душе. Там сидел он, все смотрел в небо, на красавицу Си, и все стонал: “Треклятая!”... Тогда совсем невыносимо и горько ему становилось, и он взывал к добрым богам, напевая длинные протяжные песни...

Руда, Руда!
Ты, что иссушаешь дожди,
Сделай так, чтобы ветры моря-океана
Ворвались на мою землю
И тучи прогнали прочь,
И тогда треклятая моя станет
Светить ярко в ясном небе!..
Укроти воды всех рек,
Чтобы я, в них купаясь,
Мог забавляться с моею треклятой,
А она бы в них для меня отражалась!..

Так он пел. А затем слезал с дерева и рыдал на плече Маанапе. Жиге, всхлипывая от печали, подкладывал хворосту в огонь, чтобы герой не замерз. Маанапе, глотая слезы, взывал к белочке Акутипуру́, сове Мурукутуту́, жабе Дукуку́, — ко всем этим хозяевам сна, приговаривая так:

Белочка-агути,
Дай своего сна кусочек
Макунаиме,
Ведь он грустит сильно очень!..

Потом он искал у героя клещей и убаюкивал его. Герой расслаблялся, успокаивался и крепко засыпал.

На другой день путники вновь отправлялись в глухие леса. И неотрывно следовала за Макунаимой свита красных ара и попугаев нандайя.

Шли они, шли, и вот однажды ранним утром, когда заря только-только начинала прогонять темноту, они услышали далекий девичий плач и отправились разузнать, в чем дело. Шли они полторы лиги и, наконец, увидели скалу, плачущую горючими слезами водопада. Макунаима спросил у скалы:

— Ты плачешь? Почему?

— Потому, что кончается на “у”!

— Расскажи, в чем дело.

И скала рассказала, что с нею приключилось.

— Да будет вам известно, что я дочь вождя Мешо-Мешойтики́, что на наречии моего племени означает Ползучка-Ползунок, а сама зовусь Найпи́. Я была самой красивой девушкой племени, и все вожди соседних племен хотели спать в моем гамаке и отведать моего мягкого тела. Но когда они приходили ко мне, я кусала и пинала их ногами того ради, чтобы проверить их силу. Ни один не выдержал, и все они отправились не солоно хлебавши восвояси.

Мое племя находилось под игом черного змея Капе́я, что живет в глубокой темной пещере вместе с большими муравьями. Каждый год в ту пору, когда деревья ипе́, растущие на берегу реки, покрывались желтыми цветами, змей приходил в деревню выбрать невинную деву, которая должна была ночевать с ним в его набитой скелетами пещере.

Тем утром, когда мое тело впервые заплакало кровью, требуя мужской силы, на плетеные пальмовые листья моего шалаша сел филин и прокричал страшным голосом, а потом пришел Капей и выбрал меня. Деревья ипе́ сверкали оттенками желтого, все эти цветы упали на плечи плачущего воина Тицатэ, который служил моему отцу. В деревню пришла пе-

чаль, подобная полчищам черных муравьев, и стало тихо так, что самой тишины не было слышно.

Когда старый колдун вновь вынул из ямы ночную тьму, Тицатэ собрал все упавшие цветы и пришел с ними к моему гамаку в последнюю мою свободную ночь. И тогда я укусила Тицатэ.

Кровь брызнула фонтаном из прокушенного запястья, но юноша не обратил на это никакого внимания, а лишь издал любовный стон и заполнил мне рот цветами, так что я не могла больше кусаться. Тицатэ забрался в гамак, и Найпи служила Тицатэ.

Когда мы позабавились, позабыв самих себя от наслаждения, в лужах крови и на ковре из цветов муравьиного дерева, мой покоритель взвалил меня на плечо, положил меня в лодку, привязанную в потайной заводи, и мы пустились по Буйной реке, убегая от черного змея.

На другой день, когда старый колдун вновь спрятал ночь в яму, Капей пришел за мной в деревню и увидел только пустой окровавленный гамак. Он грозно заревел и бросился за нами в погоню. Он мчался все быстрее и быстрее, уж мы слышали прямо за нами его рев, вот он уже почти догнал нас, и, наконец, воды Буйной реки поднялись до небес от движений черного змея.

Тицатэ от изнеможения уже не мог грести, много крови вытекло из запястья, куда я его укусила. Потому мы не могли больше убегать. Капей схватил меня, перевернул, погадал на яйце и увидел, что я уже служила Тицатэ.

Он, наверное, хотел весь мир порешить от злости... он обратил меня в этот камень, а Тицатэ бросил на берег реки, превратив его в цветок. Вон там растет он, у самого берега, там, в воде, вот он! Это вон та прекрасная понтедерия, вот она машет мне своими листочками. Ее пурпурные цветы — капли крови от моего укуса, кровь эту я заморозила холодом моего водопада.

Капей живет подо мною, беспрестанно проверяя, действительно ли я забавлялась с воином. Да, забавлялась! И я буду плакать на этом камне до конца нескончаемого и тосковать по моему воину Тицатэ...

Водопад прервал свой рассказ. Слезы брызгали на колени Макунаимы, и он, задрожав, всхлипнул.

— Ка... кабы... кабы я встретил сейчас черного-черного змея, я бы убил его на этом самом месте!

Тогда все услышали громогласный рев, и из воды появился Капей. А Капей — это был черный змей. Макунаима принял грозный вид, светясь геройством, и пошел на чудище. Капей

разверз пасть и изверг целую тучу больших ос. Макунаима отчаянно бился и убил их всех. Тогда чудище размахнулось и ударило хвостом с погремушками, но в то же мгновение героя укусил за пятку муравей-древоточец, он согнулся от боли, и тяжеленный хвост змея пролетел над Макунаимой и ударил самого Капея по голове. Тогда чудище заревело громче и попыталось ударить героя в бок. Тот лишь подвинулся, схватил булыжник, размахнулся и — трах! — снес змею голову.

Тело змея унесло потоком, а голова, выпучив огромные ласковые глаза, катилась к своему победителю, чтобы поцеловать ему ноги. Герой испугался и вместе с братьями рванул в лес.

— Иди ко мне, птенчик мой, иди ко мне! — звала голова.

Братья припустили сильней. Пробежав полторы лиги, они обернулись. Голова Капея все еще катилась за ними. Они вновь пустились бегом, а когда устали так, что не могли уже больше бежать, забрались на дерево бакупари́, что растет на берегу реки, и решили ждать, пока голова минует их. Но голова остановилась у подножия дерева и попросила плодов бакупари. Макунаима потряс дерево. Голова собрала упавшие плоды, съела их и попросила еще. Жиге сбросил несколько плодов в реку, но голова наотрез отказалась заходить в воду. Тогда Маанапе изо всех сил размахнулся и забросил один плод далеко-далеко; пока голова катилась за ним, братья спустились с дерева и задали стрекача. Бежали они, бежали и через полторы лиги увидели дом, где жил Хананейский бакалавр. Старик сидел у дверей дома и изучал старинные документы. Макунаима сказал ему:

— Как дела, бакалавр?

— Не так плохо, безвестный странник.

— Дышим свежим воздухом, да?

— C'est vrai[1], как говорят французы.

— Ладно, до скорого, бакалавр, а то мне бежать надо.

И братья вновь пустились бегом. В один миг они оставили позади ракушечные холмы Капуте́ры и Морре́те. Впереди стоял бесхозный дом. Они ворвались внутрь и крепко-накрепко закрыли дверь. Отдышавшись, Макунаима заметил, что потерял талисман, и не на шутку опечалился, ведь это было единственное, что у него оставалось в память о Си. Он было отправился обратно искать камень, но братья не пустили героя. Вскоре прикатилась голова: трах-тарарах! — заколотила она в дверь.

1. Это так (*франц.*). (*Здесь и далее – прим. перев.*)

— Что такое?

— Откройте дверь и впустите меня!

Кайман — и тот не открыл, а наш герой и подавно. И голова не смогла войти. Макунаима же не знал, что голова теперь была в его власти и не могла причинить ему зла. Голова ждала долго-долго, а не дождавшись, стала размышлять, чем ей теперь обернуться. Станет водой — выпьют, муравьем — раздавят, комаром — прихлопнут, поездом — с рельсов сойдет, рекой — на карте отметят... И порешила так: “Стану Луной”. Тогда она крикнула:

— Откройте дверь, я хочу кой-чего взять с собою!

Увидев, что дверь не открывают, Капей стал горько жаловаться. Пришел тарантул, спросил, отчего змеиная плачет голова. Та ответила, что хочет подняться в небо.

— Нить мою Солнце спалит, — ответил паук-огненосец.

Тогда голова созвала черных птиц, и стало темным-темно, как ночью.

— Нити моей в ночи не увидать, — сказал паук-огненосец.

Голова отправилась в Анды за калебасом холода, принесла его и сказала:

— Ты капай по капле каждые полторы лиги, нить и побелеет от инея. В путь?

— Что ж, в путь.

Паук принялся плести нить и расстилать ее по земле. С первым порывом ветра невесомая нить взмыла в небо. Тогда паук-огненосец поднялся по ней и капнул инеем. И пока он плел нить еще выше, нижняя часть стала белой-белой. Тогда голова воскликнула:

— Прощайте, люди добрые, я в небо ухожу!

И стала, поедая нить, подыматься к бескрайним небесным полям. Братья открыли дверь и смотрели, не отрывая глаз. А голова все поднималась и поднималась.

— Ты и в самом деле в небо отправляешься, голова?

— Угу, — промычала она, ведь она цеплялась зубами за нить и не могла открыть рта.

Когда рассвет был уже совсем близко, черный змей Капей поднялся на небо. Он изрядно растолстел, ведь столько паутины съел, и побледнел от изнеможения. Он сильно потел, и пот его падал на землю свежей росой. Луна так холодна именно оттого, что Капей ел ледяную паутину. Капей когда-то был черным змеем, а теперь он — лунная голова в бескрайних небесных полях. С тех пор тарантулы плетут свою паутину ночною порой.

На другой день братья сбегали на берег реки, искали-искали, но тщетно: нигде не было талисмана. Они спросили всех живых существ: черепаху аперéму, мартышку игрунку, ма-

ленького броненосца, ящерицу тегу, водяных и древесных скорпионовых черепах, огромную осу тапиука́бу, ласточку, кукушку, дятла, чачалаку, кассика, птичку, что кричит “Таа́н!”, и ее подружку, что кричит “Таи́н!”, ящерку, что спорит с мышью, рыбу паку, рыбу тукунаре́, рыбу арапаи́му, рыбу куримату, птицу ибиса, птицу йерере́ — всю эту живность; но никто ничего не знал. Тогда братья вновь отправились в путь по дорогам империи. Тяжело давили на сердце тишина и отчаяние. Макунаима то и дело останавливался как вкопанный, думая о треклятой... Как он по ней скучал! Время точно остановилось. Он непрерывно плакал. Слезы, скатывающиеся по детским щекам героя, орошали волосы, что росли на его груди. И он то и дело качал головой и вздыхал:

— Мочи нет, братцы! Сердцу первой любви не забыть — только как же без любимой быть?

И шел дальше. И везде, где он проходил со своею свитой из разноцветных попугаев, ему воздавали почести.

Однажды герой прилег в теньке, пока братья ловили рыбу; мимо проходил Чернокожий Пастушок, приемный сын Девы Марии, которому Макунаима молился каждый день. Он сжалился над несчастным и решил помочь ему — послал ему птичку-невеличку уирапуру́. Герой услышал беспокойный щебет, и птичка села ему на колено. Макунаима замахнулся и отогнал ее. Но минуты не прошло, как он снова услышал щебет, а птичка села ему на живот. А Макунаима больше и ухом не повел. Тогда птичка сладко запела, и Макунаима понял все, что она пела. А пела она о том, что несчастный Макунаима потерял муйракитан на берегу реки, поднимаясь на дерево бакупари. Но печалиться не стоит, пела птичка уирапуру, потому что муйракитан проглотила речная черепаха, а рыбак, которые ее поймал, продал зеленый камень перуанскому купцу по имени Венцесла́в Пье́тро Пье́тра. А разбогатевший хозяин талисмана остановился в роскошном имении в Сан-Паулу, громадном городе, что ласкают воды потока Тьете́.

Пропев все это, птичка хвостиком махнула и упорхнула прочь. Когда братья вернулись с рыбалки, Макунаима объявил им:

— Шел я по дороге, ловил зверя на приманку, и вдруг у меня в боку защекотало. Я хлопнул — а там уховерточка, она-то мне всю правду и рассказала.

И Макунаима рассказал братьям, где находился талисман, и объявил, что собирается отправиться в Сан-Паулу на поиски этого Венцеслава Пьетро Пьетры, чтобы забрать у него похищенную драгоценность.

— ...и пусть на этом самом месте сделает себе гнездо гадюка, если я не верну муйракитан! Хотите, братья, идите со мной, не хотите — лучше одному, чем вместе с кем попало! Ну, я-то упертый, как жаба, и если что-то мне в голову пришло, то я уж буду стоять на своем. Да, я отправлюсь, чтобы просто проверить, правду ли говорит птичка уирапу... то есть — тьфу! — уховертка.

После таких речей Макунаима звучно рассмеялся, представив, как он разыграл птичку. Маанапе и Жиге решили отправиться с ним вместе, хотя бы потому, что за героем нужен был глаз да глаз.

Глава 5. Пъяйман

Едва забрезжил день, Макунаима прыгнул в камышовую лодку и вмиг домчался до устья реки Риу-Негру, чтоб оставить свою совесть на острове Марапата́. Повесил ее высоко-высоко — на самую верхнюю колючку десятиметрового кактуса, чтобы ее не сожрали муравьи. Тогда он вернулся обратно, где его уже дожидались братья, и все трое отправились к левому берегу Солнца.

Много чего произошло во время их пути через каатинги, реки, ручьи, дремучие чащи, пустоши, ущелья, поля белой глины, девственные леса и чудеса сертанов. Макунаима шел с братьями к Сан-Паулу. За все свои прошлые подвиги и свершения герой не накопил ни сентаво, но в глубоких гротах Рораймы были спрятаны сокровища, унаследованные от икамиабы-звезды. Из этих сокровищ Макунаима выделил для путешествия ни много ни мало сорок раз сорок миллионов зерен какао — исконной монеты этих мест — и соорудил из них тьму-тьмущую судов. И величественно и красиво двигалось по реке Арагва́йе это воинство из двухсот каноэ, соприкасаясь бортами, и, как одну большую стрелу, держала их река в своей руке. А впереди Макунаима стоя плыл в своем каноэ и, прищурившись, высматривал город вдали. Он размышлял, кусая пальцы, покрытые бородавками из-за того, что он то и дело указывал на звезду Си. Братья гребли, отгоняя москитов, и с каждым ударом весел зерна какао сталкивались друг с другом, оставляя на коже воды шоколадный след, в котором весело сновали и угощались камуата́, белобрюхие пирапитинги, позолоченные дорады, красноголовые пираканжубы, чернобокие уару́, каменные сомы баку́ и другие речные рыбы.

Как-то раз Вей, Солнце, вылила на братьев столько жару, что пот на их телах стал плотным, словно чешуя, и тогда Макунаима

решил, что неплохо бы наконец помыться. Но в реке искупаться было нельзя, ведь в ней жили прожорливые пираньи, которые выпрыгивали из воды на несколько метров, чтобы откусить друг от друга кусок пожирнее. Тогда Макунаима увидал посреди реки скалу, а в ней — пещеру, полную воды, да такую громадную, точно это был след какого-нибудь великана. К этой-то скале они и пристали. Герой долго бегал по краю пещеры, кричал, что вода холодная, но наконец окунулся и вымылся целиком. А вода в пещере была волшебная — ведь сама пещера была не что иное, как след, оставленный колдуном Сумé, когда он в обличье святого апостола Фомы проповедовал Иисусово Евангелие бразильским индейцам. Когда герой вышел из воды, кожа его стала белой, волосы — светлыми, а глаза — голубыми, вода смыла с него всю черноту. И уже никто не разглядел бы в нем сына черного-пречерного племени тапаньюмас.

Увидев такое чудо, Жиге, недолго думая, бросился в след от ноги Суме. Но вода в нем была уже грязная от черноты героя, и сколь яростно Жиге ни тер свое тело, сколько ни окунался, сколько ни плескал на себя воду, чернота полностью не сходила, и он стал цвета только что отлитой бронзы. Макунаиме стало жаль брата, и он бросился утешать его:

— Смотри-ка, братец Жиге, ты хоть белым не стал, но чернота ушла, да и лучше гнусавым быть, чем без носа жить.

Тогда мыться полез Маанапе, но Жиге успел расплескать почти всю волшебную воду. Оставалось только чуть-чуть на самом дне пещеры, и Маанапе смог вымыть только ладони и ступни. Потому он и остался черным, как настоящий сын племени тапаньюмас. Только ладони да ступни у него теперь красные, потому что он вымыл их в святой воде. Макунаима стал его утешать:

— Не злись, братец Маанапе, не злись, брат Господень Иуда Фаддей еще не так страдал!

Что за великолепное зрелище: на краю залитой Солнцем пещеры три брата — белый, красный и черный — горделиво стоят голышом и смотрят вдаль. Все жители речных зарослей собрались поглазеть. Черный кайман, красный кайман, желтобрюхий кайман, гигантский крокодиловый кайман — все эти кайманы подняли над водой и вытаращили свои каменные глаза. На ветвях инги, анинги, водяного ореха, трубного дерева, пальм и других растущих на берегу деревьев все сорок видов бразильских обезьян: сапажу, саймири, ревуны, коаты, толстые шерстистые обезьяны, бородатые красноспинные сáки, кайрáры смотрели, брызжа слюной от зависти. А птицы, зеленые, желтые, черные, серые, красные, — все самые разноцветные птицы в изумлении рты раскрыли,

да петь забыли. Макунаима рассердился не на шутку. Он звонко хлопнул себя по бокам и крикнул природе:

— Ну, что уставилась!

Тогда вся живность бросилась врассыпную, а трое братьев вновь отправились в путь.

И вот они уже шли по землям, омываемым потоком Тьетé. А в этих землях бурбон льется рекой, и традиционная монета здесь уже не какао, а называется так: деньги, медяки, конту, десятки, милрейсы, пятаки, червонцы, гроши, реалы, пятихатки, полтинники, железяки, цветные бумажки, звонкие, — и товар, которому ползерна какао красная цена, здесь не уступят и за двадцать тысяч зерен. Макунаима всерьез разозлился. Искать работу? Чтоб ему, герою, пришлось работать?..

— Ай, как же лень! — пробормотал он в отчаянии.

Он уже готов был отказаться от похода и вернуться обратно в места, где он был императором. Но брат Маанапе сказал так:

— Хватит уже упрямиться, братец! Мангровое дерево не скорбит по погибшему раку! — черт подери! — не переживай ты так, уж я все улажу!

В штате Сан-Паулу он потратил часть казны на еду, а остальное разменял на Бирже на восемьдесят новеньких конту. Маанапе был колдун. Восемьдесят конту — не так уж много, но, хорошенько подумав, герой наконец сказал братьям:

— Спокойно. Мы уж как-нибудь с этим перебьемся, ведь коли хочешь коня вовсе без изъяна — ходи пешком.

На эти медяки Макунаима и жил.

И вот однажды темной холодной ночью братья добрались до громадного города Сан-Паулу, что раскинулся на брегах потока Тьетé, по которому ходят каноэ. И тут громко закричали, прощаясь с героем, императорские попугаи. И красочная разноцветная свита исчезла вдали, возвращаясь в свои северные леса.

Братья шли теперь по саванне, в которой повсюду росли пальмы инажá, оурикурú, бакáба, мукажá, миритú, тукумáн, но вместо ягод и кокосовых орехов их кроны венчали перья дыма. С неба, белого от постоянного дождя, все звезды сошли на улицы города. Макунаима первым делом пустился на поиски Си. Эх! Ее не забыть ему никогда, ведь она была колдунья и знала, что гамак для забав, сплетенный из ее собственных волос, сделает ее незабываемой. Макунаима искал-искал, но на улицах и площадях встречались ему такие белые, такие белоснежные женщины, такие — просто ахнуть можно!.. У героя аж дух захватывало. Он себя забыл от сладостра-

стия и такой красоты, прикасался к женщинам, приговаривая нежно: “Какие беленькие! какие нежненькие! маниокины дочери!”. Наконец, он отобрал трех и позабавился с ними на странном гамаке, который был поставлен на полу в хижине повыше гор в Паранагуá. А потом — ведь гамак был жесткий — он разлегся поперек на всех трех девушках. Эта ночь стоила ему четыреста медяков.

А утром герой понять ничего не мог. Он проснулся от криков диких зверей, доносившихся снизу, с улиц, и отскакивающих эхом от стен огромных хижин. А та обезьяна, что подняла его почти на крышу этого огромного сарая, в котором он уснул... Что за дивные звери! Какое великое множество хриплых бук, гигантских аистов, огромных говорящих макак, колдовских птиц и жар-змей на потайных тропах, в подземных ходах, на череде холмов, в которых были продырявлены отверстия, из которых выходило множество народу, и все белые-белые, вот уж точно маниокины дети!.. Герой ничегошеньки не понимал. А ведь женщины еще с ночи пытались, смеясь, втолковать ему, что макака — это никакая не макака, что называется она лифт и что это машина. А с утра они объяснили герою, что весь этот шум, гам, свист, крик, визг, топот, рычанье — совсем не то, что кажется, ведь это клаксоны, дверные звонки, свистки, моторы — и все это машины. Пумы — это вовсе никакие не пумы, это “форды”, “хапмобили”, “шевроле”, “доджи”, “мармоны” — и это тоже машины. Муравьеды, жар-змеи, пальмы, на которых вместо плодов растет дым — это грузовики, трамваи, светящаяся реклама, часы, фонари, радиоприемники, мотоциклы, телефоны, столбы линии электропередач, заводские трубы... Это машины, и все, что ни есть в городе, тоже машина и только машина! Герой молча слушал и мотал на ус. И иногда дрожал от страха. И вновь неподвижно сидел, машинально внимал в холодном оцепенении. Его охватило полное зависти уважение к этой поистине сильной богине, женственному Тупану, которого дети маниоки называли Машиной и песнь которой призывнее и громче, чем песни Матери Воды, а ведь она какие пузыри своим голосом по воде пускает.

И тогда герой твердо решил позабавиться с Машиной, чтобы стать императором сынов и дочерей маниоки. Но три девушки громко расхохотались над ним и сказали, что все боги — это всего лишь старые враки, что нет никаких богов и что с машиной не позабавишься, потому что не влезай — убьет. Машина — это никакой не бог, да и женских частей, которые так нравятся герою, у нее нет. Она создана людьми. Она движется от электричества, от огня, от воды, от ветра, от дыма, и люди пользуются силами природы. Даже кайман в такие сказки не

поверил бы, а наш герой — и подавно. Он вскочил с кровати и с громадным размахом развел руки, стукнул — хлоп! — левым локтем по сгибу правой руки, энергично повертел правой ладонью в сторону трех девушек и отправился прочь. Говорят, именно тогда был придуман знаменитый обидный жест.

И герой поселился вместе с братьями в пансионе. От той первой ночи паулистанской любви у него весь рот покрылся белыми волдырями, и он постоянно стонал от боли. И никак это было не вылечить — до тех пор, пока Маанапе не стащил ключик от дарохранительницы и не дал его пососать Макунаиме. Герой пососал, облизал и тут же излечился. Маанапе был хороший колдун.

После этого Макунаима целую неделю не ел и не забавлялся, а только и думал о беспобедных сражениях маниокиных сынов с Машиной. Машина убивает людей, но люди при этом правят Машиной... В смятении он заключил, что маниокины сыны — бессильные хозяева машины, не знающей ни любви, ни отвращения, и что ни маниокины сыны, ни машина не обладают тайным знанием, а иначе не мог объяснить себе все эти злоключения. Вот до чего довела его тоска. А однажды ночью, сидя с братьями на краю балкона, Макунаима объявил:

— В этой борьбе маниокиным сынам не победить машину, а машине не победить маниокиных сынов. У них ничья.

Больше он ничего не заключил, потому что еще не привык к длинным речам; но притом он начал потихоньку и путано, сбиваясь в собственных суждениях, размышлять о том, что Машина — это такой бог, над которым люди на самом деле не имеют никакой власти, потому что они не сделали из нее, например, понятную всем русалку, но при этом она вот она, повсюду и всегда сопровождает человека. Во всей этой путанице ясно был виден один лучик света: это люди на самом деле были машинами, а машины были людьми. Макунаима громко расхохотался. Он стал вновь свободен и доволен, как слон. Тогда он обратил Жиге в машину-телефон, позвонил в кабаре и заказал лангустов и француженок.

На другой день он так утомился от буйных празднеств, что почувствовал страшную тоску. И вспомнил о муйракитане. Герой решил действовать быстро, ведь змею надо убивать с первого удара.

Венцеслав Пьетро Пьетра жил в прекрасном шатре посреди леса в конце улицы Мараньян с видом на Пакаэмбу. Макунаима сказал Маанапе, что пройдется дотуда, чтоб подружиться с Венцеславом Пьетро Пьетрой. Маанапе произнес речь, в которой показал нежелательность такого похода ввиду того, что у купца ноги пятками вперед, а если Бог его так пометил, то это

уж неспроста. Наверняка злобная нечистая сила... Да уж не Пьяйма́н-людоед ли он! Макунаима и слушать не захотел.

— А я все равно пойду. Где меня знают, там меня любят, а где пока не знают — там знакомство будет!

Тогда Маанапе решил пойти вместе с братом.

За купеческим шатром росло высокое дерево Дзалаура-Йег, которое дает любые плоды: кэшью, момбины, амбарелы, манго, ананасы, авокадо, жаботикабы, гравиолы, саподиллы, пальмовые, персики, питанги, гуажиру, что пахнет подмышками негритянки — все эти плоды есть на этом дереве. Братья были голодны. Чтобы их не заметили лакомящиеся плодами птицы и звери, они соорудили на нижних ветвях дерева убежище из срезанных муравьями листьев. Маанапе наказал Макунаиме:

— Смотри, если запоет птица, не повторяй ее песни, братец, иначе плакали все мои советы!

Герой кивнул в знак согласия. Маанапе стрелял из сарбатаны, а Макунаима подбирал из-за убежища падающую дичь. Дичь падала с громким треском, а Макунаима складывал в укрытии тинаму, макак, мику, орангутанов, краксов, пенелоп, криптуреллусов, туканов — всю эту дичь. Но весь этот сырбор заставил Венцеслава Пьетро Пьетру прервать свое дольче фар ньенте, и он вышел посмотреть, что за шум. А Венцеслав Пьетро Пьетра — это был и в самом деле великан-людоед Пьяйман. Он вышел на крыльцо и пропел по-птичьи, как будто вдали птица кричит:

— Огоро́! Огоро! Огоро!

Макунаима тут же повторил:

— Огоро! Огоро! Огоро!

Маанапе понял, что грядет опасность, и тихо сказал герою:

— Прячься, братец!

Герой спрятался за кучей листьев между мертвой дичью и муравьями. И тут-то пришел великан.

— Кто повторил мою песню?

Маанапе сказал:

— Знать не знаю.

— Кто повторил мою песню?

— Знать не знаю.

И так тринадцать раз. Тогда великан сказал:

— Это был человек. Покажи мне его.

Маанапе швырнул великану мертвого тинаму. Пьяйман проглотил тинаму и сказал:

— Это был человек! Покажи мне его!

Маанапе швырнул великану мертвую макаку. Пьяйман проглотил ее и вновь сказал:

— Это был человек! Покажи мне его!

Тогда людоед увидел из-за листвы торчащий мизинец героя и бросил в него стрелу. Раздался протяжный стон, — бах, а-а-а-а-ай! — и Макунаима упал замертво, пораженный стрелой в самое сердце. Великан приказал Маанапе:

— Подавай сюда человека, которого я убил!

Маанапе стал бросать по очереди птиц: хохлатого гокко, сережчатого кракса, перепелов, якана-солнечная спина, но Пьяйман проглотил всех этих птиц и все требовал, чтобы ему подали человека, которого он убил своей стрелой. Маанапе не хотел отдавать брата и продолжал бросать великану птиц и зверей. Долго так продолжалось, и Макунаима тем временем умер. Наконец, Пьяйман закричал дурным голосом:

— Маанапе, внучок ты мой, хватит уже нам с тобой препираться! Подавай сюда человека, которого я убил, а иначе я тебя убью, старый ты пройдоха!

Но Маанапе не хотел отдавать брата. Он схватил разом шесть туш: тинаму, макаку, индюшку жаку, белокрылую индюшку, индийскую курицу и якана-солнечная спина — и бросил их все на землю, крикнув:

— Вот тебе целых шесть, выбирай — не хочу!

Пьяйман разозлился. Он вырвал с корнем четыре толстенных дерева, что растут в разных концах света, и набросился с ними на Маанапе:

— Прочь с дороги, ничтожество! У крокодила шеи нет, а у муравья толстой шкуры! Да я четыре дерева на кончике ногтя держу! Будешь знать, как подложную дичь бросать!

Тогда Маанапе испугался и — бах! — бросил героя на землю. Так Маанапе и Пьяйман изобрели божественную игру труко.

Пьяйман утихомирился:

— Давно бы так.

Тогда он схватил покойника за ноги и потащил за собой в дом. Маанапе в отчаянии слез с дерева. Он уже собрался идти спасать бедного мертвого братца, когда увидел муравьишку-сарарá по имени Камбжик. Муравей спросил:

— Как тебя занесло-то сюда, приятель?

— Я иду за великаном, который убил моего брата.

— Я с тобой пойду.

И Камбжик вылизал всю кровь, что пролилась из тела героя на землю, на траву и на ветви, и пошел впереди Маанапе, показывая ему путь и слизывая оставшиеся капли крови.

Они вошли в дом, пересекли прихожую и столовую, прошли через кухню, вышли на террасу и остановились у двери

сарая. Маанапе зажег лучину из куска коры тамаринда, и они спустились по темной лестнице. На самой двери погреба виднелась последняя капля крови. Дверь была заперта. Маанапе почесал нос и сказал Камбжику:

— Ну а теперь куда?!

Тогда из-под двери вылез клещ Злезле́г и спросил Маанапе:

— А куда тебе надо, приятель?

— Я иду за великаном, который убил моего брата.

Злезлег отвечал:

— Хорошо. Тогда закрой глаза, приятель. — Маанапе закрыл глаза. — А теперь открой, приятель.

Маанапе открыл глаза и увидел, что клещ Злезлег обернулся ключом от английского замка. Он поднял ключ с земли и открыл дверь. Злезлег вновь обернулся клещом и сказал:

— Пьяймана можно уговорить, если вином из верхних бутылок хорошенько его напоить.

И Злезлег исчез. Маанапе вытащил десяток бутылок, открыл их — и повеяло превосходным букетом. Это был знаменитый самогон кьянти. Тогда Маанапе прошел в следующую залу погреба. Там-то и был великан со своей подружкой, непрестанно курящей трубку старой каапо́рой, которая звалась Сеюси и была невероятно прожорлива. Маанапе отдал бутылки Венцеславу Пьетро Пьетре, отсыпал каапоре табаку из Пара́, и парочка забыла обо всем.

Разрубленный на двадцать раз по тридцать мелких кусочков герой барахтался в кипящей поленте. Маанапе выбрал все кусочки и кости и разложил их на цементном полу, чтобы охладить. Когда они остыли, муравей Камбжик выплюнул на них слизанную кровь. Тогда Маанапе завернул каждый окровавленный кусочек в банановые листья, положил их в холщовый мешок и отправился в пансион.

Придя туда, он поставил мешок вертикально на пол и окурил его. Тогда ослабевший Макунаима, пошатываясь, вышел из банановых листьев. Маанапе дал брату попить гуараны, и тот снова стал статным молодцем. Он отогнал москитов и спросил:

— Что со мной было?

— Ну боже ж ты ж мой, я разве тебе не говорил не повторять песню, которую птица пропоет! Говорил, так что ж теперь!..

На другой день Макунаима проснулся со скарлатиной и с тех пор беспрестанно твердил в ознобе, что ему нужна машина-пистолет, чтобы убить Венцеслава Пьетро Пьетру. Едва выздоровев, он отправился к англичанам, чтобы попросить “смит-и-вессон”. Англичане сказали:

— Пистолеты еще зелены, но посмотрим, может, созрели какие ранние.

И они пришли к пистолетному дереву. Англичане сказали герою:

— Ты жди здесь. Если будет падать какой пистолет — лови его. Но ни в коем случае не дай ему упасть на землю!

— Идет.

Англичане потрясли дерево, и упал ранний пистолет. Англичане сказали:

— Этот хорош.

Макунаима поблагодарил их и отправился восвояси. Он хотел, чтобы все поверили, что он говорит по-анлийски, но он даже sweetheart не умел сказать. А братья, те говорили. Маанапе тоже хотел пистолет, пули и виски. Макунаима сказал ему:

— Ты по-английски плохо говоришь, братец Маанапе, придешь, значит, к ним, а они над тобой и подшутят. Ты скажешь: давайте, дескать, пистолет, а они тебе шиш. Давай-ка лучше я схожу.

И герой снова отправился к англичанам. Англичане трясли-трясли пистолетное дерево, но так ни одного пистолета с него и не упало. Тогда они пошли к пульному дереву, потрясли его, и посыпался целый град пуль, которым Макунаима позволил упасть на землю, а потом собрал.

— А теперь виски, — потребовал он.

И они пошли к висковому дереву, англичане стали трясти его, и с дерева свалилось два ящика виски, которые Макунаима поймал на лету. Герой поблагодарил англичан и отправился в пансион. Там он спрятал ящики с виски под кровать и сказал брату:

— Говорил я с ними по-английски, братец, но не было ни пистолетов, ни виски, потому что прошли полчища леопардовых ос и все там подчистили. Зато пули со мной. Вот тебе мой пистолет, если на меня кто-нибудь нападет, сразу стреляй.

И герой превратил Жиге в машину-телефон, позвонил великану и обругал его по матери.

<...>

Глава 7. Макумба

Макунаима был вне себя. Ему все никак не удавалось вернуть муйракитан, а потому он очень сильно злился. Пьяймана, конечно, нужно было убить... Тогда он пошел прочь из города на высокую гору, чтобы там испытать свою силушку. Пройдя полторы лиги, он наконец увидел огромную перóбу. Тогда герой обхватил рукой высокий корень дерева и попытался выдер-

нуть дерево из земли, но лишь увидел, что ветер колышет листву над ним. "Выходит, силушки у меня покамест маловато", — подумал Макунаима. Тогда он вырвал зуб у крысы по имени Кро, сделал порез себе на ноге в напоминание о слабости и окровавленный вернулся в пансион. Он очень расстроился оттого, что еще не набрал силы, и шел такой смущенный и рассеянный, что хватился лбом о входную дверь. От боли у героя звезды в глазах засверкали, и среди них он различил всю в тумане уменьшающуюся Капей. "Когда луна убывает — новое дело никто не начинает", — вздохнул герой, успокоившись.

На другой день сильно похолодало, и герой решил отомстить Венцеславу Пьетро Пьетре и избить его для разогреву. Но ведь силы у него было еще недостаточно, а потому он жуть до чего боялся великана. Так что герой решил сесть на поезд и отправиться в Рио-де-Жанейро, чтобы просить помощи у дьявола Эшу, в честь которого на следующий день была назначена макумба.

Шел месяц июнь, и было очень холодно. Макумба была назначена в Ма́нге, в комнатах тетушки Сиа́ты, бесподобной колдуньи, известной волшебницы и певицы, к тому же игравшей на гитаре. Макунаима пришел в берлогу ровно в двадцать часов, неся под мышкой бутыль кашасы — обязательный входной билет на такие мероприятия. Там уже собралась куча народу: богачи, бедняки, адвокаты, официанты, каменщики, подмастерья, грабители, депутаты — весь этот народ; и уже начиналась молитва. Макунаима, как и все остальные, снял ботинки и носки и проглотил, чтобы уберечься от сглазу, шарик из воска гигантской синей осы и сухого корня ядовитой хуры. Войдя в битком набитую залу, он, то и дело отгоняя москитов, на четвереньках направился приветствовать неподвижно и безмолвно сидевшую на треноге колдунью. Тетушка Сиата была старая худощавая негритянка с изможденным лицом, довольно повидавшая и отмучившаяся на своем веку, ее пышные седые волосы, точно светлый нимб, обрамляли маленькую голову. Никто бы уже не смог разглядеть на этой голове глаза — оставались только кости, клонившие колдунью к вечному сну в сырой земле.

Наконец один парень, про которого говорили, что он сын Ошум — Девы Непорочной, макумба в честь которой собирается в декабре, раздал зажженную свечу каждому из моряков, плотников, журналистов, богачей, прохвостов, женщин, чиновников — а там была целая куча чиновников! — всем этим людям, после чего отключил газовую лампу, которая освещала залу.

И вот макумба наконец началась, и все выстроились в шеренгу, чтобы приветствовать святых. И шли они в таком порядке: первым шел стучавший в атабак негр-ога́н, сын Огуна, озорник и профессиональный гуляка, по имени Олеле́ Руй Барбоза.

Удары в атабак задавали ритм всей процессии. А свечи бросали на стены с обоями в цветочек подрагивающие тени, точно призраки. За оганом шла тетушка Сиата, почти не шевелясь, только губы шептали монотонно молитву. А за нею шли адвокаты, моряки, знахари, поэты, герой, жулики, португальцы, сенаторы — весь этот народ плясал и горланил припев молитвы. Вот так:

— Са-ра-ва́! Приветствуем!..

Тетушка Сиата называла имя святого, которого нужно было приветствовать:

— О Олорун!

И народ отвечал:

— Са-ра-ва́!..

Тетушка Сиата продолжала:

— О Дельфин Тукуши!

И народ отвечал:

— Са-ра-ва́!..

Так и пелась эта однообразная молитва.

— О Йеманжа́! О Нанамбуруку! и Ошун! и три Матери Вод!

— Са-ра-ва́!..

Вот так. А когда тетушка Сиата вдруг громко кричала:

— Выходи, Эшу́! — Потому что Эшу — это злодейский черт, дьявол, который, тем не менее, мог помочь сделать какую-нибудь полезную гадость,

Тогда вся зала ревела:

— Ооом!.. Ооом!.. Эшу! Отец наш, Эшу!.. — и имя черта гулко гудело, и ночь снаружи съеживалась от страха. А хоровод продолжался:

— О царь Нагó!

— Са-ра-ва́!..

Снова спокойно и однообразно.

— О Бару!

— Са-ра-ва́!..

И снова тетушка Сиата внезапно громко кричала:

— Выходи, Эшу! — Потому что Эшу был гуселапый черт, злой амазонский дух.

И снова зала ревела, как буря:

— Ооом!.. Эшу! Отец наш, Эшу!..

И имя черта гулко гудело, и ночь съеживалась от страха.

— О Ошала́!

— Са-ра-ва́!..

Вот так и продолжалась общая молитва. Народ воздал почести всем святым, Белому Дельфину, который дает успех в любовных делах, Шанго́, Омулу, Ирокó, Ошóсси, свирепой Матери-Змее, Обатала́, который дает силу для многих забав, всем этим святым, и приветственный хоровод завершился. Тетушка Сиата

села на треногу в углу, и весь этот потный люд, врачи, хлебопеки, инженеры, юристы, полицейские, служанки, журналюги, убийцы, Макунаима — все они поставили свои свечи на пол вокруг треноги. Свечи нарисовали на потолке портрет неподвижной колдуньи. Почти все уже сняли часть одежды, а потому дышали громко и ртом из-за запаха еды, нечистот, одеколона, духов и пота. И наступило время возлияния. И именно тогда Макунаима впервые попробовал страшный каширi, который называют кашасой. Он шумно хлебнул и громко расхохотался.

После первого глотка начали призывать духов святых, прерывая молитвы новыми глотками. Все беспокойно и горячо желали, чтобы какой-нибудь святой появился этой ночью на макумбе. Уже давно ни один не приходил, как бы люди ни просили. Ведь макумба тетушки Сиаты — это не то, что эти ложные макумбы, на которых всякий раз колдун, чтобы угодить собравшимся, притворялся, будто ему явился Шангó Ошóсси. Макумба тетушки Сиаты была макумба серьезная, и если на ней появлялся какой-нибудь святой, то уж появлялся по-настоящему, без обмана. Тетушка Сиата не позволяла у себя безобразий, и уже двенадцать месяцев не было в Манге ни Огуна, ни Эшу. Все хотели, чтобы пришел Огун. А Макунаима ждал Эшу, чтобы только отомстить Венцеславу Пьетро Пьетре.

Прихлебывая огненную воду, кто на карачках, кто на четвереньках, весь этот полуголый народ, окружив колдунью, молился, чтобы пришел какой-нибудь святой. В полночь все пошли есть козла, голова и ноги которого уже лежали на алтаре, напротив образа Эшу, в виде муравейника с тремя раковинами, изображающими глаза и рот. Козел был умерщвлен во славу черта и засолен в порошке из своих собственных рогов и шпоры боевого петуха. Перекрестившись три раза, колдунья с трепетом принялась за трапезу. Все собравшиеся: продавцы, библиофилы, нищие, академики, банкиры — весь этот народ пел, танцуя вокруг стола:

С веселым треском
Кипящих душ
Пылает в танце
Воинственный муж.
Эх!..
И мунгунзá,
И акасá —
Все для него.
О Йеманжá!
Эх!..

И под разговоры и пляски они съели священного козла, запивая каждый из своей бутылки, потому что из чужой нельзя ни в коем случае, и выпили они много-много! Макунаима постоянно хохотал и внезапно разлил пойло на стол. Он так веселился, а все подумали, что в героя-то в эту священную ночь и вселится святой. Но не тут-то было.

Не успела вновь начаться молитва, как в центр залы выскочила женщина, которая, стеная и плача, призвала всех умолкнуть и начала новую песнь. Все задрожали, а свечи показали на потолке тень этой женщины, скрюченное чудище — это был Эшу! Оган храбро сражался, ударяя по атабаку, чтобы прочертить сумасшедшие ритмы нового гимна, свободного гимна, бешеных нот, игравших в головокружительную чехарду, этот невысокий бойкий малый дрожал от безумного экстаза. А разукрашенная макияжем полячка, разорвав на себе комбинацию, дергалась посреди залы, почти полностью обнажив свои внушительные телеса. Ее груди дрыгались вместе с ней, громко шлепая ее по плечам, по лицу, а затем по животу — бамс! А сама блондинка пела без остановки. Наконец у нее изо рта пошла пена, она вскрикнула не своим голосом, так, что ночь еще больше съежилась от страха, упала на святого и окоченела.

Некоторое время все благоговейно молчали. Тогда тетушка Сиата встала с треноги, которую одна местная девушка тут же заменила на новехонькую скамейку, на которую никто никогда не садился. Колдунья приближалась к центру залы. С нею шел оган. Все остальные встали, неподвижно прижавшись к стенам. Только тетушка Сиата медленно подходила, подходила и, наконец, дошла до тела полячки, лежавшего там, посреди залы. Колдунья сняла одежду и осталась полностью обнаженной, только ожерелья, браслеты, серьги серебряными бусинами стучали по ее костям. Из плошки, которую держал оган, она черпала густую кровь съеденного козла и втирала эту массу в голову дрожащей бабалавó. Но когда она окропила ее зеленоватой жидкостью, тело со стоном распрямилось, и воздух пропитался запахом йода. Тогда колдунья стала напевать монотонную мелодию священной молитвы Эшу.

Когда она закончила читать, женщина на полу открыла глаза и задвигалась совсем по-иному, нежели только что; это была уже не женщина, но конь святого, это был Эшу. Это был Эшу, беспокойный проказник, он пришел, чтобы побыть вместе с народом на макумбе.

Две обнаженные непринужденно и весело плясали в такт похрустыванию костей старухи, хлопанью грудей толстой польки и ритмичному стуку атабака. Все остальные тоже бы-

ли обнажены и ждали, кого Пес выберет сегодня в качестве своего сына. Ужасный танец... Макунаима дрожал, предвкушая, как задаст взбучку Венцеславу Пьетро Пьетре. Внезапно он сорвался с места, вразвалку дошел до Эшу, повалил его наземь и сверху упал сам, смеясь. И посвящение нового сына Эшу получило всеобщее одобрение, и счастливые в своем экстазе собравшиеся отдали почести новому чертенку.

После окончания церемонии дьявол был усажен на треногу, и поклонение началось. Воры, сенаторы, крестьяне, негры, сеньоры, футболисты – одним словом, все собравшиеся через покрывавшую залу блестящую пыль ползли к треноге и, ударив левой стороной лба об пол, целовали колени, целовали все тело воплотившегося злого духа. Покрасневшая полячка дрожала всем телом, из ее рта текла пена, которую всякий приблизившийся ловил большим пальцем, чтобы осенить себя крестным знамением; она издавала глухие стоны то ли боли, то ли наслаждения, а впрочем, она не была уже никакая не полячка, она была теперь Эшу, самым задиристым дьяволенком этой религии.

После того как все вдоволь облобызали-поклонились Эшу и осенили себя крестным знамением, настало время просьб и обещаний. Один мясник попросил, чтобы все покупали у него несвежее мясо, и Эшу согласился исполнить это желание. Один помещик попросил, чтобы в его владениях больше не было муравьев и других напастей, и Эшу рассмеялся, сказав, что такую просьбу никогда не удовлетворит. Один влюбленный попросил, чтобы его малышка получила место в муниципальной школе, чтобы они могли пожениться, и Эшу пообещал, что так и будет. Один врач произнес речь, прося о том, чтобы с изяществом писать на португальском наречии, и Эшу не разрешил. Так-то вот. Наконец, наступил черед Макунаимы, нового сына черта. Макунаима сказал:

– Отец, я пришел к вам с просьбой, потому что я очень зол.

– Как звать тебя? – спросил Эшу.

– Макунаима, – ответил герой.

– Хмм... – протянул глава вечера. – Человеку, чье имя начинается на “Ма”, придется намаяться...

Но все же ласково принял героя и обещал ему исполнить все, о чем он ни попросит, потому что Макунаима был его сыном. И герой попросил Эшу задать перцу Венцеславу Пьетро Пьетре – который на самом деле был великан-людоед Пьяйман.

То, что случилось дальше, было ужасно. Эшу схватил три стебелька мелиссы, освященные попом-отступником, кинул их вверх, перекрестился, призывая естество Венцеслава Пьетро Пьетры войти в тело Эшу, чтобы принять взбучку. Через минуту естество великана прибыло, вошло в тело полячки, и Эшу

сделал сыну знак, чтобы он отдубасил естество, воплощенное теперь в польском теле. Герой схватил палку и принялся от души обхаживать Эшу. Еще как его ухайдокал. Эшу кричал:

— Бей, пожалуйста, несильно,
Ведь мне очень-очень больно!
Меня детки дома ждут,
И мне очень-очень больно!

А потом, весь бордовый от синяков, с окровавленными носом, ртом, ушами, в беспамятстве свалился на пол. Это было ужасное зрелище... Макунаима приказал естеству великана окунуться в соленую кипящую воду, и тело Эшу задымилось на влажном полу. И Макунаима приказал естеству великана пройтись по битому стеклу в зарослях крапивы и ядовитых лиан на морозе от Сан-Паулу до самых утесов Анд, и на теле Эшу появились кровавые следы от осколков стекла и шипов и ожоги от крапивы, и Эшу шумно и тяжело дышал от усталости и дрожал от невыносимого холода. Это было ужасно. И Макунаима приказал, чтобы естество Венцеслава Пьетро Пьетры забодал молодой бык, ударил копытом резвый жеребец, укусил зубастый кайман и искусали сорок раз по сорок тысяч огненных муравьев, и окровавленное тело Эшу задрожало и заизвивалось на полу, на его ноге проступила дорожка из укусов каймана и муравьев, казалось, что с него сняли кожу, подковой коня ему пробило голову, а острый бычий рог пронзил живот. В маленькой зале стоял невыносимый запах. А Эшу стонал:

— Бодай, пожалуйста, несильно,
Ведь мне очень-очень больно!
Меня детки дома ждут,
И мне очень-очень больно!

Макунаима еще много чего такого приказывал, и все естество Венцеслава Пьетро Пьетры претерпело взбучку через тело Эшу. Наконец герой перебрал все возможные виды мести, ничего больше не придумал и остановился. Женщина едва дышала, беспомощно растянувшись на земляном полу. Она затихла в изнеможении. Ужасное было зрелище.

А тем временем во дворце на улице Мараньян в Сан-Паулу царила беготня и неразбериха. Приходили врачи, приехала “скорая”, все были в отчаяньи. Венцеслав Пьетро Пьетра кричал и исходил кровью. На животе у него открылась рана, как если бы его забодали, голова была разбита, как если бы его ударил копытом конь, весь он был зажарен, заморожен, искусан и покрыт синяками и ушибами, как после форменного избиения.

На макумбе все еще стояла жуткая тишина. Вот спокойно встала тетушка Сиата и начала главную молитву дьявола. Это была кощуннейшая из всех молитв, если хоть в слове оши-

бешься в ней — смерть, вот такая молитва Отче Наш Эшу, и вот так она звучала:

— Отче наш обретенный Эшу, ты, который в тринадцатом круге ада внизу слева, мы тебя любим все и будем любить!

— И будем любить! И будем любить!

— ...Отче наш Эшу, даждь нам днесь, и да будет воля твоя, якоже и в домашнем храме отца нашего Эшу, и да будет так всегда, аминь!.. Слава черной отчизне Эшу!

— Слава сыну Эшу!

Макунаима сделал благодарственный жест. Тетушка закончила молитву:

— Шику И-Присну был негритянский князь, который стал отцом нашим Эшу и ныне и во веки веков, да будет так всегда, аминь!

— Да будет так всегда, аминь!

Эшу выздоравливал-поправлялся, все синяки и кровоподтеки, как по волшебству, быстро сходили с его тела, а, когда все вновь достали кружки и стаканы и полилась кашаса, тело полячки вновь стало полностью здоровым. Вдруг все услышали страшный гул и почувствовали запах горящей смолы, а женщина в этот миг выпустила изо рта черный-пречерный клуб дыма. Тогда она полностью оправилась, покраснела, потолстела, только что очень устала, но теперь это была уже только полячка, Эшу ушел совсем.

И под занавес все возрадовались, поели хорошей ветчины и станцевали веселую самбу, подрыгали ногами и вдоволь повеселились. И, наконец, все вновь стало как обычно. И посетители макумбы: Макунаима, Жáйме Овáлле, Додó, Ману Бандейра, Блэз Сандрар, Ашсенсу Феррейра, Раул Бопп — все эти посетители макумбы вышли встречать рассвет.

Глава 8. *Вей, Солнце*

Шел Макунаима, шел и, наконец, увидел высокое-превысокое дерево Воломáн. На одной из его ветвей сидела птичка питигуари, которая, лишь только завидела героя, закричала во всю глотку: “Смотрите, по дороге кто идет! Смотрите, по дороге кто идет!”. Макунаима посмотрел вверх, чтобы поблагодарить питигуари, но, как на грех, дерево Воломан было усеяно самыми разными плодами. Герой уже столько часов не ел, и от вида стольких саподилл, бакури, абрикосов, мукажá, мирити, гуабижу, арбузов, аратикунов, всех этих плодов у него живот свело.

— Воломан, дай мне плода от себя, а то я есть хочу, — попросил Макунаима.

Но дерево не захотело дать герою плода. Тогда герой два раза прокричал:

— Бойойо́-бойойо́! Кизáма-кизу!

Тогда с дерева упали все плоды до единого, и герой насытился. Дерево Воломан пришло в ярость. Оно схватило героя ветвями за ноги и забросило его далеко за залив Гуанабара, на заброшенный островок, где когда-то давно жила нимфа Аламóа, которую привезли с собою голландцы. Макунаима до того устал, что, пока летел, крепко уснул. И, так и не просыпаясь, он упал прямиком под пахучей пальмой гуáйро, на которой сидел гриф урубу.

Но вот урубу приспичило, и он опорожнился прямо на героя. Уже светало, и было жуть как холодно. Макунаима проснулся покрытый гусиной кожей и всем тем, чем обдал его урубу. Все же он встал и тщательно исследовал весь маленький островок в поисках какой-нибудь пещеры, где могло быть зарыто золото. Но пещеры с золотом на островке не было. Ни тебе даже заколдованной серебряной цепочки, которая приносит удачу нашедшему и которых кучу завезли с собой голландцы. А были только рыжие муравьи.

Вскоре появилась Кайюанóгуэ, утренняя звезда. Когда она проходила мимо, Макунаима, уже порядком уставший от долгого житья, попросил, чтобы она забрала его на небо. Кайюаногуэ уже было приблизилась к нему, но герой уж больно вонял.

— Иди-ка ты помойся! — воскликнула она и отправилась восвояси.

Так и появилось выражение “Иди-ка ты помойся!”, которое бразильцы используют, обращаясь к некоторым европейским иммигрантам.

Мимо проходила Капей, Луна. Макунаима крикнул ей:

— Благослови, кумушка Луна!

— Угум... — ответила она.

Тогда он попросил Луну отнести его на остров Маражо. Капей уже было приблизилась к нему, но Макунаима и впрямь вонял невыносимо.

— Иди-ка ты помойся! — сказала она и отправилась восвояси.

Тогда это выражение окончательно закрепилось среди бразильцев.

Макунаима крикнул, чтобы Капей хоть огоньку ему оставила погреться.

— У соседа спроси! — ответила она, показав на Солнце, которое уже появилось вдали в своей лодке, движущейся по бескрайней реке. И Капей отправилась восвояси.

Макунаима весь продрог от холода, и к тому же урубу все не переставал опорожняться на него. Ведь островок-то был

совсем малюсенький. Вей, красная и вся влажная от пота, была уже рядом. А Вей — это Солнце. Макунаима обрадовался, и было отчего: ведь дома у себя он всегда дарил ей куски маниокового пирога, чтобы она их облизывала и сушила.

Вей взяла Макунаиму в свою лодку с парусом ржаво-коричневого цвета, покрашенным плодами муруси, и поручила трем своим дочерям отмыть героя, поискать у него в голове и проверить, чисты ли его ногти. И Макунаима снова стал вымыт, чист и красив. Но только герой и не догадался, что принявшая его старушенция и была Солнце, добрая Солнце-одежда бедняков, — такая она была вся красная и потная. Потому он попросил ее позвать Вей, чтобы она принесла тепла, потому что у него зуб на зуб не попадал от холода. А Вей и была Солнце, к тому же она собиралась сделать Макунаиму своим зятем. Только вот она пока что совсем не могла никого согревать, потому что было еще рано, и у нее не было сил. И чтобы ожидание не было таким долгим, она засвистела по-особому, а три ее дочери принялись гладить героя по голове и щекотать его.

А тот только знай себе весело похохатывал, извиваясь от щекотки. Когда девушки останавливались, он просил, чтобы они продолжали, и извивался сильнее уже от предвкушения. Вей заметила, до чего герой бесстыден, и разозлилась. Она уже не имела никакого желания извергать огонь из своего тела и не хотела никого греть. Но девушки вцепились в мать, крепко связали ее и Макунаиму, который не уставая колотил ее по животу, и, наконец, у старой перечницы сзади вырвалось пламя, и все смогли погреться.

Наступила жарища, которая сперва воцарилась в лодке, а затем распространилась по воде и позолотила прозрачный воздух. Макунаима, развалившись в лодке, грелся в синем мареве. От тишины простор казался еще просторнее и уютнее...

— Ай, как же лень... — вздохнул герой. Было тихо, только слышался шепот волны. Тело Макунаимы сладко затекало, было приятно... Младшая девушка играла на урукунгу, который ее мать принесла из Африки. Реке конца-краю не видать, а высокий небесный свод точно выложен алмазами — ни облачка. Макунаима высоко поднял руки и взял одну ладонь в другую, сделал таким образом себе подушку, а тем временем старшая дочь Солнца отгоняла тучи москитов, а средняя сидела на герое, щекоча косами дрожавший от восторга живот героя. И они уже весело и счастливо смеялись, прерываясь на куплеты песни, которую он пел:

Когда я умру, не плачьте:
Не больно с жизнью прощанье.

Сарара бледнолицый.
Я был зачат злым роком
В темной утробе изгнанья.
Сарара бледнолицый.
Отец мне сказал: “Не познать
Тебе любви и желанья”.
Сарара бледнолицый.
А мать мне надела на шею
Тяжкие бусы страданья.
Сарара бледнолицый.
Зубы готовь, броненосец!
Укроюсь я в пасти твоей.
Сарара бледнолицый.
Самый злосчастный из всех,
Что живут на старой земле.
Сарара бледнолицый...

Какое блаженство... Тело героя казалось золотым от морской соли, и так пахло морем, и так размеренно и плавно гребла Вей, и так приятно щекотали живот женские волосы, ах!.. Макунаима пришел в восторг. “Прелесть! Трах-тибидох, какое же блаженство!” — воскликнул он. И, закрыв дерзкие глаза и не переставая смеяться смехом молодого довольного жизнью нахала, герой наслаждался, наслаждался и наконец заснул.

Когда весло Вей перестало баюкать, Макунаима проснулся. Уже было видно, как поцарапывал небо розовый небоскреб. Лодка причалила к берегу грандиозной деревни Рио-де-Жанейро.

И тут же, от самого берега, начинался сад с длинной-предлинной аллеей, вдоль которой рос бразильский дуб и стояли по обе стороны разноцветные дворцы. А этот сад — это проспект Риу-Бранку. Там-то живет Вей, Солнце, со своими тремя дочерьми. Вей желала, чтобы Макунаима стал ее зятем, ведь он, в конце концов, был герой и часто угощал ее маниоковым пирогом, который она высушивала, так что она сказала так:

— Итак, зятек, ты должен жениться на одной из моих дочерей. В приданое тебе я дам Европу, Францыю и Баию. Но в обмен на то ты должен быть верен моей дочери и не забавляться с другими женщинами.

Макунаима поблагодарил ее и обещал исполнить наказ, даже поклялся памятью матери. Тогда Вей вместе с тремя дочерьми ушла, чтобы в саду рассвело, напомнив Макунаиме еще раз, чтоб не выходил из лодки в поисках, с кем бы позабавиться. Макунаима вновь мамой поклялся, что так и сделает.

Не успели Вей с дочерьми войти в сад, как Макунаима уже захотел пойти позабавиться с какой-нибудь женщиной. Он закурил, но желание не проходило. Там, в саду, среди деревьев, прогуливалось столько женщин, ох, каких женщин, да и так ловко и красиво они двигались.

— А гори оно все огнем! — воскликнул Макунаима. — Я уж не слабак, чтоб страдать от женских капризов!

В голове у него вспыхнул яркий свет. Он встал в лодке во весь рост, обхватил руками родину и торжественно объявил:

— ЗДОРОВЬЯ МАЛО, МНОГО МУРАВЬЕВ — СЕ СУТЬ БРАЗИЛИИ БЕДЫ!

В тот же миг он выпрыгнул из лодки, отправился к образу полкового капитана Святого Антония, чтобы отдать ему честь, а затем принялся кадрить всех женщин, что там были. Наконец встретил одну, которая работала разносчицей рыбы у кума по соседству, и еще пахло от нее, ох! рыбной требухой. Макунаима ей подмигнул, и оба отправились в лодку забавляться. Долго они забавлялись. Теперь они уж весело смеются.

Когда Вей и три ее дочери возвращались после дня, прежде ночи, девушки — они шли перед матерью — увидели, что Макунаима решил позабавиться с португалкой еще раз. Тогда все три дочери света разозлились:

— Так вот, значит, как герои поступают! Тебе что, наша мать, Вей-Солнце, не говорила, что ли, чтоб ты все время сидел в лодке и не забавлялся с другими?!

— Мне так грустно было! — ответил герой.

— Грустно ему было! Тебе сейчас так грустно станет, сразу погрустнеешь! Задаст тебе огоньку наша мать, Солнце!

И они пошли к Вей очень сердитые и нажаловались:

— Смотри, матушка-Солнце, что сделал твой зять! Стоило только нам углубиться в сад, как он сиганул из лодки, запал на какую-то дамочку, привел ее в твою лодку, и они еще и забавляются по самое не хочу! Вот они уже назабавлялись и смеются теперь!

Тогда Вей-Солнце обожглась сама об себя и закричала дурным голосом:

— Так-так-так, душа моя! Я разве не говорила тебе, чтоб ты ни с кем забав не устраивал? Говорила! А ты не только устроил, но и до сих пор забавляешься, да еще и в моей лодке, да еще вы тут смеетесь весело!

— Мне так грустно было! — сказал опять Макунаима.

— Если бы ты меня послушался, сейчас я б выдала за тебя одну из моих дочерей, и ты бы всегда был молод и красив. А теперь ты будешь молод совсем немного — ровно столько, сколько все остальные люди, а потом ты понемногу растеряешь свою молодость и веселье.

Макунаима чуть не заплакал:

— Кабы я знал...

— Если б да кабы — эти святые никому еще не помогли, душа моя! А ты нахал, я погляжу, это да! Не дам я тебе теперь ни одной из своих дочерей!

Тогда Макунаима тоже взъерепенился:

— Да и не нужна мне ни одна из всех трех! Три — черт забери!

Тогда Вей и три ее дочери отправились в гостиницу и оставили Макунаиму спать в лодке с его португалкой.

Когда наступил час рассвета, Солнце и девушки прогуливались по пляжу и увидели, что Макунаима с португалкой все еще спят. Вей разбудила обоих и подарила Макунаиме камень Ватó. А камень Ватó дает огонь всякий раз, как попросишь. И Солнце со своими тремя дочерьми ушли.

Макунаима еще целый день забавлялся с разносчицей рыбы по всему городу. Ночью они уснули на скамейке в районе Фламéнго, и тут пришло жуткое привидение. Это был Мьяникé-Тейбé, он хотел съесть героя. Нос у него был на пальцах рук, уши — на пупе, а глаза — на груди. Вместо одного рта было целых два — на внутренней стороне каждой стопы, откуда пальцы растут. Макунаима проснулся, потому что привидение сильно воняло, вскочил на оленя и умчался прочь из Фламенго. Тогда Мьянике-Тейбе съел разносчицу рыбы и уплелся восвояси.

На другой день Макунаима решил больше не пытать счастья в столице Республики[1]. Он выменял на камень Вато портрет в газете и вернулся в деревню, стоящую на потоке Тьете.

Глава 9. Письмо к Икамиабам

Любезным нашим подданным, сеньорам Амазонкам.
Тридцатое мая тысяча девятьсот двадцать шестого года,
Сан-Паулу.

Любезные дамы,

вас, конечно, немало удивит сие послание и его стиль. Меж тем Мы вынуждены начать эти полные тоски и бесконечной любви строки с неприятного известия. Ибо правда то, что в славном городе Сан-Паулу, — самом большом городе

1. Рио-де-Жанейро был столицей Бразилии до 1955 г. В этом году был выстроен город Бразилиа, являющийся административным и политическим центром страны.

на свете, как говорят его жители, — знают вас не под именем Икамиаб, происхождение коего слова неясно, но под прозвищем Амазонки; и рассказывают о вас, что вы воинственные наездницы и ведете свою родословную из классической Эллады; и вот так называют вас. Сильно опечалили Нас, вашего Императора, такие промахи эрудиции, однако вы сойдетесь с Нами в том, что так, по соприкосновении с почтенной платиной традиции и древней чистотою, ваш облик становится еще более героическим и выдающимся.

Однако Нам не стоит растрачивать ваше драгоценное время, а тем паче смущать ваш разум дурными вестями; посему перейдем тотчас же к рассказу о Наших деяниях в сих краях.

Не прошло еще и пяти солнц с тех пор, как Мы покинули ваши края, когда Нас постигло величайшее несчастье. Одной прекрасной ночью, в майские иды истекшего года, Мы потеряли муйракитан; когда-то его писали “муракитан”; а некоторое ученые, рьяно защищающие необычные этимологии, пишут мюуйракытан и даже — да-да, не смейтесь — муракэ-итан. Знайте же, что это слово, столь привычное для ваших евстахиевых труб, здесь почти неизвестно. В здешних весьма гостеприимных краях даже воины зовутся полицейскими, монахами, охранниками, боксерами, законниками, хулиганами и т. п.; и некоторые из этих терминов суть абсурдные неологизмы, вздорные отходы, которыми невежи и петиметры пятнают добрую лузитанскую речь. Однако у Нас нет времени рассуждать подробно sub tegmine fagi о португальском языке, также называемом лузитанским. Вам, несомненно, интереснее будет узнать, что здешние воины не выбирают себе надменных воинственных дам для супружеской связи, но, напротив, дам любят таких, что доступны в обмен на маленькие летучие листки бумаги, в народе называемые деньгами, в них весь послужной список Цивилизации, к которой сегодня мы имеем честь принадлежать. Итак, слово “муйракитан”, которое уже ранит латинские уши вашего Императора, местным воинам неизвестно, равно как и всем прочим сословиям, населяющим эти земли. Лишь некоторые “лица особо благочестивые и образованные”, как сказал старенький классик, брат Луис ди Соуза, процитированный доктором Руем Барбозою, до сих пор освещают своим вниманием, придавая им весьма посредственную ценность, муйракитаны, происходящие из Азии, а не из ваших пальцев, так старательно натирающих камень.

Мы всё еще пребывали в тоске по потерянному муйракитану, имевшему форму животного из отряда чешуйчатых пресмыкающихся, когда то ли посредством некоего метапсихического импульса, то ли, qui lo sá, через некое здоровое либидо, как объ-

ясняет нам немецкий мудрец доктор Зигмунд Фрейд (а по-нашему Фройди), явился Нам во сне великолепный архангел. От него стало Нам известно, что потерянный талисман обретается теперь в заботливых руках доктора Венцеслава Пьетро Пьетры, подданного вице-королевства Перуанского, явно итальянского происхождения, подобно Кавалка́нти, что обитают в Пернамбуку. А потому как доктор пребывал в славном городе преподобного Аншьеты, Мы сюда немедленно и отправились в поисках похищенного пресмыкающегося. Наши теперешние отношения с доктором Венцеславом наиприятнейшие; и, несомненно, очень скоро вы получите радостную весть о том, что талисман снова с Нами; *для достижения коей цели обращаемся мы к вам за материальной помощью.*

Ибо, милые подданные, не подлежит сомнению тот факт, что Мы, ваш Император, находимся в бедственном положении. Казну, которую Мы взяли из родных мест, пришлось Нам обратить в деньги, которые здесь в ходу; и такие обменные операции, по причине колебаний курса валют и падения какао на бирже, изрядно затруднили Нам поиски пропитания.

Знайте также, что местных женщин покоряют не ударами палки, и сами они забавляются не ради забавы, но лишь под дождем презренного металла, в потоках игристого вина, осененного славным гербом Шампани и в окружении съедобных чудищ, которых в народе называют омарами. И что это за дивные чудища, милые Амазонки!!! Из гладкого подрумяненного панциря, как из каркаса корабля, выходят многочудные веслоподобные руки, щупальца и хвост; а сам сей тяжелый предмет, выложенный на блюде севрского фарфора, предстает перед нами аки египетская трирема, рассекающая воды Нила, несущая на носу бесценное тело Клео́патры.

Обратите внимание, сеньоры Амазонки, на ударение в этом имени собственном, ибо Нас сильно огорчит, если вы не предпочтете, как это сделали Мы, сие произношение, подтверждаемое классическими штудиями, более новому произношению Клеопа́тра, которому малодушно следуют ныне некоторые составители словарей, не понимая того, что оно представляет собою презренный жаргонизм из тех словечек, что тащат сюда с французскою мишурой достойные висельницы смесители языков.

Так вот, это нежное чудище, покорившее самые чувствительные гортани, тянет местных женщин на брачное ложе. *Теперь становится ясно, какого рода материальную помощь мы имеем в виду*: ведь омары очень дороги, дорогие подданные, и некоторых из них приобретали Мы по шестьдесят конту, а то и более, что в переводе на наши традиционные деньги дает

внушительную сумму в восемьдесят миллионов плодов какао... Так что вы можете понять, сколько Мы уже потратили, и что Нам не хватает запасов презренного металла, чтобы забавляться с такими труднодоступными дамами. Мы бы и хотели, пусть это и стоило бы Нам нелегких трудов, удержать свой жаркий пыл, дабы не обременять вас лишними расходами; однако каким же сильным духом нужно обладать, чтобы устоять перед чарами и прелестями сих любезных пастушек!

Они обычно облачаются в переливающиеся бриллиантовым блеском тончайшие ткани, подчеркивающие их стать и едва прикрывающие прелести, а уж тела их обладают непревзойденной красотою, гибкостью и изяществом. Здешние дамы непременно бледны лицом и белы телом; а какие способности они демонстрируют в забавах! Перечислять их здесь было бы, наверное, непристойно, и уж конечно это бы противоречило правилам приличия, которые Императору необходимо соблюдать в общении с девами-подданными. Какая красота! Какая элегантность! Какой cachet! Какое пламенное, огнедышащее, упоительное dégagé!! Мы только о них и думаем, не забывая при этом, естественно, и о муйракитане.

По-Нашему, достойнейшие Амазонки, так вам стоит у них поучиться величественному кокетству, играм и жестам Любви. Вы бы отринули тогда свой Закон гордого одиночества ради более приятных занятий, когда Поцелуй восхищает, Страсть распаляет и вся в лучах славы предстает urbi et orbi нежная сила Odor di Fêmia, как говорят и пишут итальянцы.

И, раз уж Мы остановились на столь деликатном вопросе, прежде чем оставить его, сделаем некоторые дополнительные замечания, которые могут быть вам полезны. Женщины Сан-Паулу, помимо того что они весьма красивы и мудры, не довольствуются одними данными им Природою дарами и совершенством; но с великим усердием заботятся о себе; и до тех пор эта работа не может считаться законченной, пока они не закажут со всех концов света самых великолепных и приятных снадобий и одеяний, которые создала обнаженская, то есть женская, наука былых цивилизаций. Так они позвали учительниц из старушки Европы, особенно из Франции, и с ними выучились проводить время совсем не так, как вы. То они прихорашиваются, проводя целые часы за этим кропотливым занятием, то очаровывают театральные союзы нашего общества, то не занимаются ничем; и проводят погруженные и увлеченные этими трудами весь день, так что возвращаются домой поздно ночью; им едва хватает времени наскоро позабавиться, и они отдаются, как говорится, в объятия Орфея. Однако знайте же, милые сеньоры, что день и ночь здесь сильно разнятся с вашим

военным распорядком: день начинается здесь, когда у вас он в самом разгаре, а ночь — когда вы видите четвертый сон, который, в конце концов, лучше всего восстанавливает силы.

Всему этому паулистанские женщины научились у французских учительниц, а помимо того еще полированию ногтей и их отращиванию, а также, horresco referens, увеличению прочих роговых частей своих законных партнеров. Уж позвольте Нам эту искрометную иронию!

Многое бы могли Мы рассказать вам и о том, как они остригают косы свои столь умилительно и по-мужски, что более похожи на развратной памяти эфебов и Антиноев, чем на матрон, ведущих свой род прямиком от древнеримских. Однако вы сойдетесь во мнении с нами в том, что касается длинных кос, если вспомните, что было сказано ранее; ибо ученые мужи из Сан-Паулу завоевывают желанных своих не силою, но в обмен на злато и омаров, и косы тут уже не нужны; присовокупим к тому же, что таким образом уменьшаются беды, коих причиной являются эти косы, в которых живут и находят себе постоянное пропитание весьма зловредные насекомые, как это часто у вас бывает.

Паулистанским дамам одного только французского воспитания недостаточно, им мало нежностей и кокетства по моде Людовика XV, и они выписывают из самых немыслимых уголков мира что им заблагорассудится, как-то: японских рыбок, индийские рубины, североамериканскую развязность, не говоря уже о прочих навыках и сокровищах со всего света.

Расскажем теперь вам, хотя бы самую малость, о внушительном стаде женщин родом из Польши, которые здесь проживают и многим заправляют. Эти сеньоры весьма оживленны в обращении, а числом их больше, чем песку в море. Как и вы, сеньоры Амазонки, эти дамы образуют гинекей, причем мужчины, обитающие в их домах, суть рабы, обреченные прислуживать. И посему не зовутся они мужчинами, но отзываются на заморского происхождения слово “гарсон”; они вполне вежливы и молчаливы, а одеты всегда в одно и то же траурное платье.

Живут эти дамы, как в замках, все скопом в одном месте, которое здесь называют “кварталом”, или же “пансионами”, или же “дурным районом”; необходимо же отметить, что это последнее выражение не вполне справедливо и не нашло бы себе места в этих строках, если бы Мы не стремились быть как можно более точны в изложении фактов. Однако если, как и вы, сии любезные сеньоры образуют женский клан, они во многом отличаются от вас внешностью, образом жизни и идеалами. Знайте же, что активный период их жизни наступа-

ет ночью, а также они не посвящают себя занятиям, угодным ратному богу Марсу и не прижигают правой груди, а служат лишь Меркурию; что касается грудей, они дают им вырасти подобно громадным упругим плодам, которые, может быть, и не придают им еще большего изящества, но служат условием для многочисленных кропотливых трудов, требующих исключительной добродетели и великого напряжения.

Еще одно отличие их внешности, до некоторой степени чудовищной, хотя и приятной чудовищности, состоит в том, что мозг у них находится в срамных местах, а сердце, как метко говорится на языке мадригалов, в ладонях.

Эти дамы тараторят на многообразных головоломных языках, все много где побывали и прекрасно воспитаны, все они, как одна, весьма послушны; при этом сильно отличаются меж собою, будучи одни из них белокурые, другие темноволосые, одни мэгретки, другие округлые; и столь велики они числом и разнообразием, что у Нас вызывает сомнение, что все они до единой могут происходить из одной только страны. Добавим к тому же, что всем из них дается возбуждающее, хотя и неточное прозвище Француженки. Мы же считаем, что не все из этих дам родом из Польши, но что они говорят не всю правду и на самом деле имеют иберские, италийские, германские, турецкие, аргентинские, перуанские корни и вообще могут происходить из какого угодно пригодного для жизни места обоих полушарий.

Нам было бы очень по душе, сеньоры Амазонки, если бы вы разделили Наше недоверие; и к тому же пригласили бы некоторых из этих дам пожить немного на ваших землях и в Нашей Империи, чтобы поучиться у них современному и более доходному образу жизни, который весьма бы увеличил казну вашего Императора. А если вы не пожелаете отвергнуть свой требующий одиночества Закон, все же нахождение среди вас нескольких сотен этих дам сильно облегчит нам “меру всего” по Нашем возвращении в Империю Девственного Леса; имя коей Империи предложили бы мы сменить на Империю Девственных Рощ, что более соответствует классической традиции.

Но прежде чем завершить обсуждение такого первостепенного вопроса, считаем Мы необходимым предупредить вас об опасности, которую влечет за собою это приобретение, если вы не пустите пожить каких-нибудь ученых мужей в пределы Государства, пока Мы в нем отсутствуем. Ибо эти дамы, обладающие пылкой и вольнолюбивой природою, сильно могут затосковать в вашем неосознанном уединении; а чтобы не растерять знания и навыки, коими зарабатывают себе на хлеб, вполне могут дойти до крайности и прибегнуть

к использованию диких зверей, макак, тапиров и хитроумных кандиру. Но всего сильнее оскорбило бы Наше сознание и благородное чувство долга, если бы вы, подданные Наши, переняли от них некоторые извращения, как то произошло с подругами любезной декламаторши Сапфо на розовом острове Лесбосе, — этот порок не выдерживает критики в свете человеческих возможностей, а скальпеля нерушимой и здравой морали и того менее.

Как видите, Мы с выгодой использовали время Нашего пребывания в славной земле знаменосцев, и, не забывая о Нашем талисмане, Мы все же не жалели ни усилий, ни презренного металла, чтобы выведать самые важные сведения об этой латинской цивилизации, которая, несомненно, будет процветать еще многие века; все это с тем, чтобы, по Нашем возвращении в Девственный Лес, положить начало ряду преобразований, которые должны весьма улучшить Наше существование, а кроме того, преумножат в потомках Нашу славу культурнейшего из культурных народов Вселенной. Поэтому скажем теперь вам кое-что об этом благородном городе, так как намереваемся воздвигнуть такой же в ваших владениях и в Нашей Империи.

Стоит град Сан-Паулу на семи холмах, по классическому образцу Рима, града кесарева, "главы" Латинской цивилизации, от которой происходим и Мы; омывают и целуют стопы его изящные и беспокойные воды реки Тьете. Воды сии великолепны, воздух столь же волшебен, как в Вестфалии или в Валлонии, а владения сего града так равны им в благоприятствии климата и плодородии, что вполне можно утверждать, пользуясь звучным языком хронистов, что на трех ВВВ зиждется городская фауна.

Город столь же прекрасен, как размеренна его жизнь. Он весь иссечен изящно узкими улицами, которые усеяны статуями и примечательнейшими фонарями необычайной работы; все это хитроумно уменьшает пространство, так что в эти артерии не помещается население. Через то достигается эффект великого скопления народа, чье количество можно увеличивать сколько заблагорассудится, что благоприятствует выборам, этому изобретению неподражаемых рудокопов; ко всему прочему, депутатам есть чем заняться, чтобы заслужить почет и всеобщее восхищение; они взрываются красноречием чистейшего стиля и отменной работы.

Вышеозначенные артерии все усеяны летающими клочками бумаги и шустрой плодовой кожурой; но первостепенно — легчайшей пляшущей пылью, в которой распространяются постоянно тысячи разновидностей прожорливых микробов, которые сильно сокращают население. Тем самым, наши предво-

дители разрешили проблему циркуляции: ведь эти насекомые забирают презренные жизни обитателей трущоб, препятствуя увеличению числа безработных и рабочих; и так поддерживается равновесие количества людей. Недовольные тем, что эту пыль поднимают при ходьбе пешеходы и при езде крикливые машины, которые называют автомобилями и трамваями (кое-кто использует слово "Бонди", происходящее из английского языка), прилежные депутаты наняли человекоподобных чудищ, иссиня-монотонных кентавров, называемых собирательным словосочетанием Уборка Улиц, которые per amica silentia lunae, когда прекращается дорожное движение и пыль безобидно лежит, выходят из своих усадеб и вращающимися хвостами, как цилиндрическими метлами, толкаемыми своими мулами, воздымают пыль с асфальта и пробуждают насекомых, призывая их к действию долгими жестами и прекрасными речами. Эти ночные занятия сопровождаются горением зажженных далеко друг от друга огоньков — темнота таким образом становится чуть-чуть менее полной и не мешает делу злодеев и грабителей.

Количество сих последних представляется Нам действительно чрезмерным, и, кажется, это единственная особенность этой земли, которую Мы не можем принять в силу своего характера, являясь от природы ценителем спокойствия и порядка. Но Мы весьма далеки от каких-либо упреков в адрес правителей Сан-Паулу, ибо прекрасно знаем, что благородные паулистане ценят таких злодеев и их злодеяния. Паулистане — народ пылкий и благородный, их привлекают военные тяготы. Они живут в одиночных и коллективных сражениях, вооруженные до зубов; но даже при этом беспорядки здесь случаются довольно часто, и в этих беспорядках сотни бывают сражены на боевой арене, и этих героев называют бандейрантами, или знаменосцами.

По этой же самой причине существует в Сан-Паулу весьма храбрая и многочисленная Полиция. Обитает она в дорого сработанных белокаменных дворцах. Кроме прочего, печется эта Полиция о равномерном распределении неисчислимых золотых запасов Страны; и с таким усердием она занимается этим благим делом, что повсюду загребает государственные деньги, будь то на красочных парадах и маскарадах, будь то в гимнастических салонах достойной Эужении, в которых Мы еще не имели удовольствия побывать; или, наконец, нападая на рассеянных буржуа, которые возвращаются из своих театров, из своих кино или прогуливаются в своих автомобилях по мирным садам, что окружают столицу. Заботится также эта Полиция о развлечении паулистанских детишек, и к пущей

славе этого учреждения да будет сказано, что оно делает это с денным и нощным рвением в парках, ad hoc для этих оказий разбитых, — таких как, например, парк Дона Педру Второго или Сад Просвещения. А когда численность этой Полиции выходит из берегов, ее людей отправляют на далекие и менее плодородные плоскогорья Отечества, чтобы их пожрали там своры великанов-людоедов, коими кишит наша география и коих цель заключается в том, чтобы сравнять с землей честные Правительства; и все это к полному довольству и со всеобщего попустительства населения, как следует из содержимого избирательных урн и бесед на правительственных банкетах. Сии разбойники хватают полицейских, жарят их на вертеле и едят; а упавшие в мать сыру землю кости становятся превосходным удобрением для будущих кофейных плантаций.

Итак, паулистане организованно живут и процветают, поддерживая великолепнейший порядок и прогресс; им хватает времени также и на строительство вместительных лечебниц, в которые съезжаются сюда прокаженные со всей Южной Америки: из Минас-Жерайс, из Параибы, из Перу, Боливии, Чили, Парагвая, которые, прежде чем попасть в эти блистательные лепрозории, где им будут прислуживать женщины сомнительной и упадочной красоты — и именно женщины! — оживляют дороги Штата и улицы столицы громкими конными кортежами или величественными марафонами, являющими собою гордость нашей спортивной расы, чей лик полон кровью с героических римских биг и квадриг!

Но увы, милые сеньоры! Нам еще вполне хватает в этой великой стране забот, связанных с болезнями и паразитами!.. Всё у нас пребывает в огромном беспорядке, мы снедаемы недугами и многоногими насекомыми! Еще чуть-чуть — и мы вновь станем английской или североамериканской колонией!.. Поэтому, а также на вечную память сим паулистанам, единственным достойным людям страны, которых по этой причине называют локомотивами прогресса, Мы потрудились сочинить двустишие, в котором заключена тайна этого несчастья:

ЗДОРОВЬЯ МАЛО, МНОГО МУРАВЬЕВ —
СЕ СУТЬ БРАЗИЛИИ БЕДЫ.

Сие двустишие Мы посчитали необходимым вписать в книгу Почетных посетителей Института Бутантáн во время Нашего посещения сего знаменитого на всю Европу учреждения.

Обитают паулистане в высоченных дворцах пятидесяти, ста, а то и более ста этажей, которые в период размножения

наполняют тучи длинноногих москитов разнообразных видов, что очень по душе приходится местным жителям, так как они кусают господ и дам в нужные места с такой меткостью, что этим господам и дамам уже не требуется жгучей крапивы для возбуждающего массажа, какой в ходу у лесных жителей. Эту заботу берут на себя длинноногие насекомые; и такие творят они чудеса, что в нищих кварталах ежегодно появляется неисчислимое множество буйных мальчишек и девчонок, которых зовем мы итальяшками, коих предназначение в том, чтобы они питали собою фабрики одетых в злато сильных града сего и служили изнеженному досугу Крезов.

Ибо эти и прочие мультимиллионеры возвели вокруг града дюжину тысяч шелковых фабрик, а в разных потайных местах внутри него — известные на весь мир Кафе, все отделанные резьбой по жакаранде и в мозаиках, которые изображают обитающих в соленом море черепах.

И сам Дворец Правительства — весь из золота, подобно дворцам Королевы Адриатики; в серебряных каретах, отделанных изнутри лучшей кожей, прогуливается вечерами, беззаботно улыбаясь, имеющий несколько жен Председатель Правительства.

О многих других великолепных явлениях могли бы Мы вам рассказать, сеньоры Амазонки, коли бы это не удлинило и без того длинного письма; однако скажем утвердительно: это, без всякого сомнения, самый великолепный из земных городов, и Мы многое совершили во благо этих достойных мужей. Но не сносить Нам честного лица, если бы Мы утаили и не рассказали вам самобытной особенности этого народа. Так знайте же, что богатство их умственного выражения таково, что они говорят на одном языке, а пишут на другом. Итак, оказавшись в сих гостеприимных краях, Мы посвятили себя глубокому погружению в этнологию этой земли, и среди множества чудес и удивительных потрясений, которые Мы при этом испытали, отнюдь не меньшим было потрясение, полученное Нами от такой лингвистической оригинальности. В разговоре пользуются паулистане варварским и неоднозначным язычиной, грубым на слух и нечистым в словесном составе, однако же который все же имеет свою прелесть и силу, например, в метабазисах, а также в словах, предназначенных для забав с дамами. И те и другие Мы прилежно и тщательно изучили и с превеликим наслаждением обучим им вас, как только вернемся в ваши края. Но если такой неблагородный язык используется местными жителями для устного разговора, как только берут они в руку перо, то сразу же избавляются от всей грубости, и возникает Гомо Латинус, Человек Латинский, по Линнею, вы-

ражающийся совершенно другим языком, близким к языку Вергилия, как сказал один панегирист, славным языком, который с непобедимой храбростью называют здесь: язык Камоэнса! Вам, несомненно, интересно иметь представление о такой оригинальности и таком богатстве, но еще сильнее вы изумитесь, когда узнаете, что великому и охватывающему почти все население сих земель большинству и этих двух языков не достаточно, и потому обогащаются они самым что ни на есть чистейшим итальянским, к которому прибегают по причине его музыкальности и красоты и который распространен по всем закоулкам града. Обо всем Мы узнали достаточно, слава богам; и с пользою потратили многие часы, рассуждая о том, "зело" или "земля" должны писаться в слове "Бразилия", и о возвратной частице "ся". Кроме того, Мы приобрели множество двуязычных книг, называемых "поводырями", и Малый словарь Лярус; потому мы можем уже цитировать в латинском оригинале многие известные высказывания философов и библейских пророков.

Наконец, дражайшие Амазонки, стоит вам знать и о том, что до таких высот прогресса и сияния цивилизации подняли этот великий град его старейшины, также называемые политиками. Этим словом обозначается славная раса мудрецов, до такой степени непонятная вам, что вы бы назвали их чудовищами. Они и в самом деле чудовища, но чудовища несравненного величия, смелости, мудрости, честности и нравственности; и, хотя они и похожи внешне на человеков, происходят они из расы великих королевских коршунов и весьма мало имеют человеческого. Подчиняются все они императору, на семейном жаргоне называемому Папашей, который проживает в океанском граде Рио-де-Жанейро, самом красивом городе мира, по мнению всех иностранных поэтов, и факт сей Мы удостоверили своими собственными глазами.

Так вот, милые Амазонки и возлюбленные подданные, Мы довольно страдали и прошли через немало непрестанных сильных потрясений, после того как обязанности Нашего положения удалили Нас от Империи Девственного Леса. Здесь повсюду ожидают наслаждения и находки, но не будет Нам никакого удовольствия и отдыха, пока Мы вновь не получим потерянный талисман. Повторим, тем временем, что Наши отношения с господином Венцеславом самые лучшие, что переговоры прекрасно спланированы и идут в нужном русле; а вы вполне можете заранее отправить ту помощь, о которой Мы упомянули выше. Вашему скромному Императору не нужно многого; если вы не сможете отправить игар двести полных плодов какао, отправьте сотню или даже пятьдесят!

Получите же благословение от вашего Императора и пожелание здоровья и братства. Отнеситесь с уваженьем к этим корявым строкам; но, самое главное, не забывайте о помощи и о полячках, все это очень Нам понадобится.

Да хранит Си ваши превосходительства.

Макунаима, Император

Глава 10. Пауи-Подоле

Венцеслав Пьетро Пьетра, весь в кровь избитый, на долгие месяцы оказался прикован к гамаку, в котором лежал, весь обмотанный ватой, как куколка. Как ни крутился Макунаима вокруг его дома, никак не мог подступиться, чтобы забрать муйракитан — великан ведь лежал на шкатулке с ним, придавив его своим весом. Герой было придумал отправить к нему в шлепанцы пару термитов, потому что это смерть, но вот незадача — у Пиаймана ступни развернуты в обратную сторону, и шлепанцев он в жизни не надевал. Этакая закавыка покою Макунаиме не давала, и он день-деньской задумчиво жевал маниоковую лепешку, запивая ее горькой кашасой. В один из таких никчемных дней одну из соседних комнат стал снимать индеец Антониу, знаменитый святой, со своей подругой — Богоматерью. Он заглянул к Макунаиме в гости, там произнес речь и покрестил героя во имя Бога грядущего, который должен будет явиться в образе то ли рыбы, то ли муравьеда. Так Макунаима принял религию Караимоньяга, которая тогда была весьма популярной в Баии.

Коротая дни ожидания, Макунаима подтягивал свои познания в местных языках — устном бразильском и письменном португальском. Он уже выучил все названия. Однажды, устав отмахиваться от полчищ москитов, Макунаима оторвался от зубрежки и пошел в город проветрить мозги. А был День цветов — праздник, который придумали, чтобы воспитывать в бразильском народе щедрость. И чего только в городе не было! Макунаима подолгу как вкопанный стоял у каждой витрины, всматриваясь во все то изобилие, которое они демонстрировали; в них была куча разных тварей, как на холме Эрерэ (который, говорят, где-то на другом конце света называют Араратом) в дни древнего потопа. На какой-то улице героя остановила девушка с корзинкой роз. Она воткнула ему розу в петлицу и сказала:

— С вас один милрейс!

Макунаима ужасно разозлился, потому что не знал, как называется эта дыра на машине “одежда”, в которую девушка воткнула цветок. Эта дыра называется петлицей или бутоньер-

кой, но Макунаима этого слова не знал. Он перебрал в памяти все слова, которые знал, но названия этой дыры так и не вспомнил. На языке у него вертелось — дырка, но на свете есть еще другие дырки, а девушку смущать он не хотел. Есть еще такое слово в письменной речи — "отверстие", но ведь мы не скажем вслух на улице "отверстие". Думал он, думал, да так в размышлениях и дошел от улицы Дирейта, где его остановила девушка, до Сан-Бернарду. Заметив это, он вернулся обратно, заплатил и заявил обиженно:

— Вот вы мне задачку подкинули голову поломать! Чтобы больше никогда не совали эти ваши цветы мне в... в... в эту пуцку!

Макунаима весь дымился от злости. Вот уж он выругался так выругался! Эк завернул. Но девушка не знала, что пуцка — это ругательство, и, пока герой, остывая, возвращался восвояси, она смеялась, повторяя: "Пуцка, пуцка". Она решила, что это новая мода такая. И потом она всем остальным прохожим предлагала засунуть розу в их пуцку. Кто-то соглашался, кто-то нет, но так или иначе, другие девушки с цветами услышали новое слово и стали использовать его, и пуцка так и закрепилась. Больше никто не говорил: бутоньерка, все говорили только пуцка. Пуцка туда, пуцка сюда.

Макунаима всю неделю не находил себе места — не ел, не забавлялся, не спал, так ему хотелось выучить все местные языки. Он то и дело порывался у кого-нибудь спросить, как, в конце-то концов, называется эта дырка в пиджаке, но боялся показаться невеждой и неучем. Наконец наступило ленивое воскресенье, когда отмечали День Южного Креста — новый праздник, который придумали специально для того, чтобы бразильцы больше отдыхали. Утром был парад в Мооке, в полдень отслужили праздничную службу в Корасóн-де-Жесусе, в пять на проспекте Ранжела Пестаньи прошел автопробег с закидыванием автомобилей и прохожих цветами, а к вечеру, после марша депутатов и бездельников по улице 15 Ноября, на Ипиранге, должны были устраивать фейерверк. Ну так вот, Макунаима решил проветриться и пошел посмотреть на фейерверк.

Выйдя из дома, он столкнулся с девушкой. Она была белокурая и вся такая беленькая, как дочка маниоки. Ее звали Фройляйн, у нее была красная раскидистая шапочка, вся усеянная маргаритками, и сама она была такая беленькая и беззащитная... Они пошли смотреть фейерверк вместе.

А в парке было столько водоплюйных машин и столько механического электрического света, что приходилось держаться друг за друга в темноте, чтобы не упасть в обморок от такого очаровательства. Спутница Макунаимы так и сделала, и герой зашептал:

– Красавица... Маниокина дочь!..

Тогда немочка со слезами счастья повернулась к герою и предложила засунуть маргаритку со своей шляпки ему в пуцку. Герой сперва шибко рассердился и уже думал обидеться, но потом сопоставил факты и понял, что весьма умен. И тогда громко расхохотался.

А тем временем слово "пуцка" уже пробивало свой путь в научных журналах, изучающих письменную и устную формы речи; и международное ученое сообщество уже окончательно признало, что по всем законам каталепсиса, эллипса, синкопы, метонимии, метафонии, метатезы, проклитики, протезы, аферезы, апокопы, гаплологии, народной этимологии, по всем этим ученым законам из слова "петлица" должно было появиться слово "пуцка" посредством промежуточного слова – латинского "rabanitius" (петлица – rabanitius – пуцка); ученые мужи уверяют, что, хотя слово "rabanitius" в дошедших до нас средневековых документах не зафиксировано, оно все же, конечно, существовало и активно использовалось в разговорной речи.

И в эту-то самую минуту один размулатистый мулат взгромоздился на статую и принялся увлеченно рассказывать Макунаиме, что же означает этот день – День Южного Креста. На всем громадном поле ночного неба не было видно ни облачка, Капей тоже пока не выходила гулять. Приглядевшись, можно было разглядеть знакомые лица прародителей всех деревьев, всех птиц, всех зверей, а также лица родственников – братьев, отцов, матерей, теток, кумушек, девушек, женщин, и все эти звезды-лица весело подмигивали и блестели серебряным смехом на той земле, где все здоровы и муравьев вовсе нет, – там, на небе! Макунаима благодарно слушал и кивал, соглашаясь с длинной речью рассказчика. Но потом, после многих и многих объяснений и тыканий пальцем в небо, до Макунаимы дошло, что этот самый Южный Крест, в честь которого весь город вышел сегодня гулять и смотреть фейерверк, – не что иное, как четыре звезды, про которые он точно знал, что это Отец Мутуна, что живет на поле небесном. А мутун – птица, которая в доброй латинской традиции носит горделивое имя кракса. Герой не мог дальше слушать такую ересь от мулата и закричал:

– Ну уж нетушки!

– ...Дорогие мои господа и дамы, – продолжал тот, – эти четыре звезды, блестящие в ночном небе нашем, аки горючие слезы, как сказал великий поэт, представляют собой тот самый священный католический Южный Крест, которым...

– Ничего подобного!

– Фью-фью!

– Явственнейший символ нашего...

— Ничего подобного!

— Так его!

— Пшел вон!

— Фью-фью! Фью!..

— ...бо-божественнейший и чудеснейший символ нашего любимого оте-течества, — вот что такое это зага-гадочное небесное Распя-пятие, что...

— Ничего подобного!

— ...что ви-видите вы...

— Ты лапшу нам тут не вешай!

— Своими четы... рьмя ясно блестящими серебря...

— Ничего подобного!

— Ничего подобного! — вторили другие голоса.

Услышав этот гул общественного возмущения, мулат окончательно скис. А меж тем у всех присутствующих, которые продолжали выкрикивать вслед за героем "Ничего подобного", уже чесались руки сотворить в парке бардак. Но Макунаима трясся от священной злобы и ничего не замечал вокруг себя. Он в один прыжок вскочил на голову статуи и начал рассказывать историю Отца Мутуна. Вот как звучало его повествование:

— Ничего подобного! Дорогие дамы и господа! Эти четыре звезды в небе над нами — это Отец Мутуна! Я клянусь вам, дорогие мои, что это Отец Мутуна, он живет там, на бескрайнем поле небесном!.. Дело было в Таком-то лесу, в те времена, когда звери уже не были людьми. Жили не тужили вдали друг от друга два названых брата. Один из них был очень хитер, он звался Кама́н-Пабинке. И вот однажды названый брат Камана-Пабинке пошел в лес, чтобы убить дичи себе на ужин. Во время охоты он увидел Пауи-По́доле и его кума, светлячка Камайуа́. А Пауи-Подоле, друзья мои, это и есть Отец Мутуна. Он отдыхал на верхушке дерева акапу. И вот названый брат колдуна возвращается домой и говорит своей подруге, что видел Пауи-Подоле и его кума, светлячка Камайуа. А ведь и Отец Мутуна, и его кум оба давным-давно когда-то были такими же людьми, как вот мы с вами. Тот человек сказал, что, так и так, он хотел убить Пауи-Подоле стрелой из своей сарбатаны, но стрела не долетела до высокого гнезда Отца Мутуна в кроне дерева акапу. Тогда он взял копье, сделанное из паракуубы и с наконечником из тростника, и отправился на рыбалку. Вскоре, после того как он ушел, в его хижину вошел Каман-Пабинке и сказал жене названого брата:

— Сестра, что тебе рассказал твой дружок?

И сестра рассказала колдуну все, не забыв упомянуть, что Пауи-Подоле жил в гнезде на высоком дереве акапу вместе с ку-

мом — светлячком Камайуа. На другой день Каман-Пабинке с утра пораньше отправился в лес и вскоре услышал, как на верхушке дерева акапу выводит свои трели Отец Мутуна. Тут же колдун обернулся муравьем-резальщиком Илáге и принялся ползти по стволу дерева вверх, но Отец Мутуна увидел муравья и так могуче засвистел, что поднялся сильный ветер, который сдул колдуна с дерева, и тот упал на мягкие листья. Тогда он обернулся муравьем Опалá, что помельче, и вновь пополз вверх. Но Отец Мутуна заметил его и в этот раз, тихонько засвистел, и легким ветерком Опала пал прямо в траву. Наконец, Каман-Пабинке обернулся малюсеньким муравьем Мéге, поднялся по стволу дерева акапу, влез прямиком в ноздрю Отца Мутуна и там его укусил, выплюнув в рану щедрую порцию муравьиной кислоты. Ох ты ж ничего себе! Отец Мутуна от боли забил крыльями что есть мочи и чихнул, чуть не разорвавшись, а вместе с его чихом вылетел и муравей Меге. Только вот колдун Каман-Пабинке до сих пор не может выбраться из тела муравья, так его скрутило от страха. Вот так и досталась нам эта напасть муравьиная... Эх, друзья мои! “Мало здоровья, много муравьев — вот бедствия Бразилии”, — говорил же я...

После того Пауи-Подоле порешил отправиться жить на небо, чтобы не страдать больше от наших муравьев. Так что наутро он попросил своего кума-светлячка посветить ему своими зелеными фонариками, чтобы понятно было, куда лететь. Племянник Камайуа, светлячок Кунавá, полетел впереди, освещая дорогу для дяди, да не забыл попросить брата посветить ему самому. Брат попросил отца, отец попросил мать, мать попросила всех родственников, начальника полиции, участкового и всех-всех-всех — так что целый рой светлячков поднялся в небо, освещая друг другу дорогу. Прилетели они, и так им понравилось на привольном поле небесном, что они там и остались, и больше на землю никогда не спускались. Вон там они — та дорожка света, которая — видите? — идет через все небо. Это Пауи-Подоле, он улетел в небо и там остался. Дорогие мои друзья! Эти четыре звезды в небе — это никакой не Южный Крест, какой уж там Южный Крест! Это Отец Мутуна! Это Отец Мутуна! Друзья мои! Это Отец Мутуна, Пауи-Подоле, он живет там на бескрайнем поле небесном!.. Вот так вот.

Макунаима перевел дух. А толпа внизу благодарно и счастливо загудела, и от этого всеобщего счастья еще ярче заблестел небесный народ — отцы птиц, отцы рыб, отцы насекомых, отцы деревьев, вот эти все знакомцы, которые живут на бескрайнем поле небесном. И в самом деле, огромным было счастье паулистанского люда, восхищенно взирающего на этот народ, на этих отцов всего живущего, которые живут-блестят на небе.

Ведь все эти дива дивные когда-то были людьми и лишь потом стали загадочными дивами дивными, которые породили все живущее. А теперь они звездочки на небе.

Растроганные люди разошлись по домам, на душе у всех полегчало, а в сердце у каждого из них жили ясные и понятные живые звезды. Никто больше не твердил о Дне Южного Креста и не восхищался хитроумной машиной, называемой "фонтан", переплетенной с машиной, называемой "электрический свет". Все отправились домой и не забыли поставить ночной горшок под кровать, ведь они играли с огнем, а кто играет с огнем, тот ночью писается. И вот они отправились спать. И наступила темнота.

В парке оставался один Макунаима, взгромоздившийся на памятник. Тоже растрогавшись, он посмотрел на небо. Какой еще Южный Крест! Ясно же видно невооруженным взглядом, что это Отец Мутуна... И тогда сам Пауи-Подоле улыбнулся ему, благодаря за поддержку. Вдруг он протяжно и громко засвистел, как будто паровоз проехал. Никакой это не паровоз, это птичий свист, да такой, что все огни в парке погасило ветром. Тогда Отец Мутуна помахал герою крылом. Макунаима было помахал в ответ рукой, но птица стремительно умчалась в пыльном тумане в глубину ночного поля небесного.

Глава 11. Прожорливая Сеюси

На другой день герой простыл. Немудрено, ведь он, несмотря на жару, спал одетым, потому что боялся ведьмы южного ветра, которая похищает тех, кто спит голышом. Но хоть и больной, а он все же ужасно гордился своей вечерней речью на статуе. Он еле высидел две недели на больничном, чтобы наконец рассказать народу еще историй. Да вот когда ему получшело, было раннее утро, а ведь известно, что, кто сказку утром говорит, от того и зверь бежит. Поэтому он объявил братьям, что собирается на охоту, и они пошли с ним.

Шли они, шли и, наконец, дошли до леса Богородицы-Здравицы. Герой сказал:

— Здесь в самый раз.

Макунаима указал братьям места, в которых каждый из них должен был ждать, поджег лес и притаился в своей засаде сам, ожидая появления какого-нибудь зверя, чтобы убить его. Но в этом лесу не было никаких зверей. Когда все деревья выгорели, вы что думаете — кайман появился? — так вот ни олень лесной, ни олень степной не проскакал, а только две обгоревшие полудохлые крысы выбежали из-под золы.

Герой, не будь дураком, поймал этих крыс, съел их, оставил братьев в засаде, а сам пошел восвояси.

А вернувшись в пансион, он созвал всех соседей — прислугу, домовладелицу, женщин, машинисток, студентов, чиновников — сколько же в доме, оказывается, чиновников! — всех своих соседей Макунаима созвал, чтобы рассказать им, как он ходил неподалеку в сквер Аро́уше и поймал там двух...

— ...лесных, то есть тьфу, что я говорю, никаких не лесных, а степных оленей, и мы их с братьями там же и съели. Я и вам нес по кусочку, но так торопился, так торопился, что вот на перекрестке поскользнулся, упал, уронил сверток, а там собака пробегала, она сверток схватила и тут же все сожрала.

Слушатели так и ахнули, но никто не поверил герою. Когда вернулись Маанапе и Жиге, соседи пошли к ним и спросили, взаправду ли так было, что Макунаима убил двух степных оленей в сквере Ароуше. Братья лгать не умели, они чертыхнулись и наперебой стали рассказывать, как все было на самом деле:

— Ну прямо, степных, ага! Да наш герой в жизни оленя не убивал! И сегодня мы никаких оленей в глаза не видели. Кот мурлычет — мышам раздолье, господа хорошие! А на самом деле, если знать хотите, Макунаима поймал и съел двух обгоревших полудохлых крыс.

И тут-то до соседей дошло, что герой их просто-напросто обвел вокруг пальца. Они разозлились и всей толпой отправились к нему в комнату требовать объяснений. Макунаима играл на дудочке из ветки папайи, а когда к нему вошли, он прекратил игру и спокойно спросил:

— Ну что же вы теперь ко мне все зашли? Столько народу в одной комнате — задохнуться можно!

Все хором воскликнули:

— Так какого же зверя ты убил, герой?

— Двух лесных оленей.

Тогда все — прислуга, женщины, студенты, чиновники, — все соседи принялись хохотать и подшучивать над Макунаимой. А домовладелица, скрестив руки на необъятной груди, прогремела:

— Но зачем, боже ж ты мой, зачем ты сказал нам, что это были два оленя, когда на самом деле это были две обгоревшие полудохлые крысы?

Макунаима пристально так посмотрел ей в глаза и сказал:

— Я соврал.

Все соседи открыли рты и так с открытыми ртами и стали втихоря расходиться. Маанапе и Жиге переглянулись: вот какой, значит, умный у нас брат! Маанапе все же решил узнать:

— Но зачем же ты соврал, герой?

— Да я не хотел так... Я хотел рассказать про нашу охоту, а потом заметил, что как-то уже вру...

Тут Макунаима отбросил дудочку в сторону, взял погремушку, откашлялся и затянул тоскливую-тоскливую песню, такую тоскливую, что у него слезы с глаз не сходили, пока он пел. А пел он долго, почти весь вечер, пока не стал захлебываться рыданиями. Тогда он отложил и погремушку. За окном вечерний густой туман навевал грусть-печаль. Макунаима вспомнил о незабвенной Си и почувствовал себя еще более несчастным. Он позвал братьев, чтобы предаться с ними воспоминаниям. Маанапе и Жиге сели рядом с ним на кровать и долго говорили о Матери Лесов. А чтобы стало еще тоскливее, они стали говорить о дремучих лесах, туманах, богах и предательских порогах Урарикоэры. Там они родились и впервые рассмеялись в своих люльках... На плетеных из листьев тукума гамаках снаружи хижины сидели гуиры и пели без остановки день и ночь, и было их видов больше пятнадцати тысяч... Более пятнадцати тысяч видов животных сплетались в девственном лесу в одно целое с бесчисленными миллионами видов деревьев... И вот однажды некий бледнолицый принес из земли, в которой живут англичане, готический саквояж с простудой, от которой сейчас так тосковал Макунаима... Эта простуда теперь поселилась в подземной части муравейников, где живут черные муравьи момбуки. С наступлением темноты жара смягчалась, как будто солнце плескалось прохладной водой; чтобы веселее работалось, пели песни; наша матушка превратилась в мягкий холмик в месте, которое называют Муравьиным Логовом... Ай, какая благодатная лень там царила... И три брата наяву услышали тихое бормотание Урарикоэры! Ах, как же там было хорошо... Герой упал навзничь на кровать и зашелся в слезах.

Но вот плакать надоело. Макунаима отогнал москитов и решил отвлечься от грустных мыслей. Первым делом решил обругать великана по матери с помощью нового австралийского загиба. Он обернул Жиге в машину-телефон, но брат все еще недоумевал, как же герой мог соврать, и позвонить не получилось. Аппарат был неисправен. Делать нечего — Макунаима покурил бобов парикá, чтобы что-то приятное приснилось, и сразу заснул.

А наутро вспомнил, что нужно бы братьям отомстить, и решил разыграть их. Он проснулся ранехонько и спрятался в комнате хозяйки, и, чтобы скоротать время, они и позабавились заодно. А потом герой вернулся к себе и с места в карьер затараторил:

— Слушайте, братья, я только что нашел свежий след тапира напротив Биржи!

— Ну прямо так тебе и поверили!

— Ну не хотите, не верьте. Буду я перед вами выделываться!

Неслыханное дело! Вы вот, например, видели, чтобы в центре города кто-то убил тапира? Но делать нечего, братья переглянулись и отправились на охоту вместе с Макунаимой. Пришли, стали искать след, и толпа, наблюдая за ними, — все эти торговцы, челноки, биржевики, финансисты, обдиралы, — наблюдая за тремя братьями, ползающими по асфальту, громко принюхиваясь, тоже принялись искать. Вскоре вся улица ползала по асфальту, как муравьи по муравейнику. И вот ищут они, ищут, а найти-то не могут! Наконец кто-то догадался спросить Макунаиму:

— Это где ж ты углядел след тапира? Никакого здесь следа нет!

А Макунаима знай себе глядит в асфальт, приговаривая:

— Тета́пе дзона́ней пемонэйте хэхэ зетэне нетаите.

Ну что ж делать, вся толпа — братья героя, менялы, коробейники, набожные тетушки и прочие тунеядцы — вновь уткнулись в асфальт в поисках звериного следа. А когда кто-то останавливался и пытался обратиться к Макунаиме, тот, не отрываясь от своего дела, с умным видом охотника неизменно отвечал:

— Тетапе дзонаней пемонэйте хэхэ зетэне нетаите.

Ну и все вновь начинали искать. Вот уже и стемнело, и многим надоело это занятие. Макунаима было завел свое:

— Тетапе дзонаней пемо...

Но ему никто не дал закончить, все закричали в один голос, требуя объяснений, что же означают эти слова. Макунаима охотно ответил:

— Не знаю. В детстве так говорили, когда я маленький был.

В толпе запахло жареным. Макунаима быстро стал извиняться:

— Спокойно, народ! Тетапе хэхэ! Я же не говорил, что след тапира здесь есть, я говорил только, что был. А теперь его нет!

От такого объяснения злость толпы только увеличилась. Один уличный торговец сильно рассердился, а журналист, на которого он в припадке ярости наступил, рассердился еще сильнее. <...> Начинался жуткий шурум-бурум. Макунаима воспользовался заминкой, ноги в руки и на подножку звеневшего мимо трамвая, на котором доехал до великаньего дома.

Венцеслав Пьетро Пьетра потихоньку приходил в себя после взбучки, полученной во время макумбы. В доме было душно от готовящейся поленты, а на улицу южный ветер принес про-

хладу, поэтому великан со своей старухой Сеюси, обеими дочерьми и прислугой, взяли стулья и разместились у входной двери, чтобы понежиться на свежем воздухе. Бинты и вату с великана еще не сняли, и он был похож на ходячий мешок.

По району как раз слонялся малой Ливень. Завидев жмущегося к забору Макунаиму, он остановился недалеко от него и принялся наблюдать. Макунаима рассердился:

— Ну, чего уставился?

— А что это ты там делаешь, а?

— Я пугаю великана Пьяймана с его семейством.

Ливень прыснул со смеху:

— Ну и ну! Да разве великан тебя испугается!

Макунаима взглянул на самодовольного пацана и захотел было показать ему, где раки зимуют. Но вовремя вспомнил: когда разозлишься, пересчитай три раза пуговицы на своей рубашке. Так он и сделал, и злость прошла. Тогда герой предложил:

— Давай-ка с тобой поспорим. Я ответственно заявляю, что Пьяйман уйдет в дом, испугавшись меня. Спрячься-ка вон там да слушай, что они будут говорить.

— Эй, смотри, парень, берегись великана! Не знаешь, что ли, на что он способен? Пьяйман слаб-то слаб, но плошка из-под перцу и пустая чихать заставит... Что ж, давай поспорим, если ты и вправду не боишься.

Пацан обернулся невесомой капелькой и упал на землю рядом с Венцеславом Пьетро Пьетрой, его спутницей, дочерьми и прислугой. Маунаима взял первое ругательство из своей коллекции и бросил его Пьяйману в лицо. Удар пришелся в цель, но Венцеслав Пьетро Пьетра и ухом не повел, точно слон толстокожий. Макунаима взял другое ругательство, еще более страшное, и бросил его в каапору. Ругательство срикошетило, но никто и внимания на него не обратил. Тогда Макунаима обрушил на них всю свою коллекцию ругательств, и было их десять тысяч раз по десять тысяч ругательств. Венцеслав Пьетро Пьетра повернулся к старухе Сеюси и спокойно сказал:

— Есть слова, которых мы еще не знаем, собери-ка их дочкам, глядишь, пригодятся.

Тут Ливень вернулся. Герой спросил его:

— Ну что? Испугались или нет?

— Какое там испугались! Великан даже отдал новые ругательства дочерям, чтоб развлекались. А вот меня они боятся. Спорим? Давай туда — и слушай, что будет.

Макунаима обернулся качипа́рой — самцом муравья-саувы — и забурился в обволакивающую великана вату. А Ливень оседлал идущее мимо облачко и, когда оно пролетало над ве-

ликаном, принялся на него писать. И мелкие капли застлали воздух густым полотном. Увидев такой потоп, великан не на шутку испугался,

— Пойдем-ка внутрь, семейство!

И все семейство бегом скрылось внутри дома. Тогда Ливень спрыгнул с облака и сказал Макунаиме:

— Ну вот видишь теперь?

Так и посейчас. Семья великана боится мелкого ливня, но совсем не боится ругательств.

Макунаима весь вскипел со злости, но сдержался и спросил:

— Скажи-ка мне вот что: ты знаешь язык я-па-зык-пык?

— Слыхом не слыхивал!

— Ну так вот, пацан: и-пи-ди-пи-вжо-по-пу-пу!

И герой направился восвояси. <...>

На другой день Макунаима объявил братьям, что собирается идти ловить рыбу на реке Тьете. Маанапе предостерег брата:

— Герой, не ходи туда сегодня, там старуха Сеюси, жена великана. Она тебя поджидает, чтобы съесть!

— Я все водопады переплыл, всего насмотрелся, нечего больше бояться! — ответил Макунаима и хлопнул дверью.

Только-только успел он затаиться на лежанке в ветвях прибрежного дерева, а каапора-кикимора Сеюси уже тут как тут — самодельной сетью рыбачит. Сеюси как увидела в воде отражение Макунаимы — немедленно бросила в то место сеть. Но только это было отражение, а не Макунаима, так что ничего она не поймала. А герой весь дрожит от страха, только сказал в благодарность, что пронесло:

— День добрый, бабуля.

Старуха посмотрела вверх и увидела Макунаиму, лежавшего в ветвях.

— Иди-ка сюда, внучок.

— Не пойду к тебе.

— Ну тогда я нашлю на тебя ос.

Сказано — сделано. Но Макунаима тоже не лыком шит — он схватил фляжку с соком дерева гуапуруву, вылил ее на приближавшийся рой ос, все осы и попадали.

— Слезай, внучок, а не то я муравьев отправлю тебя снимать!

Сказано — сделано. Муравьи вцепились зубами в Макунаиму, и он свалился прямиком в воду. Там-то старуха его уже выловила сетью, крепко сеть связала и отправилась с этим узелком к себе домой. Открыла дверь, оставила узелок под лампой с красным абажуром и отправилась за старшей дочерью, своей любимицей, покладистой и послушной девушкой,

чтобы им вдвоем героя съесть. Но дочь была занята — так она была покладиста и хозяйственна, что не могла оторваться от своего занятия. Старуха, чтобы время скоротать, пошла разводить огонь. А у нее была ее младшая дочь, совсем не покладистая и не послушная. Она сидела в кухне, томно вздыхала и смотрела, как старуха огонь разводит. Она подумала: “Мама, когда приходит с рыбалки, всегда показывает, что принесла, а сегодня не показала. Пойду посмотрю, что там”. Она развязала сеть, а там молодец-красавец. Он вскочил и сказал:

— Спрячь меня!

У девушки было доброе сердце, потому что она давно ничем и никем не занятая была. Отвела его к себе, вот и позабавились — вот уже и смеются весело.

Тем временем и вода закипела в котле у старухи. Сеюси взяла старшую покладистую дочь, чтобы вместе ощипать пойманного гуся, да вот незадача — сеть есть, а гусь исчез. Каапора-кикимора догадалась:

— Это, наверное, младшая моя дочь, уж слишком она добра к людям!..

Пошла к младшей дочери, стучится к ней в дверь:

— Доченька моя младшая, отдавай-ка мне моего гуся, а не то отправляйся навсегда на все четыре стороны!

Девушка не на шутку испугалась и заставила Макунаиму просунуть в щель между дверью и полом двадцать милрейсов, чтобы удовлетворить аппетит мамаши-обжоры. Макунаима от страха просунул сотню, и они тут же обернулись куропатками, омарами, окунями, парфюмерными флаконами и икрой. Обжора проглотила все это разом и потребовала еще. Тогда Макунаима просунул миллион. Миллион тут же стал омарами, кроликами, мясом, кружевами, грибами, лягушками, а старуха все ела, ела и требовала добавки. Тогда добрая девушка открыла окно с видом на пустынный Пакаэмбу, встала в оконный проем и сказала Макунаиме:

— Я загадаю тебе три загадки, и, если ты их отгадаешь, я отпущу тебя. Что это такое: длинное, цилиндрическое и с отверстием, когда входит, оно твердое и сухое, а когда выходит — мягкое и мокрое, а еще оно приятное на вкус и не непристойное?

— Ох, ну ты и шалунья! Это разве не непристойность?

— Дурачок! Это макароны!

— Нуу... Может быть. Забавно, да?

— А теперь отгадай вот это: Где у женщин самые вьющиеся волосы?

— О, вот это я знаю! Вот где!

— Проказник! Это в Африке!

— Покажи-ка, где это у тебя!

— Ну а теперь последнее. Скажи, о чем тут говорится: ночью мы любим так: волос смыкается с волосом, голое внутри остается.

Макунаима сказал:

— Ну и ну! Кто же этого не знает! Но смотри ж ты, я и не думал, что ты такая бесстыдница!

— Угадал! Ведь это же про сон, когда волоски ресниц соприкасаются и закрывают собой обнаженный глаз — ты же об этом подумал, правда? А если бы ты не отгадал хотя бы одну загадку, мне бы пришлось тебя отдать моей ненасытной матери. Ну а теперь беги отсюда без оглядки, мать меня прогонит, а я на небо убегу с Луной играть в прятки. За углом дома ты увидишь конюшню с конями. Садись на темно-гнедого — он тебя до места довезет до любого. Хороший это конь. В пути ты, может быть, услышишь, как птица кричит: "Бибип! Бибип!" — это старушка Сеюси, значит, тебя нагоняет. Ну а теперь беги отсюда без оглядки, мать меня прогонит, я на небо убегу с Луной играть в прятки!

Макунаима поблагодарил девушку и прыгнул в окно. За углом стояли на привязи два коня — темно-гнедой и чубарый. "Конь чубарый — бег удалый", — смекнул Макунаима, запрыгнул на него и поскакал что было мочи. Скакал он, скакал — уж до Манауса почти доскакал, — как тут конь копытом зацепил землю и вырыл целый колодец, куда вместе с Макунаимой и упал. На дне колодца что-то блестело, Макунаима стал копать дальше и откопал останки древнегреческой скульптуры бога Марса, часть которой нашли еще в королевские времена и которая была на самом деле первоапрельской шуткой, которую газета "Коммэрсиу де Амазонас" сыграла над археологом Арарипе де Аленкаром. И вот герой взирал на могучее тело древнего бога, когда вдруг услышал: "Бибип! Бибип!" Значит, старуха Сеюси его почти нагнала. Так что Макунаима стал бить шпорами чубарого по бокам и не успокоился до тех пор, как уже в Аргентине — в Мендосе — чуть не сбил другого беглеца, беглого каторжника из Французской Гвианы. Здесь он сбавил ход и вскоре набрел на нескольких священников, которые дикий мед собирали. Увидев их, герой крикнул: "Спрячьте меня, святые отцы!"

Только они успели спрятать Макунаиму в пустой горшок, и тут старуха каапора на своем тапире верхом прискакала:

— Батюшки мои, здесь внучок мой на коне не проезжал?

— Да вот только что ушел, бабусь.

Услышав это, старуха слезла с тапира и оседлала изабелловую лошадь, которая бежать не бежит, как ее ни попросишь. На ней и продолжила свой путь. Когда она перешла пе-

ревал Паранакуара, святые отцы достали героя из горшка, дали ему коня светло-солового — самого красивого и скорого. Макунаима поблагодарил их, сел на коня и поехал. Вот вскоре доехал он до забора с колючей проволокой; но ведь герой был настоящий кабальеро, а посему сделал так: разогнал коня, подвернул его ноги, так что он упал наземь и прошел под забором; а сам перепрыгнул через забор и снова оседлал светло-солового по ту сторону забора. И ехал еще долго-долго. Проезжая по штату Сеара, в Аратанье, он мимоходом расшифровал индейские таблички; когда ехал по Риу-Гранди-ду-Норти, нашел на Лысой горе еще одну и расшифровал заодно. А уж сколько было табличек в Параибе, в Педре-Лавраде, на пути из Мангуапе в Бакамарте — на целый роман хватит! Но из-за спешки он не смог прочесть ни надписи в Баре-ду-Поти, что в Пиауи, ни в Пажеу, что в Пернамбуку, ни в Апертадус-ду-Иньямун — ведь уже три дня он бродил по раскопкам, и вот уже близко-близко услышал крик: “Бибип! Бибип!”. Старуха Сеюси, значит, подбирается к нему. Макунаима ноги в руки — и в эвкалиптовую рощу; но птичка не отставала, уже вот-вот схватит старуха героя. В корнях эвкалипта герой бухнулся в нору, где кобра сурукуку делила ложе с нечистым.

— Сурукуку, спрячь меня!

Сурукуку едва успела запрятать героя под очко нужника, а старуха Сеюси уже тут как тут.

— Тетушка змея, здесь внучок мой на коне не проезжал?

— Только что ушел, бабусь.

Делать нечего, старая обжора оставила у норы свою изабелловую лошадь, — которая бежать не бежит, как ее ни попросишь, — оседлала коня-альбиноса, который не видит дальше своего носа, и поскакала вперед.

А Макунаима тем временем услышал из своего убежища, как змея со своим дружком обсуждали, как они будут героя жарить — с кореньями или без. Он стрелой выскочил из норы и бросил внутрь кольцо с брильянтом, которое носил на мизинце. Брильянт обернулся четырьмя фунтами кукурузы, кучей удобрений марки “Полизу” и б/у “фордом”. Пока кобра сурукуку восхищенно взирала на это богатство, Макунаима думал — сесть ему на своего коня светло-солового, самого красивого и скорого или выбрать другого. Что поделать — конь тоже, как человек, живой, ему отдыхать надо, решил Макунаима — и оседлал пегого, который на месте стоять не умеет, а только быстро бегает, и поскакал по полям и садам. В один миг он достиг песчаного моря на плоскогорье Паресиз, откуда по обрывам и утесам спустился в степь, где у Натала распугал всех кур с золотыми цыплятами Камутенгу. Через полто-

ры лиги, покинув изгаженные берега реки Сан-Франсиску, он стал подниматься в гору. И тут, продираясь сквозь кусты, он услышал женский голос: “Тсс, сюда!”. Герой остановился как вкопанный, а из-за кустов показалась высокая некрасивая женщина с косой до пят. Она спросила героя:

— Ну что, они ушли?

— Кто еще ушел?

— Да голландцы же!

— Да ты что, тетушка, с баобаба рухнула! Какие еще голландцы! Никаких таких голландцев нет, вот что!

А тетушка та была Мария Перейра, португалка, что живет в той быльем поросшей дыре с самой войны с голландцами. Макунаима уже забыл, где сам оказался, и решил уточнить:

— Скажи-ка мне, добрая женщина, как это место зовется?

Женщина гордо выпрямила стан и торжественно произнесла:

— Это Дыра Марии Перейры!

Макунаима чуть животики не надорвал, пока смеялся, а женщина тем временем снова ретировалась. Герой снова пустился в путь и дошел, наконец, до реки Шуи. На берегу этой реки рыбачила птица туйюйю, огромная, как самолет.

— Братец туйюйю, не отвезешь ли ты меня домой?

— Пассажирам просьба занять места в салоне!

Птица туйюйю обернулась машиной-самолетом, Макунаима сел между крыльями, и они взмыли в воздух. Они пролетели над холмами Урукуйи, сделали круг над Итапесерикой и направились в сторону северо-востока. Когда они пролетали над песчаными барханами Моссоро́, Макунаима выглянул вниз из-за крыла птицы и увидел внизу Бартоломеу Лоуренсу де Гусмана, который пытался в развевающемся халате идти по пустыне.

— Полетели с нами, господин изобретатель!

Но тот лишь махнул рукой и ответил:

— Сами летите!

Они полетели дальше — туйюйю едва не задел брюхом камни плоскогорья Томбадор в Мату-Гроссу, — приняли влево, на холмы Сантаны-ду-Ливраменту, поднялись на Крышу Мира, испили студеной воды в ключах, дающих жизнь Реке Солнца — Вилканоте — и, наконец пролетев над Амаргозой, над Гурупа и над заколдованным городом Гурупи, прилетели к благородному поселению на берегах потока Тьете. Вот они уже у дверей пансиона. Макунаима поблагодарил туйюйю и уж было потянулся в карман за кошельком, но вовремя вспомнил, что надо бы вести строгую экономию, а потому просто сказал:

— Слушай, друг, заплатить я тебе не могу, но дам тебе вместо платы совет. Есть на свете три бара, от которых мужчи-

нам погибель: бар-отмель вдоль берега, стойка бара и женские тары-бары; ну, будь здоров!

Однако герой так привык транжирить, что забыл об экономии и дал туйюйю десять конту, поднялся в комнату и рассказал о своем путешествии братьям, которые уж было собрались его искать. В путешествии Макунаима, как выяснилось, потратил много денег. Выслушав это, Маанапе превратил Жиге в машину-телефон и позвонил в полицию с жалобой на прожорливую старуху, которую тут же выдворили из страны. Но у Пьяймана были связи и за рубежом, так что она вскоре благополучно вернулась домой, а по дороге успела завести новых друзей.

А девушка, которую мать прогнала из дома, в звездном небе с Луной играет в прятки — несется галопом, как выстреленная из рогатки. Она стала кометой.

Глава 12. *Коробейник, кукушка и людская несправедливость*

Макунаима всю ночь бредил, что плывет на корабле, и проснулся весь в поту.

— Это к морскому путешествию, — прокомментировала хозяйка пансиона.

Макунаима был не прочь попутешествовать, и на радостях он превратил братца Жиге в машину-телефон и набрал номер Венцеслава Пьетро Пьетры, чтоб обругать его по матери. Но дух телефонистки сообщил, что на том конце провода никто не отвечает. Макунаиме это показалось странным, и он уж было собрался идти на разведку, чтобы узнать, в чем дело; но от жара и общей слабости решил покамест никуда не ходить. Он только сказал: “Ай, как же лень!” — отвернулся к стенке и стал говорить гадости. Братья взглянули на него и поняли — это корь.

Братец Маанапе пошел в Беберибе за знаменитым знахарем Бенту, который славится тем, что вылечивает все болезни одним лишь индейским духом и заговоренной водой. Пришел Бенту, дал водицы, спел молитву, и через неделю герой уже поправлялся. А когда поправился — встал и пошел к дому великана, чтобы узнать, что же случилось.

Дворец был пуст. Соседская прислуга рассказала Макунаиме, что вся их семья уехала в Европу, чтобы отдохнуть после странного избиения. Макунаима совсем расстроился. Вдоволь позабавившись со служанкой, он вернулся в пансион в сумрачном настроении. Маанапе и Жиге стали расспрашивать героя: кто, дескать, тебя обидел?

Тогда Макунаима все им рассказал и разрыдался. Братья тоже расстроились, им было странно видеть героя в таком состоянии, и они решили сводить его в лепрозорий развеяться. Но Макунаима был очень расстроен, и веселья не вышло. Когда они вернулись на квартиру, была уже ночь. Они понюхали табаку из коробки в виде головы тукана, хорошенько прочихались и, наконец, смогли поразмышлять.

— Ну а ты что думал — ты тут прохлаждаешься, ходишь, колобродишь себе, а великан тебя ждать будет, что ли? Вот и терпи теперь!

Тут Жиге хлопнул себя по голове:

— Придумал!

Братья аж подскочили. А Жиге сказал, что они тоже могли бы отправиться в Европу за муйракитаном. Деньжат еще немного оставалось — сорок конту от проданного какао. Макунаима сначала согласился, но тут колдун Маанапе, подумав, сказал:

— Получше штука есть.

— Ну так рассказывай, не тяни!

— Макунаима притворится пианистом, получит грант от правительства и отправится сам.

— Зачем такие сложности, если у нас денег выше крыши, к тому же в Европе мне ваша помощь может понадобиться!

— Ты б головой своей подумал лучше! Мочь-то мы можем, братишка, но разве не лучше потратить казенные деньги, а свои себе оставить? Лучше! Так-то!

Макунаима подумал еще и хлопнул себя по голове:

— Придумал!

Братья аж подскочили.

— Что такое с тобой?!

— Я лучше под художника заделаюсь, так красивше будет!

И он надел машину-очки в черепаховой оправе, машину-граммофон, машину-гольфы, машину-перчатки и стал вылитый художник.

На другой день, чтобы не разволноваться в ожидании ответа, герой решил порисовать. Для этого он взял томик Эсы ди Кейроша и пошел гулять в лес Кантарейра. Ему навстречу шел веселый торговец с корзиной на плечах, беззаботно напевая — видать, удалось-таки вырвать листок из клюва дятла. Макунаима тем временем сносил муравейники, наблюдая за муравьями.

— Добрый день, добрый человек, как делишки, все путем, спасибо, хорошо. Работаем? — поздоровался коробейник.

— Кто не работает, тот не ест.

— И то правда. Ну, до скорого.

И торговец ушел себе дальше напевать. Через полторы лиги он увидел опоссума-микуру и, не будь дураком, тоже ре-

шил немного поработать. Поймав зверька, он заставил его проглотить десять монет по два милрейса каждая и вернулся к Макунаиме, держа животное под мышкой:

— Добрый день, добрый человек, как делишки, все путем, спасибо, хорошо. Если хочешь, продам тебе вот этого опоссума.

— Да что мне делать с животным, которое так воняет! — отвернулся Макунаима, зажимая нос рукой.

— Да ты послушай, это не простой опоссум! Когда ему приспичит, только деньги выходят! Задешево продам!

— Да ну тебя, турка! Где это видано, чтобы опоссум так делал?

Тогда торговец с силой нажал опоссуму на живот, и из того вывалились десять монет.

— Вот видишь! Одни деньжата сыпятся! Только подумай, что будет, когда он несколько раз сходит! Задешево продам, говорю!

— Это за сколько же?

— Четыреста конту.

— Нет у меня таких денег, только тридцать есть.

— Ну, тогда по-христиански — за тридцать тебе и продам!

Макунаима расстегнул штаны, чтобы вытащить из-за пазухи пояс, в котором были завернуты деньги. Но вот незадача — там был только чек на сорок конту и шесть фишек казино "Копакабана". Он отдал чек торговцу и не захотел брать сдачи, да еще и фишки отдал, не уставая благодарить торговца за щедрость.

Едва торговец успел выйти из леса, как опоссуму приспичило по-новой. Макунаима пошире открыл карман, и все, что вышло из животного, попало ему в штаны. Тут Макунаима понял, что его надули, и побрел восвояси, не переставая громко рыдать от отчаяния. По дороге он увидел индейца Жозе и крикнул ему в сердцах:

— Здравствуй, дорогой мой друг! У тебя в сандалях жук. Ты жука с ноги сдери и с ним кофе завари!

Жозе рассердился и обругал героя по матери, но тот совсем не обиделся, а только засмеялся и весело пошел дальше. Только потом вспомнил, что должен идти расстроенным — и вновь принялся кричать и рвать на себе волосы.

Когда он пришел домой, братья еще не вернулись из хижины правительства. Хозяйка квартиры вошла в комнату к Макунаиме, чтобы утешить его, они и позабавились. А потом герой снова принялся рыдать. Тут пришли братья, и герой с хозяйкой перекрестились от страха — братья были пяти метров ростом. Да ведь все просто — правительство, оказывается, уже направило тыщу раз по тыще художников на проживание в Европу, и Макунаиму теперь направят только в День

Святого Никогда. Вот они и вытянулись от удивления и разочарования — ведь этого дня еще ждать и ждать.

А когда братья увидели расстроенного Макунаиму и спросили его, в чем дело, то забыли о своем удивлении и снова стали нормального роста — старичок Маанапе и Жиге, мужчина в самом расцвете сил.

А герой все рыдал:

— Ой-ой-ой-ой-ой! Торговец-то меня обдурил! Ой-ой-ой-ой-ой! Я его опоссума купил, сорок конту за него отдал!

Теперь братья стали рвать на себе волосы. Уже в Европу никак не отправишься, да и вообще только день, ночь и крыша над головой, пока хозяйке забавы не надоедят, остались у них. И так они плакали, пока Макунаима намазывался мазью от москитов, а затем спокойно заснул.

Когда рассвело, старуха Вей вылила на пансион еще больше своего жару, и Макунаима проснулся весь в поту от возмущения несправедливостью правительства. Он хотел было пойти прогуляться, но ведь нужно надевать всю эту одежду, от которой только жарче... Он бесился все больше и больше и уже стал закипать от бешенства. Тогда остановился и сказал себе:

— Ну уж нет! Пусть с меня льет в семь ручьев, пойду гулять, и пусть люди смеются! Что делать!

Тогда он снял штаны, побегал по ним — злость сразу же прошла. И совершенно успокоившийся Макунаима сказал братьям:

— Спокойно, братья мои! Нет, не поеду я ни в какую Европу. Я — американец, и мое место в Америке. Европейская цивилизация, конечно же, наносит глубочайший вред нашей самобытности.

За неделю три брата объездили и обплыли всю Бразилию, обошли все песчаные берега, рестинги, ручьи, овраги, пороги, луга, пещеры, холодные глубоководья, пляжи, на которых только что отступил прилив, скалы, ущелья — все эти места бескрайней Бразилии; искали они и в развалинах старых храмов, и в основании дорожных крестов, но нигде так и не нашли ни одного закопанного сосуда с деньгами. Ничего не нашли.

— Спокойно, братцы! — совсем неспокойно сказал Макунаима. — Сыграем-ка в звериную лотерею.

И он отправился на площадь Антониу Праду, чтобы там поразмыслить о людской несправедливости. Оперся там о платан и стоял себе. А вокруг торговцы и все эти бесконечные машины шумели, бормотали, свистели о людской несправедливости. Макунаима уже думал, не изменить ли свое двустишие, чтобы оно звучало так: “Мало здоровья и много

художников — вот бедствия Бразилии", когда услышал позади себя громкий плач. Обернулся — а там тику-тику и кукушка.

Тику-тику был совсем крохотный, а вот кукушка — здоровенная. Тику-тику ходил взад-вперед, и кукушка, не отставая от него ни на шаг, все просила и просила есть. Макунаиму аж злость взяла. Маленький тику-тику считал, что кукушенция — это его дите, а ведь это было совсем не так. Он улетал, приносил что-нибудь съедобное и вкладывал его в клюв кукушенции. А кукушенция одним махом проглатывала и снова принималась ныть: "А-а-а-а-а, мама, кусать хасю, кусать хасю!" Тику-тику уже еле держался на ногах от голода, а тут еще это постоянное оглушительное чириканье: "Кусать хасю, кусать хасю!"; но ведь любовь родителей долго терпит, и тику-тику из последних сил взлетал, находил какую-нибудь букашку, какой-нибудь очисточек и клал все эти яства в рот кукушенции, которая все глотала, что ей приносили, и требовала добавки. Макунаима размышлял о людской несправедливости, а потому ему горько было смотреть на несправедливость, которую творила кукушенция. Ведь Макунаима знал, что когда-то давно птицы тоже были людьми... Тогда герой взял палку и убил тику-тику.

И ушел с того места. А как прошел полторы лиги, решил хлебнуть кашасы, чтобы освежиться. Он всегда носил с собою в кармане фляжку на цепочке. Отвинтив крышку, он сделал хороший глоток и тут же услышал рядом громкий плач. Обернувшись, он увидел кукушенцию.

— А-а-а-а-а, папа, кусать хасю, кусать хасю! — все продолжала кукушенция свою песню.

Макунаима не мог больше этого терпеть. Он открыл карман, в котором было то, что вывалил опоссум, и сказал кукушенции:

— Ну так жри!

Кукушенция быстро склевала все, что вывалилось из кармана. Потом она стала быстро расти и шириться, пока не стала огромной черной птицей, которая улетела в лес, крича: "Селитесь! Селитесь!". Это Отец Коровьего Желтушника, которого еще называют Кукушкой-Тунеядкой.

Макунаима отправился дальше в путь. Через полторы лиги он увидел макака, который поедал огромный кокосовый орех. Он клал орех между ног вместе с камнем, с силой сжимал ноги, и — бац! — орех раскалывался. Макунаима подошел ближе, у него уже слюнки текли. Но сперва надо поздороваться:

— Добрый день, дядюшка, как дела?

— Да потихоньку, племянничек.

— Дома все путем?

— Все как надо.

И макак вновь принялся жевать. А Макунаима стоял рядом и смотрел ему в рот. В конце концов макак не выдержал:

— Не смотри на меня так, я не красна девица!

— А что ты такое делаешь, дядюшка?

Макак зажал кусок мякоти ореха в кулак, повертел им перед лицом Макунаимы и ответил:

— Я раскалываю свои тоаликису, а потом ем их.

— Да ну тебя врать!

— Ну, племянничек! Если не веришь мне, то зачем спрашиваешь?

Макунаима готов был поверить во все что угодно:

— А они вкусные?

Обезьян поцокал языком:

— Шик! Вот, попробуй!

Он незаметно расколол еще один кокос, притворившись, что это второе тоаликису, и дал Макунаиме. Макунаиме понравилось.

— Действительно объедение! А еще у тебя есть?

— Уже закончились, но, если мои были вкусные, может, и твои ничего? Попробуй их поешь, друг мой!

Герой испугался:

— А это не больно?

— Да ну, какое там больно, это даже приятно...

Герой схватил кирпич, занес его над собой. Макак, посмеиваясь, спросил его:

— Ты что, и в самом деле не боишься?

— Ни-че-го не боль-но, ку-ри-ца до-воль-на! — воскликнул герой, опуская кирпич — бац! — прямо на тоаликису. Так и упал замертво. А обезьян еще рассмеялся:

— Ну что тут делать! Я разве не говорил тебе, что ты умрешь? Говорил! Не слушаешь ты меня! Вот что случается с теми, кто не слушается! Так что сик транзит!

И он надел свои резиновые перчатки и ушел. Вскоре начался дождь, который не дал мясу героя сгнить. А потом к трупу выстроились целые караваны муравьев. Адвокат Таковский пошел по следу муравьев и вышел на покойника. Он склонился над телом, обыскал его, но в кошельке была только визитная карточка. Делать нечего, решил он отнести труп в пансион. Взвалил его на плечи, но покойник больно много весил, и, чтобы облегчить свою ношу, адвокат хорошенько отметелил труп палкой. Тело стало легким-легким, и адвокат Таковский смог донести его на себе до пансиона.

Маанапе долго рыдал на трупе брата. Но вскоре он обнаружил повреждение. Маанапе был колдун, он попросил у хо-

зяйки два баянских кокоса, привязал их на место раздавленных тоаликису и окурил дымом из трубки тело героя. Макунаима очнулся, а когда стал вставать, ему дали гураны, и вскоре он уже собственноручно стал убивать на себе муравьев. Он сильно дрожал, потому что промок под дождем. Чтобы согреться, Макунаима допил все, что оставалось во фляжке. А потом попросил у Маанапе сотню и отправился играть в звериную лотерею. Вечером оказалось, что его сотня сыграла. Так они и жили помощью старшего брата. Маанапе был колдун.

Глава 13. *Жиге и его вшивая подружка*

<...> На следующий день Жиге привел домой женщину, дал ей съесть три свинцовых дробинки, чтоб не зачала, и уложил рядом с собой на мягкий гамак. Обженился наш Жиге. Он храбрый был. Целыми днями только и делал, что тыкал шомполом в двустволку, да заправлялся горючим. А подружка Жиге — звали ее Сузи — каждое утро ходила на рынок купить маниок на всех четверых. А Макунаима, который, не будь дураком, сделался любовником Сузи, каждый день покупал для нее лангуста, клал на самое дно корзины, а на него насыпал маниок, так, чтоб никто не заметил. Сузи была та еще колдунья. Вернувшись домой, она оставляла корзину в прихожей, а сама ложилась спать и смотреть сны. А во сне она говорила Жиге:

— Жиге, друг мой сердешный Жиге, сон мне снится — сон о том, что лангуст под маниоком живет.

Жиге шел посмотреть и действительно находил лангуста. Так повторялось изо дня в день, и у Жиге начал болеть лоб в двух местах, и он что-то заподозрил. Макунаима заметил, что у Жиге начались роговые боли, и решил поколдовать — авось пройдет. Он взял тыкву и положил ее ночью на террасу, приговаривая тихонько:

Вода с небес,
Пади в эту тыкву,
Патикл, приди в эту воду,
Мопосэру, приди в эту воду,
Сивуоимо, приди в эту воду,
Омайспóпо, приди в эту воду,
О Хозяева Воды, умерьте боль роговую!
Араку, Мекумéру, Паи, придите же в эту воду
И умерьте боль роговую, коль больной отведает эту воду,
В которой заговоренны живут Хозяева Воды!

На другой день он дал Жиге пить из этой тыквы, но никакого действия колдовство не возымело, и брат Макунаимы все не находил себе покоя.

Собираясь за покупками, Сузи насвистывала модный фокстрот — это был знак любовнику о том, что пора идти. А любовник-то был Макунаима. Он быстро одевался и выходил из дома вскоре после Сузи. Они забавлялись тут и там, а когда пора было возвращаться, то весь маниок на рынке уже заканчивался, и не было никакого маниока. Но Сузи ведь не лыком шита — она брала корзину, уходила с ней на задний двор, садилась на нее и наполняла ее маниоком не без помощи покровительницы женщин Майсó. Все ели и нахваливали, один Маанапе отплевывался, приговаривая:

— Возьми себе, Боже, что нам негоже — индейца со злой рожей, кобылицу без кожи, бабу, что ссыт лежа!

Маанапе был очень умный колдун. Он и слышать не хотел об том маниоке. Но голод-то не тетка, и пожевать чего-то хочется — вот он и жевал коку, чтобы голод обмануть.

А ночью, когда Жиге плюхался в мягкий гамак к Сузи, чтоб позабавиться, та принималась стонать — мол, перела, — все, чтобы отвязаться от Жиге. А Жиге начал злиться.

На другой день, когда Сузи, по своему обыкновению, отправилась за покупками, насвистывая фокстрот, а за ней как ни в чем не бывало ушел Макунаима, Жиге чуть-чуть подождал, взял огромный дрын и отправился за ними. Почти сразу напал на след и дошел по следу до Светлого Сада — а там голубки уже на лавочке держатся за руки и смеются весело. Ох, как Жиге ухайдокал их там дрыном обоих! А отметелив, забрал подружку с собой, а брата оставил плавать в лебедином озере.

Со следующего дня Жиге уже ходил за покупками один, а подружку свою запирал в комнате на ключ. Несколько дней подружка в одиночестве нарушала правила, которым должна следовать добропорядочная девушка, но в один день к ней залетел бывший тут проездом дух святого иезуита отца Аншьеты и научил ее давить вшей. Сузи красилась в блондинку, стриглась под мальчика, а прическа ее была домом для стольких вшей — не перечесть! С тех пор она ни про лангуста под маниоком вещих снов не видела, ни непотребством не занималась. Зато как только Жиге за дверь — она снимала волосы со своей головы, развешивала их на его дрыне, который он оставлял дома, да принималась давить вшей. И сколько же было у нее этих вшей — истинно говорю, не перечесть!

И все же Сузи боялась, что ее друг сердешный застукает ее за этим занятием, и поэтому сказала ему однажды:

— Жиге, друг мой сердешный Жиге, когда придешь с рынка, стучи, пожалуйста, в дверь, да стучи несколько раз, чтоб я успела обрадоваться и начать готовить маниок.

Жиге согласился и теперь всякий раз, прежде чем открыть дверь, делал так: стучал размеренно в дверь и ждал немножко. А за это время его подружка Сузи успевала вновь надеть волосы на голову и принималась его ожидать.

— Сузи, подруга ты моя сердешная Сузи, я уже постучал в дверь несколько раз, ты обрадовалась?

— Очень! — отвечала Сузи и шла готовить маниок.

Так продолжалось порядочно. А вши у Сузи все не заканчивались — она же считала их по одному, поэтому их только прибывало, ведь нельзя считать вшей, а то они никогда не закончатся. И вот однажды Жиге решил проверить — чем же его благоверная занимается, пока его нет? И решил ее напугать, когда вернется с рынка. Он встал у двери на голову, пятками вверх, и вошел так, на руках, в комнату. Сузи испугалась и завизжала. Она второпях накинула на голову свои волосы, но перепутала, и волосы с макушки оказались на шее, а волосы с шеи легли на макушку. Жиге обозвал Сузи свиньей и колотил, пока не услышал какой-то шум на лестнице — это сосед Шику снизу поднимался. Только тогда "друг сердешный" угомонился и принялся нож точить.

На другой день Макунаима уже соскучился по забавам с подружкой брата. С утра он сообщил братьям, что идет на охоту, но на самом деле пошел в машину-магазин и купил там две бутылки санта-катаринского пальмового ликера, дюжину бутербродов, два пернамбукских ананаса, занес это все в комнату и затаился там. Потом вышел из комнаты и показал Жиге сверток с такими словами:

— Братец Жиге, как пройдешь много-много улиц, — главное не оборачиваться, — в такой-то подворотне увидишь рощу, там столько дичи есть!

Брат было недоверчиво посмотрел на него, но Макунаима и бровью не повел, а только продолжал:

— Смотри, там водятся паки, броненосцы, агути... Нет, постой, вру, агути я там не видел. Есть паки, броненосцы, агути нет.

Жиге, как это услыхал, прямо-таки закусил удила, схватил ружье и сказал:

— Ну что ж, пойду туда, — но ты, братец, сначала поклянись мне, что не будешь забавляться с моей благоверной.

Макунаима поклялся памятью матери, что даже смотреть в сторону Сузи не будет. Тогда Жиге закинул ружье за спину, взял свой наточенный нож и отправился на поиски рощи.

Только он обогнул дом, как Макунаима помог Сузи развернуть сверток, откуда достал изумительный платок из кружева "Пчелиное гнездо", которое роковая женщина Жерасина да Понта ду Манге стащила в Мурью, что в Сеара-Мирине. Когда все было вытащено, любовники легли в гамак и позабавились. Вот уже они и смеются весело, а отсмеявшись, Макунаима сказал:

— Открой-ка для нас бутылочку.

Сузи откупорила первую бутылку пальмового ликера, который оказался очень вкусным. Выпили бутылку и снова шумно повалились в гамак, и забавлялись что было сил. Вот они уже смеются весело.

А Жиге прошел полторы лиги, обойдя все улицы и подворотни, пару раз прошелся в поисках рощи. Много времени он так шатался, а нашел ли что? Кайман — и тот не нашел, так куда уж Жиге! Ведь не было никакой рощи. И пришлось Жиге возвращаться несолоно хлебавши восвояси, и все по подворотням да закоулкам — авось что попадется. А когда дошел до пансиона, увидел Макунаиму в объятьях Сузи, они уже смеялись весело в очередной раз. Жиге разозлился и отдубасил подружку — вон, теперь она уже плачет, а не смеется. А потом схватил героя и начал его дубиной своей стоеросовой охаживать — до самого четверга, когда дождик пошел. Герой намучился, устал. А Жиге проголодался так сильно, что одним махом проглотил и бутерброды, и ананасы, да еще и оставшуюся бутылку ликера выдул.

Всю ночь избитые любовники плакали и жаловались друг другу. А на другой день Жиге взял сарабатану и отправился по новой на поиски той самой рощи. Ох и дурачок же был Жиге... Как он ушел, Сузи вытерла слезы, посмотрела на своего дружка и сказала:

— Хватит плакать.

Тогда и Макунаима перестал дуться и ушел поговорить с братом своим Маанапе. А Жиге к тому времени уже вернулся с прогулки и спросил Сузи:

— Где герой ходит?

Но Сузи, которая все еще злилась на него, ничего не ответила, только свистеть начала. Тогда Жиге схватил дубину, подошел к девушке и грустно сказал:

— Иди уже отсюда, проклятие мое!

Тогда она впервые ему улыбнулась. Не считая, она выловила разом всех вшей у себя, взяла весы, на одну чашу весов положила вшей, на другую сама села, вши подпрыгнули, и Сузи взлетела в небо. Теперь она падучая звезда.

А герой, как только завидел вдали Маанапе, принялся стенать и бить себя в грудь. Брат обнял его, успокаивая, и Макунаи-

ма сбивчиво рассказал печальную историю, из которой следовало, что у Жиге не было никакой причины его бить так сильно. Маанапе рассердился и пошел поговорить с Жиге. А Жиге и сам шел поговорить с Маанапе. Они встретились в коридоре, Маанапе рассказал все Жиге, а Жиге рассказал все Маанапе. Тут-то и выяснилось, что Макунаима тот еще хитрец, к тому же совершенно бесхарактерный тип. Когда вернулись в комнату Маанапе, герой там заходился слезами. Братья сжалились над ним и посадили его в машину-автомобиль, чтобы покатать и успокоить.

Глава 14. Муйракитан

На следующее утро Макунаима проснулся оттого, что кто-то стучал в окно. Он открыл — и в комнату впорхнула зеленая птичка. И вдруг стало Макунаиме так хорошо, и было ему хорошо до тех пор, пока в комнату не вошел Маанапе и не объявил, что машины-газеты возвещали о скором возвращении Венцеслава Пьетро Пьетры. Услышав эту весть, Макунаима твердо решил более не церемониться с великаном, а убить его. Вот отправился он на Кудыкину гору испытать свою силушку. Шел он полторы лиги и наконец добрался до Кудыкиной горы. А на Кудыкиной горе росла толстенная сапопемба. Герой обхватил ее ствол, поднатужился, да и вырвал ее с корнем, как будто и не было никакого дерева на этом месте. “Вот теперь есть у меня силушка!” — воскликнул герой. Он вновь почувствовал, что стало хорошо-хорошо, и теперь уже спокойно направился в город. Да вот только идти он не мог, потому что весь был в клещах. И поэтому он сказал клещам:

— Ну, клещи, давайте, уходите уже! Я же вам ничего не должен!

И все клещи мигом попадали на землю и разошлись кто куда. Клещ — он все понимает, он ведь тоже когда-то был человеком. Однажды клещ соорудил придорожную лавочку. Да вот только добрый он был человек — продавал в долг. Шло время, а прибыли так и не было, одни убытки, — все из-за того, что клещ в долг продавал всем, кто хотел. Вот и разорился. А как разорился — выгнали его из лавочки на улицу. Теперь клещи стремятся должок получить с человека, потому и цепляются.

Когда Макунаима вернулся, был уже поздний вечер, поэтому он немедля направился к дому великана. Судя по темноте, еще никто не пришел. А темнота была хоть глаз коли, к тому же вечерний туман еще не сошел. Герой захотел найти какую-нибудь служаночку позабавиться и скоротать время ожидания, но неподалеку была стоянка такси, и все женщи-

ны уже забавлялись там. Тогда Макунаима захотел было поставить ловушку на вьюрка-курио, но вспомнил, что негде взять наживку. Делать было совершенно нечего, <...> и Макунаима уже приготовился расстроиться, как вдруг услышал какой-то шум за кустами. А это на той стороне ручья таксист вышел из машины автомобиля и махал руками, как будто к себе манил. Герой испугался и закричал:

— Гражданин хороший, это не ко мне! Я вам не мамзель какая-нибудь!

— Чур меня! — отвечал таксист.

И тут Макунаима наконец увидел служаночку, которая шла к шоферу на свидание и переходила ручей по бревну. Она была одета в платье, раскрашенное желтой краской из сока огненной пальмы. Когда она перешла по мостику, герой спросил его:

— Ну, колись, бревно, видело что?

— Видело то, что у девчонки под юбчонкой!

— Ох-хо-хо-хо! Ох-хо-хо-хо-хо! — расхохотался Макунаима.

И теперь он последовал к тому месту, где общалась эта парочка. Они уже позабавились разок и теперь отдыхали на берегу пруда. Девушка, еще не одевшись после купания, сидела на борту стоявшей на мели лодки и поедала живых слепых рыбок, задорно смеясь в лицо парню. А тот, плавая на животе у нее под ногами, ловил ртом рыб покрупнее и давал ей. Мелкие волны накатывали ему на спину, чтобы тут же упасть с плеч, рассыпавшись тысячей веселых брызг. А девушка колотила ногами по воде, устраивая лунный фонтан, чтобы ослепить парня и распугать рыбу. Тогда он погружал в воду всю голову, набирал полный рот воды и с надутыми щеками выпрыгивал, а девушка обхватывала его пятками за щеки, легонько нажимала, и струя воды лилась ей на живот. Ветерок развевал ее волосы, разбрасывая их по лицу. Положив голову ей на колено, он приподнялся из воды, вытянул руку и стал поправлять рукой ее прическу, чтобы волосы ей не мешали есть рыбу. В знак благодарности девушка дала ему три рыбины, рассмеялась и рывком убрала ногу. Неожиданно потеряв опору, парень ушел под воду с головой, а девушка еще подталкивала его ногами. Но и она, сама того не замечая, сползала за борт, а наконец нырнув, перевернула за собой и лодку. Ну и пусть себе перевернутая стоит! Девушка неуклюже прижалась к парню, а он обвил ее своим руками, как ветви дерева апуи обвивают воздух, и они вновь позабавились, окончательно распугав всех рыб.

Тут подоспел Макунаима и, сидя на дне перевернутой лодки, стал ждать. А когда увидел, что парочка прекратила забавы, сказал:

— Три дня как во рту ни росинки,
брожу я босой и раздетый.
Мы оба Адамовы внуки —
браток, угости сигаретой.
— Прости! Угостить сигаретой
тебя не смогу я никак,
промокли штаны и рубаха,
и спички мои, и табак.

— Ну и ничего, у меня свои есть, я угощаю, — ответил на это Макунаима.

Герой вынул из кармана черепаховый портсигар работы мастера из штата Пара Антониу ду Розариу, дал по папиросе из пальмовой бумаги парню и девушке, дал им прикурить от одной спички и сам прикурил от другой. После этого он отогнал москитов и стал рассказывать историю, чтобы скоротать время и чтобы не считать каждый час кромешной темноты по крику птицы сурурины. И вот какую историю рассказал Макунаима.

В стародавние времена, ребята, автомобиль не был машиной, как теперь, совсем наоборот, он был пумой по имени Палауа́, она жила в великом Тридевятом лесу. И вот Палауа говорит своим глазам:

— Идите на морской берег, глаза мои зеленые, бегите-бегите-бегите!

Глаза отправились на морской берег, и пума ослепла. Но у нее был отменный нюх, и, когда она подняла нос и почуяла, что в пучине морской плавает Аймала́-По́доле — Отец Траиры, — она закричала:

— Возвращайтесь с морского берега, глаза мои зеленые, бегите-бегите-бегите!

Глаза вернулись, и Палауа снова стала видеть. А мимо как раз проходила черная тигрица, которая славилась своей свирепостью. Она сказала Палауа:

— Это что такое ты здесь делаешь, кумушка?

— Я отправляю свои глаза на море посмотреть.

— И хорошо там, на море?

— Отменно!

— Тогда и мои глаза отправь посмотреть на него, кумушка!

— Не могу, ведь там Аймала-Подоле ходит уже по самой кромке берега морского.

— Отправь! А если не отправишь, кумушка, то я тебя съем!

Делать нечего, и Палауа произнесла:

— Идите на берег морской, глаза желтые моей кумушки тигрицы, бегите-бегите-бегите!

Глаза отправились на море, и тигрица ослепла. А Аймала-Подоле как раз поджидал их на берегу, — ам! — и съел их. Палауа сразу поняла, что случилось, потому что из пасти Отца Траиры невыносимо несло рыбой. Она попыталась бочком-бочком скрыться, но свирепая тигрица услыхала шорох от ее шагов и сказала:

— Погоди-ка, кумушка!

— Некогда мне: нужно детей покормить, кумушка, так что до скорого.

— Сперва верни мне мои глаза, а то надоело уже в темноте сидеть.

Палауа тогда воскликнула:

— Возвращайтесь с морского берега, глаза желтые моей кумушки тигрицы, бегите-бегите-бегите!

Но глаза все не возвращались, и тигрица пришла в ярость.

— Ну вот теперь-то я тебя точно съем, кумушка! — вскричала она.

И тигрица погналась за пумой. С такой безумной скоростью они мчались, что все лесные птицы стали крошечными от страха, а ночь и вовсе схватил паралич. Оттого-то в Девственном Лесу даже днем темно: бедняжка-ночь не может больше ни ходить, ни подвинуться, чтобы уступить место дню.

Пробежали они так полторы лиги, и уставшая Палауа обернулась. Тигрица не отставала и вот-вот готова была настигнуть ее. Что ж — Палауа взобралась на гору Ибирасойяба, на вершине которой стояла громадная наковальня, которой пользовались еще Афонсу Сардинья и его окружение на заре бразильской жизни. Рядом с наковальней кто-то оставил четыре колеса. Палауа — не будь дурой — прикрепила колеса к лапам, чтобы легче было передвигаться — и, как говорится, дала стрекача! В миг она преодолела еще полторы лиги, но и тигрица все не отставала. Такой грохот стоял от погони, что птицы стали еще меньше, а ночь только отяжелела, потому что ходить она и так уже не могла. Во всем этом шуме едва слышались стоны доброночника, которого один европейский старец назвал козодоем. Козодой — это Отец Ночи, он оплакивал горе своей дочери...

Через какое-то время Палауа проголодалась. Хоть тигрица была у нее почти на хвосте, Палауа больше не могла бежать — живот у нее прилип к позвоночнику. Пройдя немножко еще, на острове Плоской Змеи, где жил нечистый, она увидела двигатель и проглотила его. Как только двигатель упал в ее живот, она почувствовала новую силу и принялась бежать еще быстрее. Через полторы лиги она опять обернулась — а черная тигрица опять ее догоняет. А тьма была хоть глаз коли — и пума с такой силой врезалась в крутой склон холма, что еле жива осталась!

Тогда она подцепила зубами двух светлячков и продолжила путь вместе с ними, чтобы они освещали ей дорогу. Через полторы лиги она вновь обернулась — а тигрица опять ее догоняет. Это потому, что у тигрицы очень сильный нюх, а запах пумы ни с чем не спутаешь. Палауа выпила бутыль машинного масла, опустошила банку с жидкостью, которую называют бензином, поднажала и — ррм-трраам — затарахтела по дороге похлеще ослапердуна. Так громко тарахтела, что даже звуков бьющихся тарелок с Заколдованного холма не было слышно. Черная тигрица уже не знала, куда бежать дальше: мало того что она давно ослепла, она уже не чуяла сильного запаха пумы. А Палауа тем временем бежала дальше и, пробежав еще полторы лиги, решила обернуться и посмотреть, не догоняет ли ее тигрица. Тигрицы не было. Сама пума не могла больше бежать, у нее уже пар шел из ушей от перегретого двигателя. А там рядом была большая банановая роща с большим краном — Палауа ведь уже находилась в порту Сантоса. Она обдала себя мертвой водой и охладилась. Потом отрезала громадный лист банана и спряталась, укрыв себя им, как капотом, и так и уснула. Когда мимо прошла свирепая черная тигрица, пума не издала ни звука. И тигрица так и не заметила своей кумушки. С тех пор пума боится расставаться со всеми этими вещами, которые помогли ей бежать. Она никогда не отвязывает от лап колеса, не торопится избавляться от двигателя в животе, машинного масла в глотке, бензина в копчике, никогда не выплевывает воду, которую набирает за щеки, двух светлячков на зубах — и никогда не снимает капот из банановго листа. И в каждую минуту она в полной готовности немедленно стартовать. Особенно если перед собой она видит дорожку муравьев-такси, и один из них ее кусанет — ох, тогда она как понесется! А чтобы тигрица ее точно не узнала, Палауа сменила имя. Теперь ее зовут машина-автомобиль.

Но из-за того, что пума выпила много мертвой воды, у нее был ступор. Иметь собственный автомобиль — к ступору в доме, друзья мои.

Говорят еще, что у пумы Палауа была куча детей. Были дети обоего пола — и мальчики, и девочки. Поэтому мы говорим: “проехал ‘форд’”, но “проехала ‘шевроле’”.

Вот и вся история.

Макунаима прервал рассказ. Парень с девушкой рты раскрыли от изумления и обливались слезами умиления. На глади пруда вечерняя свежесть валялась пузом вверх. Парень окунулся с головой, чтобы скрыть слезу, а вынырнул с бешено бьющейся рыбой в зубах. Пока он делился едой с девушкой, к воротам дома подъехала пума-“фиат”, огласив окрестности криком: “Баua! Баua!”.

Послышался дикий шум, и повеяло невыносимым запахом. Это из машины выходил Венцеслав Пьетро Пьетра. Шофер с девушкой вскочили и протянули Макунаиме руки:

— Синьор великан уже вернулся, давай посмотрим, как он там?

Герой согласился. Они подошли к Венцеславу Пьетро Пьетре, который стоял у парадного подъезда и давал интервью репортеру. Увидев троицу, великан улыбнулся им и предложил шоферу:

— Хочешь в дом?

— Спрашиваете!

Великан когда-то носил серьги, поэтому в ушах у него были дырки. Он вдел ноги шофера в эти дырки — одну в ту, что в правом ухе, другую в ту, что в левом — а самого парня закинул за спину. Так они прошли через сад и вошли в дом. И оказались в холле, отделанном деревом акапу и обставленном диванами из лианы титика, сплетенными одним немецким евреем из Манауса. Посередине холла зияла огромная яма, над которой висели качели из жапеканги. Пьяйман посадил шофера на качели и спросил, не хочет ли он немного покачаться. Шофер кивнул. Пьяйман принялся его качать, качал-качал, а потом как качнет! А ведь жапеканга вся в шипах... Они впились в кожу шофера, и в яму полилась кровь.

— Ну все, хватит, мне довольно! — закричал шофер.

— Качайся, я сказал! — отвечал Пьяйман.

И кровь все лилась. А под ямой каапора — подруга великана — готовила для своего дружка макароны, и кровь капала как раз в ее стряпню. Парень на качелях стонал:

— Ах, папочка и мамочка, на кого ж вы меня оставили, будь вы рядом со мною, не попал бы я в беду!

Наконец Пьяйман качнул особенно сильно, и парень упал в кипящее макаронное месиво.

Тогда Венцеслав Пьетро Пьетра отправился за Макунаимой. А они уже вместе с подружкой шофера смеялись весело. Великан сказал:

— Хочешь в дом?

— Ай, как же лень! Идти куда-то...

— Ну давай, ты же хочешь! Ведь хочешь же?

— Ну давай...

И Пьяйман понес его так же, как нес шофера, — вдев ноги героя в дырки в своих ушах. Макунаима вытащил свою сарабатану и принялся стрелять, что твой цирковой артист, вися вверх тормашками. Великану стало жутко неудобно, он обернулся посмотреть.

— Не делай так больше, земляк!

Он взял у героя сарабатану и бросил ее куда подальше. Они продолжили путь, а Макунаима срывал и подбирал каждый прутик, до которого мог дотянуться.

— Да что ты делаешь! — спросил великан.

— Ветки за лицо задевают, пока мы идем!

Пьяйман перевернул героя. Тогда Макунаима стал прутиками щекотать у великана за ушами. Пьяйман раскатисто хохотал и подпрыгивал от восторга.

— Ну все, прекрати, земляк! — сказал он.

Они уже входили в холл. Под лестницей там была золотая клетка с певчими птицами. А певчие птицы великана — это змеи и всякие гады. Макунаима прыг в клетку и принялся поедать змей, так, чтобы великан не увидел. Пьяйман звал его на качели, но Макунаима не унимался, приговаривая: “Еще пять осталось”.

Наконец, змей больше не осталось, а герой, весь в ярости, вышел из клетки, посмотрел на похитителя муйракитана и прошипел:

— Хммм... лень-то как!

Но Пьяйман не унимался и настаивал, чтобы герой покачался на качелях...

— Я ж совсем не умею качаться. Лучше ты первый мне покажи, — прошипел Макунаима.

— Я-то, герой? Да это просто, как стакан воды выпить! Давай, залезай, я уж тебя покачаю!

— Хорошо, но сначала залезай ты сам, великан.

Пьяйман продолжил настаивать, но герой всякий раз в ответ предлагал великану показать пример. Тогда Венцеслав Пьетро Пьетра взобрался на лиану, и Макунаима принялся его раскачивать, да с каждым разом все сильнее и сильнее. И при этом напевал: “Ба-ла-лан, идет старый капитан, саблю держит на ремне и вертит седло в руке”.

Тут он как дернет качели! Шипы жапеканги вонзились в великанье мясо, кровь брызнула вниз. А внизу каапора — она ведь не знала, что это ее великана кровь — знай себе помешивала. И похлебка становилась все наваристей.

— Хватит! Хватит! — кричал великан.

— Качайся, я сказал! — отвечал Макунаима.

И он продолжал раскачивать качели, пока у великана не зарябило в глазах, — и тогда качнул особенно сильно. Ведь он съел столько змей — как ему не разозлиться? И Венцеслав Пьетро Пьетра упал в дыру в собственном полу, крича: “Лем-лем-лем! Только б выбраться отсюда — в жизни больше никого не съем!”.

А увидев перед собой кипящие макароны — он падал вниз головой — крикнул им: “Расступись, а то проглочу!”.

А что толку? Великан свалился в кипящие макароны, и из похлебки так дохнуло паленым, что все тику-тику в городе упали замертво, а у героя глаза пеленой заволокло. Пьяйман пытался вылезти, но все тщетно. С гигантским усилием он встал на ноги, убрал макароны с лица, запрокинул голову, облизнулся, сказал: СЫРУ ДОБАВИТЬ НАДО БЫЛО! — и помер.

Так закончил свои дни Венцеслав Пьетро Пьетра, который на самом деле был великан-людоед Пьяйман.

Очухавшись, Макунаима забрал муйракитан, сел на машину-трамвай и направился в пансион. В пути он непрестанно причитал:

— Муйракитан любимой, дай ответ: со мной ты наконец, зачем ее со мною нет?

Глава 15. Стряпня Огибэ

И вот три брата пустились в обратный путь.

Все были наконец довольны, но герой был еще довольнее, чем оба его брата, потому что испытывал такое чувство, какое может испытывать только герой: огромное удовлетворение. А когда прошли пик Жарагуа, Макунаима обернулся, долго смотрел на большой город Сан-Паулу, а потом покачал головой и сказал:

— Здоровья мало, много муравьев — се суть Бразилии беды.

Затем герой вытер слезы, поправил лицо, взмахнул руками, поколдовал и превратил громадную деревню в огромного каменного ленивца. И братья продолжили путь.

Прежде чем покинуть Сан-Паулу, Макунаима потратил оставшиеся деньги на вещи, которые сильнее всего его тронули в паулистанской цивилизации. Так что он взял револьвер "смит-и-вессон", часы "Патек" и петуха с курицей породы леггорн. Из револьвера и часов он сделал себе серьги для ушей, а клетку с леггорнами носил в руке на цепочке. И денег, выигранных в звериное лото, у него не оставалось ни сентаво — зато из продырявленной нижней губы гордо торчал муйракитан.

И благодаря ему все шло легко и непринужденно. Когда братья сплавлялись по реке Арагвайе, Жиге греб, а Маанапе управлял рулем. И все чувствовали, что удача на их стороне. Ну а сам Макунаима сидел на носу лодки и записывал количество мостов, которые нужно построить или починить для вящего удобства жителей штата Гойяс. А когда наступала ночь, Макунаима подолгу смотрел на пляшущие огоньками на поверхности воды души утопленников и спокойно засыпал.

Проснувшись поутру, он вставал на нос лодки, вдев руку в кольцо клетки с леггорнами, и бряцал на гитарке, напевая мотивы родного дома.

Чайка знает, где летает,
Пира́-уааууа́у.
Якама́ра кашу варит,
Пира́-уааууа́у.
Ласточка, уже на расстоянье руки
Дом на берегу полноводной реки?
Пира́-уааууа́у.

Пока он пел, глаза его ощупывали мягкую кожу реки в поисках дома детства. Каждая волна рыбного запаха, каждый куст крагуаты, каждое вообще все возбуждало в нем нетерпение, и герой шире и шире раскрывал рот, складывая слова в бессмысленные скороговорки:

Ласточка вперед летит,
Каборэ́,
Арапасу́ пасоку печет,
Каборэ́,
Братья, уже на расстоянье руки
Дом на берегу полноводной реки!
Каборэ́!

Воды Арагвайи призывно стонали, водя по себе каноэ, и уже прилипчивая песня русалок-уиар слышалась в их бормотанье. Сверху же каноэ сопровождала Вей, Солнце, поливая всех троих своим жаром — и гребца Жиге, и рулевого Маанапе, и волосатого мыслителя Макунаиму. Жарища была такая, что пот лил в семь ручьев, и от запаха и духоты можно было свихнуться. Тут Макунаима вспомнил, что он ведь не кто-нибудь, а Император Девственного Леса. Он показал Солнцу кое-что и крикнул:

— Эропи́та бойаморе́бо!

Тогда небо внезапно стало черным-черно, и из-под горизонта появилась ослепительная туча, оттеняя дневное блаженство. Туча стремительно приближалась, и вскоре стало ясно, что это стая красных ара, жандай, всех этих говорящих попугаев. В стае были и попугай-трубач, и попугай-коровник, и маленький попугай, и шаран, и красногрудый, ажуру-кутау, ажуру-курика, арари, арарика, арараи, арагваи, ара-тауа, маракана, майтака, ара-пиранга, каторра, териба, камиранга, анака, анапура, а еще множество канинде, туинов и прочих попугаев — вся наипестрейшая свита Императора Макунаимы. И все эти говоруны сделали из своих крыльев и разговоров навес, защищая героя от

мстительных лучей Солнца. Такой стоял гам от воды, богов и птиц, что ничего не было слышно, и даже река отказывалась вести по себе каноэ. Но время от времени Макунаима, пугая леггорнов, размахивал руками и кричал:

— Желтая корова лепешки печет. Кто первый рот раскроет, тому лепешку в рот!

Тогда все замолкали и некоторое время держали рот на замке. И мирная тишина воцарялась в укрытом тенью каноэ. А вдали все явственней и отчетливей слышалось бормотание Урарикоэры, и воодушевленный герой снова принимался бренчать на гитарке. Он дурачился, плевался в воду, а когда плевки всплывали, превратившись в уродливых черепах матамата, Макунаима снова принимался отчаянно горланить, сам не разбирая слов своей песни:

Панапана́, па-панапана́,
Панапана́, па-панапане́ма,
Болтун болтунью уболтает,
А ну-ка!
На берегу полноводной реки!

И вот, наконец, ночь открыла свою пасть и поглотила дневную шумную суету. Осталась одна только Капей — Луна, растолстевшая по самое не могу, пощекастей самой жирной полячки в самом захудалом паулистанском притоне, — ах, проклятье! как там было весело, сколько было красивых женщин и пальмовой настойки! И Макунаима уже заскучал по этой большой деревне. Он вспомнил всех белокожих женщин, с которыми играл в мужа и жену, как было хорошо тогда! “Мани, Мани, Маниокины дочки!” — причмокивал он. Он зевнул так тяжко, что муйракитан чуть не выпал у него из губы. Герой поймал его и вставил обратно. И тогда призадумался по-настоящему о хозяйке муйракитана, своенравной, обольстительной плутовке, которой столько раз бывал он бит, о Си. Ах, Си, Мать Лесов, треклятая, которую он теперь забыть не мог, потому что она однажды положила его в гамак, сплетенный из ее собственных волос! “Вдали от любимого человека год за три проживаешь”, — вспомнил Макунаима. А она-то там, на небе, блестит, вся такая нарядная, и ходит да забавляется пойди разведай с кем... И герой взревновал. Он поднял руки к небу, вновь напугав куриц, и так говорил Отцу Любви:

Руда́! Руда́!
Ты живешь на небе
И шлешь на землю дождь.

Руда́! Сделай так, чтобы моя любимая,
Сколько бы дружков себе ни нашла,
Всех бы находила никудышными!
Навей на мою треклятую
Тоску по ее треклятому!
Сделай так, чтобы она вспомнила завтра обо мне,
Когда Солнце уйдет за закат!..

И тогда герой посмотрел на небо. Там не было никакой Си, а была только толстенькая Капей. Герой растянулся навзничь на дне каноэ, поставил клетку с леггорнами за головой и уснул, окруженный мошкарой и москитами.

Уже светало, когда Макунаима проснулся от криков мазамы в бамбуковой роще на берегу. Он огляделся и спрыгнул на песок, крикнув Жиге:

— Погоди меня здесь минутку!

А сам отправился в лес. Полторы лиги в лесу прошел и нашел красавицу Ирики, свою подружку, которая когда-то уже была подружкой Жиге, а теперь дожидалась его, сидя на корне самаумы, наводя красоту и выискивая у себя клещей. Увидев друг друга, они очень обрадовались, вдоволь позабавились и вернулись в каноэ.

В полдень свита из попугаев вновь закрыла небо, охраняя Макунаиму. И так продолжалось много дней. Однажды вечером героя укачало, и он задумал поспать на твердой земле. Только он ступил на берег, как перед ним появилось чудище. Это был зверь Пондэ — филин с реки Солимоинс, который по ночам принимал человеческое обличье и закусывал путниками. Но у Макунаимы под рукой была стрела, на наконечник которой была насажена голова священного муравья курупэ, так что ему даже целиться не пришлось — сразу куда надо попал. Зверь Пондэ хлопнулся оземь, превратился обратно в филина и улетел. А Макунаима пошел дальше, прошел через поляну, а за поляной решил подняться на вершину горы, поросшую шафраном. И тут столкнулся с Мапингуари — громадным обезьяноподобным мужланом, который ходит по лесу и портит девушек. Но герой не будь дураком, показал Мапингуари свои кокосы:

— Ты, кажись, перепутал, дружище!

Чудовище рассмеялось и Макунаиму отпустило. Герой еще полторы лиги проходил в поисках ночлега, где бы не было муравьев. Он поднялся на сорокаметровое дерево кумари, стал вглядываться вдаль и наконец увидел вдалеке мерцающий огонек. Спустившись с дерева, он пошел в ту сторону и набрел на хутор. А хутор-то был владениями Оибэ! Макунаима постучал в дверь, и изнутри тоненький голосок ответил:

— Кто там?

— С миром я пришел!

Тогда дверь открылась, и на пороге выросло огромадное чудище, от вида которого герой аж подскочил. То был сам змей-исполин Оибэ. Герой чуть не онемел от страха, но он вспомнил, что у него есть "смит-и-вессон", осмелел и попросился на ночлег.

— Входи, мой дом — твой дом.

Макунаима вошел, сел на стоявшую у входа корзину и так сидел некоторое время. А потом предложил:

— Поговорим?

— Давай.

— О чем говорить будем?

Оибэ почесал подбородок, подумал и вдруг говорит:

— Давай обо всяких непотребствах говорить?

— Ух ты! Вот это я понимаю! — воскликнул герой.

И они целый час говорили о всяких непотребствах.

Оибэ готовил себе еду. Макунаима не был голоден, но, тем не менее, он поставил клетку на пол, притворно погладил себя по животу и — рраз! — икнул. Оибэ обернулся:

— Это что такое?

— Поесть бы, поесть бы!

Оибэ взял плошку, положил туда кореньев кара с бобами, насыпал полное блюдце мелкой маниоковой муки и дал герою. Но ни кусочка не дал от пакуэры из требухи, которую жарил на решетке из коричного дерева, а уж она-то источала настоящий аромат. Макунаима проглотил все, что ему дали, не пережевывая, и, хотя он и не был вовсе голоден, у него слюнки потекли от жарящейся пакуэры. Он притворно погладил себя по животу и — рраз! — икнул. Оибэ обернулся:

— Это что такое?

— Попить бы, попить бы!

Оибэ взял ведро и пошел к колодцу за водой. А пока он ходил, Макунаима вытащил решетку из корицы, разом проглотил всю требуху и принялся спокойно ждать. Когда змей принес ведро с водой, Макунаима выпил полведра, шмякнул его оземь и — рраз! — зевнул.

Чудище подскочило:

— Да что с тобой такое?

— Поспать бы, поспать бы!

Тогда Оибэ отвел героя в комнату для гостей, пожелал спокойной ночи и закрыл дверь снаружи. Он надеялся спокойно поужинать. Макунаима поставил клетку в углу комнаты, накрыв кур тканью. Он попытался оглядеться в темноте. Повсюду в комнате был какой-то бесконечный шорох. Макунаима щелкнул кремнем об огниво и увидел, что здесь полно

тараканов. Но делать нечего — пришлось ему лезть в гамак, посмотрев сначала, всего ли довольно леггорнам. А им-то что — знай себе тараканов клюют. Макунаима посмеялся про себя, рыгнул и уснул. Скоро тараканы его покрыли сплошь.

А тем временем Оибэ обнаружил, что Макунаима съел весь его ужин, и сильно разозлился. Он схватил колокольчик, накинул на себя белую простыню и решил поиграть с гостем в привидение. Но только поиграть. Он постучал в дверь и зазвонил в колокольчик — дилинь!

— Кто там?

— Ищу свою требуху-буху-буху-буху-ху, дилинь!

И дверь открылась. Когда герой увидел привидение, он так испугался, что не мог пошевелиться, — он ведь не знал, что это никакое не привидение, а Оибэ. Привидение наступало:

— Ищу свою требуху-буху-буху-буху-ху, дилинь!

Тогда Макунаима понял, что это никакое не привидение, а ужасное чудовище, змей-исполин Оибэ. Осмелев, он схватился за серьгу в своем левом ухе — которая была машина-револьвер — и выстрелил в приближавшееся привидение. Но Оибэ и ухом не повел. Герою снова стало страшно. Он сиганул обратно в гамак, забрал клетку с леггорнами и вылетел через окно на улицу, раскидывая по дороге тараканов. Оибэ за ним. Но при всем том он только понарошку хотел съесть героя. Макунаима несся что было сил, но змей не отставал. Тогда герой положил два пальца себе в рот, пощекотал там и выплюнул съеденную муку. Мука превратилась в песчаную пустыню, и, пока чудище пробиралось через пески, Макунаима успел убежать. Он свернул направо, спустился с Громового холма, который гремит один раз в семь лет, пробежался через несколько рощ, обошел шумный водопад, пересек весь Сержипе и, наконец, остановился отдышаться на каменистом берегу. Перед ним был выдолбленный в скале грот, а в гроте — алтарь. И монах стоял у входа в грот. Макунаима спросил его:

— Как звать тебя?

Монах уставил на Макунаиму холодные глаза и с расстановкой произнес:

— Я — художник, зовусь Мендонса Мар. Века три назад ушел я от несправедливости людской в сертан. Я нашел этот грот, собственными своими руками воздвиг этот алтарь во имя Иисуса в Пещере и теперь, приняв имя Франциска Отшельника, живу здесь и прощаю людей.

— Хорошо, — ответил Макунаима и снова побежал.

Но пещер в этом месте было много, и уже в следующей сидел еще один незнакомец, вытворявший настолько нелепые вещи, что Макунаима в изумлении остановился. Это был Эр-

кюль Флоранс. Он ставил стеклянную пластинку в пасть маленького грота, а потом накрывал на время листом тайобы и вновь открывал. Макунаима спросил:

— Ну-ну-ну! Господин хороший, вы же расскажете мне, что тут делается?

Незнакомец повернулся к нему и со светящимися от восторга глазами сказал:

— Gardez cette date: 1927! Je viens d'inventer la photographie![1]

Макунаима в ответ расхохотался:

— Ну и ну! Да это уже много лет назад как изобрели, господин хороший!

Тогда Эркюль Флоранс в ступоре рухнул на лист тайобы и принялся записывать нотами научное воспоминание о пении птиц. Свихнулся старичок. Макунаима снова бросился бежать.

Через полторы лиги бега он обернулся назад и увидел, что Оибэ уже у него на хвосте. Снова два пальца в рот — и вот съеденные коренья кара обернулись ползающими черепахами. Оибэ пришлось помучаться, прежде чем он смог пробраться через это черепашье логово, и Макунаиме вновь удалось убежать. Но когда герой через полторы лиги обернулся, чудище снова шло за ним по пятам. Тогда Макунаима снова два пальца в рот — и вот уже бобы с мелкой маниоковой мукой превратились в кишащее жабами болото на пути Оибэ. Пока змей медленно шел через трясину, герой набрал червяков для своих кур и что было силы побежал. Он выиграл много времени и решил сесть отдохнуть. Но, оглянувшись, он пришел в изумление: несмотря на то что столько пробежал, герой снова оказался у ворот хутора Оибэ. Тогда он решил спрятаться в саду. Там росла карамбола, и Макунаима принялся обрывать ее ветви, чтобы спрятаться под ними. Из сломанных ветвей потекли слезы, и послышалась песнь дерева:

О садовник, за что сломал
Мне ветви — волосы мои?
Меня отец здесь закопал
За фигу, что птичка съела,
Когда я недоглядела.
Кыш, птички, кыш!

И все птички окрест прослезились от этого стона, а герой замер от страха. Он снял с шеи ожерелье из листьев травы и

1. Запомните этот год: 1927! Я изобрел фотографию! (*франц.*)

поколдовал. Карамболовое дерево обернулось роскошной принцессой. Герою до смерти захотелось позабавиться с принцессой, но вот-вот Оибэ уже придет. И в самом деле, невдалеке уже раздался его клич:

— Ищу свою требуху-буху-буху-буху-ху, дилинь!

Макунаима схватил принцессу за руку, и они рванули бегом. Перед ними оказалось фиговое дерево с огромным корнем. Оибэ на пятки им наступал, и Макунаима ничего не успевал сделать. Тогда он вместе с принцессой залез под корень. Чудище просунуло лапу и схватило Макунаиму за ногу, но тот только рассмеялся:

— Ты думаешь, что меня за ляжку схватил, а вот и не схватил! Это же просто корень, дурень!

Тогда змей отпустил ногу героя, а тот в ответ:

— Ну так знай, что это нога и была на самом деле, кожаный мешок!

Оибэ снова сунул лапу, но герой с принцессой уже ножки поджали, и змей ничего, кроме корней, не нащупал. Рядом стояла цапля. Оибэ ей и говорит:

— Кумушка цапля, последи-ка за героем, чтоб он не сбежал. А я тем временем за лопатой схожу.

Цапля стала следить. Когда Оибэ пропал из виду, Макунаима сказал ей:

— Ну и что ты как дура стоишь тут? Разве так за героем следят? Подойди-ка поближе, чтобы глаза прямо под корень заглядывали!

Цапля так и сделала. А Макунаима швырнул ей в глаза пригоршню огненных муравьев, и, пока ослепшая цапля кричала от боли, они с принцессой вышли из ямы и снова пустились бежать. Неподалеку от Санту-Антониу в Мату-Гроссу они увидели банановую рощу и поняли, что умирают с голоду. Макунаима говорит принцессе:

— Полезай наверх, бери и ешь зеленые плоды — они вкуснее, а желтые мне кидай.

Она так и сделала. Герой наелся вдоволь, пока принцесса плясала, корчась от колик. Вскоре Макунаима услышал приближающегося Оибэ, и они снова взяли ноги в руки.

Через полторы лиги добежали они до реки Арагвайи. Но каноэ-то было ниже по течению и на другом берегу, а все друзья героя — Маанапе, Жиге и красавица Ирики — сладко спали. Макунаима обернулся — Оибэ уже тут как тут, вот-вот схватит. Тогда он положил два пальца в рот в последний раз, пощекотал и изверг из себя прямиком в воду требуху. Требуха тут же превратилась в плавучий остров из мягких трав. Макунаима забросил на остров сначала клетку, потом принцессу, а затем и сам шаг-

нул на него одной ногой, другой отталкиваясь от берега. И плавучий остров понесло течением. Оибэ уже пришел на берег реки, но беглецов уже было не догнать. Тогда змей, который был тот еще оборотень, мелко-мелко задрожал и, поскуливая, стал уменьшаться в размерах, отрастил хвост и наконец превратился в кустарниковую собаку. От шеи до пупа тело собаки разошлось, и из ее живота вылетела бабочка. Это была душа человека, которую в тело волка заключил страшный Каррапату́, чье логово находится в гроте на реке Ипора́нге.

А Макунаима с принцессой, пока сплавлялись, не прекращали забав. И смеются уже весело.

Когда они проплывали мимо каноэ, то Макунаима разбудил братьев криками, и они причалили к берегу. Ирики стала ревновать, ведь герой и знать ее больше не хотел, а с забавами лез только к принцессе. В надежде вновь завоевать героя она подняла большой плач. Жиге пожалел ее и сказал Макунаиме пойти позабавиться с нею хоть чуть-чуть. Жиге был дурак. Но герой, которого Ирики уже начала доставать, ответил ему так:

— Какая там Ирики, у нее смотреть не на что, а вот принцесса другое дело! Не верь ты этой Ирики! Ну вы посмотрите, женский плач что крокодильи слезы и зимнее солнце — нельзя им верить!

И с такими речами он отправился забавляться с принцессой. Ирики сильно опечалилась, позвала себе шесть ара и каниндэ и полетела с ними на небо, разливая слезы ручьями-лучами. Она и желтенькие каниндэ стали звездами — их называют теперь Семизвездьем.

Глава 16. *Урарикоэра*

Наутро Макунаима проснулся от собственного кашля, его бил озноб. Маанапе заподозрил неладное и принялся варить бульон из авокадо, потому как думал, что герой заболел чахоткой. Но то была малярия, а кашель был следствием ларингита, которым страдают все до одного жители Сан-Паулу. Теперь Макунаима часами смотрел перед собой, лежа на носу каноэ, и никогда теперь ему не поправиться. А принцесса уже не могла терпеть и начинала к нему приставать. Дошло до того, что герой ответил ей так:

— Не сейчас... как же лень...

На другой день они достигли верховья одной реки и услышали вблизи шум Урарикоэры. Значит, они уже рядом. На верхушке орехового дерева, стоявшего рядом на берегу, сидела голосистая птичка, которая крикнула, увидев, что они плывут:

— О хозяйка порта, открой врата, дай мне пройти!

Макунаима радостно поблагодарил птичку. Он встал и стоя разглядывал пейзаж, проплывавший мимо. Вот приближался форт Святого Иоакима, выстроенный братом великого маркиза. Макунаима помахал рукой командиру и солдатам, у которых только и было, что ободранные штаны и фуражка, и которые только и делали, что сторожили муравьев, поселившихся на пушках. Но вот они наконец оказались в знакомых местах. Братья и принцесса увидели холм, который когда-то был матерью, в месте, называемом Муравьиное Логово, болото, покрытое листьями виктории регии, под которыми прячутся электрические угри и щитоногие черепахи, а еще дальше, за водопоем, где Макунаима поймал тапира, виднелось старое маниоковое поле, с которого давно никто не собирал урожай, и старая заброшенная хижина. Макунаима заплакал.

Каноэ пристало к берегу, и братья направились к заброшенной хижине. Наступала ночь. Маанапе и Жиге отправились с факелами ловить рыбу, а принцесса стала искать в окрестностях плоды, которые можно было бы употребить в пищу. Герой тем временем решил отдохнуть. Так он и лежал, пока ему на плечо не легла тяжелая рука. Он обернулся — рядом с ним стоял бородатый старик. Старик сказал:

— Кто ты, благородный странник?

— Я тебе не странный никакой, приятель. Я Макунаима, герой, и я вернулся в родные пенаты. А ты кто будешь?

Старик печально отогнал москитов и ответил:

— Я Жуан Рамалью.

И тогда Жуан Рамалью сунул два пальца в рот и свистнул. Из леса вышли его жена и шеренга из пятнадцати семей с детьми, в зачатии которых он поучаствовал. И все они отправились странствовать дальше в поисках незанятого жилища.

На другой день рано поутру все принялись за работу. Принцесса ушла в поле, Маанапе ушел в лес, а Жиге ушел на реку. Макунаима сказал, что начнет работать попозже, а сам прогулялся на лодке до устья Черной реки, чтобы забрать оттуда, с острова Марапата, свою совесть. Но ведь даже кайман не нашел — а герой уж подавно! Тогда герой взял совесть одного испаноамериканца и надел себе на голову. Тоже ведь совесть.

В реке Макунаима углядел косяк жаракú, принялся рыбачить, отвлекся и уже с полной лодкой рыбы оглянулся и увидел, что приплыл в Обидус. Тут-то и пришлось ему всю рыбу выбросить обратно в реку, потому что в Обидусе говорят: “Кто ест жараки, отсюда не унесет ноги”. А герою нужно было вернуться на Урарикоэру. Когда он вернулся, было еще светло, поэтому он лег в тени дерева ингá, поискал клещей и уснул. К ве-

черу все, кроме Макунаимы, собрались в хижине. Увидев, что героя нет, братья с принцессой вышли его встречать. Жиге встал на корточки и прислонил ухо к земле, чтобы послушать, нет ли где шагов героя. Маанапе забрался на верхушку высокого дерева инажа, но и оттуда не увидел отблесков света от серег героя. Тогда они принялись искать героя в лесу, крича:

— Макунаима, брат наш!

Никакого ответа. Тут Жиге набрел на дерево ингá:

— Брат наш!

— Что такое?!

— Ах ты какой! Спорим, ты спал?!

— Какое спал! Я тут за громадным тинаму следил, между прочим! Ты поднял шум, тинаму и убежал!

И они вернулись домой. Так повторялось каждый день. Братья стали косо смотреть на Макунаиму. Макунаима заметил это и решил обхитрить их:

— Я хожу на охоту, но ничего не нахожу. Жиге не охотится и не рыбачит, а день-деньской спит.

Жиге сильно разозлился, потому что рыбы становилось все меньше, а дичи — и того меньше. Он отправился на реку посмотреть, можно ли чего поймать, и увидел одноногого колдуна Тзалó. У колдуна была волшебная корзина, сделанная из половины тыквы. Он забросил корзину в реку, наполнил ее водой до половины и вытащил на берег. На песке оказалось множество рыбы. Жиге внимательно следил за тем, что делает колдун. Тзало положил корзину за спину и принялся убивать рыбу острой палкой. Тогда Жиге украл корзину одноногого колдуна Тзало.

В другом месте реки он сделал так, как делал колдун, и в корзине оказалось много рыбы: пирандира, паку, каскудо, сом, жундиа, тукунарэ — все эти рыбы оказались в его корзине, и Жиге вернулся домой со всей этой рыбой. Корзину он спрятал у корня одной лианы, которая там росла. Все изумились, сколько рыбы он поймал, и ели в тот вечер хорошо и насытились. А Макунаима понял, что неспроста получился такой ужин.

На другой день он проснулся вместе с Жиге, но не подал виду, а наблюдал за тем, что Жиге делает. Так он все и увидел. Когда брат ушел, Макунаима снял с руки клетку с леггорнами, схватил спрятанную корзину и сделал так же, как делал брат. И снова в корзину пришло множество рыбы: акара, пираканжуба, авиу, гуарижуба, пирамутаба, манди, сурубин — вот сколько рыбы пришло в корзину. Спеша убить всю рыбу, Макунаима отшвырнул корзину куда подальше. Корзина упала в прибрежный грот и — буль-буль! — утонула. Мимо проплывала пирандира, которая звалась Падза. Она проглотила корзину, приняв ее за тыкву, и корзина стала пузырем Падзы. Тогда Макунаима

снова взял клетку с леггорнами, отправился в хижину и там рассказал, что с ним случилось. Жиге разозлился.

— Кумушка принцесса, я вот рыбачу, а твой дружок спит день-деньской под ингой, да еще и другим мешает!

— Врешь!

— Тогда что ты сегодня делал?

— Я оленя поймал!

— Ну и где же твой олень?

— Да съел я его! Я шел-шел по дороге, глядь — вижу след степного... нет, лесного оленя. Пригнулся и пошел по следу. Смотрю, смотрю и тут, знаете ли, головой с размаху во что-то мягкое ка-ак влеплюсь. Ну-ка, угадаете, что это было? Угадали? Ну это же задница оленя была! (Тут Макунаима расхохотался). Олень спрашивает меня: приятель, дескать, что ты тут забыл? — а я, говорю, на тебя охочусь! Ну и убил я этого степного оленя, и съел его там со всеми потрохами. Вам тоже кусочек нес, но споткнулся о корень, упал, кусочек покатился в муравейник, и там его муравьи облепили.

Такому красочному рассказу Маанапе не поверил. Маанапе был колдун. Он подошел к брату вплотную и спросил:

— Так ты охотился?

— Ну, то есть... да.

— И кого же ты поймал?

— Оленя.

— Да ну!

Маанапе резко взмахнул руками. Герой моргнул от страха и признался, что все выдумал.

На другой день Жиге отправился искать корзину. Искал, ходил вдоль реки — и вдруг увидел гигантского броненосца-колдуна Кайкая, который жил, собственной матери не зная. Кайкай сидел у своей норы и играл на скрипочке, сделанной из второй половины волшебной тыквы, и напевал вот так:

Сюда, сюда, коанду!
Сюда, сюда, коати!
Сюда, сюда, кваква!
Сюда, сюда, пакари!
Сюда, сюда, ягуар!
Эх!

И так далее. Жиге смотрел, как перед норой собрались все эти звери. Тогда Кайкай отбросил свою скрипочку, взял палку и стал убивать всех этих зверей, которые стояли перед ним как зачарованные. Жиге украл волшебную скрипочку колдуна Кайкая, который жил, собственной матери не зная.

Он отправился домой, а по дороге решил сам попробовать воспользоваться волшебной скрипочкой. Он заиграл на ней, как играл Кайкай, и спел песенку, которую тот пел. Перед ним появилась толпа зверей. И Жиге пришел в хижину с полными руками, спрятав скрипочку у корня другого дерева. Все снова изумились и хорошо в тот день ели. А Макунаима снова понял, что неспроста такой ужин получился.

На другой день герой тоже проснулся вместе с братом и незаметно пошел вслед за ним. И все увидел, что делал Жиге. Когда брат вернулся в хижину, Макунаима схватил скрипочку и сделал все, как делал Жиге. И тогда пришла целая толпа зверей: олени, агути, муравьеды, капибары, броненосцы, черепахи, паки, пекари, тапиры, островолосые тапиры, лесные кошки, полосатый ягуар, оленеед, ягуар, оцелот, пума — вот сколько дичи! Герой испугался всего этого зверья и припустил со всех ног, далеко-далеко отбросив скрипочку. Привязанная к руке героя клетка билась обо все деревья, а петух с курицей внутри клетки истошно кудахтали. Герою казалось, что это зверье кричит, и он принимался бежать еще быстрее.

Скрипочка попала на зубок одному пекари, у которого пуп был на спине, и разбилась на десять раз по десять кусочков, животные их съели, думая, что это тыква. И все эти кусочки волшебной скрипочки стали мочевыми пузырями животных.

Герой со всех ног ворвался в хижину, пуская пену изо рта. Задыхаясь, он поведал, что с ним приключилось. Жиге разозлился и сказал:

— Все, теперь я ни охотиться, ни рыбачить не буду!

И отправился спать. И тем вечером все страдали от голода. Сколько они ни просили, ни уговаривали, Жиге в ответ только ложился в гамак и закрывал глаза. Герой решил отомстить. Он сделал рыболовный крючок из зуба змеи сукури и заговорил его так:

— Поддельный крючок, если братец Жиге решит испытать тебя, войди в его ладонь.

Жиге всю ночь не мог уснуть от голода. Увидав крючок, он спросил:

— Братец, хорош этот крючок?

— Отменный! — ответил Макунаима, вычищая свой переносной курятник.

Жиге собрался на рыбалку, потому что не хотел больше голодать, а потому спросил:

— Дай проверю, так ли хорош твой крючок.

Он схватил заколдованный крючок и проверил его на ладони. Змеиный зуб впился в кожу ладони и выпустил туда весь

свой яд. Жиге побежал в лес и там жевал, жевал корень маниока, но это ему не помогло. Тогда он поймал птицу аньюму, оторвал ей голову и приставил к укусу. Но и это не помогло. Яд превратился в очаг проказы, которая стала пожирать Жиге. Сначала съела одну руку, потом полтела, потом ноги, потом вторую половину тела, потом вторую руку, потом — шею и голову. Только тень Жиге осталась.

Принцесса разозлилась. Она ведь недавно начала гулять с Жиге. Макунаима это подметил, но решил так: "Посадил маниок, а вырос батат, если в доме вор, то я не виноват, так что спокойствие!" Только плечами пожал. Принцесса сказала тени:

— Когда герой пойдет развеяться от голода, ты обернись деревом кешью, банановым стеблем и жарким из оленя.

Тень была отравлена проказой, и этим ядом принцесса хотела убить Макунаиму.

Наутро героя так мучил голод, что он решил пройтись, чтобы забыть о нем. По пути ему встретилось дерево кешью, с которого свисали сочные плоды. Он было полез их рвать, но вовремя увидел, что это была прокаженная тень, и пошел дальше. Через полторы лиги увидел он дымящееся жаркое из оленя. И хотя у него уже живот пух от голода, он заметил, что жаркое — на самом деле не жаркое, а прокаженная тень, и пошел дальше. Еще через полторы лиги он увидел банановый стебель, ломящийся от плодов. Но к этому времени он совсем окосел от голода, а потому ему показалось, что прокаженная тень стоит с одной стороны, а банановый куст — с другой.

— Ох, наконец-то я поем! — воскликнул он.

И все плоды до одного съел. А плоды были не что иное, как прокаженная тень брата Жиге. Теперь Макунаима должен был умереть. Тогда он решил передать болезнь другим, чтобы не скучно было одному помирать. Он схватил муравья сауву и хорошенько потер его об рану на носу. Муравей ведь тоже когда-то был человеком, вот он и стал тоже прокаженным. Тогда герой взял муравья жагуатиси́ и поступил с ним точно так же. Теперь и жагуатиси был прокаженным. Тогда настал черед муравья акеке́, который питается семенами, и муравья гике́м, муравья тракуа́ и черного муравья мумбу́ка. Все они заболели проказой. Больше муравьев вокруг сидящего героя не было. Ему было лень протянуть руку, потому что у него уже началась агония. Ко всем умирающим перед смертью приходит здоровье — попрощаться; во время этого прощания герой протянул руку и схватил москита биригуи́, который как раз кусал его за ногу. И болезнь перешла на москита биригуи. Поэтому, когда москит биригуи кусает людей, то болезнь входит в кожу, проходит насквозь через все тело и выходит с другой

стороны, а место укуса становится ужасным нарывом, который называют нарывом Бауру.

Макунаима передал свою проказу семерым другим людям, а потом тут же выздоровел и отправился обратно в хижину. Тень Жиге увидела, что брат очень умен, и печально побрела домой. Уже наступила ночь, и тень то и дело путала себя с темнотой, не находя дороги. Тогда она села на камень и закричала:

— Кумушка принцесса, дай огоньку!

Принцесса, хромая из-за болезни, которой она заразилась во время эпидемии 1780 года, вышла с факелом встречать тень. Тень съела и огонь, и кумушку. И снова закричала:

— Братец Маанапе, дай огоньку!

Маанапе вышел с новым факелом. Ему изрядно попили кровушки блохи, и поэтому его теперь била желтая лихорадка. Тень съела и огонь, и брата Маанапе. И закричала:

— Братец Макунаима, дай огоньку!

Она хотела съесть героя, но Макунаима видел, что произошло с его братом и подружкой, а потому запер дверь на засов и затаился в хижине. Тень просила огоньку и жаловалась всю ночь, но никто ей не отвечал. А потом появилась Капей, осветив всю землю, и прокаженная смогла вернуться в хижину. Она села в дверном проеме и принялась дожидаться дня, чтобы отомстить брату.

Когда настало утро, тень все еще сидела на корточках. Макунаима проснулся и прислушался. Ничего не услыхав, он заключил:

— Ну, ушла, значит!

И пошел гулять. Когда он проходил через дверь, на его плечо села тень. Герой ничего не заметил. Он был очень голоден, но тень не давала ему есть. Все, что Макунаима собирал, съедала она: таморитьі, манго, ямс, бирибу, кешью, гуаимбэ, гуака, ущи, ингу, бакури, пупунью, тапереба, гравиолу, грумичаму — все эти лесные плоды и коренья. Тогда Макунаима решил порыбачить, ведь теперь некому было за него рыбачить. Но как только он снимал пойманную рыбу с крючка и бросал в корзину, тень спрыгивала с плеча, проглатывала рыбу и возвращалась обратно на свой насест. Герой подумал: “Ну погоди, я уж разберусь!” Когда еще одна рыба клюнула, он сделал героическое усилие и потянул так сильно удочку, что рыба улетела аж в Гвиану. Тень помчалась вслед за рыбой. Тогда Макунаима помчался в противоположную сторону. Когда тень вернулась и не нашла брата на том месте, где его оставила, то побежала по его следу. Герой бежал без оглядки, пробежал землю индейцев — белых броненосцев и так напугался, что, не спросив разрешения, пробежал между тенью Старого Жоржи и тенью царя Зумби, кото-

рые спорили между собой. Только потом герой обернулся и увидел, что тень брата была уже близко. Он находился в Параибе и настолько не хотел бежать дальше, что встал как вкопанный. Все из-за лихорадки. Рядом рабочие разрушали муравейники, чтобы строить плотину. Макунаима попросил у них воды. Воды у них не было ни капли, но зато они дали ему корень умбу. Герой напоил своих леггорнов, поблагодарил рабочих и прибавил:

— Черт бы побрал таких работников!

Рабочие всех собак спустили на героя. А Макунаима этого и хотел: он испугался и рванул как ужаленный. Впереди была дорога, по которой шло стадо быков. Макунаима мчался прямиком туда, удирая от тени. Он несся прямо на быка по имени Эспасий, который был родом из Пиауи. Герой с разбега и врезался прямо в него. Тогда напуганный бык сорвался с места и помчался, не разбирая дороги, а Макунаима спрятался под деревом мукумуко. Тень услышала мычанье бегущего быка и подумала, что вот он, Макунаима, и побежала за ним. Догнав его, тень оседлала его, чтобы бык не лягнул ее ногой, и довольно запела:

Бычок мой красивый,
Веселый бычок,
С семьей попрощайся
Да подставляй бочок!
Ох, эх, бумба!
Радуйся, бычок!
Ох, эх, бумба!
Радуйся, бычок!

И теперь уже бычок не мог пастись — ведь тень съедала прежде него все, до чего могла дотянуться. Так что бык худел, худел, пока не стал совсем чахлым и захудалым. Когда он шел мимо местечка под названием Пресноводье, что неподалеку от Гуарарапес, он удивленно оглянулся и увидел чудесный вид посреди песчаной пустыни: цветущие апельсины, дарящие прохладную тень, повсюду снующие куры. Не иначе как смерть пришла, такие видения. А тень пела теперь так:

Бычок мой красивый,
Коварный бычок,
На год со всеми прощайся
Да подставляй бочок!
Ох, эх, бумба!
Радуйся, бычок!
Ох, эх, бумба!
Радуйся, бычок!

На следующий день бык помер. И труп его гнил и зеленел. Скорбящая тень склонилась над ним и пела теперь так:

Бычок мой помер,
Что делать мне с ним?
Пойдем за другим,
А ну-ка,
В город Бом-Жардим.

Бом-Жардим — так назывался один хутор в Риу-Гранди-ду-Сул. Тогда пришла одна великанша, которая любила забавляться с быком. Она увидела, что ее любимый бык умер, заплакала и хотела унести его тело. Тень разозлилась и спела так:

Убирайся, великанша,
Подобру-поздорову!
Я тебе подарок сделала,
Что забрала эту корову!

Великанша поблагодарила тень за подарок и приплясывая ушла восвояси. Вскоре мимо проходил человек по имени Мануэл да Лапа, весь обвешанный листьями кешью и ветками хлопка. Тень поприветствовала его:

Дон Мануэл идет из Асу,
Дон Мануэл идет из Асу,
Дон Мануэл весь обвешан листьями кешью!
Дон Мануэл идет из сертана,
Дон Мануэл идет из сертана,
Дон Мануэл весь укрыт хлопковыми ветвями!

Мануэл да Лапа весь зарделся, услышав такое приветствие, и в благодарность станцевал чечетку, укрыв труп листьями кешью и хлопковыми ветвями.

Старик индеец уже вынимал ночь из своей ямы, и тень опять перестала видеть быка под листвой. Она принялась плясать в его поисках. Один светлячок увидел ее танец и восхищенно запел:

— Красотка пастушка,
Что гуляешь одна?
И тень ответила:
— Бычка потеряла,
Сестрица,
Искать буду дотемна.

Тогда светлячок показал тени ее быка. Он слетел с дерева на его зеленый живот и там заплакал.

Наутро труп быка совсем сгнил. Тогда на то место слетелось множество грифов: гриф камиранга, гриф парагва, гриф жерегва, урубупеба, гриф-министр, белый гриф, которого еще зовут черным ястребом, — все эти лысые птицы слетелись и начали свой радостный предобеденный танец. Самый большой гриф был заводилой и запевалой. Он пел:

Гриф танцует страшно-страшно-страшно!
Гриф танцует чисто-чисто-чисто!

Вместе со стаей танцевал урубу-рушама, королевский гриф, — Отец Грифов. Он послал маленького грифенка внутрь быка посмотреть, достаточно ли труп уже прогнил. Грифенок полез внутрь. Он вошел в одну дверь, вышел в другую и объявил, что труп готов. Тогда все принялись пировать, плясать и петь:

Мой бычок красивый,
Забодай-бычок,
Воронье летает —
Помер мой бычок!
Ох, эх, бумба!
Радуйся, бычок!
Ох, эх, бумба!
Радуйся, бычок!

И вот так был придуман развеселый праздник бычок-бумба, который еще называют праздником воскресшего быка.

Тень рассердилась на то, что грифы поедали ее быка, и вскочила на плечо урубу-рушамы. Отцу Грифов это понравилось, и он воскликнул:

— Друзья, я нашел компанию для своей головы!

И с этими словами он взмыл ввысь на радостях. С того дня у урубу-рушама — Отца Грифов — две головы. Прокаженная тень — левая голова. А до этого у королевского грифа была только одна голова.

Глава 17. Б*ольшая* М*едведица*

И тогда Макунаима побрел к обезлюдевшей разваливающейся хижине. Он все не мог взять в толк, отчего вдруг стало так тихо. Царила мертвая тишина, ни звука не доносилось. Бра-

тья ушли, превратившись в левую голову королевского грифа, и женщин тоже больше не попадалось. На берегу великой реки Урарикоэры дремала тишина. Какая скука! А главное — какая лень!

Макунаима не мог более находиться в хижине, ведь в ней оставалась только одна прохудившаяся стена, и та вот-вот упадет. А из-за малярийной лихорадки герой боялся приступить к постройке даже маленького шалаша. Он взял гамак, отнес его на островок, где был камень, под которым закопаны деньги, привязал гамак к двум деревьям кешью и много дней пролежал в гамаке, страдая от скуки и поедая кешью. Он остался совсем один. Даже пестрая свита попугаев бросила его. Как-то мимо гордо пролетал белый ажуру. Попугаи спросили у него, куда он, дескать, путь держит:

— Во владеньях агличан маис поспел, туда я и лечу!

Тогда все попугаи отправились есть маис в английские владенья. Но сперва все обернулись маленькими волнистыми попугайчиками — так они могли есть и сваливать всю вину на волнистых попугайчиков. С героем остался только один изрядно разговорчивый синелобый ара — аруаи. Макунаима и тем утешался, думая про себя: “Спокойно, что черт принес, он и унесет”. День-деньской он умирал от скуки и развлекался тем, что заставлял попугая рассказывать себе на языке племени случаи из жизни героя, начиная с самого детства. Ауаах! Макунаима зевал, пережевывая кешью, развалившись в гамаке, сложив руки за головой, ноги его служили насестом для леггорнов, а попугай расположился на животе. С наступлением ночи аромат кешью усыплял героя, и он сладко засыпал. А на заре попугай высовывал голову из-под крыла и завтракал пауками, которые за ночь успевали с деревьев набросить свои сети на героя. А потом попугай звал:

— Макунаима!

А герой-соня и ухом не ведет.

— Макунаима! Эй, Макунаима!

— Попугай, дай поспать!

— Просыпайся, герой! День давно наступил!

— Ай, как же лень!

— Мало здоровья и много муравьев —

Вот Бразилии беды!

Макунаима весело смеялся и чесал голову, волосы на которой кишели куриными паразитами. Тогда попугай повторял случай, рассказанный накануне, и Макунаима с гордостью вспоминал о былой славе. Он воодушевлялся и принимался рассказывать другие случаи. И так каждый день.

Когда выходила Папасейя — вечерняя звездочка и отправляла всех на свете спать, попугай раздражался оттого, что история порой прерывалась на самом интересном месте. Однажды он даже обругал ее. Но Макунаима возразил:

— Не ругай ее, аруаи! Таина-Кан хороший. Таина-Кан — а он ведь и есть звезда Папасейя — любит Землю, а потому присылает сюда Эморон-Подоле, который дает отдохновенный сон, чтобы все эти предметы и существа могли отдохнуть; они же не могут думать, как мы. А Таина-Кан тоже человек... Он блистал на бескрайнем небесном поле, и незамужняя старшая дочь воина-морубишабы племени каража Зозойясы, по имени Имаэро, сказала:

— Отец, Таина-Кан так красиво блестит, что я хочу стать его женой.

Зозойяса рассмеялся — ведь как он мог привести Таина-Кана к дочери? Никак! Но слушай дальше: ночью серебряная пирога спустилась по течению, гребец из нее вышел, постучался в стену хижины и сказал, обращаясь к Имаэро:

— Я Таина-Кан. Я услышал твой зов и приплыл сюда на серебряной пироге. Пожалуйста, выходи за меня замуж!

— Конечно! — радостно воскликнула девушка.

Она уступила жениху гамак, а сама отправилась спать к младшей сестре, которую звали Денакэ.

Наутро, когда Таина-Кан встал, все изумились. Это был морщинистый и сморщенный старик, дрожащий, прямо как свет звезды Папасейи. Ну, Имаэро и говорит:

— Иди прочь, сморчок! Еще чего — замуж мне идти за старика! Мне-то нужен молодой, храбрый и сильный парень из рода каража!

Таина-Кан опечалился и стал думать о человеческой несправедливости. Но младшая дочь морубишабы Зозойясы сжалилась над старичком и сказала:

— Я пойду за тебя замуж.

Таина-Кан просиял от счастья. Вот они все и порешили. Денакэ, готовя свой праздничный наряд, напевала непрестанно:

— Завтра буду кувыркаться, форром-фом-фом...

И Зозойяса подхватывал:

— Как, было, я с твоей мамашей, форром-фом-фом...

А потом, когда прошло дней столько, сколько пальцев на руках, попугай, — ведь столько ждут жениха, — сыграли-станцевали в сплетенном Денакэ гамаке танец любви, форром-фом-фом.

И только начало светать, как Таина-Кан встал из ложа и сказал подруге:

— Я пойду корчевать лес, чтобы освободить землю для посадок. А ты жди в деревне и не думай ходить за мной.

— Хорошо, — ответила подруга.

И она осталась в гамаке, мечтая об этом странном сморщенном старичке, который только что подарил ей самую лучшую ночь любви, о какой только можно мечтать.

Таина-Кан вырубил лес, поджег все муравьиные логова и подготовил землю к посадкам. В те времена народ каража еще не умел выращивать полезные растения. Каража ели только рыбу и мясо животных.

На другое утро Таина-Кан сказал Денакэ, что лес уже выкорчевал и что теперь он идет собирать семена, чтобы их посеять, — и снова запретил подруге идти за ним. Денакэ еще немного полежала в гамаке, вспоминая сладкие ночи любви, которые дарил ей могучий старичок.

Таина-Кан слетал на небо, дошел до ручья Беро, там помолился и, поставив ноги на разные берега ручья, стал внимательно смотреть на воду. Вскоре по поверхности воды поплыли семена белого маиса, табака, маниока — все эти полезные растения. Таина-Кан собрал все, что проплывало, спустился на землю и принялся сеять. Когда он так вместе с Солнцем работал, появилась Денакэ. Она уже соскучилась по своему дружку, который такое удовольствие доставлял ей в любовных ночах. Денакэ вскрикнула от радости. Таина-Кан оказался вовсе не стариком! Таина-Кан был молодой, храбрый и сильный парень из рода каража. Они засеяли грядку табака и маниока, а потом позабавились прямо при Солнце.

Когда они вернулись домой, весело смеясь и улыбаясь, Имаэро аж затряслась. Она крикнула:

— Таина-Кан — мой! Он за мной пришел с неба!

— Пошла вон! — сказал Таина-Кан. Когда я хотел, ты не захотела, так что теперь иди гуляй!

И он понес Денакэ на ложе. Тогда несчастная Имаэро вздохнула:

— Ну погоди, кайман, вот высохнет скоро твое озеро...

И она убежала с криком. Теперь она стала птицей арапонгой, которая, желтая от злости, кричит от зависти в темноте дневного леса.

И с тех-то пор, благодаря милости Таина-Кана, каража едят маниок и маис и имеют табак, чтобы ободрять себя его дымом.

И все, в чем бы каража ни нуждались, Таина-Кан приносил с неба. Но было еще кое-что: ведь Денакэ, девушка бодрая, перевстречалась со всеми звездочками в небе! Да-да, и Таина-Кан, то есть Папасейя, все это видел. Он разрыдался,

узнав об этом, а потом собрал свои пожитки и отправился на бескрайнее небесное поле. Там он и остался — и больше ничего не приносил. Если бы Папасейя продолжала снабжать нас с той стороны, мы бы сейчас жили на небе, небо было бы все наше! А теперь мы только мечтать о нем можем.

Ну вот и все.

А попугай уже спал.

Однажды в январе Макунаиму в разгар дня разбудил тревожный крик тинкуана, предсказывающего смерть. А ведь давно было светло, и ночная темень спряталась в свою нору... Герой задрожал и пощупал талисман, который носил на шее — косточку ребенка, умершего некрещеным. Аруаи след простыл. Только петух с курицей дрались за последнего паука. В воздухе застыла такая плотная жара, что было слышно, как звенят стеклянные колокольчики сверчков. Вей, Солнце, гладила тело Макунаимы, щекоча его, словно женская рука. Она так мстила за то, что герой не женился на одной из ее светлых дочерей. Женская рука так мягко, так нежно щекотала его... Ах, какое желание впервые за долгое время просыпалось, так что покалывало мышцы! Макунаима вспомнил, что давным-давно уже не забавлялся. Говорят, что холодная вода снимает желание... Герой вскочил из гамака, снял с себя кружева паутины, которая покрывала его целиком, и пошел к Долине Слез, чтобы там искупаться в лагуне, которую сезон дождей превратил в огромное озеро.

Макунаима осторожно поставил леггорнов на песок, а сам приблизился к воде. Лагуна откинула свои золоченые и серебряные тонкие покрывала, обнажая лицо и позволяя увидеть, что у нее на дне. Макунаима увидел на дне прекрасную беленькую девушку, и страсть в нем взыграла еще сильнее. А прекрасной девушкой была сама Уиара.

Она танцевала на дне, вызывающе подмигивала герою, для вида отворачивалась, как будто не хотела поближе с ним познакомиться; казалось, она говорила: “Отвали, молокосос зеленый!” — и танцевала, словно отталкивая его, как будто не хотела с ним общаться. Такое сильное желание овладело героем, что тело его вытянулось, а изо рта слюни потекли:

— Маниокина дочка!..

Макунаима хотел сойтись с этой дамой. Он опустил палец ноги в воду, и в тот же миг золотые и серебряные покрывала скрыли лицо лагуны. Макунаима почувствовал, до чего вода холодная, и отдернул ногу.

Так повторилось несколько раз. День был почти в разгаре, и Вей все больше и больше сердилась. Она только и ждала, чтобы Макунаима упал в коварные объятия девушки из ла-

гуны, а герой, видите ли, холода боялся. Вей ведь знала, что девушка была никакая не девушка, что она была сама Уиара. И вот Уиара снова принялась танцевать. Какая красота!.. У нее было смуглое тело и здоровый румянец, словно она сам день; и как день живет в обрамлении ночи, ее лицо обрамляли короткие темные волосы, черные, словно крылья черного трупиала. На гладком личике ее находился такой маленький носик, что герой диву давался, как она дышит. Но она-то показывала герою только лицо и не повертывалась к нему так, чтобы он мог увидеть отверстие на затылке, через которое она, коварная, дышала. Макунаима так и стоял, ни на что не решаясь. Вей-Солнце окончательно вышла из себя. Она схватила плетку жары и хорошенько огрела героя по спине. А внизу, в глубине, девушка раскинула руки, обнажив свои прелести и игриво зажмурившись. Пылкий Макунаима выпрямился, прицелился и — хоп! — прыгнул прямо на нее! Вей до слез смеялась от радости долгожданной победы. Золотые слезы закапали в лагуну мелким дождиком. Был самый разгар дня.

Когда Макунаима наконец вылез на берег, по нему было видно, что он долго дрался там, на дне. Он долго лежал лицом вниз, изможденно дыша, цепляясь за жизнь. По всему телу его — тому, что от него осталось, — были рассыпаны следы от укусов; он остался без правой ноги, без пальцев, без кокосовых орешков, без ушей, без носа, без всех своих сокровищ. Наконец он сделал усилие и поднялся. Обнаружив пропажу, он возненавидел Вей. Тут курица закудахтала на песке, снеся яйцо. Макунаима схватил яйцо и швырнул его в довольное лицо Солнца. Яйцо разбилось и разлилось по ее щекам, сделав их навсегда желтыми. День клонился к концу.

Макунаима погрузился в пещеру, которая была когда-то огромной черепахой, и стал считать канувшие в воду сокровища. Их было множество: нога, пальцы, кокосовые орешки, уши, серьги, сделанные из машины-патек и машины-“смит-и-вессон”, нос и все прочее, все эти сокровища герой пересчитал... И тогда он подпрыгнул, издав отчаянный крик, от которого день стал короче. Ведь пираньи съели его губу, а вместе с ним и муйракитан! Это было настоящее горе.

Герой нарвал целый ворох тимбо, асаку, тинги, кунамби и все эти ядовитые растения бросил в лагуну, навсегда ее отравив. Вся рыба в ней перемерла, и трупы рыб всплыли брюхом кверху: голубое брюхо, желтое брюхо, розовое брюхо — и все эти разноцветные брюхи запестрели на поверхности лагуны. Приближался вечер.

Тогда Макунаима разделал туши всех этих рыб, разодрал внутренности всех пираний, всех дельфинов, чтобы в куче их кишок найти муйракитан. Пурпурная кровь лилась рекой, заливая лицо лагуны. Наступала ночь.

Макунаима продолжал поиски. Он нашел обе серьги, все пальцы, оба уха, оба кокосища, нос, и все эти сокровища он прикрепил на свои места с помощью лиан и рыбьей слизи. А вот ноги и муйракитана нигде не было. Их сожрал Урурау — чудо-юдо, которому ни яд, ни оружие не сделают худо. А тем временем черная кровь, наполнившая лагуну, покрыла песок. Так и наступила ночь.

Макунаима не бросал своих поисков. От его отчаянных криков лесные звери съежились в страхе. Но все тщетно. Герой прыгал на единственной оставшейся ноге и причитал:

— Талисман моей треклятой! Нет ответа. Тебя не вижу, нет любимой и нет света!

И так он все прыгал на одной ноге. Из его голубых детских глаз катились слезы, орошая белые полевые цветочки. Цветочки голубели, превращаясь в незабудки. И вот герой устал и остановился. Он скрестил руки на груди в таком героическом отчаянии, что все на свете вдохнуло что было сил и раздулось, иначе никак не вынести этой безмолвной скорби. Только какой-то мелкий комарик назойливо пищал: “Иду из Минас, из Минас, из Минас”, разжигая еще пуще героическую печаль.

И тогда Макунаима полностью потерял весь интерес к этой земле. На небесном бриллиантовом своде переливалась светом толстая молодая Капей. Макунаима посмотрел на нее, поразмыслил еще чуток, куда ему больше хотелось, на небо или на остров Маражо. Он было собрался уже в Каменный город, чтобы жить там с энергичным Делмиру Гоувейей, но решиться на это ему духу уже не хватило. Жить там так, как он жил до сих пор, было бы невозможно. Ведь отчасти именно поэтому он потерял интерес к земле сей... Все то, из чего состояло его существование: все эти встречи, забавы, очарования, страдания, весь этот героизм — ведь это, в конце концов, была совершенно привольная, ничем не ограниченная жизнь; а осесть в городе Делмиру или на острове Маражо не имело никакого смысла. К тому же герой был совершенно не склонен к самоорганизации. Так он и решил:

— Ну что ж поделаешь!.. В силке тому грифу привольней, который запутался повыше — он гадит на того, кто бьется ниже; нет больше счастья в мире, и я ухожу на небо!

Он собирался на небо, чтобы жить там со своей треклятой. Он станет красивым огоньком, бесполезным, но являющимся

частью нового созвездия. Ничего такого нет в том, чтобы стать бесполезным огоньком, — по крайней мере, вся родня, все родители всех живущих на его земле, матери, отцы, братья, женщины, девушки, девчушки — все эти знакомцы его стали такими огоньками, жизнь которых теперь — один бесполезный свет звезд.

Он посадил в землю семя лианы матамата, сына Луны, а пока лиана росла ввысь, взял острый булыжник и написал на стене пещеры, которая когда-то давным-давно была огромной черепахой, такие слова:

Я В МИР ПРИШЕЛ НЕ КАМНЕМ БЫТЬ.

Вот лиана уже выросла и зацепилась одним усиком за Капей. Хромой герой подхватил клетку с леггорнами и стал подниматься к небу, напевая:

Попрощаемся с тобою
Навсегда,
Словно птичка улетает
Из гнезда,
Крылом взмахнула — уже нету
И следа,
Лишь гнездо ветер качает
Иногда.

Поднявшись, он постучал в хижину Капей. Луна открыла дверь и спросила:

— Чего тебе, хромоножка?

— Здравствуй, матушка! Ты приюти-ка меня да дай перекусить!

Тогда Капей поняла, что перед ней стоит никакой не хромой бродяга, а герой Макунаима. Но в ночлеге она ему отказала, потому что вспомнила, как однажды воняло от героя. Макунаима разозлился и отметелил голову змея — поэтому теперь на ней такие темные пятна. Это синяки от побоев Макунаимы.

Тогда Макунаима пошел просить ночлега у Кайюаногуэ, утренней звезды. Кайюаногуэ выглянула в окно посмотреть, кто идет, и из-за ночной темноты и хромоты героя приняла его за одноногого проказника:

— Чего тебе, саси?[1]

1. Саси — персонаж бразильского фольклора: зловредный шутник, задира, обладающий сверхъестественными способостями.

Тут она присмотрелась и увидела, что это был герой Макунаима, так что даже ответа не стала дожидаться, вспомнив, как от него тогда несло.

– Пойди помойся! – пробурчала звезда, закрывая окно. Макунаима тогда крикнул в сердцах:

– Давай выходи, тунеядка!

Кайуаногуэ не на шутку испугалась, задрожала и спряталась за дверью, подсматривая в замочную скважину. Вот почему звезда-красавица такая маленькая и так сильно дрожит.

Тогда Макунаима постучал в хижину Пауи-Подоле, Отца Мутуна. Пауи-Подоле очень любил героя, потому что Макунаима в тот раз защитил его от мулатистого мулата во время празднества в честь Южного Креста. Но сказал так:

– Ах, герой, поздно ты пришел! Мне было бы большою честью принять в своем дому потомка Черепахи, первого из всех племен... Вначале ведь была на свете одна только Большая Черепаха... И она-то в тиши ночной выкинула из своего живота человека и его жену. То были первые живые существа и первые из людей вашего племени... Другие пришли позже. Ты поздно пришел, герой! Нас здесь уже двенадцать, а с тобой стало бы тринадцать апостолов за столом, а это плохая примета. Очень сожалею, но плакать не могу!

– Ну что ж поделать, снимать штаны и бегать! – воскликнул герой.

Тогда Пауи-Подоле сжалился над Макунаимой. Он принялся колдовать. Взял три веточки, подбросил их в воздух, перекрестился и превратил Макунаиму со всем его хозяйством – с петухом, с курицей, с клеткой, с револьвером, с часами – в новое созвездие. Оно теперь зовется Большой Медведицей.

Говорят, был в наших краях один профессор – конечно, немец, – который говорил, что Большая Медведица – это саси, потому что у нее только одна нога... А вот и нет! Саси все еще гуляет по этому свету, разбрасывая костры и связывая узлы в гриве жеребцов... А Большая Медведица – это Макунаима. Это тот самый оставшийся без ноги герой, который после стольких бедствий на земле, где нет здоровья, но есть полчища муравьев, разочаровался во всем, ушел прочь и теперь гуляет в одиночестве по бескрайнему полю небесному.

Эпилог

Так закончилась история, а потом забылась.

В лесу больше не оставалось ни души. Беда постигла племя тапаньюмас, и его сыны умирали один за одним. Больше не было никого. Те места: поля, овраги, луга, опушки, пороги, леса, таинственные чащи — все совершенно вымерло и опустело. На берегу Урарикоэры спала беспробудная тишина.

Ни одного человека не осталось на земле, который знал бы язык племени, а тем паче мог бы пересказать его необычайные сказания. Кому же было узнать о герое? Братья, превратившиеся в прокаженную тень, теперь были второй головой Отца Урубу, а Макунаима — созвездием Большой Медведицы. Некому больше было рассказывать красивые истории на умершем языке. На берегу Урарикоэры спала беспробудная тишина.

Как-то раз оказался в тех краях один человек. Было предрассветное время, и Вей отправила своих дочерей посмотреть на звезды. От бескрайней страшной пустоты мерли рыбы и птицы, да и сама природа упала в обморок. Царила такая плотная тишина, что ветки уменьшились в размерах. И тут в грудь человеку ударил голос откуда-то с листвы:

— Куррр-пак, папак! Куррр-пак, папак!

Человек от страха вмиг съежился, как младенец, и похолодел. А тут невесть откуда прилетела еще колибри, ударившись ему о лицо:

— Било, било, било, ла — тетейя!

И взлетела стремительно ввысь. Следя за ее полетом, человек посмотрел на небо.

— Попробуй, догони меня, старый бык! — крикнула она, прежде чем умчаться.

Тогда человек обнаружил на одной из веток смотрящего на него зеленого попугая с позолоченным клювом. И сказал:

— Лети сюда, попугай.

Попугай тогда слетел человеку на голову, и они пошли вместе. По дороге попугай стал говорить на непонятном, мягком языке, и язык этот был как песня и как пальмовое пиво с медом лесных пчел и ароматом неизвестных доселе лесных плодов.

Вымерло племя, от семьи осталась лишь тень, подточенная муравьями хижина рассыпалась в прах, а Макунаима поднялся в небо, но остался на земле аруаи из свиты попугаев с тех времен, когда герой был Императором Макунаимой. И только попугай в тишине Урарикоэры хранил от забвения

сказания и исчезнувший язык. Только попугай хранил в тишине слова и деяния героя.

Он рассказал все это человеку, а затем упорхнул в сторону Лиссабона. Человек тот — я, друзья мои, и я должен передать вам то, что услышал. Для этого я и пришел сюда. Я сел на листья, поискал у себя клещей, побренчал на гитарке и впустил в этот мир через свой рот рваным ритмом на нечистом языке песню, слова и деяния Макунаимы, героя нашего народа.

Вот и всё.

Из современной поэзии

Переводы Екатерины Хованович,
Ирины Фещенко-Скворцовой

Карлиту Азеведу

Н*е бросят звезды*

Не бросят звезды одного меня
на дне колодца-мира, пусть ничтожна
моя планета, но отсюда можно
к ним направлять мой каждый новый стих,
они глядят в колодец, я же их
рассматриваю в луже осторожно,
и каплей падает на мир, звеня,
секунда истекающего дня.

Флавиу ди Кастру

П*ропала женщина*

Ушла накануне вечером.
Обута в развратные туфли,
на вид полна печали и бесконечной любви.
Страдает легким психическим расстройством,
связанным с тем, что случившееся
оказалось случайностью и больше случиться не
может.
В последний раз была замечена вчерашней ночью
на пороге собственного дома.

© Carlito Azevedo, Flávio de Castro, Fernando Fábio Fiorese Furtado, Maurício Arruda Mendonça, Caio Meira, Eucanaa Ferraz, Ana Martins Marques
© Екатерина Хованович. Перевод, 2017
© Ирина Фещенко-Скворцова. Перевод, 2017

Карлус Эдуарду Барбоза ди Азеведу, известный как Карлиту Азеведу (Carlito Azevedo; p. 1961), — издатель, переводчик, критик и поэт. Ему присуждена стипендия Болса Витэ в области литературы за 1994—1995 гг.

Флавиу ди Кастру (Flávio de Castro; p. 1975) — журналист и учитель литературы в средней школе. "Пропала женщина" — его первое опубликованное стихотворение. Позднее издал одноименную книгу стихов.

Кому известно хоть что-нибудь
о ее местонахождении,
прошу вас, никому ни слова,
прошу вас,
только не мне!

Фернанду Фабиу Фьорези Фуртаду

Жанет, хозяйка пансиона

Тот, кто пробудет здесь
лишних пару ночей
(когда дела позади),
уходит уже не весь.

В кухне — как ни мети —
долгий голод дорог,
или душа его ждет
здесь, пока он в пути

Маурисиу Арруда Мендонса

Я брел такой потерянный

слушай я ищу с упорством лунатика
взгляд который как твой
немного меня успокоит
и я снова увижу стихи
в прыжке оленя
в осенней луне

слушай облетает со стен штукатурка
все в пыли представляешь
себе всюду пепел
сигарет пересохшие стержни

Фернанду Фабиу Фьорези Фуртаду (Fernando Fábio Fiorese Furtado; p. 1963) — доктор филологии, преподает журналистику, теорию и историю литературы и кино в одном из государственных университетов. Автор многочисленных научных публикаций, а также нескольких книг стихов.

Маурисиу Арруда Мендонса (Maurício Arruda Mendonça; p. 1964) — драматург, переводчик, поэт, музыкант и театральный режиссер, доктор филологии. Лауреат международных театральных премий *Fringe First Award* (2013 и 2014; Эдинбург) и *Coup de Coeur* (2014; Авиньон), а также трех национальных премий в области драматургии.

от ручек но не я же тебя
научил так обманывать мне
тошно больно и будто бы жар но допустим
я ошибаюсь

слушай ведь поспешность это кровавый
шрам юности а одиночество
самый дикий способ узнать
кто сидит у тебя внутри
представляешь когда весь город
ненавидит тебя а ты
среди душ затянутых в джинсы
все бродишь и бродишь

слушай нет ничего в тумане только
бабочки трахаются со статуями
и пристают к прохожим а те
разучились смеяться
и ты постепенно
убиваешь и убиваешь себя
столько раз повторяя да
но

слушай капли дождя на асфальте
и мой пот у тебя на теле
навеки.

Кайю Мейра

Объятия

когда мы встретились и обнялись на какие-то
...пару секунд и когда моя голова оказалась
рядом с твоей, а грудь на мгновенье прижалась
к твоей груди, а ладонь на мгновенье коснулась
твоей спины, твоей кожи, твоего позвоночника
в позе, которую принято характеризовать
как дружеское приветствие двух не видевшихся
некоторое время людей, заключивших
на некоторое время друг друга в объятия в знак
радости от взаимного узнавания лиц, и мыслей,
и жизней,

Кайю Мейра (Caio Meira; p. 1966) — психолог, окончил аспирантуру по специальности теория литературы. Лауреат премии Фунарте. Переводчик с французского.

отмечая этим кратким сближением встречу, хотя,
пусть мимолетно, пусть на пару-тройку секунд, не
больше,
тела наши переплелись, будто сплелся
мой ствол со стволом, из которого ты растешь,
из которого произрастают твои конечности и
по которому циркулируют жидкости и мельчайшие
электрические разряды, обеспечивающие
тонус и целостность твоего организма,
те, что велели твоему телу встать напротив
моего и сплести свои руки с моими в позе, которую
принято характеризовать, как объятия, будь то эти
объятия или другие, но эти объятия,
в которых наши тела соприкоснулись и я
на ничтожную пару секунд ощутил под своей ладонью
твою спину, твой позвоночник, нащупал
пальцами твои ребра и услышал, а может и угадал,
как под ними стучит твое сердце, управляя
механизмами твоего организма, придавая импульс
твоей жизни, мыслям, мечтам, воспоминаниям,
заставляя
их длиться во времени под моей ладонью,
распластавшейся
у тебя на спине, под нажимом нежных (а может быть,
нужных) пальцев,
твой скелет, защищающий твою жизнь, ту, которая
циркулирует в твоем теле, на ничтожный миг
прижавшемся
к моему, когда твои груди на мгновение вжались
в мою
грудь, когда твое сердце так приблизилось к моему
на время, обычно достаточное для объятий,
на длительность рук и торса, на длительность тела,
на время
ладони, лежащей у тебя на спине, на время
не бесконечное, но и не бесконечно короткое, то,
на которое
обнялись наши жизни, мечты, мысли, улыбки,
сплетясь,
как руки, как сблизившиеся тела, может,
слившиеся — кто знает,
на неизмеримое время, сказал бы я, но
ощутимое телом и передаваемое электрическим
или химическим способом в то сокровенное место,
где рождаются эти слова и откуда растут
идеи, складируемые и хранимые

моим телом, обнимающие мою жизнь с момента
тех объятий, длившихся так недолго, с точки зрения
времени, но
до сих пор живущих во мне здесь и сейчас,
переполняющих
чувством, что твое тело, твой ствол слился с моим
в тот день, когда мы
встретились.

Эуканаан Феррас

М*индаль, похоже, вообразил...*

Миндаль, похоже, вообразил,
что осень приближается
и наряжается

в пурпур и золото.
Как он прекрасен и как
заблуждается.

Ах если б любовь, если б любое
стихотворение или роман,
если б надежда,
впадая в самообман,

дарили лишь красоту,
красоту, красоту
и ничто иное...

Перевод Екатерины Хованович

Ана Мартинс Маркис

П*одводная жизнь*

Мне нужно было тебе сказать.
Я несу в себе свои тридцать лет

Эуканаан Феррас (Eucanaa Ferraz; p. 1963) — поэт, преподаватель литературы в Федеральном университете Рио-де-Жанейро. Лауреат премий *Офелия* (2011), присуждаемой Национальным фондом детской и юношеской книги за лучшую книгу для детей, и *Португал-Телеком* (2012).

Ана Мартинс Маркис (Ana Martins Marques) — поэт, редактор, корректор. Лауреат премий Фонда Национальной библиотеки (2012) и APCA – Португальской ассоциации литературных критиков (2015).

и морскую жизнь, ты ее не видишь,
описать ее трудно.
Начинается так: была порожденьем пены,
точно Венера, но еще некрасивая,
над ней и на ней росли кораллы —
на коже кита, известковой, грубой.
Или так: морской свет работает медленно,
рыбы внутри начинают пожирать
соль желания,
они привычны к соли.
И вот, ты замечаешь: вода залила легкие,
в них вырастают тайные водоросли,
глаза обращаются внутрь,
к вечному сну моря.
Руки скользят в ритме погружения,
ночь направляет течение мыслей,
океанская ночь, которая больше ночи.
Я несу в себе тридцать лет и жизнь древнюю,
пришедшую издалека,
Отсюда моё молчание и отчуждение,
и мой отказ ожиданию того дня,
предложенного тобой,
того дня, подобного постели,
разобранной для рыбы
(ведь ты не хочешь видеть
рыбу в своей постели).
Кто вменил бы в вину морю
одиночество кораллов,
несовершенство жизней —
рыбьих, привычных к бездне,
спокойных чудовищ
только из соли, сна, тьмы, тишины?
Я хотела тебе сказать,
пока слова еще противятся
превращению в моллюсков
на рыбьем хребте ночи,
пока не потерялись, не исчезли
в сиянии подводной
жизни.

Перевод Ирины Фещенко-Скворцовой

Моасир Скляр

Эдем-Бразилия

Роман

Перевод Екатерины Хованович

1. *Знакомьтесь: мой друг Адамастор*

ПУТЕШЕСТВИЕ на побережье Санта-Катарины перевернуло всю мою жизнь, говорил Адамастор (в том числе и перед телекамерами). Он не преувеличивал. Та поездка действительно перевернула всю его жизнь. Да и мою тоже.

Когда мы познакомились, ему было лет сорок. Внешне — самый обыкновенный: не слишком высокий, но и не коротышка, не слишком тощий, но и не толстый. Единственное, что его отличало, кроме довольно изящной бородки клинышком, — это волосы, уже слегка поредевшие и с заметной проседью, собранные в конский хвост. Для человека, охваченного духом протеста, то есть для меня тогдашнего, этот хвост был все равно что этикетка, на которой значилось: молодящийся старый хрен, что, однако, совсем не вязалось с простодушным, немного детским выражением его огромных ясных глаз. Я так и сказал ему однажды: у тебя простодушная

© 2002 by Moacyr Scliar
© Екатерина Хованович. Перевод, 2017

физиономия, Адамастор. Я не говорил: у тебя, мол, лицо недоумка, растяпы или осла; нет, я имел в виду именно простодушие, что в моих глазах ни в коем случае не было недостатком, а являлось скорее даже достоинством, ну или, по крайней мере, чертой, выделявшей его из общей массы в мире, где обман ближнего стал едва ли не правилом. Но он почему-то не обрадовался. Считаться простодушным ему совсем не хотелось. Мне он, правда, ничего не сказал, ибо в чем-в чем, а в грубости его не упрекнешь, однако недовольство на его обожженном солнцем и изборожденном ранними морщинами лице читалось со всей очевидностью.

Адамастор был третьим сыном полуразорившегося землевладельца из Риу-Гранди-ду-Сул. Полуразорившегося, но властного: папаша командовал семьей, как истинный феодал. Детей он не жаловал. Он их попросту не замечал, предпочитая общество немногих породистых скакунов, оставшихся от некогда огромного племенного табуна. Адамастор с отцом вечно не ладил. Мать, женщина благородного, хотя и довольно меланхолического нрава, пыталась их помирить, но тщетно. От деревенской жизни Адамастора, по правде говоря, тошнило, и он, при первом удобном случае, по примеру старших братьев покинул родной дом и уехал учиться в столицу. Повинуясь воле отца, он сдал экзамены на агрономический факультет. Профессия эта не слишком его увлекала, хотя отец считал ее перспективной ("Будущее сельского хозяйства — в науке, в новых технологиях"), однако за время учебы Адамастор приобрел чрезвычайно важный опыт. Во-первых, он увлекся политикой. Увлечение родилось из дружбы с Марселу, товарищем по студенческой группе. Как и Адамастор, Марселу никогда не чувствовал особой тяги к агрономии, но выбрал именно этот факультет. И не под давлением отца, который тоже был крупным землевладельцем, но только процветающим. Отец дал сыну свободу: хочешь — выбирай любой факультет, а хочешь — вообще никакого не выбирай. Великодушие латифундиста, косящего под аристократа, говорил Марселу. Агрономию он избрал по другой причине. Одна из главных проблем этой страны — земля, говорил он, и путь к революции идет через борьбу за землю.

Марселу хотел участвовать в борьбе, но не только как политик. Еще и как специалист. Мало толкать перед крестьянами речи, говорил он, надо учить их сеять. Теоретики, ни разу в жизни не срезавшие ни одного початка кукурузы, вызывали в нем искреннее презрение. Однако факт остается фактом: на занятиях он не появлялся. Днем — сплошные собрания, по ночам надо было малевать лозунги на стенах — на

учебу времени не оставалось. Провалив все экзамены, он в конце концов ушел из университета. Когда друга, который вдохновлял его своим примером, не оказалось рядом, Адамастор, так и не проникшийся до конца левыми идеями (книги, которые одалживал ему Марселу, все еще лежали непрочитанные на тумбочке у кровати), поостыл к революционной борьбе. В том числе и потому, что именно в это время в нем нежданно-негаданно проснулась страсть к экологии. Он вдруг осознал, в каком ужасном состоянии находится окружающая среда, насколько отравлен воздух, загажены реки, как варварски вырубаются леса. Он читал об этом все, что удавалось достать, ходил на курсы, в дискуссионные клубы. Примкнул к едва зарождавшемуся в то время экологическому движению. Тогда, при диктатуре, борьба за сохранение окружающей среды была формой политического протеста. Вместе с товарищами он организовывал кампании, распространял на улицах брошюры. И так познакомился с Элизой, активисткой, как и он. Девушка не была ни красавицей, ни умницей, но Адамастора тянуло к ней неудержимо.

Страсть его оказалась не вполне взаимной. Элиза была девицей непростой: с ней легче было выкрикивать на улицах лозунги, чем переспать. Тем не менее, не без помощи друзей, роман увенчался браком, началась совместная жизнь уже и поначалу безрадостная, а потом и вовсе состоящая из взаимных претензий. От отца Адамастора помощи не было, он и на свадьбу-то не пришел: невестку не переносил на дух, считая чуть ли не припадочной. Адамастор еще учился, так что для прокорма семьи Элиза бросила факультет общественных наук и устроилась в какой-то офис, отчего сделалась еще более раздражительной. Ссорились они постоянно и оба дошли до того, что едва друг друга выносили. С рождением ребенка стало чуть лучше, но вскоре они опять принялись собачиться, как прежде: спорили, кому вставать ночью поменять младенцу пеленки, кому везти его в ясли. Мальчик рос нервным и капризным, то и дело плакал.

Тяготы супружеской жизни усугублялись еще и тем, что как профессионал Адамастор не преуспел. Окончив университет, он отказался от управления отцовским поместьем, чем привел отца в ярость: теперь уж точно ни на какую помощь рассчитывать не приходилось. Надо было устраиваться на государственную службу, что он и сделал: стал служащим федерального сельскохозяйственного ведомства. Работа имела некоторое отношение к охране окружающей среды, и это, по идее, отвечало интересам Адамастора, но обязанности его были чисто бюрократическими: весь день он согласовывал и

отправлял куда-то документы, и такое положение дел его совершенно не удовлетворяло. Марселу, звонивший ему время от времени, мстительным тоном изрекал: вот расплата за твое приспособленчество и буржуазность.

Вдобавок ко всему этому имелась и чисто практическая проблема. Серьезная проблема. Зарабатывал Адамастор мало. Едва хватало, чтобы платить за аренду квартиры и покрывать минимальные расходы по дому. Необходимо было экономить, с чем Элиза категорически не соглашалась. Изнемогая, по ее собственным словам, от нищеты, она требовала, чтобы муж обеспечил ей образ жизни, который никак не соответствовал его зарплате. Сын, Геродот, принял сторону матери. Он выдвигал и свои собственные требования, причем главным из них было ездить в Диснейуорлд хотя бы раз в год, как его кузены, дети Элизиного брата, преуспевающего архитектора.

В конце концов, Адамастор подал на развод. И развелся, но в покое его не оставили. Бывшая супруга звонила каждый день, требуя погасить задолженность по алиментам, и при этом не уставала его грызть: неудачник, ноль без палочки. Жизнь, одним словом, била ключом.

2. Проект Адамастора

И вдруг — внезапный поворот: старый дядюшка-холостяк, которого он регулярно навещал, умер и, к великому удивлению, оставил ему весьма значительное наследство. Получив деньги, Адамастор решил преподать бывшей жене урок: он купил ей новую шикарную квартиру, машину и — впервые — отвез ребенка в Диснейуорлд. Ну наконец-то, проворчал Геродот, когда отец явился его обрадовать. Поехали вдвоем: Элиза, чтобы отпраздновать нежданное изобилие, пригласила подругу в вояж по Европе. Адамастор, соскучившийся по сыну, верил, что пришла долгожданная пора, когда они смогут в конце концов подружиться. Впереди десять дней, есть время побыть вместе, пообщаться, как следует узнать друг друга.

Путешествие, однако, обернулось катастрофой. Мальчишка на аттракционы и смотреть не желал. Знай только требовал: купи то, купи это — в первую очередь, электронные игрушки — и предъявлял бесконечные претензии: дыра, а не гостиница, официанты не желают обслуживать, можно было бы и получше что-нибудь найти: ты же теперь у нас богатый, да? — то и дело спрашивал он с издевкой.

Адамастор был до того измучен и раздражен, что решил вознаградить себя за страдания, съездив куда-нибудь один.

Только место, куда он на этот раз собрался, было совсем другое: почти никому не известный пляж на побережье штата Санта-Катарина, где в девятнадцать лет он провел счастливейшее лето в своей жизни в палатках с друзьями (и с подругами, разумеется). Днем они гуляли, играли в мяч, купались в море, а ночью разводили на берегу костер, пили и пели песни до рассвета.

И вот теперь за рулем иномарки он отправился в погоню за теми дивными воспоминаниями. Однако память его подвела: он не смог найти пляж и в конце концов заблудился, но в этом, как оказалось, был перст судьбы. По разбитой грунтовой дороге Адамастор въехал на вершину холма, и вдруг оттуда открылся изумительный вид: абсолютно пустынное побережье, обрамленное холмами, поросшими диким лесом. Адамастор, потрясенный, остановил машину и вышел. Кругом была такая красота, такой покой — и чистота, что он разрыдался. И это было удивительно: он давно уже не плакал. Даже смерть отца не тронула его. Теперь же слезы отчетливо показали: то, что с ним происходит, — дело не шуточное. Видимо, он нашел идеальное место для жизни: ему хотелось поселиться на этом берегу, построить здесь дом. Но не только. Он был уверен, что это идеальное место для воплощения давно задуманного проекта.

Это был экологический проект. Отзвук былой борьбы? Возможно. Подобно многим бразильцам-горожанам, Адамастор был уверен, что значительная часть его несчастий проистекает от того, что живет он в бездушном мегаполисе с уродливыми небоскребами, задымленными улицами и проспектами, в жестокой, агрессивной среде. Но он уедет оттуда. И в самой неудовлетворенности своей почерпнет силы для созидания. Он создаст уголок, куда люди смогут — пусть ненадолго — бежать от стрессов и унылого, беспросветного существования. Словом, он задумал тематический парк.

Диснейуорлд? Ни в коем случае. Адамастор презирал эту искусственную, потакающую массовым вкусам структуру. Его парк будет полной противоположностью. На первом плане то, чем Бразилия особо богата, чем она особо отличается: природа во всей своей могучей красе. Главные козыри — фауна и флора. Вместо утенка Дональда грациозный эму, вместо Микки — броненосец. Капибара. Морская свинка. Забавная обезьянка сагуи. И деревья, травы, все тщательно оберегаемое, ни шагу без специально обученного гида. Люди проводили бы здесь дни, любуясь птицами, изучая цветы. Нет, не изучая, беседуя с цветами. Что скажешь о жизни, камелия? По-твоему, я должен жить иначе, камелия? Надо же, камелия!

Да ты просто читаешь мои мысли, камелия. Ты не цветок, камелия, ты моя наставница. Тихая, терпеливая, скрытная, но полная безграничной мудрости. Не так ли, петуния? Ах, не так... А почему, петуния? Почему ты не считаешь мудрой свою коллегу камелию? Не отвечаешь? По мне, так это зависть, слышишь, плутовка? Именно зависть. Пусть цветочная, но зависть. Я знаю, у вас, у цветов, тоже есть эмоции. Это многие признают, но едва ли не все поголовно считают вас способными только на нежные, возвышенные чувства. Никому в голову не приходит, что петуния может быть завистливой. Но вот что: ты не думай, что меня это огорчает, петуния, что я разочарован. Напротив, я счастлив, что могу обнаружить в тебе, прекрасный цветок, каплю зависти. Ведь это означает, что я на одной волне с вами, цветами. Означает, что моя эмпатия по отношению к вам достигла апогея. Благодарю тебя, камелия. Спасибо тебе, петуния.

Беседы с цветами — чем не занятие для туриста? Но этим мы не ограничимся. Программа тематического парка будет насыщенной: походы, курсы, семинары. И, конечно же, труд. К примеру, посетители будут готовить сами себе еду, причем исключительно из натуральных продуктов. Никаких добавок, никаких искусственных ингредиентов, все настоящее, подлинное, и такой же подлинной должна стать жизнь: в тематическом парке люди вновь обретут смысл жизни.

Надо сказать, это был не первый проект Адамастора. Не раз его посещали мечты о строительстве экологического жилья, о курсах природной кулинарии, о приюте для китов. Ни за один из проектов он так и не взялся: не хватало денег и — главное — духу. Адамастор пребывал в хронической депрессии, за что его постоянно пилила жена, которую раздражала его безынициативность, отсутствие энергии. Но теперь-то энергии ему хватит, в этом он был уверен. И — что еще важнее — хватит денег.

В тот же день Адамастор взялся за дело. В первую очередь он попытался выяснить, кому принадлежит участок, а для этого отправился в ближайший городок, где ему сообщили, что есть человек, которому все в округе известно, — парикмахер.

Он уселся в кресло в крошечной парикмахерской и, пока мастер подравнивал ему бородку, принялся за расспросы.

— Землей владеет вдова, дона Кота, — сказал брадобрей. — Но извините мое любопытство, вы что, хотите купить ее?

— Не исключено, — осторожно ответил Адамастор. — А что?

Брадобрей ехидно усмехнулся:

— С хозяйкой иметь дело не так просто. То хочет все продать, дает объявление в газете, то, когда остается только ударить по рукам, — она на попятный. Ей этот дом очень дорог. Она жила там с мужем, там ее дочери родились. В общем, задачка вам предстоит не из легких.

Адамастор поблагодарил парикмахера за информацию и поспешил к доне Коте. Добраться до нее было нелегко: участок располагался на склонах двух холмов, прикрывавших от ветра живописную бухточку, вид которой так его поразил. Дом доны Коты, просторный, старинный, выстроенный в колониальном стиле, стоял на вершине одного из холмов. До какого-то места можно было подъехать, но под конец приходилось взбираться вверх по тропе. Другая тропинка от дома спускалась к пляжу, пересекая по пути большую лесную поляну.

Адамастор позвонил в маленький колокольчик у дверей. Никакого ответа. Он позвонил во второй и в третий раз. Наконец дверь отворилась, и крошечная сморщенная старушка уставилась на него подозрительным взглядом. Она не пригласила его войти. Наоборот:

— Вы чего хотите? — спросила она неприветливо и добавила: — Предупреждаю: если вы что-то продаете, то вам не сюда. У меня лишних денег нет, а если бы и были, то уж никак не на коммивояжеров. Вы — банда мошенников и эксплуататоров.

Удивленный и, честно говоря, напуганный столь грубым приемом, Адамастор сказал, что продавать ничего не собирается, а как раз наоборот:

— Я пришел к вам с предложением, дона Кота.

— А, так вы знаете, как меня зовут... Вынюхивали, значит. Ну и что же у вас за предложение?

— Предлагаю вам деньги за вашу землю.

Она нахмурилась:

— За мою землю? А, понимаю. Вы не торговец. Вы, наверное, агент по недвижимости. Угадала?

Адамастор попытался улыбнуться, но не сумел. С каждой фразой ему становилось все труднее. Да что там! Ему попросту делалось дурно.

— Нет, сеньора, я не агент. Но хочу приобрести вашу собственность.

Она саркастически усмехнулась:

— Не вы первый, не вы последний. Ко мне то и дело кто-нибудь является с подобным предложением. И ни один меня не убедил.

— Но тут другой случай, — в тоске простонал Адамастор, заметив, что буквально обливается потом. И не только от жа-

ры. Он вытер лоб платком и продолжал: — Видите ли, у меня есть проект, который я хотел бы осуществить на этой земле.

Наконец он вымучил улыбку (решительно, маркетолог был из него никакой):

— Чудесный проект, уверяю вас.

Она бросила на него иронический взгляд:

— Ах вот как? Ну расскажите мне об этом вашем проекте.

Адамастор набрал в грудь побольше воздуху и приступил к изложению своих идей. Это оказалось делом нелегким. Она едва его слушала, каждую минуту перебивала, просила говорить громче.

— Вы прямо умираете. Ни разу не слышала, чтобы кто-то говорил так тихо. Устали, что ли, пока взбирались сюда?

Адамастор сбивался, заикался, бормотал что-то о качестве жизни современного человека, о том, что жить надо по-другому, по-новому, и чувствовал, что ему не удается ничего объяснить. И в самом деле через некоторое время хозяйка дома перебила его:

— Ясно, что у вас на уме. Похоже, вы глава какой-то секты, какой-то церкви из тех, что лезут отовсюду, как грибы. Разговорами о новой жизни меня не проведешь. Вы хотите здесь обосноваться, построить храм, привлечь простаков рассказами о чудесах и прочей ерунде. Если вы именно этого хотите, вам явно не сюда, друг мой. У обманщиков со мной номер не пройдет.

Это уж было слишком. Адамастор начал было слабо возражать: нет, это не то, что вы подумали, хотел он сказать, но не сумел, ему не удалось закончить фразу. Прислонившись к дверному косяку, он горько разрыдался.

(Как он сам рассказывал потом, плакал он не только из-за неудачных переговоров. Он плакал обо всем: о своем несчастном детстве, о плохих отношениях с отцом, о распавшемся браке, о том, что как профессионал он не состоялся. И о полной своей неспособности справляться со своей жизнью, о неспособности просто-напросто высказать то, что собирался. Отец, жена, начальник отдела — все были правы: он ничтожество.)

Женщина молча смотрела на него. Сначала удивленно, потом с состраданием — в глубине души она, судя по всему, была человеком добрым. Потом пригласила его в дом, усадила, принесла стакан воды. Когда Адамастор наконец успокоился, она попросила рассказать о проекте еще раз:

— Но теперь уж растолкуйте как следует, чтобы я могла понять.

Приставив к уху сложенную лодочкой ладошку, она внимательно его выслушала. На Адамастора на этот раз снизош-

ло вдохновение: он красноречиво убеждал ее, насколько благородна затея тематического парка, посвященного живой природе, в стране, где окружающая среда нещадно, мало того, преступно уничтожается.

Он замолчал. Прошло несколько минут — и минуты эти показались Адамастору вечностью, — а потом старушка, обнажив беззубые десны, улыбнулась.

— Вы тот, кого я ждала все эти годы, — сказала она. — Вы тот, кому я могу доверить свою собственность — единственное, что у меня осталось. Я уверена, вы добрый, честный человек и будете заботиться о земле так, как заботились много лет мы с мужем. Назначайте цену, и, если она мне подойдет, участок ваш.

3. *Рождение Эдема-Бразилии*

Менее чем за неделю сделка была завершена. Почтенная дона Кота помогла с оформлением, рассказала все, что следовало знать об участке, и даже показала места, где индейцы когда-то оставили интересные надписи, которые Адамастор мог демонстрировать посетителям. Затем она, пожелав ему счастья, попрощалась и уехала в Сан-Паулу к дочери.

Адамастор поселился в доме, который дона Кота предоставила ему со всей обстановкой, с электричеством и с телефоном. Тут он собирался жить, тут временно должна была расположиться штаб-квартира проекта. И он чувствовал себя полностью готовым к его осуществлению: речь шла не о предприятии, а о подвижничестве — о деле, которое придаст смысл его доселе бессмысленному существованию, о деле, которым он отметит свое пребывание на земле.

Для начала пришлось составить список первоочередных задач. Их оказалось немало. Прежде всего следовало сделать подробную опись местной флоры и фауны. Ведь это и ляжет в основу экологического туризма, который он собирался развивать.

Агрономического образования тут явно не хватало. Требовалась помощь. Он позвонил другу-преподавателю, также связанному с экологическим движением.

— Тебе понадобятся специалисты, — сказал друг.

Он порекомендовал ботаника и зоолога. Адамастор обоих нанял, поселил в доме, попросил завершить работу в самые сжатые сроки. Оба взялись за дело. Через две недели ему был представлен отчет.

— У нас две новости, хорошая и плохая, — сказал ботаник, недавний выпускник университета, с виду порядочный шалопай.

Хорошая новость заключалась в том, что, с точки зрения экологии, территория была в полной сохранности, в первую очередь потому, что хозяйка никого сюда не пускала и не занималась "благоустройством".

– Отлично, – сказал Адамастор. – А плохая?

Плохую новость сообщил зоолог, мужчина постарше, с морщинистым меланхоличным лицом.

– Боюсь, что в вашем парке практически нечего будет показывать. Фауна и флора сохранились, но они не слишком интересны. Особенно для туристов. Им ведь подавай нечто из ряда вон выходящее. Водопады. Слонов. Жирафов. Плотоядные растения. Словом, то, что показывают, например, на сафари. У вас ничего такого нет. – Поколебавшись, он добавил: – Дело, конечно, не мое, да вы и не просили у меня совета, но я бы на вашем месте отказался от проекта. Или придумал что-нибудь еще для привлечения туристов.

Именно это Адамастор и боялся услышать. "Что-нибудь для привлечения туристов" – это спа, парк аттракционов, Диснейуорлд. Это закусочные, сувенирные палатки, эстрада для фольклорной попсы – одним словом, пошлость. Фальшь. Стоит только начать открывать палатки, какие бы они ни были, от задуманного проекта не останется и следа, он превратится в инструмент для вытрясания денег, каких полно по всей Бразилии.

С другой стороны, привлечь посетителей Адамастор хотел. Разве не в том была его цель, чтобы изменить людей? А для того чтобы люди изменились, им надо приехать сюда и познакомиться с его проектом. Но только не польстившись на дешевые приманки. Ему хотелось другого, чего-то особого – и настоящего. Только вот ни одной ценной идеи в голову не приходило, в чем он и признался зоологу. Тот ненадолго задумался.

– Есть человек, способный разрешить вашу проблему, да он и живет недалеко.

– Кто это?

– Эрнесто Гутьеррес.

Это имя Адамастор слышал впервые. Зоолог объяснил: речь об аргентинце, который много лет назад переселился в наши места, чтобы служить управляющим роскошного отеля, в строительство которого обещали вложить деньги некие европейские бизнесмены. Финансирование дальше обещаний не пошло, а отель так и остался на бумаге. Гутьеррес, однако, здесь прижился: ему понравился пляж, ведь в Буэнос-Айресе нет ничего подобного. Он был холостяком, жил один, хотя недостатка в женском обществе никогда не испы-

тывал. Время от времени ему приходилось давать какие-то выездные консультации, но он всегда возвращался на побережье к своей яхте, которую назвал “Камбалаче”. “Барахолка” по-нашему.

Адамастор решил обратиться к его помощи и позвонил по номеру, продиктованному зоологом. На звонок отозвался, причем с искренней радостью, сам Гутьеррес:

— Подъезжайте ко мне, выпьем виски, а заодно обсудим ваш проект.

Адамастор тут же сел в машину и поехал. Гутьеррес жил у самого пляжа в большом, слегка аляповатом с виду, доме в средиземноморском стиле. Навстречу посетителю вышел лакей и проводил его на веранду, с которой открывался роскошный вид на море. Гутьеррес его ждал. Это был мужчина средних лет, загорелый, волосы с проседью тщательно зачесаны назад, усы аккуратно подстрижены. Одет он был с ног до головы во все белоснежное: рубаха, бермуды, носки, теннисные туфли. Адамастор боялся, что его встретит этакий танцор танго, но к его облегчению Гутьеррес скорее напоминал энергичного менеджера на отдыхе. Любезный, внимательный, словоохотливый, он встретил гостя с неподдельным радушием, усадил, предложил выпить (Адамастор отказался: он хотел, чтобы с самого начала было ясно: дело у него серьезное, да и в принципе спиртного не употреблял), сам тоже уселся:

— Итак? Я весь внимание.

Беседовали они долго. Гутьеррес задал несколько вопросов. Адамастор отвечал, но не слишком уверенно. Теперь, когда его расспрашивали, он понял, что у него самого проект еще не вполне сложился: имелись лакуны, не решенные вопросы. Человеку постороннему, в особенности такому, как Гутьеррес, хваткому, практичному, дело должно было казаться чем-то фантастическим. Адамастор решил так прямо и сказать:

— Вы, видимо, думаете, что план у меня не совсем четкий...

— Именно так я и думаю: план не совсем четкий, — он засмеялся. — Как здесь говорят: где-то петух прокукарекал, а где — сам не знаю.

Аргентинец сделал глоток из стакана, помолчал, устремив вдаль невидящий взгляд. Потом внимательно посмотрел на Адамастора:

— Но сомнений нет: идея прекрасна. Весьма оригинальна, перспективна. Нетрудно будет создать на ее базе эффективный, рентабельный бизнес.

— И вы бы взялись? — спросил Адамастор, едва сдерживая волнение.

Гутьеррес снисходительно усмехнулся:

— Возьмусь ли я? Друг мой, если я не решу вашу проблему, мне останется только с позором убираться к себе в Аргентину. — Он помолчал и добавил: — Разумеется, это будет стоить денег. Для начала мой гонорар составит...

И он назвал сумму, которую даже с натяжкой нельзя было посчитать скромной. Адамастор спорить не стал: он был уверен, что Гутьеррес — именно тот человек, который способен ему помочь. Дорого? Справимся. Сейчас не до экономии.

— Очень хорошо. И когда приступаете?

Гутьеррес попросил неделю на то, чтобы изучить вопрос и разработать предложения. И действительно ровно семь дней спустя явился с толстой яркой папкой под мышкой: в папке лежал бизнес-план.

Это было не совсем то, чего ожидал Адамастор. Да, план включал прогулки по экологическим тропам, любование цветами и наблюдение за животными, но этому занятию, самому важному на взгляд Адамастора, уделялось от силы пять строчек. Большая часть документа представляла собой, хоть и с учетом экологического фактора, проект создания мощного коммерческого предприятия. Предусматривалось, в частности, строительство отеля. Маленького отеля на солнечной энергии, как и следовало ожидать, поскольку речь шла о природоохранном парке, но все же не без элементов роскоши. Предусматривалось устройство мини-шоппинга. Разумеется, там продавались бы только натуральные продукты, но как бы то ни было, это должен был быть торговый центр. В ресторане предусматривался зал для вегетарианцев, но, в основном, там должны были подаваться блюда интернациональной кухни. В спа-салоне предлагались бы грязевые ванны, но рядом располагался бы современный фитнес-центр. В общем, экология плюс потребление. Экология плюс нажива.

— Все это надо энергично продвигать, — сказал в заключение Гутьеррес. — Вы же знаете, без рекламы ничто не заработает. Надо срочно обратиться в соответствующее агентство и нанять специалиста по пиару. Могу порекомендовать нескольких знакомых, компетентных, надежных людей.

Адамастор слушал молча. План был впечатляющий, но этого ли он хотел? Так должна была воплотиться в жизнь его мечта? Адамастора одолевали сомнения, и Гутьеррес искушенным взглядом тут же прочел их на его лице:

— Похоже, вы не вполне удовлетворены планом. Итак, что же вас смущает?

Адамастор на мгновение заколебался, но — в конце концов, это ведь была его земля, его деньги — решил высказаться откровенно: проект и в самом деле смелый и мог бы стать новым шагом в развитии туризма, но он не совсем соответствует замыслу.

— Отель, фитнес-центр... По правде говоря, не этого я хотел. Извините, но я обязан быть честным с вами.

Он встал, надолго замер, любуясь видом из окна и наконец обернулся к аргентинцу:

— Вы же видите, Гутьеррес, это рай. Мне бы не хотелось превращать его в обычную туристическую достопримечательность, иными словами, в очередное надругательство над природой, которых и так совершается в этой стране с избытком. К примеру, здесь, на побережье...

Он говорил и говорил. Гутьеррес, казалось, не слышал его. Внезапно он буквально подпрыгнул на стуле:

— Рай! Вы сказали рай?

Адамастор удивленно воззрился на него. Что такого особенного в этом слове?

— Сказал. И что?

Гутьеррес ответил не сразу. Блуждающий взгляд, восторг на лице, казалось, он потрясен до глубины души. Но вот он обернулся к Адамастору:

— Вы только что подали мне грандиозную идею, Адамастор. Грандиозную идею. Гениальную идею, Адамастор. Гениальную. Рай! Ну разве не гениально?

Адамастору оставалось только гадать, к чему он клонит. Гутьеррес рассмеялся, обнял его:

— Не понимаете, Адамастор? Рай! Рай! Всеобщая мечта. Это будет лейтмотивом нашего проекта: рай, доступный всем!

Все еще в растерянности, Адамастор возразил, что объявлять некое место раем не так уж оригинально: он видел не менее дюжины рекламных объявлений, использующих этот прием. Гутьеррес рассмеялся:

— Мы не будем рекламировать рай, Адамастор. Мы предложим людям подлинный Рай, Рай с большой буквы Р. Знаете, что мы сделаем? Мы воссоздадим здесь, на побережье Санта-Катарины сад Эдема. Мы сохраним все то, что вы предлагаете: экологические тропы, натуральную пищу. Но мы предложим вдобавок кое-что еще. И в этом будет наше отличие от других. Это дополнение придаст проекту оригинальность.

— И что это за дополнение?

В глазах у Гутьерреса пылал огонь истинного восторга.

— Инсценировка. Театральный спектакль. Вы наверняка слышали, что на северо-востоке страны инсценируют Страсти Христовы и привлекают тысячи туристов. Мы устроим нечто подобное. Не со Страстями, разумеется. Нашей темой будет рай: мы покажем, как жили Адам и Ева. Абсолютно оригинальное решение, Адамастор. Вы же знаете, что в подобных парках гиды заранее рассказывают посетителям, что им предстоит увидеть. Обычно это скучища страшная. У нас будет не так. То, что предложим мы, окажется сюрпризом, полной неожиданностью.

Адамастор все еще недоумевал:

— Но как это сделать? Не станете же вы строить здесь среди леса театр?..

— Конечно, нет. Театр? Ни в коем случае. Мы не пьесу будем ставить. И не видео показывать: вы же сами говорите, что не хотите ничего похожего на Диснейуорлд. Нет, Адамастор. Наше действо будет протекать прямо в лесу. Представьте себе: люди приехали, устоились в отеле, потом их ведут на прогулку по экологической тропе в лес. Они идут, и вдруг — раз! — встречают Адама и Еву в раю. Мы покажем всю эту библейскую историю, с грехопадением, изгнанием из рая. Но главное — поддерживать убеждение, что рай существует, что он сохранился в тематическом парке моего друга Адамастора. Как вам? Сам Господь Бог не придумал бы лучшей рекламы, я вас уверяю.

Адамастор, хоть и не без колебаний, согласился, что идея и в самом деле интересная. В конце концов, как говорил Гутьеррес (и как раньше утверждал зоолог), требовалось что-то эксклюзивное, какой-то бренд. Эдем с инсценировкой могли бы заполнить лакуну. Понятно, что это было бы уже некоторым отступлением от первоначальной идеи, но все идеи, даже самые оригинальные, претерпевают изменения. Так что, хотя и не без скрипа, он дал добро:

— Можно попробовать. Пойдет хорошо — продолжим. А нет — не судьба.

Гутьеррес сказал, что идея, конечно, нуждается в доводке. Постановка требует основательной подготовительной работы:

— Никакой любительщины, Адамастор. Никакой любительщины.

В первую очередь, надо разработать сценарий. И нанять профессиональных актеров, профессионального режиссера, специалистов по световым и звуковым эффектам — словом, все, что нужно, для настоящего спектакля.

— Как на Бродвее, Адамастор.

Спохватившись, он пояснил:

– Я имею в виду технологию, конечно. Ясно, что и речи нет о легком, комедийном жанре. У нас все будет всерьез. Придется поработать, как следует поработать. – Он подмигнул и добавил: – Безделье нам светит только в раю. А рай был да весь вышел. – Он рассмеялся. – Ничего, скоро мы это исправим, Адамастор. А теперь, если серьезно...

Если серьезно, следовало искать пути к осуществлению плана. Прямо сейчас необходимо было создать небольшую, но функциональную систему управления. У Гутьерреса была уже готова хронограмма из нескольких этапов, а также органиграмма: генеральному директору (Адамастору) должны подчиняться три сектора: отель, маленький торговый центр, СПА – каждый со своим управляющим. К этим секторам Гутьеррес присовокупил четвертый, поименованный им не без добродушной иронии раем. Которым, с согласия Адамастора, брался руководить он сам, Гутьеррес.

– Я всегда любил театр, – признался он взволнованно и гордо. – В Буэнос-Айресе продюсировал постановку трех пьес. Одна из них даже имела успех, но, честно говоря, надо было зарабатывать на жизнь, так что пришлось поменять род занятий. Я уж думал, что мне больше не случится иметь дело со сценическим искусством, и даже смирился с этой мыслью, но сегодня, благодаря вам, Адамастор, мое призвание заявило о себе вновь.

Он сложил документы в папку и уже собрался уходить, как вдруг вспомнил:

– Ах, да! У меня есть название для проекта.

Выразительная пауза, а затем:

– Эдем-Бразилия. Как вам?

Эдем-Бразилия. Адамастору такое в жизни бы в голову не пришло. Он молчал, задумавшись.

– Эдем-Бразилия, – повторил Гутьеррес. – Эдем-Бразилия! Говорящее название: тут и о рае, и о стране. О стране, которая дала мне кров, Адамастор. Как раз когда я больше всего в нем нуждался.

Он не смог сдержать слез. Адамастор смотрел на него, не зная, что делать. Потом, преодолев смущение, обнял аргентинца:

– Вы замечательный парень, Гутьеррес. И название для проекта нашли замечательное.

Гутьеррес поднял на него все еще полные слез глаза:

– Спасибо, Адамастор. Я знаю, насколько проект Эдем-Бразилия важен для вас. И для меня тоже, поверьте. Я чувствую, он станет главным делом моей жизни.

Восторги восторгами, а трудности возникли сразу же, и связаны они были именно с образом рая, который Гутьеррес мечтал создать. Беда в том, что дистанция от замысла до воплощения огромна. Так, например, в библейском раю было собрано все разнообразие растительного и животного мира, чем — Адамастор знал это — его земля похвастаться не могла. Они долго спорили. Гутьеррес настаивал на том, чтобы привезти зверушек из других частей страны. Обезьянок, попугаев арара, капибар, агути.

Адамастору эта идея пришлась не по душе. Подвоз животных издалека не вязался ни с его экологической концепцией, ни с замыслом тематического парка. Он так прямо и сказал:

— Знаешь что, Гутьеррес, я не собираюсь устраивать здесь частный зоопарк.

Гутьеррес рассмеялся:

— Кто же об этом говорит? Только не я, Адамастор, только не я. Я сам противник зоопарков: клетки, рвы, все такое. Вздор. Нет, я просто думал привезти по нескольку экземпляров бразильской фауны и выпустить на волю. Детишки были бы в восторге.

Адамастор в конце концов согласился. Но он и не предполагал, во что ввязывается. Для начала надо было выйти на экспортеров животных, загадочных типов, не всегда пребывающих в ладах с Институтом окружающей среды и законом. Им указали на одного такого. Он отзывался только на прозвище Ревун и выдвинул тысячу условий, прежде чем согласился встретиться. Встреча должна была состояться не где-нибудь, а исключительно в определенном баре во Флорианополисе, ровно в полночь следующего понедельника. Адамастор и Гутьеррес отправились туда. Бар на окраине города оказался тесной, грязной и плохо освещенной забегаловкой: хоть фильм про гангстеров снимай, заметил Адамастор. Но Ревун сидел там, как и было условлено, в ковбойской шляпе, дымя огромной сигарой. Он предложил им сесть, долго рассматривал:

— Так вы, выходит, интересуетесь зверушками. Точно-то знаете, чего хотите?

Ни у Гутьерреса, ни у Адамастора не было ответа на этот вопрос. Со вздохом их собеседник открыл чемоданчик и вытащил что-то вроде каталога. Открыл его: там были фотографии животных с краткими описаниями.

— Вот муравьед. Беззубое млекопитающее, употребляющее в пищу насекомых. Могу предложить две разновидности: муравьед-тамандуа, сравнительно небольшого размера и большой муравьед, чудесный зверь почти два метра в длину,

причем треть приходится на хвост. Вот здесь на фотографии — таман, муравьед тамандуа совершенно ручной, любит людей: только свистни — и он завиляет хвостом. А вот обезьяны. Мы их обожаем из-за этой, ну, эволюции. Они нам как родственники. У меня есть интересные экземпляры: белоплечий капуцин, саки-монах — кажется, что он в парике, правда? Или вот ночная обезьяна, она пригодится, если вы собираетесь устраивать ночные прогулки... Также известна как мирикина́. Это паукообразная обезьяна, это прыгун, это лысый уакари: как разозлится — морда становится красная-красная. Подходит, чтобы туристов из Штатов пугать... А это широкомордый кайман... Редкий вид, очень зрелищный, но и очень дорогой... А еще у нас есть птицы. Вот тинаму-отшельник из семейства бескилевых... Самка, когда несется, издает такой дрожащий звук, его еще называют задышкой... Прямо без слез слушать не могу...

Гутьеррес с Адамастором, хмурясь, разглядывали фотографии. Они совсем растерялись: лысые уакари, бескилевые... Никогда прежде им не приходилось о таких слышать. Ревун понял их состояние.

— Вижу, вам нелегко выбрать. Так что позвольте мне подобрать для вас несколько экземпляров экзотической фауны. В зависимости от того, сколько вы рассчитываете потратить.

Адамастор назвал сумму, торговец вытащил из кармана калькулятор и стал быстро тыкать пальцем, набирая какие-то цифры, затем посмотрел на итог и недовольно пробурчал:

— Тут не разбежишься. Особей пятнадцать, разве что... Посмотрим, что можно сделать. Туристы, во всяком случае, останутся довольны. Они всегда довольны.

Он потребовал пятьдесят процентов предоплаты и сообщил, что самое позднее через десять дней грузовик доставит во владения Адамастора заказанных животных. На прощание заметил:

— Думаю, не стоит говорить, что операция должна оставаться в тайне. В случае утечки информации, ответственность на вас.

Угрозы угрозами, но Ревун оказался человеком слова: через восемь дней грузовик с животными в клетках подъехал к дому Адамастора. Адамастор распорядился тут же выпустить их в лес. Но вот беда: животные или разбежались (одна оголодавшая носуха совершила набег на придорожный минимаркет и была насмерть забита возмущенным хозяином), или заболели, или были украдены. Через несколько дней осталась одна обезьяна, представительница редкого вида, старая и больная, с мутной пленкой на одном глазу, напоминающей

катаракту. Возможно, поэтому она не отходила от дома, ведь тут ей было обеспечено пропитание. Адамастор в конце концов привязался к несчастному зверю, решил сам заботиться о нем. Тот отзывался на кличку Люцифер.

Остальная часть проекта тоже продвигалась не так, как было задумано. Гостиница не должна была быть очень большой, но все равно работы велись со значительным отставанием, отчего нетерпение Адамастора только росло, как и расходы. Он все требовал от Гутьерреса скорее открыть Эдем-Бразилию: надеялся хоть отчасти возместить убытки за счет доходов от посетителей. Аргентинец предпочитал не торопиться: он хотел провести церемонию открытия в лучших традициях, когда все уже будет готово. Но Адамастор так настаивал, что он наконец согласился открыть для публики без торжественных церемоний уже выстроенную часть отеля, которая худо-бедно была в состоянии функционировать. Результат оказался более чем печальным. Приехало несколько туристов, но и те не задержались больше чем на пару дней.

— Очень красивое место, — сказал один из них. — Но совершенно оторванное от цивилизации. И заняться тут нечем, никаких развлечений.

На этом этапе инсценировка казалась уже последним шансом на спасение проекта. Прежде не слишком уверенный в ее необходимости, Адамастор теперь настаивал: скорей, скорей. Гутьеррес, однако, не нашел еще ни режиссера, ни актеров. Он ссылался на то, что мало знаком с бразильским театральным миром:

— Нам надо исследовать конъюнктуру, поговорить со знающими людьми, побеседовать с кандидатами, а у меня на это практически нет времени.

Адамастор вызвался помочь.

— Отлично, — сказал Гутьеррес, довольный, что хоть отчасти избавится от постоянного давления с его стороны. — Если кого найдешь, дай мне знать.

4. А *вот и юный амбициозный актер — это я*

Тут-то на сцене появляюсь я. Причем появляюсь в один из особенно бурных периодов своей жизни.

В тот год я решил бросить психологию, которую только-только начал изучать, и стать актером. Трудное решение, особенно если учесть обстановку в семье. На меня, младшенького, мать возлагала все надежды, а ведь ее собственный путь

тоже не был усыпан розами. Дочь иммигрантов, обосновавшихся в Риу-Гранди-ду-Сул, она мечтала стать монахиней. Но ее жизнь, как и жизнь Адамастора, перевернула одна поездка.

В выпускном классе школы она принимала участие в программе социальной помощи и вместе с тремя одноклассницами получила от предприятия-спонсора премию за усердие: экскурсию в Манаус, столицу штата Амазонас, где — вот ведь совпадение! — у предприятия имелся филиал.

Три юные девы — моей матери тогда едва исполнилось восемнадцать — поселились в маленькой гостинице в центре. Каждый день они отправлялись прогуляться или купить чего-нибудь по мелочи в зоне свободной торговли. Маме, однако, это было не очень интересно. Заинтересовал ее молодой угрюмый амазонец, торговавший в лавочке как раз напротив гостиницы. Он продавал поделки собственного изготовления из соломы и керамики. Она купила несколько штучек, они разговорились. Оказалось, что парня зовут Пери́, как в романе Аленкара "Гуарани" — так его назвал отец, большой любитель отечественной словесности. И еще оказалось, что он потомок индейцев из вымирающего ныне племени. Поделки — это попытка сохранить традиции моего народа, объяснил он с грустной улыбкой. Папа вообще был грустный. Всегда. Думаю, это и привлекло мою мать. Завязался роман, бестолковый роман неопытных влюбленных. Подруги обеспечивали матери прикрытие. Они помогали папе незаметно проникать в гостиницу — однажды даже втащили его туда в корзине, не такой уж и большой, кстати, — но относились ко всей истории настороженно. Ничего хорошего не выйдет, предупреждали они. Мама, влюбленная по уши, их не слушала.

Настала пора прощаться. На этом в романе можно было бы поставить точку. Но нет. Пообещав приехать на юг вслед за мамой, Пери сдержал слово. Он продал почти все, что у него было, купил билет и через полгода явился в город. Встреча вылилась в настоящую драму. Мама ужинала в кругу семьи, когда раздался стук в дверь. Открыли, а за дверью он, юный амазонец. Мама под недоуменными взглядами родни, рыдая, бросилась к нему в объятия. Когда стало ясно, в чем дело, мамины братья — они считали, что они за нее в ответе, с тех пор как умер отец, — пришли в неистовство. Нам не нужен этот дикарь, кричали они прямо в лицо Пери. Самый старший брат, Клодобалду по прозвищу Балда, бесновался пуще всех: хуже индейца разве что негр, повторял он то и дело.

Мама мужественно сопротивлялась. Она поселила любимого у своей бывшей учительницы, старой коммунистки, решительно вставшей на ее сторону, и открыто с ним встречалась.

Постепенно в полемику включился весь город: мнения разделились, одни стояли горой за влюбленных, другие — против. Любопытно, что моя бабушка, к тому времени давно овдовевшая, не была согласна с остальными членами семьи: мы в Бразилии, говорила она, а не в Европе — надо смириться с тем, что здесь у нас все по-другому. Мнение матриарха оказалось решающим. Мои родители в конце концов поженились. И решили переехать в Порту-Алегри. В столице штата, думали они, больше перспектив. И меньше ненужного им внимания.

Итак, они переехали, и с тех пор жизнь их превратилась в один нескончаемый труд. Они открыли лавку амазонских сувениров в маленьком домике в Нижнем городе, в задних комнатах которого жили сами. Расчет был на аргентинских туристов, которые часто приезжали туда; и действительно иногда торговля шла бойко: все зависело от соотношения бразильской и аргентинской валюты, и мама завела привычку следить за курсом по газетам. Каждый раз, когда бразильские деньги дешевели, она радостно потирала руки. Так и шло: то густо, то пусто, причем чаще пусто. Родилась дочка, Глория, а через пять лет — сын, я. При крещении мне дали имя Рикарду, но с детства прозвали Рики. Так я и остался Рики. Рики-разорики назвала меня как-то сестра. Это она так на меня ругалась: я потратил кучу денег на комиксы. Рики-разорики. Мама, пытавшаяся нас помирить, только вздохнула.

И как было не вздыхать? В школе, где я учился, в частной школе, — за которую мама платила, отказывая себе во всем, — мне скоро дали понять, что я не такой, как остальные. Из-за того что внешне смахивал на индейца и из-за папы: я был сын дикаря, варвара. И прозвище у меня поэтому было Дикареныш. Я часто дрался с одноклассниками. Часто приходил домой в слезах. Мама пыталась утешить меня: да плюнь, сынок, это уж такие люди, это от невежества.

Отец не говорил ничего. Он переживал за сына, конечно, но переживал молча. Папа был добрый человек, но молчаливый, замкнутый. Помню, как он пел мне колыбельные на странном индейском наречии и рассказывал истории про Уяру, Мать Воды, и про индейцев, которых называл “мой народ”.

— Мой народ в этой стране истреблен, — говорил он с горечью. — Индейцам здесь все принадлежало, индейцы жили хорошо, у них было все, чего бы они ни захотели. Пришел белый человек, а с ним болезни, нищета.

Я его не очень понимал. Ни я не понимал, ни другие. Мой дядя Балда, который тоже переехал в Порту-Алегри и время от времени навещал нас — в конце концов, сестра, племянники, — ворчал, всякий раз когда папа — случайно — заговари-

вал о печальной участи индейцев: ну вот опять дикарь со своими дикарскими разговорами. Меня это возмущало. Нередко я дерзил этому огромному дядьке с красным носом. Он только посмеивался: да что ты знаешь, карапуз!

Я и правда не знал. Об отце я не знал ничего. Захотелось узнать побольше об индейцах: я читал все, что попадало в руки. “Гуарани” Жозе де Аленкара меня особенно воодушевил. Там я увидел индейца-героя, неукротимого индейца, который мог бы служить символом Бразилии. Но папа не был гуарани. Папа не разгуливал свободно по лесам Амазонии. Он сидел в лавчонке и плел корзины, лепил глиняные фигурки. Нередко меня раздражала эта пассивность, это смирение. И не раз я сокрушался о том, что мне так не повезло с генами и я родился похожим на него, а не на маму.

В день, когда папе исполнилось тридцать, он почувствовал себя плохо, и его увезли в больницу Санта-Каза. Через несколько дней поставили диагноз: запущенный рак печени. Ему стремительно становилось хуже, и через несколько недель от него остались одна кожа да кости. И тут он обратился к нам с просьбой: ему хотелось умереть на своей земле, в Амазонии, и, если можно, в окружении своего народа. Рыдая, мама ответила, что ничего не получится: папа был абсолютно не транспортабелен. Тогда хочу умереть дома, сказал он. Врач, вздыхая, выписал его.

Агония была короткой, но страшной. Обычно терпеливый, папа кричал от боли. Я затыкал уши, чтобы не слышать. Не помогало: я не мог уснуть. Однажды ночью я встал и пошел к ним в спальню. То, что я увидел, навеки врезалось мне в память: мама ходила из угла в угол — с папой на руках. Она была сильная, и носила его, почти не напрягаясь. И пела ему тихонечко одну из тех индейских колыбельных. Слезы текли по ее щекам, но она все пела и пела, как будто совершая обряд. Через три дня папа умер.

После его смерти дела наши пошли хуже. Поскольку мы лишились кормильца, маме пришлось искать работу. Она устроилась менеджером в супермаркет. Зарабатывала довольно хорошо, но работала много, вечно была измотана. Стала желчной, раздражительной. Часто ссорилась с моей сестрой, и та, как только смогла, ушла из дома и стала стюардессой. С тех пор у нас почти не появлялась. Я стал вместилищем материнских надежд, которые, среди прочего, предполагали для меня блестящее будущее и карьеру врача (мама была в восторге от этой профессии).

Однако изучение медицины не входило в мои планы. Я хотел стать актером. Это желание возникло у меня отчасти из-за

осознания того, что я не такой, как другие. Возможно, чтобы отыграться, я стал подражать окружающим — и у меня отлично получалось. Ах, вы смеетесь надо мной? Так я сам над вами посмеюсь. Но причина не только в этом: талант у меня тоже был, талант, который признавали и всячески поощряли мои учителя. Читать стихи всегда просили именно меня. Но декламацией я не ограничивался, я еще и импровизировал. Однажды на новогоднем вечере в школе я читал стихотворение Гонсалвиса Диаса и после каждой строчки кувыркался: "Край мой там, где с веток пальмы"[1] — и кувыркаюсь. "Льется голос Сабиа" — и кувыркаюсь. А да, еще в том месте, где "Пташек здешних щебетанье...", я изобразил птичье пение. Успех был оглушительным. Мама, сидевшая в первом ряду, мне, конечно, хлопала, но мнения своего не изменила: театр — это для школяров, а не для серьезных взрослых людей.

Так мы препирались долгие годы, и за эти годы я поступал и поступал в разные любительские труппы — и бросал их, так и не добившись ничего конкретного, ничего, что позволило бы мне считаться профессиональным актером. У меня был друг, у которого был друг, жена брата которого работала в компании "Глобу"... И что толку? Эта десятая вода на киселе из "Глобу" уже там не работала, или не отвечала на звонки, или растеряла все связи. Результат — разбитые надежды. И так много раз, а мать все пилила меня: и долго ты еще собираешься болтаться, как неприкаянный?

Наконец мне стукнуло в голову: а не заняться ли психологией? Я бы поступил на факультет, на котором требования не слишком высоки, получил бы диплом — чтобы мама была довольна, — а сам параллельно занимался бы театром.

Я сдал вступительные экзамены и прошел: это было не трудно, я ведь всегда прекрасно учился. Начал ходить на занятия, и мне поначалу даже стало интересно: в конце концов, у театра с психологией много общего. Однако скоро обнаружилось, что разбираться в людях я вовсе не хочу, а хочу только одного: чтобы они мне аплодировали, вне зависимости от того, есть у них всяческие комплексы или нет. Я записался в университетский драмкружок и благодаря этому кое-как тянул учебу, тем более что в это время я влюбился в руководительницу кружка, темпераментную сорокалетнюю даму по имени Инес. Она-то и подбила меня бросить университет и полностью посвятить себя театру.

1. Перевод строк из "Песни изгнания" Варвары Махортовой. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Объявить матери о решении было непросто. Я тянул неделю за неделей, а Инес все уговаривала поставить в этом вопросе точку раз и навсегда. Однажды вечером за ужином я набрался храбрости:

— Мама, я ухожу из университета. Не хочу быть психологом, хочу быть актером.

Реакция оказалась страшнее, чем я мог вообразить. Она, крича и рыдая, бросилась в кресло. Заявила, что я хочу ее смерти, что она этого не переживет. Схватила мою фотографию в рамке — ту, где я кувыркаюсь на школьном вечере, — швырнула ее на пол и в ярости стала топтать.

Это меня просто убило. Но я был тверд: хочу играть в театре и буду играть в театре, и не важно, поддержит она меня или нет. Решение принято, надо идти вперед.

Вперед — но куда? Вот в чем вопрос. Любительские труппы, в которые я поступал, таяли, как дым на ветру. Инес, в любви которой я черпал силы, променяла меня на другого парня и уехала с ним. Я тоже понял, что мне пора куда-то перебираться, и переехал в Куритибу. Там меня приняли в полулюбительскую труппу для участия в спектакле "Бразильский Гамлет". Режиссер, уроженец Сан-Паулу по имени Нелсон (для друзей просто Неку), был молод, но с большими амбициями. Считал себя новатором, призванным совершить революцию в бразильском театральном искусстве. "Бразильский Гамлет" был политической сатирой — действие шекспировской пьесы перенесли в нашу столицу. Гамлет стал в этом варианте не принцем, а революционером, разоблачавшим интриги в коридорах бразильской власти. Проект довольно широко освещался прессой, так что кандидатов на роль Гамлета из племени тупи было несколько. Я явился на кастинг без особых надежд, но к своему удивлению меня-то и отобрали для исполнения главной роли.

Роль была не совсем обычная. Особенно монолог. Я должен был читать его, раздеваясь: "Быть или не быть" предстояло произносить мне, скидывая рубаху. "Вот в чем вопрос" — стаскивая штаны. И так далее, пока не останусь голышом. А дело в том — и это, должно быть, повлияло на выбор режиссера (который, похоже, воспылал ко мне страстью, во всяком случае, делал определенные намеки), — что я был неплохо сложен: лицо, хоть и индейского типа, было все же интересным, вдобавок неплохая фигура и мощный член. Так что монолог должен был заставить чаще биться сердца зрительниц и способствовать росту сборов.

К несчастью, все вышло не так. "Бразильский Гамлет" был принят прохладно. Хоть публика и явилась в театр, однако

сатирический мессидж был так тщательно скрыт между строк, что никто его не уловил. А мое появление на авансцене в голом виде вызвало явное раздражение. Великий классик (или касик?) Шекспир, должно быть, перевернулся в гробу, писали в одной из газетных рецензий.

Для меня это было ударом. Рецензия, правда, воздавала мне должное ("Молодой актер Рикарду, предолевая естественное смущение, выложился, как мог"), но многообещающим началом карьеры назвать это было трудно. Я робко предложил Нелсону слегка переместить основной акцент пьесы. Возможно, поближе к оригинальному тексту...

Реакцией на это были ярость и отчаяние:

— Ты жалкий ретроград. Как на сцене, так и в сексе — не сомневаюсь. Менять ничего не будем. Не нравится — уходи. На твое место полно претендентов.

В конце концов, пришлось наступить на горло собственной гордости и извиниться. Однако худшее ожидало впереди.

Из Порту-Алегри мне позвонила мать. Обливаясь слезами, она говорила, что очень соскучилась и жалеет о том, что пыталась воспрепятствовать моему призванию. Просила простить ее. И еще у нее была для меня новость:

— Я знаю, что ты играешь там в Куритибе в одной пьесе. Хочу увидеть тебя на сцене. Уже купила билет на автобус.

Этого только мне и не хватало: я — голый на подмостках, а в партере мама. Как мог, я пытался отговорить ее: не стоит, спектакль уже вот-вот сойдет со сцены (что, кстати, было правдой). Дорога длинная, тяжелая, лучше, мол, я приеду навестить ее в Порту-Алегри.

Уговоры не подействовали: через два дня она прибывала в Куритибу. Я ждал ее на автовокзале. Встреча была трогательной: она просила прощения, я просил прощения, мы оба плакали.

— Жду не дождусь, когда увижу тебя на сцене, — сказала мама и попросила достать для нее контрамарку на тот же вечер.

— Но ведь ты, наверное, устала, — слабо возразил я.

— Устала не устала — не важно, — ответила она. — Хочу сидеть в зале и аплодировать тебе.

Я поселил ее в гостинице и отправился к Нелсону. Дело шло к полудню, но он еще спал. Пришлось ждать, — он терпеть не мог, когда его будили, — и вот, наконец, глядя в его сонную и недовольную физиономию, я сообщил, что мама собирается на спектакль. Объяснил, что голая сцена приведет ее в ужас, так что не мог бы я в виде исключения произнести монолог одетым или хотя бы в трусах?

Нелсон — думаю, из садистских побуждений или из мести за то, что я не пал в его объятия подобно многим другим до меня, — категорически отказал: искусство не может идти на поводу у буржуазных предрассудков.

Я вышел от него, кипя яростью — и отчаянием. Что делать? Подумал было даже удрать, сорвать к чертям собачьим спектакль. Но, с другой стороны, это было бы неслыханным хамством по отношению к матери, ведь она, в конце концов, для того и приехала, чтобы увидеться с сыном, помириться, показав, что согласна с тем, что сын выбрал театр. После долгих колебаний я решил предупредить ее о том, что ей предстоит увидеть этим вечером: ты же знаешь, в современном театре допускаются некоторые вольности, не удивляйся.

Так я и сделал. Перед спектаклем заехал за ней в гостиницу и по дороге начал объяснять, что ее ждет. Никакого толку. Она не слушала меня, а если и слушала, плевать хотела: ей надо было увидеть сына на сцене и точка. И аплодировать ему. Она была так счастлива, так счастлива. Смирившись, я мысленно приготовился к катастрофе.

Катастрофа и произошла. Катастрофа куда более разрушительная, чем я мог вообразить. Сидя в первом ряду, мама аплодировала, как сумасшедшая, стоило мне выйти на сцену. Она хлопала так долго, что другие зрители вынуждены были призвать ее к порядку. Она не сводила с меня восхищенных глаз.

И вот — сцена монолога. Я снял рубаху — хорошо. Стянул брюки — пока все в порядке. Будь что будет, подумал я. Сделал глубокий вдох и взялся за плавки. Мама, не колеблясь ни минуты, встала и, наступая всем на ноги, вышла. Я не знал, что делать. Я едва устоял на сцене. Как только опустили занавес, я тут же оделся и помчался в скромную гостиницу, где она остановилась.

— Сеньора сказала, что ни с кем не хочет разговаривать, — предупредил толстяк-портье, жуя зубочистку.

— Но она моя мать, — настаивал я. — Мне надо с ней поговорить.

Он сделал непроницаемое лицо.

— Знать не хочу, сын ты ей или кто. Сказано: она не желает разговаривать. Катись.

Я ушел в тревоге. Как поступит мама? Наверняка уедет первым же автобусом, подумал я, но, увы, ошибся.

Следующим вечером кого, спрашивается, я вижу среди немногочисленных зрителей в партере? Маму. Напряженно выпрямившись, она сидит на том же месте в первом ряду. Поначалу я обрадовался: подумал, что, проведя ночь в раздумь-

ях, она пришла к выводу, что театр есть театр и что талант сам по себе, а нагота сама по себе. И вот она пришла. Пришла, чтобы мне аплодировать. И я опять ошибся.

Перед началом монолога, мама встала, достала из сумки что-то черное и завязала себе глаза. И так и осталась стоять лицом к сцене, высокая, статная, с завязанными глазами. Ее протест потряс всех, и не в последнюю очередь потому, что на следующий вечер она проделала то же самое.

К тому времени ее протест уже привлек внимание прессы. Приехали с телевидения, приехали журналисты из местной газеты — протест матери против сына-актера, гласил один из заголовков, — и на спектакль толпой повалила публика, влекомая любопытством. Нелсон был вне себя от радости: мы наконец-то делали сборы. Несколько недель он ломал голову, чем бы привлечь внимание к пьесе. Посылал в газету анонимные письма, в которых заявлял, что под королем, которого разоблачает Гамлет, подразумевается министр финансов. Этими письмами он надеялся организовать шумиху вокруг постановки. На самом-то деле ему надо было, чтобы министр подал на него в суд и превратил таким образом в мученика, страдальца за дело свободы. Но письма так и не опубликовали, а министру и без того нашлось чем заняться. Зато мама справилась отлично: зрителям теперь было зачем идти в театр. Нелсону только этого и требовалось.

Я же чувствовал себя как никогда паршиво. Мама категорически отказывалась меня видеть. Не принимала в гостинице, не подходила к телефону. Хотела она только одного: продемонстрировать, насколько ей отвратительно поведение неблагодарного сына. В общем, я дошел до ручки. Как-то вечером объявил Нелсону: сегодня играю в последний раз, пусть ищет другого Гамлета. Он стал меня отговаривать, мы поругались, и я в конце концов влепил ему пару пощечин.

В тот вечер мама не появилась. Уехала, не простившись. А мне осталось только мучить и мучить себя все тем же болезненным и тревожным вопросом: жизнью-то своей как распорядиться?

5. *Адамастор делает, не знаю, пристойное ли, но предложение*

Ответ пришел на следующий день.

Я дремал в каморке занюханного пансиона, в котором жил, когда хозяйка (мрачная: я не платил уже несколько недель) постучалась в дверь:

— Тут господин какой-то. Хочет с тобой поговорить.

Какой-то господин хочет со мной говорить? Что еще за господин? Я никаких господ не знал, да и знать не хотел. Старый голубец, небось, подумал я. Нередко актеры, в основном молодые, и особенно — неудачливые, становились предметом интереса подобного рода. Первой реакцией было ответить, что я никого видеть не желаю. Но, честно говоря, меня так все достало, я чувствовал себя таким одиноким, что любой посетитель, будь он хоть трижды гей, был мне сейчас кстати.

Я спустился в холл, там ждал Адамастор. Он сердечно меня приветствовал, объяснил, что в Куритибе оказался по делу (и правда, как я потом узнал, он приехал за стройматериалами), однако, пользуясь случаем, решил сходить на спектакль, ведь он давно не был в театре.

— И я не пожалел, — сказал он. — Пьеса мне очень понравилась. Я, честно говоря, посмотрел ее дважды.

Два раза? Надо же! Некоторые вообще выходили из зала, не досмотрев "Бразильского Гамлета". Но прийти дважды? Это нечто. Я был польщен. Похвала зрителя — эго-массаж для актера, в моем случае — просто необходимый, но столь неимоверная страсть к театру все же показалась мне подозрительной. Чего-то ему от меня было надо. И вряд ли он умасливал меня, чтобы соблазнить: в костюме и при галстуке, корректный и подтянутый, он скорее походил на топ-менеджера, приехавшего на деловое совещание — даже конский хвост не слишком бросался в глаза: в конце концов, он мог быть этаким современным топ-менеджером. Так что я, отбросив дипломатию, перешел прямо к делу.

— Спасибо на добром слове. Но думаю, вы пришли сюда не только затем, чтобы превозносить мое мастерство. Я прав?

Он смущенно поерзал на стуле и признался, что действительно у него ко мне деловое предложение. И начал рассказывать о проекте, об Эдеме-Бразилии, заговорил об инсценировке: это будет скромное представление, всего-то получасовое (но повторяющееся несколько раз в день) и, возможно, недостойное моего таланта, но являющееся частью грандиозного проекта, настоящего революционного начинания, которому нет равных в Бразилии. Он спросил, не хотел бы я сыграть Адама.

Это могло оказаться подставой: артисты ведь то и дело друг друга разыгрывают, и по уму следовало отвергнуть предложение, хотя бы из чувства собственного достоинства, которое во мне еще теплилось. Но, честно говоря, Адамастор

меня впечатлил. Предложение его — полный бред? И что с того? "Бразильский Гамлет" тоже был порядочной дурью, причем, что еще хуже, дурью бездарной. Да и что я терял? Куда было податься безработному актеру в поисках пропитания и крыши над головой? Только к матери. А с ней мне пришлось бы расплачиваться до конца жизни за каждую горсточку риса: ведь я же тебе говорила, что из затеи с театром ничего не выйдет, но нет, ты меня не слушал, ты вообще никогда меня не слушаешь, ты предпочел пуститься в эту авантюру, и сам видишь результат: работы у тебя нет, диплома нет, ничего нет, без меня ты помер бы с голоду. В Эдеме-Бразилии дом и кормежка без приправы из нотаций мне были бы обеспечены. К тому же не где-нибудь, а на побережье штата Санта-Катарина, что тоже немаловажно.

Но я еще колебался. Неужели судьба моя — вечно выступать голышом, будь то в театре или в тематическом парке? Неужели мне и замахиваться не стоит ни на что лучшее? Что бы сделал на моем месте Паулу Аутран? А Раул Кортес, а Антониу Фагундес? Приняли бы они подобное предложение?

Почувствовав, что я никак не могу решиться, Адамастор зашел с другой стороны.

— Приезжайте ко мне, — пригласил меня он, — погостите недельку. Там, проникшись духом проекта, вы убедитесь, что я прав, — пообещал он. — А не понравится — оплачу вам обратный билет. На самолет.

Что ж, звучало резонно. Я принял вызов.

6. Н*ачинаю проникаться духом*

На следующий день в семь утра его машина стояла у входа в пансион. Пора было выезжать, но тут случился некий инцидент. Хозяйка никак не хотела отпускать меня, пока я не расплачусь. Я убеждал ее, что вот-вот найду работу и тогда отдам долг с процентами, но она знать ничего не желала:

— Обещаниями я сыта по горло. А уж обещаниями артистов... Вы — шайка обманщиков. Не заплатишь, не уедешь.

Сопровождаемая, как и подобает в таких случаях, своей наемной рабочей силой в лице мулата под два метра ростом, она преградила мне путь. Адамастор, не дождавшись меня в машине, пошел взглянуть, что происходит. Поняв, в чем дело, он выписал чек на всю сумму, хоть я и пытался протестовать:

— Ну зачем, Адамастор? Вы не должны этого делать.

Но он избавил меня от неловкости, сказав:

— Примите это как знак доверия. Как плату за переход игрока в другую команду.

Наконец мы отправились в путь. Болтали всю дорогу. Он под конец рассказал мне историю своей жизни, а я ему — своей. И вот мы оказались на дороге, ведущей к вершине холма, где передо мной открылся тот самый потрясающий вид. Побережье Санта-Катарины было мне уже знакомо: я отдыхал там как-то летом с компанией друзей. Две недели мы пьянствовали, не просыхая, тем не менее, красота тех мест отпечаталась у меня в памяти. Но бухта Адамастора превзошла все мои ожидания. Он не преувеличивал: это был поистине рай.

Он поселил меня в собственном доме и обходился со мной прекрасно. Ему хотелось, чтобы я обжился в Эдеме-Бразилии, и я обживался: неделю бродил по лесу, бегал по пляжу, купался в море. Ныряя в теплую воду, я решил: ладно, пусть даже эта затея окончится провалом, лучше уж провалиться в таком идиллическом месте, чем в захудалом театре где-нибудь в душном городе. Так что в один прекрасный вечер за ужином я объявил, что принимаю предложение. Он возликовал: я знал, что вы согласитесь, вы уже прониклись духом проекта.

На следующий день он познакомил меня с Гутьерресом. Аргентинец окинул меня взглядом с головы до ног и одобрил, прежде всего, как он сам признался, благодаря чертам, унаследованным от отца: это должно было придать оригинальности постановке. Адам из племени тупи для зарубежных критиков (а Гутьеррес уже мечтал о продвижении спектакля за рубежом) был как раз то, что надо.

Итак, актер у них уже имелся. Но только актер. Не хватало всего остального: режиссера, актрисы на роль Евы, сценария. Гутьеррес спросил, не знаю ли я кого-нибудь талантливого и с фантазией, кто мог бы поставить спектакль. Я назвал одного своего друга (не того, кто ставил "Бразильского Гамлета": о нем я и слышать не хотел), парня по имени Паулу, талантливого, но, как и я, ждущего своего часа. Гутьеррес согласился, я позвонил Паулу, который объявил, что готов подключиться немедленно. Адамастор выслал ему билет на самолет. Денежные вопросы, похоже, не представляли для него никакой проблемы, что придавало дополнительную привлекательность проекту, и я, хоть и не работаю исключительно ради денег, не мог этого не оценить. Адамастор встретил Паулу в аэропорту Флорианополиса и, как и меня, поселил в своем доме, достаточно просторном, чтобы принять многочисленных гостей. Тем же вечером мы уже обсуждали детали инсценировки.

Паулу, маленький очкарик с интеллигентным лицом, был лишь чуть старше меня. Не в пример мне, он легко загорался энтузиазмом и, как я и предполагал, тут же буквально влюбился в проект, видя в нем безграничные возможности для новаторства:

— Театр в специальном закрытом помещении — пройденный этап. Теперь надо ставить спектакли в тюрьмах, в приютах — или в лесу, как мы здесь.

На наших совещаниях мы с Паулу и Гутьерресом оживленно обменивались мнениями. Адамастор не говорил ни слова. Стало казаться, что его как будто обходят, отчего я чувствовал некоторые угрызения совести — и опасение: вдруг он разобидится и с досады откажется от постановки. Но вскоре его интерес пробудился вновь — и совершенно неожиданным образом. Это случилось, когда мы стали решать, кто сыграет роль Евы. У Паулу было два предложения: либо мы приглашаем известную актрису, либо проводим публичный кастинг. Второй вариант был предпочтительнее: он мог привлечь внимание к проекту. СМИ наверняка охотно освещали бы такое необычное состязание. И тогда Адамастор заявил, что исполнительницу роли Евы подберет сам. Кстати, у него уже была кандидатура: его племянница Изабел, хотя и совсем еще юная — восемнадцати лет, — но, по его словам, с явными задатками актрисы.

Новость, откровенно говоря, нас встревожила. Разумеется, Адамастор имел право решающего голоса в выборе актрисы: в конце концов, платил он. Но в данном случае семейственность едва ли была уместна: требовался талант, а не родственные узы. Более того: странным казалось, что он предлагал племянницу на роль, которая из-за наготы исполнительницы наверняка шокировала бы некоторых зрителей, как бы артистично она ни была исполнена. Все это мы с Паулу ему и высказали. Но он твердо стоял на своем: на роль Евы — племянница, и точка. Мы даже засомневались: а племянница ли она ему? Может, любовница? Но в таком случае зачем ему было скрывать эту связь? И зачем вынуждать девушку выступать обнаженной? Может, это такой своеобразный эксгибиционизм? Не похоже. Его вера, просто-таки наивная вера в проект, была доказательством его искренности. Да, он знал, что сцена предполагала наготу, но ведь это будет невинная нагота. Паулу искал дополнительные аргументы, чтобы переубедить его: разве родители девушки не расстроятся, увидев ее в костюме Евы?

— Об этом не волнуйся, — отрезал Адамастор. — Она сирота.

Делать было нечего. Мы согласились, и Адамастор позвонил племяннице в столицу штата, где она жила, и попросил

приехать. Стоило ей появиться, как я понял, что дело плохо. Изабел была красавицей: блондинка с огромными голубыми глазами, пухлыми губами и идеальной фигурой. Боже, с такой Евой никому не избежать мучительного искушения — тем более такому Адаму, как я, у которого давно не было женщины. Но мой, хоть и небольшой, сценический опыт подсказывал, что не всегда стоит смешивать работу с романтическим увлечением, тем более когда речь идет о "племяннице" твоего начальника (кавычки здесь — знак сомнения). Так что разговор наш был совершенно нейтральным. Она говорила то, что обычно говорят те, кто собрался связать себя с театром (всегда мечтала стать актрисой, сцена — моя жизнь); я с высоты своего якобы опыта подбадривал ее (думаю, вы сделаете блестящую карьеру), на том мы и остановились. Я пытался держать дистанцию, но, к моему несчастью (и, как я тут же подумал, для своего удобства), Адамастор поселил и ее тоже в своем доме. Комната Изабел располагалась в глубине длинного коридора, в противоположном конце от моей. Но, разумеется, рядом с комнатой "дяди". Я пытался внушить себе, что мне абсолютно нет дела до ночных шорохов, шагов по коридору, шепота, вскриков, стонов наслаждения. Но не стану отрицать, что, напряженно вслушиваясь, едва смог заснуть.

Инсценировка по книге Бытия, сделанная Паулу, строго следовала библейскому тексту. Так просил Адамастор.

— Боюсь, как бы кто-нибудь очень уж истово верующий не подал на нас в суд, — объяснил он. И как в воду глядел.

Диалог был самый простой. Адам и Ева предстают в образе невинных деток, восторгающихся природой. Но вскоре они открывают для себя друг друга, и запретный плод становится символом их взаимной любви.

Как только сценарий был закончен и принят Адамастором, мы приступили к первой читке. И прошла она, мягко говоря, нелегко. Из-за Изабел. Дело было не только в ее неопытности, которая сразу же бросилась в глаза: она спотыкалась чуть не на каждом слове, иногда даже заикалась. Но это-то было поправимо. Хуже, что она тут же проявила свой стервозный характер. Посреди читки вдруг швырнула листы на пол:

— Не пойдет. И думать нечего. Не пойдет.

Мы удивленно уставились на нее.

— В чем дело, Изабел? — спросил наконец Паулу. — Тебе нехорошо?

— Мне-то хорошо, — ответила она, иронично прищурившись. — Это текст твой нехорош.

— Что не так с текстом?

— Текст — дерьмо. Ты что, сам не видишь? Дерьмо. Эта ваша Ева — мудачка. Никогда в жизни не видела такой дуры. Ничего не соображает. И хуже всего, что она якобы соблазнительница. Какая из нее соблазнительница? Она идиотка.

— А какой по-твоему должна быть Ева? — спросил Паулу, нахмурившись.

Изабел пустилась в долгие объяснения: ее героиня — решительная женщина. Она знает, чем рискует, нарушая запрет, но берет на себя всю ответственность:

— Она будет изгнана из рая, это да. Но, кстати, рай был как этот ваш Эдем-Бразилия: жуткая нудятина, ничего не происходило, пока Ева не проявила инициативы. И должно быть ясно, что из них двоих именно она решилась на перемены. Этот Адам палец о палец не ударил, только ребром пожертвовал — кстати, та история тоже рассказана не так, как надо.

Мы с Паулу пытались объяснить ей, что мы своей постановкой никаких столпов сокрушать не собираемся: мы просто хотим показать образ рая. Но Изабел не отступила ни на шаг. С каждым днем, с каждой репетицией она становилась все более своенравной — буквально диктаторшей. И что хуже всего, она имела явное влияние на "дядю" (в кавычках или нет, я так и не разобрался). Адамастор, присутствовавший на всех репетициях, был явно встревожен нововведениями, которые предлагала Изабел. И высказал это, по возможности, в самой дипломатичной форме:

— Послушай, Изабел, может, лучше все-таки делать так, как говорит Паулу? Он режиссер в конце концов. К тому же он не требует ничего особенного, а всего лишь точно следует Библии. Не знаю, хорошо ли вводить все эти новшества...

— Мне плевать, — отрезала она. — Я уже говорила: если я вам здесь нужна, делайте по-моему. Ясно?

— Ясно, — глухо выдавил Адамастор.

Мы с Паулу во время этой сцены чувствовали себя крайне неловко (особенно я, ведь я был голым). Адамастора явно унизили, но он стерпел и промолчал. Именно в этот момент явился Гутьеррес. Изабел рассказала ему о споре и о тех изменениях, которых она требовала. К нашему удивлению, Гутьеррес был в восторге, чуть ли не в экстазе:

— Гениально, Изабел! Гениально! Ты вводишь мотив протеста в саму Библию!

— Но это вызовет полемику, — заметил Паулу, режиссер талантливый, но несколько консервативный: по его мнению, спектакль не должен был превращаться в памфлет, ни феминистский, ни любой другой.

— Вот и чудно, — отозвался Гутьеррес. — Полемика — это как раз то, чего я хочу. Чем больше споров о постановке, чем больше публикаций в прессе, тем лучше. И для тебя лучше, и для Эдема-Бразилии.

Он принялся нахваливать Изабел, осыпал ее комплиментами — что, как я заметил, несколько покоробило "дядюшку". Мы еще долго спорили, но в конце концов согласовали сценарий. Инсценировка должна была длиться примерно минут тридцать — это идеально, сказал Гутьеррес, для любого мероприятия. В конце концов, туристы не для того приедут в Эдем-Бразилию, чтобы смотреть спектакль. К тому же им придется смотреть его стоя, так что длинным он быть не должен.

Итак, у нас был сценарий, был режиссер, актер и актриса. Не хватало одной вещи. Змéя. Точнее, змеи-искусительницы.

О ней мы долго спорили. Ясно, что в сцене искушения без змеи не обойтись, однако участие живой рептилии было весьма проблематично. Обезьяну можно выдрессировать, собаку тоже. Но рептилии абсолютно непредсказуемы. Да, существуют заклинатели змей, но где их взять в Бразилии? И какой заклинатель сумеет уговорить змею каждый день выступать с яблоком во рту? Наконец, Паулу осенило, и он тут же загорелся своей идеей. У нас будет не настоящая змея, а, так сказать, робот с дистанционным управлением.

— Публика обожает подобные трюки. И нам опять же легче.

Адамастору это не понравилось. Ему не хотелось использовать механическое чучело в рамках проекта, призванного показать природу как она есть. Паулу убеждал его, что в кино и в театре новые технологии играют все более значительную роль. Но это ведь и есть зло, от которого мы в наше время страдаем, возражал Адамастор, на что Паулу отвечал: а разве змея не символ зла?

Спор затянулся на несколько часов, и, видимо, продолжался бы и дольше, если бы в нем участвовала Изабел. Но ее не было: иногда она брала машину Адамастора и уезжала якобы за покупками в ближайший поселок. Отсуствовал еще один человек, хотя его и приглашали на собрание, — Гутьеррес. Адамастор решил ему позвонить. И рассказал о нашем споре. Гутьеррес, обычно словоохотливый, особенно по телефону, на этот раз оказался на удивление немногословен. Не прошло и полминуты, как разговор был окончен.

— Он одобряет идею Паулу, — сказал Адамастор. Я заметил, что лицо у него при этом помрачнело, и подумал, что, может, они с Гутьерресом в ссоре. Но не стал лезть не в свое дело, да и вообще разговор об этом был бы сейчас совсем некстати.

Паулу поддержке Гутьерреса очень обрадовался:

— Парень знает свое дело, Адамастор. Правильно ты его нанял.

Он позвонил знакомому инженеру-электрику, специалисту по театральным спецэффектам. Тот принял заказ. Это должно было влететь в круглую сумму, но к тому времени мы знали, что Адамастор покроет любые расходы.

Через две недели инженер привез нам змею. И даже Адамастору ничего не оставалось, как признать, что это шедевр. Змея была большая: около двух метров в длину. Чтобы заметнее была на дереве, объяснил инженер. Хоть и пластмассовая, рептилия оказалась настолько правдоподобной, что Люцифер, сидевший у Адамастора на плече, в панике заорал и убежал в дом. Гутьеррес был доволен: это голос природы, заявил он.

Змея работала на батарейках и управлялась дистанционно. Она состояла из десятков деталей, соединенных подвижными сочленениями, и благодаря этому могла ползти, взбираться на дерево, открывать и закрывать рот — словом, делать все, что делает нормальное пресмыкающееся. Вместо глаз у нее стояли микрокамеры, позволявшие тому, кто управлял ею, видеть, что происходит. А еще она говорила: инженер и это предусмотрел. В голову ей он вставил чип с записью голоса Дорис Соузы, знаменитой телезвезды и секс-символа. Текст был длинный. Сначала змея говорила о запретном плоде. Почему, вопрошала она, знание о Добре и Зле должно быть заперто внутри плода, от которого ни Адам, ни Ева не могут вкусить? Кто внутри этого плода пользуется благословенным знанием? Семена? Да? Неужели семена говорят одно другому: как прекрасно Добро, как ужасно Зло? Разве дело семян болтать? К тому же зачем семена растению, чей плод не может быть съеден? Для чего впустую расходовать живую материю, ведь это нисколько не вяжется с безупречной рациональностью Божьего замысла?

Таким образом, монолог выявлял амбивалентную природу самой змеи, подчеркнутую резкими движениями головы вправо-влево. Обращаясь к запретному плоду, который, разумеется, не отвечал ей, змея на самом деле вела внутренний диалог. В ней говорила ее амбивалентность, двойственность, которая была предтечей амбивалентности двух первых человеческих существ и которую, в свою очередь, предваряла амбивалентность самого запретного плода, диалектика двух его потенциалов, Добра и Зла (или, если хотите, единство и борьба Съедобного с Несъедобным, но это в другом плане, в материальном, не в духовном; в плане физиологии, патологии, в плане поисков пропитания, защиты прав потребителя).

Надо сказать, что в отличие от плода, змея сделала свой выбор. Плод предлагал опцию: либо то, либо другое. Она же вы-

двигала всего один вариант, к которому мягким, чувственным голосом с хрипотцой (но не лишенным тревожных ноток — да? Несомненно не лишенным тревожных ноток) подталкивала первую женщину. А та, более или менее следуя библейскому тексту, отвечала ей со смущением и испугом: нет-нет, змея, мы можем вкушать от любого плода, но только не от этого. Иначе мы оба с Адамом умрем. Да брось ты, отвечала ей змея, вовсе вы не умрете, наоборот, вы станете как сам Бог, вы познаете вещи, о которых и подумать не могли: жизнь — не эта райская нудятина, жизнь может быть полна неожиданностей, приятных и не очень, но надо рисковать, надо стремиться к чему-то, надо мыслить широко, и в грех иногда стоит впасть, потому что и из грехопадения может родиться нечто ценное, праведники — жуткие зануды, вы и не представляете, что будущее готовит тем, кто не боится рискнуть. И змея описывала Еве, слушавшей ее разинув рот, расчудесный мир, который в будущем создадут наука и высокие технологии: ты думала о том, чтобы научиться летать, Ева? Ты думала о том, как здорово было бы поговорить с Адамом, когда он далеко от тебя? Думала о том, как сделать темную ночь светлой с помощью того, чего еще не существует, но что обязательно появится и будет называться электрической лампочкой? Далее следовало краткое, но убедительное описание таких благ, как микроволновая печь, радио и телевидение. Убедив в своей правоте Еву, или почти убедив, змея брала своими острыми зубами тот самый плод — яблоко (несмотря на отсутствие единого мнения по этому поводу, Адамастор сделал выбор в пользу версии, освященной народной традицией) — и вручала его Еве.

Адамастору пришелся не совсем по душе диалог между змеей и запретным плодом. Что за дела: змея болтает с яблоком? Это метафорический разговор, ответил Паулу.

— Змея вводит мотив искушения, но не только плотского искушения. А еще и искушения достатком, мещанством, образом жизни, характерным для среднего класса, как раз всем тем, что ты мечтаешь искоренить. Змея говорит с яблоком — и что такого? Ты разве не хотел, чтобы твои посетители беседовали с цветами? Это примерно то же самое.

Они долго спорили, наконец, Адамастор предложил: пусть это будет последним нововведением. В остальном текст должен строго следовать Библии. Паулу — парень покладистый — охотно согласился.

Все хорошо, но кто будет управлять роботом-змеем? Не всякому это было по силам, вот и инженер считал так же. Но у него был подходящий человек: его ассистент Маседу. Ему можно доверять целиком и полностью, заверил инженер, да он в случае чего и отремонтирует.

Адамастор принял предложение, и через два дня явился Маседу. Это был чахлый, сутулый молодой человек с полубезумным взглядом, что Адамастору совсем не понравилось:

— Парень как будто только что из психушки.

Несмотря на настороженность Адамастора, вскоре выяснилось, что Маседу — настоящий эксперт в дистанционном управлении. В его руках змея, которую он окрестил Марией-Анже́ликой, возможно, в честь какой-нибудь давней подружки — если у него вообще когда-нибудь были подружки, — проявляла небывалые актерские способности. Маседу заставлял ее в качестве увертюры к сцене искушения исполнять фантастический танец, от которого у нас у всех, включая Адамастора, перехватывало дыхание. Гутьеррес был чрезвычайно доволен; Паулу твердил, что уже одна змея гарантирует успех постановки. Будучи принятым на работу, Маседу получил в распоряжение комнату, хотя и небольшую (иерархию следует блюсти) в доме у Адамастора.

С Богом у нас никаких проблем не возникло.

Да, я о Боге, об Иегове. Он ведь тоже был одним из персонажей.

С самого начала всем нам стало ясно, что персонифицировать его мы не будем. Во-первых, это бы означало, что понадобится еще один актер, седобородый старец вроде того, что изображен на потолке Сикстинской капеллы. Нам было бы неловко общаться с подобным существом. К тому же продемонстрировать Бога было бы непросто. Он не мог бы ни ходить по земле, как Адам и Ева, ни сидеть на дереве, как змея. Ему бы пришлось парить в воздухе, левитировать, а для этого потребовались бы подъемные краны или еще более сложное оборудование (маленький вертолет с подвешенной к нему платформой?). Расходы гигантские, куча неудобств... Ни к чему, решили мы. Бог будет просто голосом. Да, вот так: голосом — и все. Но только голос нужен был особенный, голос, который давал бы ясное представление о всемогуществе и всеведении божества.

И голос этот мы, к счастью, тут же и обнаружили: это был голос Фернанду Порту, известного радиоведущего. Он дружил с Гутьерресом, проводил отпуск в Санта-Катарине и согласился записать реплики Господа из книги Бытия. Человеку, привыкшему зачитывать новости о катастрофах, терактах, войнах, это не составляло большого труда. Но и пустячным развлечением тоже не было. Напротив. Это была высокая миссия — термин, использованный самим Фернанду Порту. Он поведал нам, что всю жизнь мечтал одолжить свой голос какому-нибудь сверхъестественному персонажу. И тут Бог. Куда уж сверхъестественнее?

Запись оказалась делом не быстрым и отнюдь не рутинным. Потребовалась определенная подготовка. Порту, истинный профессионал, представил нам — в письменном виде — что-то вроде методического пособия по предстоящей работе. Голос Бога, говорилось в нем, должен представлять собою звуковое отражение образа, определившего судьбы человечества с начала времен, образ божества. Голос Бога должен быть нейтральным, не будучи монотонным, должен быть энергичным, не будучи властным. Голос Бога должен быть гулким и низким, как звуки органа в соборе. Речь должна быть неторопливой, но без дешевых трюков, вроде пауз, искусственно подогревающих интерес слушателя.

— Так, вперед, — сказал Гутьеррес, ознакомившись с документом. Запись была сделана в студии во Флорианополисе. По просьбе Фернанду Порту мы присутствовали там все: ему требовалась обратная связь, оценка его исполнения.

И исполнение было воистину великолепным. Сдерживая эмоции — а он потрясающе владел собой, — Порту прочел текст безупречно. Под конец мы все ему аплодировали. Сколько я вам должен, спросил Адамастор. Ничего, ответил Порту, это была не работа, а благодать, я бы сам должен был приплатить вам. Адамастор настаивал, но Порту оставался тверд: ни о какой оплате и речи быть не может. Он выдвинул всего одно требование: его имя не должно нигде фигурировать. Он опасался фанатиков: если им взбредет в голову, что я пытался присвоить не один только голос, а и полномочия Господа, мне не поздоровится. Гутьеррес обещал строго соблюдать анонимность. Маскировке должна была послужить и эхо-камера, с помощью которой предстояло создать иллюзию, будто голос Бога звучит отовсюду, и которая, на этот раз очень кстати, несколько искажала его.

Мы приступили к репетициям. Паулу вместе с Адамастором выбрали уже место для инсценировки: небольшую полянку посреди леса, место довольно тенистое и как на заказ окруженное зарослями бамбука. Посетители должны были подходить к поляне по тропинке и на ней же останавливаться, чтобы подглядывать за тем, что происходит, из-за бамбуков. Именно такого эмоционального эффекта я и добиваюсь, говорил Паулу, надо, чтобы зритель чувствовал себя вуайеристом, совершающим нечто запретное:

— Зритель почувствует себя соучастником грехопадения.

Прекрасная находка, но я к такому не привык: мне привычнее было искать в глазах зрителей одобрение или осуждение (одобрение, конечно, в первую очередь). На этот раз публика должна была оставаться невидимой, мне предстояло лишь догадываться, что за деревьями стоят люди. И я так и му-

чился бы сомнением: то, что я вижу, — это блестящий от волнения глаз зрителя или отблеск солнца на влажном листе? А то, что слышу, — это восхищенный шепот или шум ветвей?

Но это бы еще полбеды. По-настоящему меня беспокоило — и еще как беспокоило — другое. Я не понимал своего персонажа, Адама.

В Библии о нем сказано немного. Нет описания внешности. Не рассказывается, чем он занимался, как распоряжался временем. Ясно, что он не работал, ему не приходилось рано вставать, и каждый день его был неким таинством. Но там нет и его речей (разве что нечто вроде внутреннего монолога). Каково быть первым человеком? Каково это — оглянуться и не увидеть рядом ни одного коллеги, или товарища по спортивным состязаниям, или, скажем, однопартийца? Каково не иметь ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер? Каково иметь прямой доступ к божеству, слышать его могучий бас? Влезть в шкуру подобного персонажа невозможно. Временами он представлялся мне дурачком, этаким веселым придурком, а иногда, наоборот, таинственным, загадочным. И нередко я думал о нем как о растерянном, беззащитном и одиноком человеке. Таком беззащитном и покинутом, каким чувствовал себя я у гроба отца (постоянное — и мучительное воспоминание). В какой-то момент безграничная боль слегка отпустила, уступив место не смирению, а чему-то вроде грустного недоумения: каково быть мертвым, спрашивал я себя, глядя на отца сквозь слезы.

Адам, должно быть, задавал себе тот же вопрос, хотя и не плакал. Я не мог представить себе его плачущим. Или смеющимся. Или ругающимся. Или поющим. Я просто никак не мог себе его представить — и точка. Адам был для меня безвкусным, бесцветным, лишенным запаха. Понятно, что публике это было глубоко безразлично. Публика придет сюда не затем, чтобы мудрствовать. Она явится элементарно развлечься, получить удовольствие. Приедет поглазеть на простака Адама. Но как я, такой непростой парень, смогу жить жизнью простого персонажа?

Изабел ничем подобным не терзалась. Она была всем довольна: сценарий, разумеется, переписали, как она хотела, но она вообще в последнее время ходила радостная, смеялась ни с того ни с сего, и даже рассеянный Паулу заметил:

— Девчонка как-то изменилась. С чего бы?

Я не ответил. Но у меня родилось подозрение, которым я ни с кем не стал делиться, тем более и не время было: приближался день премьеры.

Первая репетиция на природе прошла, естественно, без публики. Были только Изабел, Гутьеррес, Паулу, Маседу. И

Адамастор — притаившийся в зарослях бамбука: ему хотелось почувствовать себя на месте нашей (будущей) публики. Изабел была в одном халате. Я с нетерпением ждал, когда она его скинет, и одновременно страшился этого мига.

Паулу велел нам занять свои места. Раздался торжественный звон металлических трубочек чаймса, специально установленного для такого случая. Я глубоко вздохнул и скинул халат. Изабел сделала то же самое, и — о Боже! — тело ее было ослепительно. Невероятным усилием воли я овладел собой. И все равно первая моя реплика ("Ева, Ева, что ты делала здесь?") прозвучала несколько сдавленно, так что Паулу и Гутьеррес усмехнулись. Но я продолжал. Как мы и предполагали, Изабел оказалась посредственной актрисой, но все же с ролью справлялась. Во всяком случае, сейчас она произносила свои реплики вполне естественным тоном, ничего не забывала.

Главной сенсацией стала змея. Она была буквально как живая, движения ее были невероятно точны. Что до световых и звуковых эффектов, то они работали, как часы. Голос Дорис Соузы растекался по лесу медом. Ах да, и, кстати, он звучал идеальным контрапунктом к голосу Бога.

Словом, мы остались очень довольны репетицией. Гутьеррес — так и вовсе впал в эйфорию и твердил, что в жизни не видел такого потрясающего спектакля, при этом он успел обнять и поцеловал Изабел (все еще обнаженную) раз пятьсот, не меньше.

Адамастор выглядел странно притихшим и замкнутым, и это встревожило меня еще больше: явно что-то назревало. И мне это не нравилось. Потому что Адамастор был мне симпатичен. Меня трогала его пусть и слегка наивная вера в проект. И было бы очень жаль, если бы что-то выбило его из колеи. А я предчувствовал, что что-то таки выбьет его из колеи.

Но время раздумывать над предчувствиями было самое неподходящее. Сейчас надо было гореть, ликовать и переполняться оптимизмом. Скоро мы покажем миру, каким мы видим рай.

7. Эдем-Бразилия раскрывает объятия миру, однако мир не отвечает взаимностью

Мы были готовы к открытию сезона. Почти полностью достроенный отель мог принять приличное количество гостей. Но подъехать пока что было трудно: только по разбитой

грунтовой дороге. Адамастор и Гутьеррес записались на прием к префекту Аржемиру. Они показали ему проект, фотографии местности, фотографии отеля. О постановке рассказывать не стали. Гутьеррес, который был знаком с префектом, предупредил Адамастора, чтобы тот не говорил ни слова о спектакле: префект был не любитель театра, тем более новаторского. На самом деле, Аржемиру и не намерен был вдаваться в детали; единственное, что его интересовало, это привлечет ли Эдем-Бразилия (название ему очень понравилось) толпы туристов. Гутьеррес поклялся, что привлечет. По исполнении бюрократических процедур префектура таки сделала свою часть работы, заасфальтировав несколько километров дороги. Въезд в Эдем-Бразилию теперь был украшен величественным портиком с огромными рекламными стендами, восхваляющими красоты бразильского рая. Идея Гутьерреса. Он же попытался превратить церемонию открытия парка в событие, достойное внимания прессы. Для этого он обзвонил политиков, предпринимателей и журналистов. Адамастор вынужден был оплатить рекламные объявления на целую полосу в нескольких местных газетах, зато взамен получил горячую поддержку. Его приглашали на радио и телевидение. Он не слишком хорошо умел держаться перед камерой и перед микрофоном, так что Гутьерресу пришлось с ним специально позаниматься. Он должен был с таинственным видом намекать на какие-то "сюрпризы", ожидающие посетителей Эдема-Сафари. И это действительно раздразнило любопытство многих, судя по количеству писем на радио и в газеты.

На открытие парка, несмотря на мелкий дождик, собралась небольшая толпа. Присутствовал, разумеется, префект и несколько местных депутатов. Были представители радио, телевидения. В общем, резонанс предполагался довольно значительный.

Адамастор в волнении носился туда-сюда, следя, чтобы не подвела ни одна мелочь. Гутьеррес в яркой нарядной рубахе вел себя по-хозяйски. Даже толкнул речь на смеси испанского с португальским во время фуршета, после которого все присутствующие отправились на экскурсию по парку. Тут мы и сыграли спектакль — не на поляне, ведь шел дождь (на будущее надо ставить тент, прокомментировал Гутьеррес), а в одном из залов отеля. Перед началом к публике вышел Паулу, объявил, что он режиссер, и сказал:

— То, что вы сейчас увидите — это, так сказать, современная версия библейской истории. Постмодернистское прочтение книги Бытия.

Если таким образом он надеялся подготовить зрителей в партере, то жестоко ошибся. Когда занавес поднялся и появились обнаженные мы с Изабел, публика вытаращила глаза и разинула рты. Отчетливо послышался изумленный — и возмущенный — шепот. Я-то был привычный, но боялся, что Изабел растеряется. Но нет, она, казалось, чувствовала себя на сцене, как рыба в воде, и даже была довольна, что вызвала такой ажиотаж. Раз или два она, конечно, сбилась, но как же без этого. Однако то, что мы говорили, вряд ли кому-то было интересно. Интересна была наша нагота.

Что до меня, то я был откровенно смущен, чуть ли не в панике. У меня был уже достаточный сценический опыт, чтобы не подать виду, но пришлось мобилизовать всю свою способность к самоконтролю. И я уповал на то, чтобы змея, появившись на сцене, отвлекла внимание зрителей, что и произошло, но никакая змея, даже самая хитроумная, не могла сгладить впечатление от постановки. Легче стало только когда после изгнания Адама и Евы из Рая занавес наконец сомкнулся. Я, страдая, обливался потом. Изабел, напротив, пребывала в эйфории: у них прямо челюсть отвисла, они никогда ничего подобного не видели.

После спектакля гостям был предложен коктейль. Я быстро оделся и нырнул в толпу приглашенных, надеясь собрать отзывы. Но, понятно, никто со мной не был искренним; мне удалось услышать только что-то смутно положительное. “Немного слишком”, — сказал префект, но это можно было даже считать благожелательной реакцией, учитывая, что исходила она от известного консерватора. Настолько же расплывчатыми были отзывы в прессе на следующий день. “Интересное решение”, “творческий подход” — подобные слова мелькали в рецензиях довольно часто, что, однако, не означало одобрения.

Но это были еще хорошие новости. Плохие пришли несколькими днями позже. Спектакль, как мы вскоре обнаружили, многих оскорбил. Возмущенные письма читателей появились на страницах газет: “Это хуже нудистского пляжа”, — говорилось в одном из них. Другие читатели жалели, что больше нет цензуры. Кто-то даже с ностальгией припомнил диктатуру военных, “при которой авторы подобного стыдобища гнили бы уже на каторге”. И тут вступила в игру Лига защиты нравственности.

Это была некая смутная организация, объединявшая в своих рядах дам из маленького городка на побережье. По жестокой иронии судьбы глава Лиги, дона Арминда, присутствовала на спектакле — и воспылала негодованием. Она да-

же на коктейль не осталась, а отправилась прямиком домой, откуда, обзвонив своих соратниц, созвала внеочередное заседание Лиги. Явка была небывалая. Дона Арминда поделилась впечатлениями об увиденном ("Какое бесстыдство, коллеги, не правда ли?") и потребовала проголосовать коллективное заявление. Члены Лиги почувствовали себя оскорбленными в лучших чувствах — и невероятно счастливыми. Тут уж найдется, где порезвиться. Давно у них не было такого подходящего повода для борьбы. Максимум на что они реагировали в последнее время, было слишком бурное веселье земляков на Карнавале или какая-нибудь чуть вызывающая фотография в газете. Но обнаженка на сцене — это настоящее событие, достойное того, чтобы посвятить ему свободное время, имевшееся у дам в избытке.

Так что они единогласно постановили объявить священную войну тому, что поименовали гнездом разврата. Для начала выставили мальчишек, раздававших памфлеты вдоль дороги, ведущей в Эдем-Бразилию. "Атака на добрые традиции" — таково было заглавие брошюры. Вот фрагмент: "Учредители назвали это место Эдемом-Бразилией. Следовало бы изменить название: это уж никак не Эдем. Речь скорее идет о Преисподней, где окопались похотливые греховодники, стремящиеся ввести нас во искушение". Потом они отправились в редакции газет, на радио, на телевидение. Добились того, что местные депутаты стали поднимать этот вопрос во время своих дебатов. Один из законодателей обвинил префекта в том, что тот за счет государственных средств "поощряет промискуитет", но тут возникло новое затруднение: остальные народные избранники не знали значения этого редкого слова.

Но лиха беда начало. Однажды утром охранник, дежуривший у главных ворот, запыхавшись, прибежал в дом. Адамастора не было, так что он явился прямиком в мою комнату:

— Извините, сеньор Рикарду, вам надо подойти к воротам. Срочно.

— Что случилось? — спросил я, плохо соображая со сна.

— Идите и сами увидите.

Я пошел и увидел. Арминда и еще пять ее соратниц по Лиге лежали поперек дороги, преградив путь двум нетерпеливо гудевшим автомобилям с туристами. Я отправился беседовать с дамой:

— Извините, но вы не даете проехать машинам.

Не поднимаясь с земли, она устремила на меня полный гнева и презрения взгляд:

— Ну так вызовите полицию. Пусть меня арестуют. Так вся страна узнает о нашем протесте.

Ничего нельзя было поделать. Они ушли только когда стемнело. К тому времени посетители уже давно разъехались.

Это уже не лезло ни в какие ворота. Мы собрались втроем: Паулу, Адамастор и я (Гутьеррес сказал, что занят, прийти не сможет, а Изабел куда-то слиняла). Мы долго спорили. Я злился и думал, как бы насолить даме, но Паулу, парень рассудительный, урезонил меня: мы в ссоре не заинтересованы, она нам только навредит.

— И что же ты тогда предлагаешь? — спросил я.

— Переговоры. Адамастор должен поговорить с этой доной Арминдой.

Мы обернулись к Адамастору, который слушал нас молча.

— Ну что, Адамастор? Сумеешь купить эту грымзу?

Он вздохнул:

— Куда деваться? Надо — так надо.

Позвонить он попросил меня:

— Сначала принеси извинения, потом передай трубку мне.

Я считал, что это перебор. Но, чтобы не огорчать Адамастора, нашел номер в телефонной книге и набрал его.

Подошла горничная. Я слышал, как она передала хозяйке, что "те нудисты" хотят говорить с ней. Но дона Арминда как с цепи сорвалась. Издали доносились ее вопли: "Это банда подонков. Скажи, что я не желаю разговаривать с одержимыми", — каковое послание горничная передала с некоторым затруднением, споткнувшись на "одержимых", похоже, слово не относилось к ее привычному лексикону. Борясь с желанием хрястнуть телефон об пол, я стал настаивать, и в конце концов дона Арминда согласилась поговорить с Адамастором. Но только по телефону.

— Не хочу, чтобы его поганые ноги переступали порог моего дома.

Несмотря на враждебный настрой, Адамастор оказался вполне на высоте. Он объяснил, что спектакль, основанный на тексте Библии, не имел целью задеть ничьих чувств: мы просто хотели изобразить рай как символ Эдема-Бразилии. Но дона Арминда была непреклонна: или вы прекратите это позорище, или я вас разорю. Я держал вторую трубку и все слышал. Мне очень хотелось послать даму подальше, я едва сдержался. Что до Адамастора, он был расстроен, опечален. Единственное, чего он хотел — это создать место, где люди могли бы вновь открыть для себя природу.

Наконец явился Гутьеррес. Взглянул на нас в недоумении:

— Что стряслось? У всех похоронные физиономии. Кто покойник?

Паулу рассказал, что произошло. К нашему удивлению, Гутьеррес рассмеялся. Он хохотал так, что слезы градом катились по его щекам, а мы переглядывались, не понимая, в чем дело. В конце концов, ему удалось взять себя в руки.

– Извините, – проговорил он, еще задыхаясь. – Но это ужасно смешно. Ужасно смешно.

– Ничего смешного не вижу, – сухо отрезал Адамастор, – а вижу, что дело осложнилось. Эти фанатички доведут нас до того, что мы озвереем.

– Или разжиреем, – парировал Гутьеррес.

– Разбогатеем? Но как? – Адамастор не понимал. – Думаешь, эти сумасшедшие будут раздавать свои памфлеты, перекрывать дорогу, и при этом появятся посетители?

– Тут-то они именно и появятся, – заверил Гутьеррес. – Разве ты не знаешь, что народ обожает сплетни, пересуды. Это ж для нас бесплатная реклама, Адамастор. Ты должен благодарить старух из Лиги защиты нравственности. Они, сами того не желая, помогают Эдему-Бразилии. Думаю, они не отступятся, будут продолжать кампанию. И отлично. Потому что публика повалит валом, поверь моему слову. Я знаю, что говорю, у меня в таких вещах большой опыт.

Первая часть предсказания сбылась, вторая отнюдь. Лига защиты нравственности с яростным рвением продолжала борьбу. Но число посетителей не росло, а, наоборот, сокращалось. Отель от силы был заполнен на треть. В мини-маркете практически ничего не покупали, и человек, взявший его в концессию, предупредил, что сворачивает дело. Погода тоже не благоприятствовала: тот год в Санта-Катарине выдался наредкость дождливым, никто не рвался на пляж, даже в таком райском месте.

Одним словом, требовалась большая выдержка, чтобы не сломаться под ударами судьбы. И мало того, нам пришлось пережить и еще один дикий – и очень неприятный – инцидент, связанный с Маседу.

Все время, пока жил с нами – около полугода, – Маседу вел себя довольно экстравагантно. Он безупречно выполнял свою работу, и вообще его мастерство в управлении змеей буквально потрясало. После представлений он часами играл с ней. Заставлял ее вползать на деревья, ползать по дому, заставлял ее танцевать под музыку. Нас это очень развлекало. Но он не для того это делал, чтобы веселить нас, наоборот, наши шутливые комментарии, казалось, раздражали его. Он брал змею и уносил ее к себе в комнату. И тогда оттуда доносился голос Дорис Соузы, склоняющий к грехопадению.

Добрый и великодушный Паулу пытался вовлечь Маседу в жизнь нашей команды, приглашал его на собрания. Маседу

приходил, но ни в чем не участвовал: по собственной инициативе не выступал, на вопросы отвечал односложно.

Но все менялось, стоило появиться Изабел: Маседу не сводил с нее обожающих глаз, впитывал каждое ее слово. Платоническое чувство в чистом виде, говорил Паулу. По-моему, вполне объяснимое. В конце концов, речь идет о красивой девушке, и то, что парень каждый день видит ее обнаженной, не могло оставить его равнодушным. Мы обменивались по этому поводу шутками с Паулу – но не с Адамастором, конечно. В то время его взаимоотношения с девушкой оставались для меня загадкой. Не было ни единого признака связи между ними: по утрам, скажем, когда мы вставали и шли завтракать, каждый из них выходил из своей комнаты. Понятно, что при этом ночь они вполне могли проводить вместе, но если так, то зачем держать это в тайне? Адамастор был человек свободный, девушка тоже. Может быть, он не хотел смешивать работу с личной жизнью, думал я иногда, но в этом тоже не было особого смысла. В конце концов, их роман нисколько не повредил бы проекту. Хотя мне и хотелось расспросить Адамастора – и наша дружба это позволяла, – я знал, что для него эта тема – табу.

Мы с Паулу заблуждались: чувство Маседу к Изабел не было платоническим. То есть внезапно перестало быть платоническим.

Однажды ночью я проснулся, перепуганный шумом в коридоре. Топот, а потом рассерженный голос – голос Изабел, орущей на кого-то, кого я не смог распознать. Не требовалось семи пядей во лбу, чтобы понять: кто-то ломился в комнату Изабел, и она его отшила. Но кого? Наверняка Адамастора. Они из-за чего-то поругались, и она его выставила. Хотя любопытство мучило меня, я решил не вставать. Отложил выяснение до утра. Думал даже посмеяться над Адамастором: вот, мол, мы и раскрыли твой секрет.

Но утром меня ждал сюрприз. Горе-поклонником, проникшим в спальню Изабел, был не кто иной, как Маседу, застенчивый чудак Маседу. Поведала нам об этом за завтраком сама Изабел. Нам – это мне, Паулу и Адамастору. Среди ночи, пользуясь тем, что дверь была не заперта, этот тип ворвался к ней в комнату.

– Зажигаю свет, а передо мной этот псих, голый, абсолютно голый. И лезет ко мне в постель. Я его посылаю вон. Он меня не слышит. Настолько съехал с катушек, что пытался обнять меня. "Люблю тебя, Изабел, люблю, жить без тебя не могу", – знакомая песня, да? Насилу от него отделалась.

Негодования я в ней не уловил, наоборот, она посмеивалась (явно у нее был некоторый опыт отражения подобных

атак). Мы с Паулу тоже смеялись, надеясь как-то сгладить впечатление от инцидента и поберечь беднягу Маседу, который был всего-то запутавшимся мальчишкой. Адамастор, однако, кипел от гнева. Я никогда раньше не видел его таким рассерженным:

— Я проучу этого каналью, так проучу, что век помнить будет.

Он вскочил и бросился в комнату к парню. Вернулся раздосадованный.

— Пусто. Но он должен быть где-то здесь. Вещи на месте.

Мы искали Маседу по всему дому. Ни следа.

— Не дай бог в лесу спрятался, — предположил Паулу.

Что было вполне вероятно — и весьма затрудняло поиски. Мы втроем пошли по тропинке, Адамастор кричал:

— Я знаю, что ты здесь, Маседу! Прятаться бесполезно! Я раскрою́ твою жалкую рожу, несчастный!

Мы с Паулу, более привычные к подобным происшествиям, пытались его успокоить: Маседу, бедняга, просто не совладал с собой. К тому же псих он или нет, для нашей постановки он необходим: ведь никто другой змеей управлять не умеет.

— Я с ним поговорю, — обещал миротворец Паулу. — Гарантирую: больше он Изабел не тронет. До него уже наверняка дошло, какую глупость он совершил.

Все еще сердито отдуваясь, Адамастор согласился уступить: он не станет увольнять Маседу. Но больше не хочет иметь с ним дела: пусть мы с Паулу разбираемся. И вернулся в дом.

Мы с Паулу продолжили поиски. План наш заключался в том, чтобы уговорить Маседу попросить прощения и у Изабел, и у Адамастора. Мы думали, что на этом инцидент будет исчерпан. Но нам никак не удавалось найти парня. Мы несколько часов бродили по лесу и спустились к самому берегу — никого. На душе у нас кошки скребли. Начинал накрапывать дождик, так что дневное представление отменялось, но что делать, если Маседу и в самом деле исчез?

В ту ночь Адамастор проснулся от странных звуков. Он включил свет и остолбенел: у самой постели, как бы изготовившись к прыжку, свернулась змея. На его крики прибежали мы с Паулу. И увидели змею. Это была загадка. Обычно змея хранилась в доме в ящике письменного стола. Как она могла приползти сюда? У Адамастора не было по этому поводу никаких сомнений:

— Этот полоумный Маседу, наверное, включил ее с улицы пультом дистанционного управления.

Адамастор был в ярости. Я попытался его успокоить. Предположил, что, может, случайно из-за плохого контакта, змея включилась сама. Убедить Адамастора не удавалось:

— Случайно? Змея случайно вползла именно ко мне, а не к вам? И как вползла? Наверняка повернула ручку зубами.

— А может, ты оставил дверь открытой? — рискнул предположить Паулу.

— Ничего подобного. Это спланированная акция, Паулу. Этот тип пытался запугать меня. Продемонстрировать, что и сам может пробраться ко мне в комнату. И прикончить. Но я с ним еще расквитаюсь, будьте уверены. Вот как он явится, сами убедитесь.

Маседу не появился. Охранник, дежуривший у ворот, сказал, что видел, как он рано утром с чемоданом голосовал у шоссе. В общем, парень сделал ноги.

— Ну и скатертью дорога, — проворчал Адамастор. — Очень мне нужен этот ненормальный!

Однако все было не так просто. Вскоре мы обнаружили, что никто из нас не умеет как следует управлять змеей. Мы нажимали кнопки, но движения получались слишком резкие, гротескные. А фразы из монолога повторялись по десять-двадцать раз, как на заезженной виниловой пластинке. Хуже того: челюсти не разжимались, когда Ева — Изабел — должна была взять яблоко. Сам Иегова не в силах был разжать их.

Адамастор пригласил нескольких специалистов-электронщиков. Никакого толку: никто из них не знал, как починить змею. Обсудив положение, мы решили показывать инсценировку с неподвижной змеей, обвившейся вокруг дерева. Адамастор должен был читать ее текст. После нескольких попыток нам удалось придать проклятой змее нужную позу — но к тому времени ее пластиковое покрытие в нескольких местах протерлось, и показались механические внутренности, которые мы попытались замаскировать изолентой. Стало только хуже. Люцифер, обезьяна Адамастора, теперь играл со змеей безо всякого страха. То есть принять ее за настоящую уже не мог никто.

И это была всего лишь одна из неприятностей. Вторая — бойкот со стороны Лиги защиты нравственности все набирал силу. Наконец Адамастор сдался: мы с Изабел должны прикрыть так называемые интимные места. И Паулу, и Гутьеррес были возмущены таким решением. Паулу считал, что это трусость. Гутьеррес заявлял, что от его замысла не осталось камня на камне.

— Да хоть мокрого места — мне все равно, — отвечал Адамастор. — Надо оплачивать счета, так что требуются посетители. И уж если на то пошло, то я первый должен жаловаться, что от моего замысла не осталось камня на камне.

Поинтересовались моим мнением, но я, честно говоря, не знал, что ответить. Я ведь еще после “Бразильского Гамлета” не до конца пришел в себя.

— Мне все равно, — сказала Изабел, которая, похоже, потеряла интерес не только к постановке, но и к Эдему-Бразилии в целом. И это казалось мне дурным знаком.

Одна портниха сшила нам плавки и бикини, имитирующие виноградные листья. Бикини сидел на Изабел плохо, мои плавки выглядели комично, но мы ринулись в бой.

И вновь результат был катастрофический. Зрители, которых становилось все меньше и меньше, жаловались: им обещали голую бабу, а Изабел являлась в бикини. Обман! Однако и Лига защиты нравственности не была удовлетворена. "Скрытая нагота — та же нагота", — вещали теперь памфлеты.

Парк существовал уже восемь месяцев — и все еще приносил убытки. Адамастор был вынужден увольнять служащих, а те тут же обращались в суд, требуя компенсации. Проблемы накапливались, возникая там, где их меньше всего ожидали.

Однажды к нам с визитом явилась бывшая жена Адамастора, прихватив с собой и сына. Адамастор постарался как можно радушнее принять их (с нашей помощью): я даже вызвался показать гаденышу парк, правда, тот отказался: Диснейуорлд был куда лучше. Что до бывшей супруги, то и она была далеко не дружелюбна. Ходила с мрачной физиономией и критиковала все, что попадалось на глаза. В конце концов, уже за обеденным столом — а обед приготовил сам Адамастор, поразив нас изысканным меню, — она задала вопрос, прояснивший истинную цель ее приезда: приносит ли дело доход?

Адамастор ответил, что нет: вложения еще не окупились. Она не поверила, потребовала, чтобы ей показали кассовую книгу. И тут же впала в ярость, вскочила с воплем: жульничество! разврат! Адамастор, мол, швыряет на ветер деньги, которые по праву принадлежат ей и сыну. Волоча за руку Геродота, тоже кипящего гневом (но по другому поводу: ему не дали искупаться в море), она вскочила в такси, которое дожидалось ее за воротами.

Мы застыли в молчании. Потом я пытался изобразить оптимизм:

— Оно и к лучшему, Адамастор. Теперь она от тебя отстанет.

— Ошибаешься, — возразил он с горечью. — Первым делом она обратится к адвокату. Ей лишь бы наложить на все это лапу, пока мы не разорились.

Так и случилось. Спустя два дня пришел факс от некого доктора Арнобиу. Он заявил, что является адвокатом Элизы, и требовал объяснений по поводу юридического статуса собственности, вложенных в нее средств, доходов и так далее.

Это сулило кучу неприятностей. Но и на том не окончились мытарства бедняги Адамастора. Ему предстояло пережить еще один неожиданный визит.

Однажды утром, еще толком не проснувшись, я пил на кухне кофе, как вдруг, глянув в окно, заметил некое подобие сарая, сооруженное напротив дома. Хлипкое строение из черного пластика. Кто там мог быть? Может, Адамастор нанял какого-нибудь рабочего и поселил его там? Но мне Адамастор ничего об этом не говорил. Да и денег у него лишних не было.

Я пошел к нему в спальню. Он сидел, не двигаясь, погруженный в размышления, что в последнее время случалось с ним часто. Я спросил его о сарае. Он ничего не знал.

— Сарай? — удивился он. — Какой сарай? В первый раз слышу — и тут же вскочил, натянул шорты, и мы вдвоем пошли выяснять, в чем дело. Одной из торцовых стен у халупы не было, и видно было, что там кто-то лежит. Наружу торчала очень грязная ступня. Адамастор ее пощекотал.

— Эй, друг, в чем дело? Ты зачем здесь?

Из халупы вылез мужчина. Он был ровесником Адамастора, но выглядел полной развалиной: тощий, согбенный, с жидкой бороденкой. Одет был в лохмотья и вонял нестерпимо. Увидев Адамастора, он улыбнулся, обнажив остатки зубов:

— Ну что, товарищ Адамастор, не узнаешь?

Адамастор разинул рот в полном изумлении:

— Марселу! Это ты, старина?

Марселу. Я знал, кто такой Марселу. Адамастор рассказывал мне об однокурснике. Вопрос был только в том, что с ним стряслось? Именно об этом Адамастор и спросил, но Марселу предпочел уклониться от ответа. Потом-потом, сказал он, всему свое время.

— А как ты меня здесь обнаружил?

В ответ загадочная беззубая улыбка.

— У меня свои источники, Адамастор. Помнишь, мы говорили о политической борьбе? Помнишь, какое значение я придавал информации? Так вот, я здесь благодаря добытой мною информации. Информации о твоем проекте. Об Эдеме-Бразилии. Вот почему я здесь, Адамастор. Я явился с политической миссией.

Он замолчал. От удивления, Адамастор не находил слов.

— Ты не хочешь знать, что это за миссия? — спросил Марселу. И, поскольку Адамастор, все еще ошарашенный, промолчал, он продолжил:

— Ну так я сам тебе скажу. Мы давно потеряли друг друга из виду, Адамастор, а потому ты не в курсе: я сейчас представляю

Движение безземельных[1]. Помнишь, какое значение я предавал земельной реформе? Так вот, я решил воплотить свои идеи в жизнь. Эта страна — феодальная страна, Адамастор. Огромные богатства сосредоточены в руках немногих. Ты это прекрасно знаешь, я тебе много раз объяснял. И вот что: латифундисты добровольно землю не отдадут. Без драки не обойтись. И моя задача — выявлять непроизводительно используемые земли. Я — что-то вроде авангарда движения. Пришел первым и первым разбил палатку. Следом придут сотни, тысячи. И тогда...

— Погоди-ка, — перебил потрясенный Адамастор. — Ты хочешь сказать, что мою землю займут?

— Именно об этом я и толкую, Адамастор. Никогда не видел земли, которую использовали бы настолько непроизводительно. Это других ты можешь водить вокруг пальца, рассказывая об экологическом заповеднике, об Эдеме-Бразилии. Меня не проведешь. Я уже прошелся по окрестностям и сделал вывод: тут ничего стоящего нет. Ни одного жалкого кустика фасоли не посадили. Все в том же виде, как тысячу лет назад. Честно говоря, единственное изменение, которое я заметил, это что-то типа чучела змеи на дереве... — Он засмеялся: — Похоже, это пугало, призванное отгонять активистов вроде меня. Но не сработало твое пугало, Адамастор. Я и оружия-то не боюсь, не то что фальшивых гадов.

Я не сводил с него глаз. Особенно притягательными — и отвратительными — казались мне его зубы. По бокам еще сохранились отдельные экземпляры, но на нижней челюсти спереди торчал одинокий гигантский гнилой зуб, подобный башне, полуразрушенной, но все еще упрямо стоящей посреди полностью разбомбленного города. Это был говорящий зуб. Зуб-символ.

Но оставим в стороне одонтологический анализ. Я был реально встревожен. Очень встревожен. Субъект показался мне ненормальным, но, если то, что он говорил, было правдой, нас ждала неслабая головная боль. Строго говоря, собственность и в самом деле использовалась непроизводительно, безземельным было где развернуться. Но Марселу между тем продолжал:

— Однако есть одно возможное решение. В некоторых особых случаях — а твой случай в определенном смысле особый, Адамастор: тобою движет идеал, эта самая экология, к

1. Движение безземельных крестьян — одно из крупнейших общественных движений Бразилии, насчитывающее до полутора миллионов неформальных членов. Его цель — обеспечить всех работников сельского хозяйства возможностью владеть землей и обрабатывать ее.

тому же ты мой друг — мы можем вступить в переговоры. Нам нужны деньги, Адамастор, не меньше нужны, чем земля. Если ты заплатишь контрибуцию, я могу убедить товарищей не занимать твою землю.

Он взглянул на Адамастора:

— Что скажешь?

— И каков же размер контрибуции? — спросил Адамастор с более чем заметной тревогой.

Тот назвал сумму. Не слишком большую, но и не маленькую.

— Боюсь, у меня столько не будет, — неуверенно произнес Адамастор.

— Так достань, — сказал Марселу. — Не важно, если не сразу. Могу подождать дня два-три в этой халупе, если ты обеспечишь мне питание, разумеется, и позволишь воспользоваться ванной. Мы, безземельные, привыкли ждать. Веками ждем, когда восторжествует справедливость. Можем и еще подождать. Но расскажи, как ты живешь вообще? И как продвигается проект?

Все еще колеблясь, Адамастор заговорил. И все смотрел на бывшего друга, который теперь удовлетворенно улыбался.

Тут мне пришла в голову одна идея. Я извинился перед собеседниками и ушел в дом. Через десять минут вернулся.

— У меня для тебя новость, Адамастор, — сказал я. — Тебе не придется платить никакой контрибуции.

— Как это? — удивился Адамастор. И его удивление, несомненно, разделял и беззубый, хотя к его удивлению примешивалось беспокойство.

— Просто меня взяло сомнение. Что-то я усомнился в словах нашего гостя и решил позвонить руководству Движения безземельных. У меня там друг, хороший друг, надежный. И этот друг сказал мне, что в их организации не состоит никакой Марселу. И что в ближайшее время они не планируют никакого захвата земель.

Первой реакцией Марселу был испуг — испуг человека, которого застукали на месте преступления. Но он тут же взял себя в руки. И высокомерно усмехнулся.

— Ясно, что именно это он и должен был вам сказать. Я же предупреждал: моя деятельность осуществляется под покровом строжайшей тайны. Им велено никому не говорить, что они меня знают. Не станут же они выдавать агента, правда? А? Как вы думали?

Он смотрел на нас слезящимися глазами. Мы с Адамастором не шелохнулись. И тогда Марселу разрыдался:

— Я жалкий человек, Адамастор, я грязь, врать — и то не умею. Ах, какой стыд, Адамастор, какой стыд...

Адамастор обнял его. На мгновение они застыли, обнявшись, Марселу всхлипывал. Наконец ему удалось взять себя в руки. Хлюпая носом, он принялся разбирать свою палатку. Но вдруг перестал.

— Хочу тебя попросить об одной вещи, Адамастор, всего об одной. Мне бы зубы вставить. Я уж и забыл, как жуют по-человечески, несколько лет, как забыл... У тебя нет знакомого дантиста, чтобы сделал мне челюсть подешевле? Поможешь мне?

Ни слова не говоря, Адамастор достал из кармана деньги и протянул их ему. Тот смотрел на него с обожанием.

— Спасибо, Адамастор. Большое тебе спасибо. Ты лучше меня, товарищ. Лучше, чем я, быть нетрудно, но ты намного, намного лучше меня.

— Свою пластмассу можешь оставить здесь, если хочешь, — сказал Адамастор.

Тот взглянул на него с горькой иронией:

— А жить-то где? — спросил он. — Даже на захваченных землях человеку надо иметь крышу над головой, Адамастор.

Свернув свои пластиковые листы в рулон и взяв его под мышку, он удалился. Мы с Адамастором стояли и смотрели ему вслед, пока силуэт его не исчез вдали.

— Ты поверил в его россказни? — спросил я.

— Сам не знаю, — вздохнул Адамастор. — Честно, не знаю. Думаю, мне хотелось поверить. Этот парень много для меня значил, Рики. Он был моим гуру, образцом для подражания, парнем, на которого я хотел быть похож. Как не поверить? Твой звонок все поставил на место.

— Я никуда не звонил.

— Что? — поразился он. — Так ты выдумал весь этот разговор?

— Не забывай, что я актер, друг мой. Плохой, но актер. Я научился разыгрывать сцены, которых не было в жизни. Да, я солгал. Солгал, как и он. Но я лучше умею лгать, Адамастор. — И добавил с иронией. — Возможно, мне еще не раз придется воспользоваться этим умением.

Слова мои оказались пророческими.

8. Р*азбитые мечты?*

Посетителей становилось все меньше, долги росли, так что люди, работавшие в Эдеме-Бразилии, стали постепенно исчезать. Отель и мини-маркет пришлось закрыть. Паулу, не получив в положенный срок зарплату, явился к Адамастору. Деликатно, как всегда, он намекнул, что постановка более не нуждается в режиссере, и, стало быть, его присутствие в Эде-

ме-Бразилии не обязательно. Адамастор тут же все понял. Они договорились о сумме выходного пособия, Паулу получил его и отбыл. Мне жаль было с ним расставаться. В отличие от Нелсона, постановщика "Бразильского Гамлета", он был порядочным человеком, верным товарищем и в радости, и в горе.

Мы с Изабел продолжали разыгрывать нашу сцену, хотя публики становилось все меньше. Однажды наша единственная в тот день зрительница, некая дородная сеньора, выкатилась из зарослей бамбука и принялась освистывать нас и осыпать оскорблениями:

— Шуты гороховые! За что я, спрашивается, платила?

Я ответил достойно, вспомнив все матерные слова, какие только пришли мне на ум, а Изабел не прореагировала вовсе. Чем укрепила мои подозрения. Ее уже ничто не связывало с Эдемом-Бразилией, она будто делала одолжение. И — загадочная подробность — она почти никогда не оставалась на ночь дома. Где она ночевала? С кем?

Адамастор был явно огорчен, но я не решался его ни о чем расспрашивать. Чем хуже шли дела, тем более он сближался со мной. По правде говоря, кроме меня, ему уже не на кого было положиться. Тем не менее я не говорил с ним об Изабел, хотя все связанное с племянницей, или с так называемой племянницей, его серьезно тревожило.

Однажды к нам приехал Гутьеррес. Он давно уже не показывался. Мне это казалось странным: он ведь считал себя соавтором проекта, но Адамастор не удивлялся, а с горечью повторял: парень из тех, кто исчезает, как только дела пошли не так. Но вот Гутьеррес явился, как всегда, нарядный и энергичный. Мы ужинали с Адамастором вдвоем. Я взял на себя инициативу и предложил Гутьерресу сесть за стол и разделить нашу скромную трапезу, но он отказался, ссылаясь на то, что торопится на какую-то встречу. Произнеся несколько дежурных фраз — ах, какая стоит жара, и так далее, и тому подобное, — он объявил как бы между прочим:

— Кстати, Адамастор, думаю, пора расторгнуть наше с тобой соглашение. К сожалению, проект не удался, и я не могу больше тратить на него время. Ты же знаешь: мое время стоит дорого. Да и вообще, я переезжаю в Мексику, затеваю там новое дело.

Он откашлялся и добавил:

— Изабел уезжает со мной.

Ну вот все и прояснилось. Вот в чем была причина таинственных исчезновений Изабел. Она крутила с Гутьерресом. И предавала Адамастора.

Я взглянул на него. Уж не знаю как, но он сумел овладеть собой. Его лицо будто окаменело и не выражало никаких эмо-

ций: ни гнева, ни презрения, ни тоски — ничего. Он оцепенело молчал. И это подействовало на Гутьерреса. Он вмиг растерял весь свой гонор, всю уверенность в себе.

— Я знаю, это выглядит страшной подставой, — растерянно пробормотал он. — Но поверь, Адамастор, тут нет никакого заговора против тебя. Мы с Изабел полюбили друг друга — вот в чем дело. Не хотели говорить об этом раньше, потому что она не была уверена, что действительно хочет связать со мной свою судьбу. А теперь она решилась, и мы уезжаем. Тем более здесь больше делать нечего, Адамастор. Эдем-Бразилия был великолепным проектом, он мог бы иметь грандиозный успех, но люди тут не оценили нашего замысла. Он хорош для передовых стран, а не для нашего захолустья. У тебя два выхода: либо продай это по самой высокой цене, которую сумеешь выручить, либо...

Поколебавшись, он достал из кармана листок бумаги. Вырезку из газеты:

— Вот это, — объяснил он, — навело меня на мысль... На одну мысль относительно Эдема-Бразилии. Отчаянный риск, но, если как следует взяться за дело, может выйти нечто толковое. Если хочешь, я объясню. Готов помочь тебе напоследок. — Адамастор все так же невозмутимо молчал. Гутьеррес вздохнул. — Вижу, ты не хочешь со мной разговаривать. И я прекрасно тебя понимаю, Адамастор. Прошу только одного: прости меня. Меня и Изабел. Ну ладно, я пошел. Оставляю заметку. Прочти. Если тебе придет та же мысль, что и мне, действуй.

Он положил бумажку на стол и ретировался.

Мы остались вдвоем. Ни один из нас не проронил ни слова. Адамастор так и застыл, не меняя позы. По лбу его гуляла муха, но он и не думал прогонять ее. О чем он размышлял? Представления не имею. Но вообразить, насколько ему тоскливо, я мог. В этот миг он погрузился на самое дно. После провала проекта консультант — великий специалист — покидал его и, что хуже, Изабел уезжала с ним. Какого рода отношения связывали ее с Адамастором, оставалось для меня тайной, но то, что Гутьеррес увозил ее, несомненно было предательством. Ничего обсуждать Адамастор не собирался. Он встал и молча ушел к себе в комнату.

Следующий день выдался тяжелым. Во многих смыслах. Во-первых, небо было в тучах, жара предвещала ливень. Да еще и Адамастор замкнулся в молчании. Он, конечно, со мной поздоровался, но завтракали мы молча. Кофе приготовил я сам: к тому времени в доме не осталось прислуги. Единственным, кто еще работал в Эдеме-Бразилии, был старик-сторож, дежуривший в будке при входе. Окончив трапезу, Адамастор заявил, что пойдет пройтись.

— Хочешь, я с тобой?

Он ответил, что предпочитает одиночество. И правда, домой я его дождался только к вечеру. Мы сели ужинать, но он почти не ел. Я убрал со стола, и мы так и сидели молча. Лишь отдаленные раскаты грома нарушали тишину. Я не знал, что делать. На мои вопросы он отвечал односложно, и это лишь усиливало мою тревогу.

Вырезка из газеты, оставленная Гутьерресом, все еще лежала на столе. Я взял ее и стал читать.

"Шведский фонд планирует оказать поддержку индейцам Бразилии", — называлась заметка, в которой говорилось о приезде в Сан-Паулу представителя одного шведского фонда, занимавшегося поддержкой исчезающих культур, в том числе индейских. Отвечая на вопросы журналиста, представитель фонда — некто Гуннар Магнуссон — говорил, что проекты, направленные на поддержку таких культур, могут получить значительную материальную помощь. В конце был указан контактный телефон.

Почему Гутьеррес вырезал эту заметку из газеты? И почему говорил о какой-то идее, на которой можно что-то заработать? Фонд предлагал помощь, но я не понимал, каким боком это относится к нам. Действительно, Адамастор задумал Эдем-Бразилию как место, где будет сохраняться естественная среда. Тут и бразильский атлантический лес был представлен во всей красе. Но, похоже, атлантический лес шведов не интересовал. Их интересовали индейцы. А индейцев у нас не было.

И тут Адамастор прервал молчание. Не глядя на меня, хриплым, еле слышным голосом он проговорил:

— Должен попросить у тебя прощения, Рики. Я пригласил тебя сюда, наобещал горы, но все рухнуло.

Я было собрался запротестовать, убедить его, что актерская доля вообще такова: сегодня взлет, завтра падение или наоборот, но он жестом остановил меня:

— Не пытайся подсластить пилюлю, Рики. Положение наше — хуже некуда, и ты это знаешь. — Он помолчал и продолжил: — Хочешь уехать — воля твоя. Я сумею наскрести тебе денег, не много, но достаточно, чтобы начать новую жизнь где-нибудь в другом месте.

Я рассмеялся. Смех вышел натужным, но и на том спасибо.

— Не выдумывай, Адамастор. Мне здесь понравилось, и, пока остаешься ты, останусь и я. Тебе так просто от меня не отделаться.

Он улыбнулся. Бледной улыбкой.

— Спасибо, дружище. Я еще тогда, с первого взгляда, понял: у тебя не только талант, у тебя есть еще и характер. — Он

вздохнул. — Только теперь вопрос не в характере, а в деньгах. — Он взглянул на часы. — Поздно. Пойду-ка я спать. Завтра поговорим.

Он встал и пошел к себе. Я сидел на веранде и любовался на дождь, который наконец-то хлынул. Молнии сверкали над морем, над темным лесом на склоне холма. И до чего ж это было красиво! Потом дождь перестал, облака растаяли и показалась огромная луна.

9. *Гигантская луна в небесах — крошечный огонек в конце туннеля*

Некоторое время я пребывал в задумчивости. О чем я думал? О своей жизни в первую очередь. Права была мама, не зря она расстраивалась из-за меня. Вот я, мне двадцать лет, а у меня ни работы, ни образования, ничего. Последняя моя надежда, постановка в Эдеме-Бразилии, обернулась провалом. Что делать? Приползти домой, поджав хвост? Такая перспектива меня не устраивала. Прежде всего, не хотелось бросать Адамастора. Он ведь доверился мне, думал, что я помогу ему осуществить мечту. От мечты остались одни обломки, но я не из тех крыс, что бегут с тонущего корабля. К тому же бедняга был так убит, впал в такую депрессию, что мог наделать глупостей. Нет, друзья ему сейчас нужны были позарез. А кроме меня, друзей с ним рядом не было.

Пока эти мысли крутились у меня в голове, я заметил, что все еще держу в руке газетную вырезку. Я перечитал заметку при свете луны и снова впал в недоумение. Каким образом из этого могло выйти “что-то толковое”, как говорил Гутьеррес? Индейцы... Но где взять индейцев? Тем более индейцев из вымирающих племен?

Внезапно я все понял.

Гутьеррес не имел в виду настоящих индейцев. Он подразумевал постановку, вроде нашей прежней. То есть речь шла об актерах, которые сыграли бы индейцев. Он хотел сказать вот что: изобразите, что здесь есть индейцы, скажите, что они — последние представители вымирающего племени, и попросите у шведов денег на помощь несчастным.

Рискованно. Придется морочить голову этому Магнуссону. И что еще хуже — придется привлекать людей. А кто гарантирует, что люди попадутся надежные? Вот был же у нас Маседу. Опять искать приключений на свою голову? Только у Гутьерреса могла родиться такая мысль. Еще бы роботов-индейцев нам посоветовал. Я собрался было порвать заметку в клочья, но тут

меня внезапно осенило: а нужны ли "индейцы" во множественном числе? Почему бы не обойтись одним-единственным индейцем, единственным выжившим представителем легендарного племени?

Вполне разумный вариант. Я читал, что многие индейские культуры к настоящему времени насчитывают едва полдюжины представителей, особенно здесь, в Санта-Катарине. Единственный индеец — еще драматичнее. Для фонда это было бы веским аргументом, что деньги его тратятся не напрасно.

Так. И кто же будет этим индейцем?

Я.

Кто же еще? Я, конечно. Кто играл роль Адама, тому и роль коренного американца по плечу. Тем более что у меня как раз подходящая внешность. Немного порепетировать — и я вылитый Пери из романа Жозе де Аленкара.

Я тяжело вздохнул. Боже, вот уж будет вызов так вызов! Подобной роли я никогда не играл. И мало того что вызов, это еще и преступление. Мошенничество в отношении иностранцев. Дело может обернуться тюрьмой, а то и международным скандалом. С другой стороны, если мы не раздобудем денег, Адамастору грозит судебное преследование за долги — да и бывшая жена своего не упустит. Мы в самом деле оказались между двух огней. Но меня-то прежде всего соблазнял новый рискованный опыт. Прожить жизнь персонажа, у которого нет имени, который не описан ни в одном сценарии и которого я сам не могу вообразить иначе, как смутным неопределенным силуэтом. То есть мне придется создать его буквально из ничего.

Я вскочил, будто подброшенный пружиной, и вперил дерзкий взгляд в луну:

— Да! — заорал я. — В бой!

Предстояла битва. Но сначала надо было оповестить хозяина Эдема-Бразилии. Я бросился в спальню Адамастора. Дверь была открыта, и я вошел. Зажег свет. Адамастор спал. Сон его был беспокоен: он ворочался, бормотал что-то невнятное. Я осторожно потряс его за плечо.

— Проснись, Адамастор. Я знаю, как все изменить!

Он сел в кровати, вытаращил глаза и с испугом уставился на меня:

— Змея? Опять змея?

Он не расслышал, бедняга. Похоже, что слово "змея" и любое похожее, например, "изменить", которое я произнес, напоминало ему о той ночи, когда он проснулся и увидел на полу у кровати электронную змею. Это было и смешно, и трогательно.

— Нет, Адамастор. Никакой змеи тут нет. Это я, Рики. Ты меня узнаешь? Адам из Эдема-Бразилии.

Он невесело усмехнулся. Потом помрачнел: что за дела? Почему я вздумал будить его среди ночи?

— Ты же знаешь, от всех этих неприятностей у меня бессонница, — пожаловался он. — И вот стоило уснуть, как являешься ты и будишь. Это подло, Рики. Просто подло. И главное, за что? Гаси свет и пошел вон. Утром поговорим.

Он улегся снова, накрылся простыней. Но я не отставал:

— Нет, Адамастор. Извини, но это важно. Мне пришла в голову идея, которая может нас спасти. Об этом я и хочу поговорить с тобой. Прямо сейчас.

Он отбросил в сторону простыню и уселся в кровати.

— Ты твердо решил меня доканать, да? Ладно, выкладывай. Излагай свою гениальную идею, ударившую тебе в голову среди ночи.

Я показал ему вырезку. Он глянул раздраженно:

— Опять это? Не хочу ничего знать.

Он снова лег, снова накрылся. Я потянул за простыню:

— Слушай, Адамастор, ты должен меня выслушать. Эта заметка может оказаться спасением Эдема-Бразилии. Твоим спасением.

Тут он заинтересовался:

— Как это? Ты о чем?

Я объяснил ему суть своей идеи. Как и следовало ожидать, она не вызвала у него никакого энтузиазма. Скорее наоборот:

— Нет уж, дорогой мой. В такие дела меня не вмешивай. Пусть я мечтатель, пусть я наивен, но жуликом не был никогда.

По правде сказать, это смущало и меня. Но я попытался переубедить его, да и себя заодно. По сути, мы движемся прямо к цели, хоть и кривыми путями:

— У нас в стране столько народу ворует, Адамастор. Кто-то уводит налево государственные деньги, а кто-то грабит средь бела дня. Но мы этого делать не будем. Мы станем развивать экологический проект — чем не благородное дело? Европейцы и американцы вечно ругают нас, бразильцев, за то, что мы уничтожаем леса. Но мы с тобой — другое дело: мы будем лес охранять. Более того, как ты и хотел, научим людей заботиться о природе. Правда, деньги те ребята выделяют малость для других целей, но какая разница! Мы ж не виноваты, что здесь нет индейцев. А были бы — ты бы наверняка о них заботился. Одним намерением ты уже заслужил грант.

Адамастор пригладил бородку. Я уже достаточно хорошо изучил его, чтобы понять: еще немного — и он согласится. По крайней мере, не отвергнет с порога. Он поинтересовался, как же это все осуществить на практике.

10. Наследник Пери

Ну, на это у меня был ответ: индейцем буду я. Диким, неуловимым индейцем. Единственным выжившим представителем семьи, — возможно, из народа ботокудо, выселенного со своих земель ради строительства плотины, — поселившимся в здешних лесах.

— Но это означает, — заметил Адамастор, — что тебе придется целые дни проводить в лесу. И может быть, даже по многу дней. Нелегкая задача.

— Это правда. Но ведь и положение наше нелегкое. Да и к тому же если индейцы как-то выживали в лесу, то и я смогу, нет? Не забывай, что отец у меня был дикарь...

Он рассмеялся. Потом задумался ненадолго и задал новый вопрос:

— Ты говоришь, что будешь играть роль индейца, который скрывается в чаще. Но если ты станешь прятаться, как швед узнает, что ты существуешь?

— Не волнуйся. Я попадусь ему на глаза, пусть на секунду.

— А если он захочет увидеть тебя вблизи? Если захочет записать твой голос? В конце концов, ты же будешь единственным носителем исчезающего языка.

— А вот этого ты не позволишь. Скажешь, что это опасно, не для него — для меня: индейцы могут подхватить от белых всякие болезни.

Он помолчал. Потом недовольно поморщился:

— Не знаю, старик, не знаю. По-моему, полный бред.

— И что с того, Адамастор? В нашем положении стоит попробовать все. Даже то, что кажется полным бредом.

Он вздохнул:

— Ладно, давай. Бог его знает... — он засмеялся. — То есть Тупан его знает: может, что и получится.

Мы решили на следующий день позвонить представителю фонда в Бразилии. И легли спать. Но я был так взволнован, что никак не мог уснуть: вертелся в кровати с боку на бок. Когда наконец мне удалось задремать, я увидел во сне индейцев, змей и обезьяну Люцифера... Проснулся весь в поту, но убедил себя, что просто очень жарко.

После завтрака Адамастор позвонил в фонд, причем я подслушивал, сняв вторую трубку. Отозвался милый теплый женский голос. Дама назвалась сотрудницей фонда Силвией Кампус. Я звоню по поводу той заметки в газете, сказал Адамастор, и изложил все так, как мы договорились, причем на удивление уверенным тоном: похоже, он проникся духом авантюры скорее, чем я мог предположить.

Силвия заинтересовалась. Извинившись, она отошла и заговорила с кем-то на непонятном языке — наверняка на шведском, — а потом сообщила, что будет сопровождать представителя фонда в поездке по индейским поселениям в Риу-Гранди-ду-Сул. По пути они могли бы остановиться в Санта-Катарине и осмотреть наш заповедник. Дня через два. Попросила прислать по факсу приглашение в письменном виде.

Признаюсь, меня бросило в дрожь. Понятно, что рано или поздно проект должен был пройти испытание на прочность, но я и представить себе не мог, что это случится через сорок восемь часов. Впрочем, тем лучше: долгое ожидание — лишние нервы. К тому же оно и ни к чему: мой спектакль особой подготовки не требовал. Так что, как только Силвия Кампус повесила трубку, я сказал Адамастору, что нам надо составить план.

Первый вопрос: как мне перевоплотиться в дикаря? Об одежде и речи быть не может: вряд ли фонд решит помогать окультуренному индейцу, они наверняка предпочтут нечто первозданное, вроде индейцев, которых португальцы встретили, впервые ступив на землю Бразилии. То есть без одежды. Но я не хотел оставаться совсем голым: нагота меня уже достаточно травмировала. Буду в набедренной повязке. Но из чего ее сделать? В результате недолгих споров мы остановились на старой оленьей шкуре, наполовину съеденной молью, которую Адамастор обнаружил в подвале. Похоже, раньше здесь водилось много оленей, так что материал был подходящий. Возник еще один вопрос: раскрашиваться ли мне пигментом аннато или какими-нибудь еще натуральными красителями. В школе мы проходили, что индейцы пользуются такими штуками, но это относилось к племенным традициям. Одинокому индейцу, живущему в лесу, не для кого разукрашиваться. Возможно, он даже и мыться не будет, станет ходить грязным. Отлично: грязь — элемент маскировки. И доказательство того, что бедняге-аборигену требуется забота.

И еще швед со своей помощницей наверняка зададут такой вопрос: почему индеец продолжает жить тут, в лесу, чуть не превратившемся в тематический парк?

Мы сочинили историю. Пери (это имя мы дали воображаемому герою, а весь план обозвали “Операцией Пери”) избегал белых, но, видимо, проникся доверием к Адамастору. Но почему он поверил Адамастору? Ответ: Адамастор уважал его, не пытался приобщить к так называемой цивилизации. Он оставлял индейцу еду, и индеец никогда от нее не отказывался. Если бы он заболел, Адамастор мог бы позаботиться о нем, и индеец принял бы его помощь.

Чем больше ответов на гипотетические вопросы мы находили, тем больше воодушевлялся Адамастор. Под конец он чуть ли не впал в эйфорию:

— Думаю, все у нас получится, Рики. Как бы невероятно это ни звучало, чует мое сердце: получится. Я так и вижу тебя в роли Пери.

Чего нельзя было сказать обо мне. Я себя в роли Пери не видел. Одно дело играть два часа на сцене и совсем другое — жить жизнью персонажа несколько дней (сколько дней — неведомо, все зависело от того, насколько заинтересуется швед). Честно говоря, я всегда был человеком городским. Теперь мне предстояло превратиться в лесного жителя. Отказаться от уютного дома, от удобной постели, от ванны. Спать на земле, справлять нужду в кустах — каково это выдержать?

Адамастору я об этих сомнениях не говорил, но он их вскоре почуял: в то время мы были уже достаточно близкими друзьями. Он попытался меня успокоить: в конце концов, я же не остаюсь брошенным на произвол судьбы. Что бы ни случилось, он будет рядом, надо только дать знать. Он предложил сделать запас консервов и прочих продуктов и спрятать их где-нибудь подальше в укромном месте. В том же тайнике будет тент на случай сильного дождя (был как раз сезон дождей). И туда же мы положим мощный бинокль Адамастора: я издали смогу наблюдать за тем, что происходит в доме.

— Мне бы еще мобильник, — предложил я, — чтобы мы были на связи.

Он засмеялся:

— Индеец с мобильником? В первый раз слышу. Думаю, тебе придется подавать сигналы дымом... Да нет, я шучу, шучу. Проникаюсь духом.

Дух оказался весьма далек от реальности, в чем я убедился уже на следующий день, когда отправился в лес на разведку. И тут же пришел к выводу: будет труднее, чем я ожидал. К примеру, я совсем не привык ходить босиком. А насекомые! Боже, что это были за насекомые! На полянке, где мы с Изабел разыгрывали сцену, этой проблемы не было. Но в чаще царил настоящий ад. Меня укусили раз сто, и я тут же покрылся волдырями, которые чесались, как черт знает что. Но если индейцы терпели, мне тоже приходилось терпеть.

Однако моя самоотверженность была вознаграждена: наша дружба с Адамастором крепла. Мы уже были друзьями, но теперь — несмотря на разницу в возрасте — стали чуть ли не братьями. До тех пор он оставался, в первую очередь, хозяином этих земель, начальником, при этом относился ко мне хорошо, но дистанция между нами сохранялась. Теперь дистанция исчезла.

Казалось, он очень благодарен за то, что я делаю. Он и сам так сказал в тот же вечер, когда мы вместе сидели за ужином:

— Знаешь, у меня почти не было друзей. И с женщинами никогда не везло. Брак мой был ошибкой: ты ведь и сам убедился. Жена меня ненавидит. С сыном не нахожу общего языка. С тобой я начинаю понимать, что такое дружба. И очень тебе за это благодарен.

Он помолчал, а потом, хотя я этой темы не касался, ни о чем его не спрашивал, он заговорил об Изабел. С явным усилием, ведь это была болезненная тема.

Как я и подозревал, она не была ему племянницей. Они познакомились во Флорианополисе, в баре, где она работала. Он дарил ей подарки, покупал дорогие тряпки, водил в роскошные рестораны. Но между ними так ничего и не было. Она вертела им, точно куклой. А тут подоспел проект Эдема-Бразилии.

— Как только она услышала о постановке, тут же вбила себе в голову, что должна приехать сюда и исполнить роль Евы. Театр, мол, голубая мечта ее жизни. Я был на все согласен. Надеялся, что уж здесь-то я ее завоюю. Иллюзии, друг, сладкие иллюзии. В конце концов, они с Гутьерресом послали меня к черту.

Воцарилось молчание, тяжелое и тоскливое. Зазвонил телефон. Силвия сообщала, что, как и договаривались, они приезжают завтра. Спрашивала, сможет ли Адамастор встретить их в аэропорту. Адамастор сказал, что сможет и что гостям мы всегда рады. Повесил трубку и поднял глаза на меня:

— Они таки приезжают, Рики. Теперь все в твоих руках. Или почти все.

Честно говоря, в животе у меня похолодело. Но я не подумал признаваться:

— Положись на меня, Адамастор. “Операция Пери” пройдет на ура, вот увидишь.

Он посмотрел на часы:

— Думаю, пора спать. Завтра надо быть в форме, на всякий случай.

Вдруг ему пришла в голову одна мысль, он рассмеялся:

— Постарайся как следует вылежаться в постели. Кто знает, когда снова выпадет случай.

11. *Новая постановка*

На следующий день я проснулся рано. Позавтракал, натянул свою набедренную повязку. Посмотрелся в зеркало: выглядело все не слишком убедительно. Но еще можно было кое-что подправить. Я простился с Адамастором и отправился в лес,

где первым делом вымазался в грязи, потом обвязал голову волокном эмбиры, чтобы волосы не лезли в глаза (я тогда носил длинные). Готово: Адам уступил место Пери. Я взял бинокль, взобрался — с трудом — на дерево и стал наблюдать за домом. Увидел, как отъезжает Адамастор, подсчитал, что вернется он часа через три: до аэропорта путь был неблизкий. И правда, незадолго до полудня машина въехала во двор. Из нее вышли Адамастор и высоченный и как будто наполовину развинченный блондин: тот самый швед. Ах, да, еще Силвия. Красавица. Может, и не такая красавица, как Изабел, но по-своему красивая, аристократически красивая: высокая, русоволосая в элегантном английском костюме... Да, явно не по зубам какому-то там Пери эта Силвия.

Они остановились посреди двора, и Адамастор указал в сторону леса. Я мог себе представить, что он говорит: вон там живет тот молодой индеец, о котором мы говорили, последний представитель племени. И швед, и Силвия повернули головы в мою сторону. Девушка все переводила Магнуссону. Он, похоже, задавал массу вопросов, потому что стояли они и разговаривали очень долго. Наконец вошли в дом. Их поселили в доме, что и было предусмотрено, поэтому я заранее принял меры предосторожности: запер свою комнату на ключ.

Вечером Адамастор подал им ужин. Обильный ужин, судя по количеству тарелок. У меня, в отличие от них, была на ужин банка консервированной ветчины и апельсин. Честно говоря, мне и есть-то не хотелось. Я жаждал знать, о чем они говорят.

Около полуночи зазвонил телефон.

— Извини, что не позвонил раньше, — сказал Адамастор. — Но не было возможности: они только-только ушли. Ни разу не встречал такой болтливой парочки... Ты что, спал уже?

— А как же, — с иронией отозвался я, — почивал на королевском ложе под шелковым пологом на атласных простынях. Ты что, Адамастор? Думаешь, тут легко уснуть?

— Нет, не думаю. Но хочу напомнить, что идея была твоя. Так что нечего и жаловаться.

— Я не жалуюсь. Я хочу знать, до чего вы договорились.

— Швед был очень заинтересован...

— Он говорит по-португальски?

— Ни слова не знает. Девчонка, Силвия, ему переводит. Она долго жила в Швеции, говорит свободно. И большая умница. По мне, так даже слишком...

— А в чем дело? Думаешь, она что-то заподозрила?

— Возможно. Она ведь бразильянка, ты ж понимаешь, разбирается во всех местных хитростях.

— А он?

— Он нет. Он не только поверил, но пришел в полный восторг. Сказал, что о таком уже слышал. Рассказывал даже о детях, заблудившихся в лесу и воспитанных животными... Словом, он хочет тебя увидеть. То есть не тебя, конечно. Он хочет увидеть индейца.

— А ты что сказал?

— Как мы и договаривались: ты — то есть индеец — очень дикий, нам только иногда удается его увидеть...

— Ты сказал, что я беру оставленную для меня еду? То есть не я, а индеец.

— Сказал. И еще сказал, что у нас есть возможность тебя защитить, и, если ты заболеешь, можем вызывать врача. Не ты, конечно, индеец. Пери. Ладно, главное: они хотят тебя видеть. Собирались пробыть тут два дня, но теперь намерены задержаться: на неделю, на десять дней, как получится.

Неделя в лесу. Не позавидуешь. Неделю терпеть укусы, неделю ходить в кусты... Я надеялся, что им достаточно будет выслушать мою историю и пару раз увидеть меня самого, а потом они отчалят, оставив, разумеется, грант. Никак не ожидал, что моя постановка под названием “Последний представитель исчезнувшего племени” будет иметь такой успех.

Я вздохнул:

— Ладно, Адамастор. Будем действовать по плану, как договорились. Главное, чтобы они поверили.

Он спросил, не надо ли мне чего. Я сказал, что нет. Он пожелал мне спокойной ночи и отключился.

Я решил искать место для ночлега. К счастью, дождя не было, так что мне не пришлось ставить палатку. Но я вспомнил о комарах и прочих кусачих тварях и решил завернуться в брезент. Вытащил брезент на полянку, сгреб немного листвы, которой предстояло послужить мне матрасом, и лег.

Но уснуть не мог. Смешно: мне приходилось спать на вокзалах, на уличных скамейках. Но тут сон никак не шел.

Думаю, это потому, что я был в лесу. Из-за лесных звуков, из-за лесных обитателей, из-за щелчков, свиста, трелей, писка, скрипа. Я затыкал уши — не помогало. В эти мгновения я чувствовал себя, как дети из сказки, заблудившиеся в лесу. Только лес тут был другой. Лес из сказки, если верить фотографиям и картинкам, состоял из отдельно стоящих величавых деревьев, дубов, секвой. Здесь все было иначе. Плотная, почти непроходимая чаща. Густой, темный, загадочный лес. Как мой отец.

Ах, как мне не хватало отца. Сейчас я понимал: отец рассказывал истории, да, истории об амазонской сельве, и мне эти истории нравились, но он никогда не говорил о себе, о

своих страхах, надеждах, ожиданиях. Отец умер, а я так и не успел узнать его. Отец умер, а мы так и не поговорили по-настоящему. Безграничная грусть переполняла меня, так что я и о страхе позабыл. Потом я тихонько заплакал, стал звать отца и мать и, наконец, уснул.

Индеец из меня, конечно, был никакой. Я лишний раз осознал это, проснувшись: солнце уже стояло высоко. В это время всякий уважающий себя гуарани уже давно бы охотился или ловил рыбу, а то и сражался. Я никак не мог очухаться от сна, все тело мое ныло: хоть и под кучей листьев, земля оказалась безнадежно жесткой. Со стоном я поднялся на ноги. И тут услышал голоса. К счастью, всего один голос: голос Адамастора, который что-то говорил очень громко. Нетрудно было понять почему. Он знал меня уже достаточно, для того чтобы — как это и случилось — понять, что я проспал слишком долго. Так что он предупреждал меня о том, что он здесь, а с ним и гости, швед и Силвия. И действительно из-за деревьев я увидел, как они приближаются по мосткам, которые, согласно первоначальному проекту, представляли собой экологическую тропу. Адамастор объяснял, что, гуляя по этой тропе, посетители могут, не нанося вреда экосистеме, получить представление о том, что такое атлантический лес:

— И именно здесь, — добавил он, — мы впервые заметили индейца.

Это было предупреждением мне? Несомненно. Я поспешно спрятал брезент, измазал лицо и тело грязью еще больше и побежал туда, где кончалась тропа, уже на склоне холма, где заросли становились гуще. Я думал, они заметят меня между деревьями. Увидеть увидят, но не смогут пойти за мной. Швед был уже не молод, ходил с трудом; девушка была слишком привыкшая к цивилизации, чтобы ломиться в чащу. Надо было спешить: хоть они и шли медленно, мне самому пробираться сквозь заросли было тяжелее. По пути я споткнулся о поваленное дерево — и от боли искры посыпались у меня из глаз. Тем не менее я не стал останавливаться и метров за сто до конца тропы поравнялся с ними. Продравшись сквозь чащу, я пробежал мимо всей троицы, стараясь производить как можно больше шума. Это сработало:

— Смотрите, вон он! — крикнул Адамастор.

Силвия озиралась, явно растерянная: она никак не могла понять, в какой стороне индеец. Но восторженные вопли шведа свидетельствовали о том, что, пусть всего на мгновение, он меня заметил. Как я и предполагал, он решил, что не стоит преследовать меня.

— Вы видели? — торжествовал Адамастор. — Видели нашего индейца?

На этот раз Силвия засыпала его вопросами, которые я был бы рад услышать, но предпочел удалиться. Прихрамывая — нога немного болела, — я вернулся в свое укрытие. Мне очень хотелось есть, да к тому же там был мобильник. И он мог в любой момент зазвонить: Адамастор должен был рассказать мне, как прошла первая встреча.

Я открыл банку сардин. Собирался съесть их с хлебом, но хлеб оккупировали муравьи. Так что мой завтрак и одновременно обед состоял из одних сардин. На банкет не тянет, уверяю вас. Но меня одолел такой голод, что в отсутствие другой пищи я сгрыз бы и саму банку.

Через час зазвонил телефон. Адамастор трепетал от восторга:

— Бесподобно! Старик, ты был выше всяких похвал! Абсолютно правдоподобно! Если бы "Оскара" давали за лучшее исполнение роли индейца, он был бы у тебя в кармане.

Сдерживая раздражение, я попытался вернуть ему комплимент:

— Ты тоже был на высоте. Насколько я расслышал, ты уболтал их обоих.

— Ну уж как мог, — ответил он скромно. Помолчал и добавил: — Но придется немного изменить сценарий.

— Почему?

— Потому что они хотят тебя сфотографировать.

Это и в самом деле не входило в наши планы. Ситуация менялась, дело принимало рискованный оборот.

— Каким образом сфотографировать, Адамастор? Ты ж не хочешь, чтобы я стоял и позировал с унылой рожей несчастного индейского сироты...

Он рассмеялся:

— Нет. Но они сказали, что им нужны фотографии для досье, которое они отправят в правление фонда. От этого досье зависит, присудят ли нам грант. Гуннар говорит, что грант считай наш, но надо соблюсти все формальности. Выше нос, Пери. Это не так уж и трудно. Все, что от тебя требуется — это пройти мимо тропы чуть медленнее. Ты несешься стрелой, старик. Так тебя ни в один объектив не поймаешь.

Мысль казалась здравой. Мы договорились, что на следующий день он снова поведет их по экологической тропе. Так он и сделал, и, когда они уже держали фотоаппарат наготове, я пробежал не слишком быстро, — да мне бы и не удалось бы быстрее: нога-то болела — но стараясь не показывать лица. Сработало. Они сделали несколько снимков, Гуннар едва сдерживал ликование.

Я подумал, что этого будет достаточно и они отправятся восвояси. Но Адамастор по телефону сказал, что нет:

— Они решили снять мои владения на видео. Меня тоже. Я там буду говорить о тебе.

Значит, еще ночь или две в лесу, опять сардины, опять муравьи, опять синяки. Но ладно: план успешно воплощался в жизнь, а это было самое главное. Знать бы только, что нас ждет впереди!

12. Судьба *возвращает нас на грешную землю*

Утром я проснулся разбитый, с головной болью, не понимая толком, где я. Когда я наконец осознал, что к чему, и собрался вставать, то вдруг услышал, что кто-то зовет на помощь. Не задумываясь, я вскочил и с трудом затрусил туда, откуда раздавались крики.

А доносились они с поляны, где мы с Изабел разыгрывали нашу сцену из Библии. Там оказалась Силвия. Чем она там занималась одна, даже не представляю. Может, решила на свой страх и риск самостоятельно искать индейца? Она стояла, остолбенев от страха. И я тут же понял, в чем дело. Прямо напротив нее ствол дерева обвивала змея. Наша змея. Ни я, ни Адамастор не удосужились снять ее оттуда. В конце концов, посетителей мы уже не ждали, тем более, таких пугливых, как Силвия.

Первым моим порывом было успокоить ее: не бойтесь, это игрушечная змея. Но тут я понял: говорить мне нельзя. По-португальски, во всяком случае. Но я не мог и уйти, оставив бедняжку там. Что делать? Я тут же принял решение: выскочил на поляну, бросился к дереву, сорвал с него змею, показал ее Силвии, не говоря ни слова, бросил на землю и наступил ей на голову.

Девушка с облегчением рассмеялась. Я уже собрался снова нырнуть в чащу, когда она, вмиг посерьезнев, схватила меня за руку:

— Стойте, я знаю, кто вы.

И посмотрела мне прямо в глаза:

— Вы актер. Я видела вас в пьесе “Бразильский Гамлет”. Вас зовут Рикарду, я помню.

Ну, как в такое поверить? Ничтожная часть жителей Бразилии видела эту пьесу. И надо же было среди этой ничтожной части оказаться Силвии Кампус. Боже, какой она оказалась театралкой. На мою голову.

— Вы хороший актер, — продолжала она, улыбаясь. — Надо признать, индейца вы сыграли великолепно.

Она не казалась возмущенной, не кричала во все горло, что я бессовестный лжец и мошенник. Нет. Она разоблачила

меня, это было более чем очевидно, но внешне вела себя так, будто ничего особенного не произошло. Это несколько успокаивало, но в то же время и удивляло меня. Как будто читая мои мысли, она объяснила:

— Для меня такие подлости не новость. Видите ли, мой отец был известным мошенником. Он продал акции никогда не существовавшего предприятия. Из-за этого ему пришлось бежать. Он давно уже живет в Африке. Иногда даже письма шлет. Да и Адамастор далеко не первый, кто выдумывает истории о страждущих индейцах. Землевладелец из Пара́ просил у нас больше миллиона долларов на помощь одному племени. Только вот племя, как выяснилось, состояло из родственников его жены.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

Она вздохнула:

— Хороший вопрос, Рикарду. Хороший вопрос. У нас два варианта.

Это "у нас" обнадеживало: она не видела во мне врага, во всяком случае, явного врага.

— И что это за варианты?

— Первый: я рассказываю Гуннару про ваш фарс. А он действует по своему усмотрению. Может просто решить, что вопрос закрыт, мы уезжаем — и точка. А может заявить на вас в полицию, как на того землевладельца из Пара.

Не слишком радужная перспектива.

— А второй?

— Второй вариант — ваш. Как вы собираетесь выкручиваться, не обманывая шведов и не осложняя жизнь ни себе, ни Адамастору? Отвечайте. Включите воображение.

Воображение, увы, подвело. По крайней мере, в этот момент. Я отчаянно старался найти ответ на вопрос Силвии, но в голову не приходило ничего.

— Дайте мне время, — попросил я.

— Двадцать четыре часа, — ответила она. — В вашем распоряжении сутки. Гуннар собирается уезжать завтра в полдень. До этого вопрос должен быть решен. В противном случае я выложу ему всю правду.

Она не шутила. Серьезная была девица эта Силвия. И от этого мое восхищение ею только росло, хотя ее ответ напугал меня. Поняв это, она рассмеялась:

— Не волнуйтесь, Рикарду. Я знаю, вы найдете выход. Выдумали историю про индейца — теперь придумаете, как заставить его исчезнуть. — Она указала на змею: — Но только история должна быть не менее правдоподобной, чем эта змея. Я ведь ее и вправду чуть-чуть испугалась.

Она притянула меня к себе и поцеловала. В губы. Я был потрясен. А она только рассмеялась:

— Это в благодарность: вы мой избавитель от страха.

И ушла. Я еще несколько минут стоял, остолбенев. Что же такое случилось? Но тут я вспомнил: нельзя терять ни минуты. Помчался в убежище, схватил телефон, набрал номер Адамастора.

— Не могу сейчас говорить, — сказал он. — Позже перезвоню.

Наверняка он был со шведом. Я ждал, терзаясь. Через несколько минут, которые мне показались вечностью, он перезвонил. Я рассказал ему, что случилось, он запаниковал:

— Так и знал, что из этой истории ничего не выйдет. Так и знал! И что? Что нам теперь делать?

Я попросил его взять себя в руки: нельзя показывать, что он взволнован.

— Спокойно, Адамастор. Мы выйдем из положения, обещаю тебе. Дай мне подумать. Перезвоню позже.

Я сел и задумался. Необходимо было найти выход. Работай, ослиная башка, работай, бормотал я. Без толку. Я не видел никакой возможности спасти индейца. Наш Пери был стерт в порошок. Вместе со своими создателями.

Пери.

Конечно! Пери. Как я об этом сразу не подумал?

В финале "Гуарани" Пери и героиня, Сесилия, оказываются жертвами наводнения. Они лезут на пальму. Индейцу удается вырвать ее с корнем, они уплывают, сидя в ее кроне, — и исчезают за горизонтом. Жозе де Аленкар не дал себе труда сообщить нам, куда они отправились, да этого и не требовалось. Главное, исчезли.

Ну что ж? Изобразить исчезновение нашего индейца было не трудно. Труднее было разыграть все так, чтобы швед поверил.

И тут Жозе де Аленкар снова пришел мне на помощь. Как Пери, я скроюсь за горизонтом — в море. Бескрайнее море — вот оно, прямо перед нами. Только я не уплыву, держась за ствол пальмы, само собой. И не пущусь вплавь. Нет. Я уплыву на пироге — индейской лодке. У Адамастора была одна, в гараже. Прежняя хозяйка оставила ее там, сказав, что когда-то она действительно принадлежала индейцам.

Я позвонил Адамастору, и мы обсудили финал "Операции Пери" во всех деталях.

На следующий день, выходя из дому, они обнаружат на пороге старую одежду. Адамастор должен показать, что удивлен. И недоволен. И объяснить, что это подарки, которые он делал молодому индейцу. Похоже, тот их вернул. Тут же Адамастор заметит в море пирогу. В бинокль он, Гуннар и Силвия разгля-

дят знакомого индейца. Он уплывает, скажет Адамастор. И свяжет бегство индейца с присутствием посторонних.

13. *Конец, который условно можно назвать счастливым*

Так все и случилось. Единственной проблемой оказалось пробиться на этой пироге сквозь прибой. Но мне помог опыт серфингиста, так что вскоре я уже бодро греб, а они все наблюдали за мной с веранды. Гуннар, как рассказывал впоследствии Адамастор, был страшно расстроен: в конце концов, он ведь всего лишь хотел помочь. А в результате спугнул индейца.

— Куда он? — спросил швед в тоске.

Адамастор успокоил его:

— Не переживайте, он найдет себе пристанище. Здесь еще много диких лесов.

— Но они не ваши...

— Нет, конечно же, нет.

— Жаль, — очень серьезно заметила Силвия.

— Это правда. Но зато я смогу принимать больше посетителей, заинтересованных в экотуризме. Пока здесь жил индеец, было трудно. А теперь нет индейца — нет и проблемы.

Далеко я не уплыл. Обогнув мыс, на котором возвышался холм, тут же причалил. Отправился прямо в поселок, нашел там парикмахерскую. Вошел. Брадобрей смерил меня взглядом с ног до головы. И не удивительно: я все еще был в своей странной набедренной повязке и потому счел за лучшее представиться.

— Я работаю у Адамастора.

Лицо парикмахера расплылось в улыбке:

— А, у этого, который Эдем-Бразилия?

— Знаете его?

— Лично нет. Но видел по телевизору.

Он посмотрел на меня изучающе.

— А вас я, похоже, тоже знаю. Ваша фотография была в газете: вы не Адам ли из той постановки, о которой столько судачили?

— Да, было дело.

— Было? А что же сейчас?

Я сказал, что мы свернули проект.

— Жаль, — сказал он. — Вы могли бы привлечь сюда много туристов. — Он вздохнул: — Но что толку плакать над разбитым горшком. Что делать будем?

Я сел в кресло и велел обрить себя наголо.

— Но, — добавил я, — денег у меня с собой нет: я так в этой повязке и пришел.

Он рассмеялся:

— Да ладно. Вы, артисты, народ безалаберный. Но я вам предоставлю кредит. Так, брить? Уж не собираетесь ли вы примкнуть к этим, как их?

— К скинхэдам? Нет, дорогой друг. Просто жарко.

Из поселка я на попутке подъехал как можно ближе к владениям Адамастора. Остаток пути проделал пешком. Вошел с заднего крыльца, направился прямо к себе в комнату, надел костюм с галстуком, черные очки и посмотрелся в зеркало. Отлично: от Пери не осталось и следа.

Вышел снова с заднего крыльца и постучался в парадные двери. Адамастор открыл мне:

— Рикарду! Вот так сюрприз! Проходи, проходи.

В гостиной сидели Гуннар с Силвией. Она и бровью не повела.

— Хочу представить вам друга, Рикарду. Он актер. Принимал участие в спектакле, который мы тут поставили, но потом решил отказаться от актерской карьеры. Рикарду путешествовал и вот вернулся.

Он подмигнул Силвии.

— В надежде на бесплатный отпуск, наверное. Но я тебе всегда рад, Рикарду. Давай я тебя познакомлю с гостями. Это доктор Гуннар, представитель шведского фонда, а это Силвия, его ассистентка. Они приехали ради того индейца, который жил тут в лесу, помнишь?

— Помню. Они помогут индейцу?

— Собирались помочь. Но дикарь дал деру, Рикарду. Сел в пирогу и только его и видели.

— Как жаль. Последний индеец в регионе. Это скажется на цене твоего участка...

Бестактность прошла незамеченной. Силвия как раз посмотрела на часы:

— Нам пора. Как бы не опоздать на самолет.

Мы простились. Рука Силвии чуть задержалась в моей. Всего на долю секунды, но этого было достаточно, чтобы подтвердить: наш сговор остается в силе. Сговор — и, возможно, еще что-то? Выяснять было некогда: гости уже уходили.

— Я вас отвезу в аэропорт, — сказал Адамастор. — Мы потом с тобой поговорим, Рикарду.

Третья постановка не состоялась. И я так и остался с неразрешенным вопросом. Вернее, с двумя. Во-первых, что это могла быть за постановка? “Пери в раю”? А почему бы и нет? Идея ведь

неплоха. Второй вопрос: она удалась бы? Три — магическое число, говорят ведь: "Отец — первый, брат — второй, третий — муж законный твой". Это о богине удачи. Или о богине любви. Силвия Кампус? Да, некоторое время она занимала мое воображение, но с тех пор я ее так и не видел. Тем лучше, говорит мне внутренний голос, она для тебя слишком хороша, слишком блондинка, слишком аристократка. Аргументы его меня не впечатляют, но хотелось бы знать, чей это голос. Подозреваю, что отцовский. Кто знает, может, он доносится с чуждых и далеких индейских небес, с небес, где боги гуарани играют на флейтах вроде тех, которые мастерили индейцы Риу-Гранди.

Я вернулся в Порту-Алегри. Мать разболелась, так что я был ей нужен: сестра, стюардесса, не смогла отпроситься с рейсов. Вскоре мама меня простила. Более того, даже нашла мне работу: я даю уроки актерского мастерства в частной школе, принадлежащей ее подруге. Зарабатываю немного, но на жизнь хватает. А дети такие забавные. Одна отлично декламирует. Не Гонсалвиса Диаса, правда, а стихи, которые заучила с телевизора.

С Адамастором я не общаюсь, но знаю, что дела его идут неплохо. Эдем-Бразилия теперь — обычный отель, куда приезжают отдыхать туристы из Сан-Паулу, Риу-Гранди и из Аргентины. Присылает их, как ни странно, Гутьеррес. После того как его мексиканское предприятие прогорело и он расстался с Изабел, променявшей его на какого-то марьячи, он вернулся в Аргентину, где вместе с другом открыл турагентство. И начал отправлять экскурсии в Эдем-Бразилию.

Об Эдеме-Бразилиия храню самые нежные воспоминания. И два сувенира: чучело обезьяны — бедняга Люцифер умер, и Адамастор, не знаю почему, подарил мне его чучело — и голову Марии-Анжелики, нашей змеи-искусительницы. Чип с записью голоса сохранился отлично, так что иногда я слушаю на сон грядущий обещания невиданных чудес и наслаждений. В таких случаях во сне мне являются Пери и Сесилия, несущиеся по бурным волнам на стволе кокосовой пальмы. Сесилия смотрит на индейца влюбленными глазами. Пери что-то озабоченно бормочет. Что-то вроде: хоть бы это дерьмо не потонуло. Сесилия вдруг начинает петь. И тут ее высокий голос сливается со звоном будильника. Никуда не денешься: рано или поздно просыпаться все равно приходится, так ведь?

Луис Фернанду Вериссиму

Рассказы

Перевод Ольги Дзюбы, Галины Матвеевой

Правда

КАК-ТО раз одна девица сидела на берегу горного ручья; прохладная вода струилась сквозь ее белые пальцы, как вдруг она почувствовала, что ее бриллиантовый перстень смыл поток. Опасаясь отцовского гнева, девица сказала дома, что в лесу на нее напал мужчина, сорвал бриллиантовый перстень и оставил ее без сознания на ромашковой лужайке.

Отец с братьями девушки бросились по следам преступника, обнаружили парня, спавшего в лесу, убили его, но не нашли при нем бриллиантового перстня. Девица сказала:

— Теперь я припоминаю: их было двое.

И отец с братьями девушки отправились на поиски второго мужчины, и нашли его, и убили, но и у него не было при себе перстня. И девица сказала:

— Значит, с ними был третий!

Итак, она вспомнила о третьем нападавшем. И отец с братьями девушки пошли по следам третьего и нашли его в

© Luis Fernando Verissimo
© Ольга Дзюба. Перевод, 2017
© Ольга Дзюба, Галина Матвеева. Перевод, 2017

лесу. Но не убили, ибо пресытились кровью. Привели они его в деревню, обыскали и нашли в кармане бриллиантовый перстень девицы к великому ее изумлению.

— Это он напал на девушку, сорвал перстень с ее пальца и оставил лежать без чувств, — негодовали крестьяне. — Убьем его!

— Минуточку! — крикнул парень, когда веревка виселицы легла на его горло. — Я не крал перстня. Она сама мне его отдала!

И указал на девицу. Толпа была обескуражена.

Парень рассказал, как сидел на берегу ручья и ловил рыбу, когда юная госпожа подошла к нему и попросила поцеловать ее. Он поцеловал ее разочек. Тогда барышня сбросила одежду и умоляла его взять ее, она жаждала вкусить любви. Но он как благородный человек сопротивлялся, просил ее потерпеть, пока законный муж не разделит с ней супружеское ложе. И девица вручила ему перстень со словами: "Уж если мои прелести не соблазнили вас, этот перстень купит вашу любовь". Он уступил, ведь он бедняк, а нужда чести не подруга.

Все обернулись к девушке и воскликнули "Негодяйка! Потаскуха! Дьяволица!" и потребовали казнить ее. И собственный отец накинул ей на горло петлю.

Прежде чем умереть, девушка обратилась к рыбаку:

— Ваша ложь одолела мою. Они убивали из-за моей лжи и убивают из-за вашей. В чем же в конце концов правда?

Рыбак пожал плечами и сказал:

— Правда в том, что я нашел перстень в брюхе рыбы. Но кто бы в это поверил? Люди жаждут насилия и секса, им не до рыбачьих баек.

Перевод Ольги Дзюбы

Г*олос Счастья*

— Алло?

— С вами Голос Счастья. С кем имею честь?

— Кто-кто?

— С вами Голос Счастья. Голос, который порадует вас, — с вами Амаро в утренний час! Амаро Амарал — общения генерал! Вот что нравится мне: быть всегда на волне, но серфинг здесь ни при чем. Зовете меня трюкачом? Отвечу вам, господа, на проводе я всегда, несу удачу в ваш дом кратчайшим воздушным путем!

— Я не понимаю...

— Как вас зовут?

— Мм... мм...

– Вы не знаете, как вас зовут? Я уже встречал плохо информированных людей, но у вас первая премия, да?

– Нет, дело в том...

– Не берите к сердцу близко, с вами Амаро Амарал. Радость – это такой капитал, которому вовсе не страшен фискал! И так далее. Говорите. Уже вспомнили ваше имя?

– Мария.

– У вас эйфория? Это шутка. Доброе утро, дона Мария!

– Доброе утро. Я...

– Когда женщина снимает белье быстрее всего?

– Что?

– Это загадка, дона Мария. Ответьте за минуту и выиграйте Матрац Небесный, настоящее облако. Время бежит. Время течет. У вас – сорок секунд.

– Дело в том... Я только что...

– Тридцать секунд, дона Мария. Время добежало до угла и уже возвращается. Вы спали, дона Мария? В это время? Какой сонный голос? Солнце светит и растет трава, но тебе она не нужна... И так далее. Ладно, дона Мария, молчу. Ну что, готов ответ?

– Я...

– Даю второй шанс выиграть Матрац Небесный, настоящее облако, стоит прилечь – спишь беспробудно. Тем более что сеньора так любит поспать, правда, дона Мария? Это шутка. Повторить вопрос, дона Мария?

– Да, дело в том...

– Когда женщина снимает белье быстрее всего? Осторожно с ответом, дона Мария. Это семейная программа.

– Программа?

– Мы в эфире, дона Мария. Голос Счастья с Амаро Амаралом! Печали исчезнут, как не бывало! Ну что, готов ответ? У вас еще одна минута. Проснитесь, дона Мария.

– Это так неожиданно. Я приняла таблетки...

– В чем дело, дона Мария? Я думаю, мне вам напомнить придется, что радость в аптеке не продается. А как же загадка?

– Я весь пузырек выпила. Хотела умереть.

– Дона Мария, не говорите мне такие ужасные вещи! Мир так прекрасен.

– Совсем нет.

– Дона Мария, дайте мне ваш адрес, я пришлю к вам врача.

– Нет, я...

– Ребята, сюда. Мы пробьем номер телефона доны Марии и вычислим адрес. Дона Мария, зачем вы это сделали? У вас есть семья, дона Мария? Как ваша фамилия?

– Одинокая...

— Мария Одинокая. Одиноких семья, на подмогу иду я!

— Целый год я ждала, что телефон зазвонит. Целый год. Сегодня он зазвонил и...

— И это Голос Счастья, дона Мария, голос, который порадует вас, — с вами Амаро в утренний час! Дона Мария, вы меня слышите?

— Еле-еле.

— Не кладите трубку, дона Мария! Мы поможем вам. Ничего себе. Мне только что передали записку от спонсора, он пишет, что вам не нужно разгадывать загадку. Вы уже выиграли Матрац Небесный, настоящее облако. Вот видите, что вы можете потерять, дона Мария. Мир — прекрасен.

— Целый год никто не звонил...

— Алло, дона Мария. Куда нам посылать матрац? Я лично приеду вручить вам матрац, дона Мария. Голос, который порадует вас, — с вами Амаро в утренний час. И так далее. Дайте нам ваш адрес, чтобы...

— Одинокая...

— Внимание. Только что спонсор разрешил мне дать разгадку. Вы узнаете ответ, да еще и выиграете Небесный суперматрац, настоящее облако. Записывайте, дона Мария. Не кладите трубку.

— Целый год... Ничего... Никто...

— Не кладите трубку, дона Мария. Еще не вычислили этот идиотский адрес? Внимание, дона Мария. Загадка была такая: когда женщина снимает белье быстрее всего. И ответ: когда начинается дождь. Женщина бежит снимать белье, которое сохнет на веревке. Вы поняли, дона Мария?

— Аа...

— Женщина бежит... Алло, дона Мария? Дона Мария?

Перевод Ольги Дзюбы и Галины Матвеевой

Щ*елк*

ГРАЖДАНИН зазевался, и у него вытащили телефон. Это взбесило его: он был менеджером и жизни без телефона не мыслил, так что тут же заявил о краже, но вдруг его осенило. Он набрал свой собственный номер. Ответила женщина.

— Аллоу.

— Кто говорит?

— А кто вам нужен?

— Владелец телефона.

— Он не может подойти.

— Позовите его, пожалуйста.

— Он в ванной. Ему что-нибудь передать?

— Постучите в дверь и позовите этого проходимца сейчас же.

Щелк. Женщина положила трубку. Гражданин взял себя в руки. Позвонил снова.

— Аллоу.

— Послушайте. Вы меня простите, я погорячился. Но мне нужно поговорить с ним. Срочно.

— Он скоро выйдет из ванной.

— А вы...

— Его подруга.

— Как вас зовут?

— А кто интересуется?

Гражданин назвался выдуманным именем.

— Таборда. (Господи, почему Таборда?) Я его двоюродный брат.

— Двоюродный брат Гамлета?

Гамлет. Подлец обрел имя.

— Да. Из Куараи.

— Не знала, что у Гамлета есть двоюродный брат в Куараи.

— Есть.

— Кэрол.

— Что?

— Меня зовут Кэрол.

— А. Вы с ним...

— Нет, нет. Мы недавно познакомились.

— Послушайте, Кэрол. Я привез Гамлету посылку. Из Куараи. Персиковое варенье, но я не помню адреса.

— Я тоже не знаю его адреса.

— Но ведь вы...

— Мы в мотеле. Вы звоните на мобильник.

— А.

— Послушайте-ка. А откуда вы знаете его номер? Он только что купил телефон.

— Он сказал, что купил его?

— А что?

Гражданин не сдержался.

— А то, что он его не покупал. Он его украл. Понятно? Украл! У меня!

— Не верю.

— Ах, не верите? Ну так спросите у него. Постучитесь в ванную и спросите.

– Гамлет не стал бы красть телефон у собственного брата.

И Кэрол снова оборвала разговор.

Гражданин выждал какое-то время, чтобы успокоиться. Затем перезвонил.

– Аллоу.

– Кэрол, это Тобиас.

– Кто?

– Таборда. Прошу, позовите Гамлета.

– Он все еще в ванной.

– В каком вы мотеле?

– А вам-то что?

– Кэрол, вы хорошая девушка. Я знаю, Гамлет вам нравится...

– Мы только что познакомились.

– Но вы ему симпатизируете. Верно? Вам не хочется верить, что он вор. Но это так, Кэрол. Взгляните правде в глаза. У Гамлета, возможно, масса положительных качеств. Вы давно встречаетесь?

– Это первое свидание.

– Вы раньше не были знакомы?

– Мы были знакомы. Но так, просто разговаривали.

– И вы не знаете, где он живет, Кэрол. Вы же на самом деле ничего о нем не знаете. Не знаете, что он из Куараи.

– Я думала, он из Гойаса.

– Ну вот, Кэрол. Это все объясняет. Парень, который пытается сойти за гойянца...

– Нет, не пытается. Я просто так подумала.

– Кэрол, он все еще в ванной?

– Да.

– Уходите оттуда, Кэрол. Забирайте свои вещи и уходите. Это все может плохо кончиться. Он вас втянет во что-нибудь. Кэрол, уходите оттуда, пока не поздно!

– Но...

– Я знаю. Не надо мне ничего объяснять. Вы не хотите потерять друга. Вам хорошо вместе, он очень классный. Но он – вор, Кэрол. Бандит. Тот, кто крадет мобильники, способен на все. Ваша жизнь в опасности.

– Он выходит из ванной.

– Беги, Кэрол! Бери телефон и беги! Минут через десять я перезвоню, узнаю, где ты.

Щелк.

Через десять минут, гражданин перезвонил.

– Аллоу.

– Кэрол, где ты?

– Гамлет рядом со мной и просит передать тебе кое-что.

— Кэрол, я...

— Мы поговорили, и он хочет извиниться перед тобой. Он сказал, что вернет тебе телефон, что он пошутил. Клянется, что больше не будет.

Гражданин задохнулся от гнева. Через несколько секунд он произнес:

— Как он собирается вернуть телефон?

— В воскресенье, на обеде у тети Элоа. Он сказал, вы с ним там увидитесь.

— Кэрол, нет...

Но Кэрол уже положила трубку.

Гражданину понадобилось еще пять минут, чтобы прийти в себя. Затем он снова набрал номер.

— Аллоу.

По шуму гражданин вычислил, что она едет в автомобиле.

— Кэрол, это Торкватро.

— Кто?

— Не важно! Послушай. Тебя втянули в преступление. Этот телефон, что у тебя в руке, понимаешь? На этом телефоне твои отпечатки. Он мой! Этот негодяй украл мой мобильный!

— Он же сказал, что вернет тебе его на...

— Нет никакой тети Элоа! Я не его двоюродный брат. Я даже не знаю этого подлеца. Он врет тебе, Кэрол.

— Значит, ты тоже врал!

— Кэрол...

Щелк.

Пять минут спустя гражданин поднялся с пола, где валялся, грызя ковер, и снова позвонил. На этот раз ответили “Алло” мужским голосом.

— Гамлет?

— Братец! Отлично. Ты своего добился, понял? Кэрол только что вышла из машины.

— Эй, ты...

— Программу в мотеле нам перепортил, отношения испоганил, а теперь из-за тебя всему конец. Она разочаровалась в мужчинах, навсегда. Попросила остановить машину и вышла. Прямо посреди Кавальяды. Поздравляю, братец. Ты победил. Хочешь знать, что это за девушка?

— Хочу вернуть мой телефон.

— Такая смугленькая. Зеленые глаза. Не устояла перед моим мобильным. Если бы не телефон, она бы не повелась. И если бы не телефон, мы были бы еще в мотеле. Как это называется? Ирония судьбы?

— Верни мой телефон!

— Да, да. Твой телефон. Тебе нужно заключать сделки, пускать пыль в глаза клиентам, разводить лохов. А все, чего хочу я, это Кэрол...

— Вор.

— Менеджер.

— Верни мой...

Щелк.

Пять минут спустя. Гражданин звонит снова. Гудки идут, но никто не отзывается. Наконец отвечает другой голос.

— А?

— Кто говорит?

— Проныра у телефона.

— Откуда у тебя телефон?

— Не знаю. Кто-то выкинул его в окно машины. Чуть в меня не попал.

— А где ты?

— Как я? Нормально, нормально. В поисках себя, знаешь, как оно бывает. Но я уже ездил с цирком. Ага. Мастер Куплетов. До Парагвая доехал.

— Мне до твоих приключений дела нет. Я дам вознаграждение за телефон. Скажи мне, где ты, и я заеду и заберу его.

— Хорошо. Если не считать Далвиньи, все хорошо. Бабы, они такие. Как увидят, что мы у их ног, так и сядут на шею. Только вчера...

— Где ты? Я хочу знать, где ты!

— Прямо тут, под виадуком. Ночью. Явилась с индейцем и Марваном, все трое в стельку пьяные, и...

Белый флаг[1]

Он тиролец. Она одалиска. Культурная пропасть слишком велика, чтобы найти общий язык. Но им было по четыре года, и они отлично поладили. В мире четырехлеток все друг друга понимают, так или иначе. Оба сопротивлялись отчаянным уговорам своих мам и, вме-

1. Название известного всей Бразилии карнавального марша с такими словами:

Иду с белым флагом к тебе,
к тому, кого люблю,
ведь я без тебя
тоскую, скорбя
о мире молю... и т. д.

(*Прим. ред.*)

сто того чтобы танцевать, прыгать и водить хоровод, уселись на пол и возводили горку из конфетти, серпантина и пыли, пока их не увели домой, угрожая, что этот Карнавал станет для них последним.

Встретились снова в клубе на детском празднике через год. Он в том же костюме тирольца, только теперь штанишки были ему узковаты, а она — в образе египтянки. Попытались возобновить сооружение горки, но на этот раз мамы среагировали вовремя и, грозя отшлепать, заставили обоих танцевать, прыгать и водить хоровод. Все время они держались за руки. Только на третий Карнавал удалось перекинуться парой слов.

— Как тебя зовут?

— Жаниси. А тебя?

— Пиндар.

— Как?

— Пиндар.

— Вот так имечко!

Он — римский легионер, она — американская индианка.

Только во время седьмого Карнавала (пират, китаянка) выяснилось, почему они видятся только на Карнавале и никогда — в клубе в другое время года. Она жила в глубинке, приезжала навестить тетю, а тетя — член клуба.

— Ах!

Был год, когда он предпочел остаться с одноклассниками, совал конфетти девчонкам в рот, а она сидела за столом, ссорилась с матерью, отказываясь играть; подбородок упирался в высокий ворот платья императрицы. Но почти под конец бала, во время финального гимна “Белый флаг”, он подошел и потянул ее за руку; в обнимку они вышли на середину зала. На прощанье она чмокнула его в щеку, сказала “До следующего Карнавала” и убежала.

Когда им было по тринадцать лет, впервые на балу их костюмированные образы совпали. Тореадор и испанская танцовщица. Настоящая пара! Они вовсю целовались, пока мамы не смотрели. Даже в губы. Прощаясь, он попросил:

— Подари мне что-нибудь.

— Что?

— Какую-нибудь вещицу.

— Веер.

Веер танцовщицы. Она скажет маме, что забыла его где-то в зале.

На следующий год она не пришла на бал. Он ждал весь день, безутешный гаваец. Не знал, как спросить о ней. С ее тетей он не был знаком.

Весь предшествующий год он думал о ней, время от времени вытаскивал веер из тайника и нюхал его, предвкушая, как снова встретит ее на балу. Но она не пришла.

Марселан, главный хулиган в их классе, пронес джин, чтобы подмешивать в сок. И он перебрал, домой его тащили чуть не на руках. Он проснулся на кровати без простынь, простыни были в стирке. Что случилось?

— Ты всю душу выблевал, — сказала мама.

Именно так он себя и чувствовал. Как будто выблевал всю душу, и на место она уже не вернется. Никогда.

Даже веер уже не хранил ее запаха. Но когда на следующий год он пошел в клуб на бал для взрослых — увидел ее! Пятнадцать лет. Настоящая барышня. Грудь, все дела. Костюм неопределенный.

— Да кто его знает? Тропическая баварка, — ответила она, хохоча.

Она изменилась. Не только внешне. Не такая застенчивая, громко смеется. Сказала, что пропустила предыдущий бал из-за смерти бабушки, она умерла прямо на Карнавал.

— А как испанская танцовщица поживает?

— И не спрашивай. А тореадор?

— На пенсию вышел.

Он был не в костюме. Рубашка в цветочек, бермуды, в общем, бразилец.

Она была с компанией. Кузены, друзья кузенов. Все в костюмах с баварскими мотивами. Когда она представила его друзьям, кто-то переспросил: “Пиндар?” — и все попадали со смеху. Он видел, как она смеется со всеми. Извинился и отошел. Пошел разыскивать Марселана, ведь тот объявил, что привяжет к ногам несколько пузырей и так и пронесет их в зал под пышными одеждами султана. У Марселана было то, что могло заполнить место, где когда-то была душа. Мне — пятнадцать, думал он, а иллюзии я успел растерять, даже Карнавал для меня ничего не значит. До тридцати мне не протянуть, или это уже буду не совсем я. Весь бал он простоял, подпирая лепную колонну, пил секретный Марселанов сок и наблюдал, как она проходит в обнимку со всеми своими кузенами и друзьями кузенов по очереди, но чаще всего с каким-то качком, наверняка, идиотом и, возможно, бандитом, весь костюм которого состоял из пары кожаных брюк. Ему хотелось что-нибудь сказать, но единственное, что приходило в голову: “Мой тирольский костюм хотя бы не был дешевой подделкой”, но он передумал. Однако когда оркестр заиграл “Белый флаг” и он с горечью, пошатываясь, направился к выходу, почувствовал, как кто-то взял его за руку, развернулся —

то была она. Боже мой, это была она, и она тянула его в зал. В танце она прильнула к нему всем телом и, сказав “Так нечестно, ты меня перерос”, положила голову ему на грудь.

Они встретились снова через пятнадцать лет. Во время Карнавала к тому же. Случайно, в аэропорту. Она только что прилетела из своего городка, чтобы проведать маму. Он собирался лететь в Рио, встретиться с детьми. Она сказала, что едва узнала его без костюма. Он и сам узнал ее с трудом. Располневшую, ее было ни за что не узнать, даже если бы она надела костюм испанской танцовщицы. Последнее, что он сказал ей тогда: “Мне нужно с тобой кое о чем поговорить”, а она ответила: “На следующем Карнавале, на следующем”, но на следующий раз она не появилась и вообще больше не приезжала. Она объяснила, что отца перевели в другой штат, знаешь, как оно бывает, в этом Банке Бразилии, а у нее же не было его адреса, она не знала его фамилии, ведь в костюме фальшивой баварки не оказалось кармана, чтобы положить туда листочек и ручку.

— О чем ты хотел со мной поговорить на следующем Карнавале? — спросила она.

— Забыл, — соврал он.

Рассказали друг другу о себе. Оба связали себя узами брака, но он уже развелся. Его дети живут в Рио, с матерью. Она с мужем и детьми поселились в Куритибе, муж тоже работает в Банке Бразилии... И все это время он думал, сказать ей или не говорить, что тот момент был самым счастливым: “Белый флаг”, ее голова на моем плече, и что все остальное в моей жизни было просто остальным в моей жизни? А она думала: как же его зовут? Перикл. Неужели Перикл? Он: сказать или не говорить, что дожил до тридцати, а все еще храню ее веер? Она: Петрарка. Понтий. Птолемей...

Мусор

ОНИ встречаются на лестничной площадке. Каждый со своим пакетом мусора. Впервые заговаривают друг с другом.

— Добрый день...

— Добрый день.

— Вы из 610-й.

— А вы из 612-й.

— Верно.

— Я еще не знакома с вами лично...

— Ну да...

— Простите мою нескромность, но, судя по вашему мусору...

— Судя по чему?

— По мусору.

— А...

— Судя по тому, что его всегда немного, ваша семья, должно быть, маленькая...

— На самом деле, я живу один.

— Ммм. А еще я видела, что вы едите много консервов.

— Это потому, что я сам себе готовлю. А я этого не умею, так что...

— Понимаю.

— А вы тоже...

— Давайте на “ты”.

— Прости и мою нескромность, но я тоже видел остатки еды в твоем мусоре. Шампиньоны, что-то в этом роде...

— А я очень люблю готовить. Самые разные блюда. Но, поскольку живу одна, иногда остается...

— У вас... у тебя нет семьи?

— Есть, но не здесь.

— В Эспириту-Санту.

— Откуда ты знаешь?

— В твоем мусоре попадаются конверты. Из Эспириту-Санту.

— Точно. Мама пишет каждую неделю.

— Она учительница?

— Невероятно! Как же ты угадал?

— По почерку на конвертах. Похож на учительский.

— А ты не получаешь писем. Если судить по мусору.

— Да...

— Но однажды был смятый конверт с телеграммой.

— Да.

— Плохие новости?

— Об отце. Он умер.

— Сочувствую.

— Совсем старый уже был. Жил на юге. Мы не виделись тысячу лет.

— Поэтому ты снова начал курить?

— Откуда ты знаешь?

— С какого-то времени в мусоре стали попадаться смятые сигаретные пачки.

— Это правда. Но я снова бросил.

— А я, слава Богу, никогда не курила.

— Знаю. Но я видел упаковки от лекарств в твоем мусоре...

— Успокаивающее. Был период. Уже прошел.

— Поссорилась с парнем, верно?

— Тоже по мусору вычислил?

— Сначала выброшенный букет цветов с открыткой. А потом — куча мокрых салфеток.

— Да уж, поплакала я тогда, но все позади.

— Но сегодня у тебя еще несколько салфеточек...

— Я немного простужена.

— А.

— Вижу много кроссвордов в твоем мусоре.

— Да. Ну, я сижу дома, не часто выхожу. Знаешь, как оно бывает.

— Девушка есть?

— Нет.

— Но пару дней назад ты выбросил фотографию девушки. И хорошенькой.

— Я просто наводил порядок в ящиках. Это старое фото.

— Но ты ее не порвал. Это значит, что в глубине души, ты хотел бы, чтоб она вернулась.

— Сеанс психоанализа по мусору?

— Не могу отрицать, твой мусор меня заинтересовал.

— Забавно. Когда я рассмотрел твой мусор, мне захотелось с тобой познакомиться. Думаю, из-за стихов.

— Что?! Ты читал мои стихи?

— Читал, и они мне очень понравились.

— Но они дурацкие!

— Если бы ты действительно так думала, ты бы их порвала. Но ты всего лишь сложила их.

— Ну, если бы я знала, что ты их прочтешь...

— Я не забрал их с собой только потому, что это была бы кража. Хотя разве мусор продолжает принадлежать тому, кто его выбросил?

— Думаю, нет. Мусор — общественное достояние.

— Ты права. Через мусор личное становится общественным. Останки нашей частной жизни объединяются с останками чужих жизней. Мусор принадлежит всем. Это самая общественная часть нас. Разве не так?

— Тебя уже потянуло в глубины мусора. Думаю, что...

— Вчера, в твоем мусоре...

— Что?

— Я не ошибся, это действительно была креветочная шелуха?

— Точно. Я купила большие креветки и почистила.

— Обожаю креветки.

— Почистила, но еще не съела. Может быть, нам...

— Поужинать вместе?

— Да.

— Не хотелось бы причинять неудобства...

— Наоборот, мне как раз будет очень приятно.

— Грязь на твоей кухне разведем.

— Чепуха. Ничего не стоит все потом помыть, а остатки выбросить.

— С твоим мусором или с моим...

Новые технологии

ВО-ПЕРВЫХ, он смотрит тебе в глаза. Это не пишущая машинка, на которую ты глядишь с чувством превосходства, сверху вниз. С ним ты глаза-в-глаза или экран-в-глаза. Он бросает вызов. Он будто говорит: ну-ка, ну-ка, жалкое доэлектронное создание, покажи, что ты умеешь. Пишущая машинка делает, что прикажешь, любую глупость. С компьютером все наоборот. Это ты делаешь все, чего требует он. Делаешь все на его манер, иначе он не согласен. Просто не обращает на тебя внимания. Но ладно, если бы только это. Он отвечает. Осуждает. Исправляет. Пустой, немой экран без признаков реакции на наши электронные команды — куда ни шло. Ощущения, конечно, как у парня в той песне, что разговаривал с автоответчиком, потому что не мог дозвониться своей любимой. Но этот позор — только твой, личный. А когда ты ему отдаешь неверный приказ, он говорит: "Ошибка". Не говорит: "Осел", но подразумевает. Это куда хуже. Иногда, когда мы ошибаемся, он делает "бип". Так, чтоб все на свете слышали. Я впервые сел за компьютор в редакции газеты и то и дело ошибался. И он всякий раз: "бип!" "Смотрите-ка, ребята: он ошибся". "Этот осел ошибся!".

И вот еще что: он умнее, чем ты. Умеет кучу всего и нагло в этом признается. Ну и дела, машина настолько умна, что тот, кто на ней работает, и в подметки ей не годится. Подразумевается, что ты никогда не воспользуешься и половиной того, что он тебе предлагает. Что он сможет развить весь свой потенциал, только когда с ним будет работать равный ему. Пишущая машинка может обладать возможностями, которые ты никогда не используешь, но у нее нет этого апломба, этой мины "терплю людей за неимением лучшего в данный момент". И машинка, даже в те мгновения, когда мы ее бесим, никогда не сделает "бип" на людях.

Кроме того, нужно сказать также, что тот, кто впервые коснется его клавиатуры, вряд ли вернется к пишущей машинке без ощущения, будто он из "мерседеса" перебрался об-

ратно в телегу. Ясное дело, с ним у нас никогда не возникнет комфортного ощущения, будто мы заодно, как со старой машинкой. Это другие отношения, более формальные и строгие. Но они затягивают. Сейчас я понимаю восторженность людей, которые, подобно Миллору Фернандесу и Фернанду Сабину, делят свою профессиональную жизнь на "до" него и "после". Я скучаю по бумаге и верной ручке, она всегда готова вставить между строк еще одно запоздало пришедшее на ум слово. А в нем для этого достаточно нажать одну клавишу, клавиша быстрее, кроме того, она никогда не испачкает нам пальцев, и я чувствую, что побежден. Знаю, нам не стать близкими друзьями с компьютером, хотя бы потому, что он не захочет снизойти до этого, но я отказываюсь от всего, что думал о нем раньше. Вы можете решить, что я просто предусмотрительно хочу его задобрить, но, клянусь, мои слова искренни.

Когда я вышел из редакции газеты после первого дня работы с компьютером, я пришел домой и стукнул изо всех сил свою пишущую машинку. Я знал — она снесет все и слова не скажет. Как и всегда. Бедняжка.

Струнный концерт

УДАЧНЫЙ способ начать рассказ — представить строго официальную ситуацию, скажем, концерт струнного квартета, и затем распарывать ее, как старый свитер. Итак, приступим. Концерт струнного квартета.

Квартет выходит на сцену под сдержанные аплодисменты рафинированного партера. Трое мужчин и женщина. Женщина, молодая и красивая, играет на альте. Она в черном длинном платье. Мужчины во фраках. Занимают свои места за пюпитрами. Слева направо: скрипка, еще скрипка, альт и виолончель. Дайте подумать, не забыл ли я какую деталь. У виолончелиста большие рыжие усы. Это может сыграть в рассказе позже. А может и не сыграть.

Все четверо настраивают свои инструменты. Затем тишина. Нервное ожидание, предшествующее любому концерту. Последние покашливания партера. Первый скрипач бросает вопросительный взгляд на коллег. Все готовы, скрипач устраивает скрипку под подбородком и заносит над ней смычок. Концерт вот-вот начнется. И тут...

И тут... что тут? Что необычного может произойти на концерте? Стадо зебу промчится за спинами музыкантов по сцене? Не годится. Стадо зебу несется, часть партера в панике

покидает свои кресла и устремляется к выходу, другая часть парализована, растеряна, но затем все успокаивается. Квартет держится строго на своих местах, пока последний зебу не покинет сцену, — они профессионалы — и затем, как ни в чем не бывало, начинает играть. Никто ни о чем не спрашивает, никто не дает объяснений. Звучит Моцарт.

Не пойдет. Нужно внедриться в событие, посеять смятение, внести раздор. Создать нечто, что вначале вызовет неудобство, а затем потихоньку, шаг за шагом, ввергнет все в хаос. Летучая мышь садится на голову второго скрипача во время пиццикато. Нет. Еще лучше. На сцену выходит мужчина с тубой.

По партеру проносится шепот. В чем дело? Мужчина выходит из-за кулис со своей тубой. Располагается рядом с виолончелистом. Первый скрипач замирает, как ныряльщик, который в последний миг перед прыжком заметил, что в бассейне нет воды. Он смотрит на тубу с интересом и ужасом одновременно. Что это? Напряжение в воздухе нарастает, звенит, как натянутая до предела скрипичная струна. Скрипач произносит:

— Прошу прощения...

— Что? — вызывающе говорит мужчина с тубой. — По-вашему, мне здесь не место?

— Чего вы хотите?

— Как чего? Хочу играть. Начинайте, я подхвачу.

В партере смешки. Гул нетерпения. Никто не замечает, как виолончелист оглядывается и, столкнувшись взглядом с трубачом, тут же отворачивается, сжимается, как будто не хочет, чтобы тот его увидел. Первый скрипач стоит на своем:

— Прошу вас, покиньте сцену.

— С какой стати? Я тоже хочу играть.

Первый скрипач бросает нервный взгляд в партер. За все то время, что он руководит квартетом, такое — впервые. Однажды ему в ноздрю залетел комар, прямо во время сложного пассажа Вивальди. Но тубы еще не бывало.

— Прошу вас. Это струнный квартет. Мы играем Моцарта. У нас нет партии для тубы.

— Я сымпровизирую. Вы начинайте, а я сделаю “ум-па-па”.

Снова смех в партере. Пахнет скандалом. Откуда взялся этот трубач? Он даже не во фраке. По одной из версий, на нём майка футбольной команды “Васко”. Вьетнамки. Альтистке становится плохо. Скрипач грозится позвать кого-нибудь из-за кулис, чтоб силой вывели трубача. Но тот подносит мундштук своего инструмента к губам и пугает:

— Если ко мне кто-нибудь подойдет, я сыграю “бумс”!

Перспектива услышать “бумс” в концертном зале парализует присутствующих.

— Ладно, — говорит первый скрипач. — Давайте объяснимся. Очевидно, что вы не туда попали. Это струнный квартет. Мы играем Моцарта. У Моцарта нет никакого “ум-па-па”.

— Моцарт не в курсе, что́ он теряет, — говорит трубач, адресуя усмешку партеру, в попытке завоевать его симпатию.

Номер не проходит. Атмосфера враждебна. Трубач меняет тон. Переходит к угрозам:

— Ну ладно, снобы несчастные. С шутками покончено. Сейчас что, восемнадцатый век, по-вашему? После Моцарта было уже семнадцать народных восстаний. Я конфискую эти партитуры именем народа. А вас я допрошу с пристрастием. Вы у меня возьметесь за ум па-па.

И вдруг умоляющим тоном:

— Ведь мне всего-то и надо немного поиграть. Я простой трубач. Не сумел овладеть струнным инструментом. Я сам смастерил эту тубу, из старого “фольксвагена”. Позвольте...

Тоном соблазнителя, альтистке:

— Я — воплощение твоих тайных мечтаний. Я — плод твоего извращенного воображения, признайся. Пока ты играла Моцарта в этом стерильном квартете, ты думала обо мне. О моем брюшке и моей фаллической трубе. Признайся, ты ведь хочешь, чтобы я отвиолончелил тебя в темпо аллегро...

И, наконец, дерзко бросает виолончелисту:

— Эти рыжие усы. Я их припоминаю. Это те же усы, которые я носил в 1968 году. Отдай!

Трубач и виолончелист бросаются друг на друга. Остальные члены квартета ввязываются в драку. В партере вскакивают и кричат. Хаос! Возможно, это символ окончательного падения системы ценностей, берущей начало с европейского Просвещения, или победы инстинктов над разумом, или знак психического расстройства автора. На сцене после потасовки у альтистки появляются рыжие усы. Увидев ее в таком виде, трубач выплевывает ногу второго скрипача, раскрывает объятия и кричит: “Мамочка!”.

И вот тут-то на сцену выбегает табун зебу.

Перевод Ольги Дзюбы

“И *высший смысл в безумии самом...*”

Стихи Мариу Кинтаны, Мануэла Бандейры, Сесилии Мейрелис, Карлуса Друмона ди Андради

Перевод Ирины Фещенко-Скворцовой

Мариу Кинтана

О *духе и о теле*

Дух — это вихрь, он мчит туда, обратно,
Но постоянней тело, присягну:
Ты мысли изменяешь многократно,
Но верен ты любимому вину.

О *вкусе вещей*

Есть вина редкие, старинного разлива,
Но выбрать лучшее немудрено,
Ведь в памяти живет лишь то вино,
Что с другом старым пьешь в тиши неторопливо.

* * *

В том баре, где пишу я эти строки,
мужчина водку пьет, за стопкой стопку жадно,
не зная, что он здесь присутствует с начала
времен. И думает, что топит он проблемы
свои, Жуау Силвы... Нет! Все тревоги мира
тысячелетние сейчас он пьет!

© Ирина Фещенко-Скворцова. Перевод, 2017

Мариу ди Миранда Кинтана (Mário de Miranda Quintana; 1906–1994) — поэт, переводчик, журналист. Лауреат премий Машаду ди Ассиза (1980) и *Жабути* (1981).

Маленькое дидактическое стихотворение

Годы и месяцы, дни и недели...
Что — календарь, если время не делится?
Падают листья, но держится деревце,
Как бы в кроне ветра ни гудели.

Жизнь неделима. Даже беспечное
Каждое слово — другу, соседу,
Принадлежит диалогу вечному,
В беспрерывную входит беседу.

Все стихи — единой поэмы части,
Пьянки все — пьянка одна, ей-богу!
Смерть не вдруг вторгается, понемногу:
Все часы — смертельной, пиковой масти!

Мануэл Бандейра

Вакханалия

Я пить хочу! В разгуле опьяненья
Петь вздор, теряя разум от волненья,
Что хмель рождает в слабых существах...
Эвое! Вакх!

Хохочущая в гуще маскарада,
Душа безумному полету рада,
И высший смысл в безумии самом...
Эвое! Мом!

Вяжите нас, о, серпантина змеи,
Блаженства ядоносные затеи,
Язви, любви смертельная химера...
Эван! Венера!

Стихи и женщины, еще одна
От века страсть — напиться допьяна!

Мануэл Бандейра (Manuel Bandeira; 1886–1968) — поэт, литературный и художественный критик, профессор словесности и переводчик. Лауреат премии Общества Фелипи ди Оливейры за совокупность произведений (1937), поэтической премии бразильского Института образования и культуры (1946). Член Бразильской академии литературы (1940).

О, сколько мощи в этих божествах!
Эвое! Вакх!

Кривой кинжал луны я буду славить,
Он им плененных должен обезглавить,
Склоняюсь в послушании немом...
Эвое! Мом!

О, Лира выси, мгла — твои духи...
Слагаю непристойные стихи
Я в честь твою, небесная гетера!
Эван! Венера!

1918

П*робел*

Ты в жизни моей, будто — вся в переливах
Поэма, какую читают весной
Меж слез наслажденья, улыбок счастливых...

В ней каждый набросок душою иной
Внедряется, мягко сплетаясь и странно
Со старой душой, разоренной, больной...

Поэма, где блещет лазурь океана,
С улыбками пены и парусом дальним,
Летящим, как чайка сквозь пряди тумана...

Сесилия Мейрелис

М*елодия*

Пою и радость я, и грусть,
Не весел в миге, мной воспетом,
И не печален, я зовусь
Поэтом.

Сесилия Беневидес ди Карвалью Мейрелис (Cecília Benevides de Carvalho Meireles; 1901–1964) — журналист, художник, писатель и преподаватель. Лауреат премии Машаду ди Ассиза (1965). Почетный член Королевского кабинета художественного чтения Португалии, почетный член Института Вашку де Гама (Гоа), почетный член университета в Дели (Индия). Обладатель Почетного ордена в области литературы (Чили).

Брат ускользающих предметов;
Не наслаждаясь и не мучась,
По ветру мчать — и долг поэтов,
И участь.

Крушу ли хуже святотатца
Иль воздвигаю в гордой силе?
Не знаю, суждено остаться,
Пройти ли?

Лишь петь могу. О, кровь поэм!
В ней вечность пенится без края.
Еще о том, что стану нем,
Я знаю.

В*торая мелодия* Р*озы*

Посвящается А. Мариу ди Андради

Пою, но не услышишь ты ни слова,
Хоть с музыкальным ухом формой схожа —
С ракушкой чуткой на песчаном ложе,
Хранящей волн мелодии и зовы.

О, роза, в хрустале, в зеркальной дрожи
Раскинешь сеть призыва золотого,
Ты пчел заманишь в глубину алькова,
Бесчувствием и слепотой тревожа,

И пчел, и любящих тебя, слепая,
В мгновеньях ароматом проступая,
В стихах бессмертных возродишься снова.

Мечты моей невольница ночная
Сияешь, красоты своей не зная,
Пою о ней — не слышишь ты ни слова.

Карлус Друмон ди Андради

Весь *мир на плечи лег*

Приходит время не говорить о Боге.
Время очищения.
Время не говорить о любви.
Ведь любовь оказалась бесполезной.
И глаза не плачут.
И руки ткут грубое полотно.
И сердце высохло.

Напрасно женщины стучатся в двери — не откроешь.
Ты один остался в темноте,
но в тени твои глаза, огромные, сияют.
Ты уже весь — уверенность, разучился страдать,
и ничего не ждешь от друзей.

Разве важно, что стучится старость?
Весь мир тебе на плечи лег, и он
легче ручонки ребенка.
И голод, и война, и раздоры в семьях
доказывают лишь, что жизнь продолжается
и что еще не все освободились.
И кое-кто, найдя спектакль слишком жестоким,
предпочел могилу.
Пришло время, когда смерть — не выход.
Пришло время, когда приказано жить.
Просто жить — без иллюзий.

Семигранная поэма (или поэма семи лиц)

Родился я, и одноглазый ангел,
из тех, кто прячется в тени, воскликнул:
— Иди же, Карлус! Будь недотепой.

Дома́ высматривают мужчин,
бегающих за юбками.

Карлус Друмон ди Андради (Carlos Drummond de Andrade; 1902–1987) — поэт, эссеист и автор хроник, один из самых влиятельных бразильских поэтов XX столетия. Лауреат премий *Жабути* (1968), APCA — Португальской ассоциации литературных критиков (1973), Моггаду де Матеуса (1980), Жука Пату (1982). Обладатель ордена за заслуги в области культуры (2010).

Вечер мог бы стать синим,
если бы не было стольких желаний.

Трамвай проходит, полный ног:
ноги белые, ноги желтые.
Боже, зачем столько ног,
спрашивает мое сердце,
но мои глаза отчего-то
не спрашивают ни о чем.

Мужчина, тот, за усами,
серьезен, крепок и прост.
У него немного друзей,
он почти все время молчит,
тот мужчина, за очками и за усами.

Боже, зачем Ты меня покинул,
ведь знал же, что я — не Бог,
и знал, что я слаб.

Мир, мир, ты зовешься — мунду,
если б меня назвали Раймунду[1],
получилась бы рифма,
но рифма ничего не меняет в мире.
Мир, мир, широкий мир,
мое сердце — шире.

Не надо бы этого тебе говорить,
но эта луна,
но этот коньяк —
соблазняют людей, точно дьявол.

1. Мир по-португальски mundo — мунду. (*Прим. перев.*)

Борис Шнайдерман
Страх и Ненависть

Главы из книги *Война под сурдинку*

Перевод Леи Любомирской
Вступление Елены Васиной

Борис Шнайдерман. Жизнь длиною в век

В 2017 году Борису Соломоновичу Шнайдерману исполнилось бы 100 лет. Он не дожил всего лишь один год до своего столетия. Жизнь длиною практически в век оказалась удивительно насыщенной. Он стал свидетелем и участником Истории (именно так, с большой буквы).

Уже в детстве Борис Шнайдерман (он родился 17 мая 1917 года на Украине, в Умани, но сразу же после революции его семья переехала в Одессу) стал свидетелем съемок знаменитых кадров "Броненосца Потемкина" на одесской лестнице.

В двадцать семь лет в звании сержанта артиллерии бразильского экспедиционного корпуса он оказался на фронте Второй мировой войны в Италии и участвовал в битве за Монте-Кастелло, где безостановочно, в течение 48 часов, наводил орудия. Свой фронтовой опыт Борис Шнайдерман опишет в двух книгах — в "Войне под сурдинку" (1964) и в "Итальянской тетради" (2015).

А сразу же после военного переворота 1964 года Борис Шнайдерман, преподаватель недавно основанного им курса русистики в Университете Сан-Паулу, был арестован прямо во время урока за преподавание "языка коммунизма". Сопротивление бразильской диктатуре станет для него еще одним опытом участия в Истории.

За ходом Истории он будет наблюдать, когда сразу же после конца СССР приедет в новую Россию и сможет сравнить ее с той страной, которую он увидел во время своей первой поездки в СССР в 1965-м. Итогом встречи с этой постсоветской реальностью стала книга его историко-литературных и философских размышлений "Руины и миф: культура и крах Советского Союза" (1997).

© Boris Schnaiderman, 2004
© Cosac & Naify, 2004
© Лея Любомирская. Перевод, 2017
© Елена Васина. Вступление, 2017

Но говоря о Борисе Шнайдермане как об участнике Истории, невозможно не сказать и о его роли в истории сближения Бразилии с Россией.

Начиная с 1956 года он регулярно печатает статьи в колонке "Русская литература" в газете "Эстаду ди Сан-Паулу". В 1960-м он создает в Университете Сан-Паулу первую в Бразилии кафедру русистики, которая со временем превратится в крупнейший и единственный в своем роде центр изучения русской литературы и культуры в Латинской Америке. Он не только приглашает выступать с лекциями самых известных филологов — своих друзей и постоянных собеседников (достаточно назвать имена Якобсона, Мелетинского, Неклюдова, Вяч. Вс. Иванова), но и переводит и издает в Бразилии их труды.

Его деятельность переводчика и пропагандиста русской литературы и культуры открыла тысячам и тысячам бразильцев и, конечно же и в первую очередь, его непосредственным ученикам "окно" в русский мир, который стал ассоциироваться у них не с политическим режимом или же социальными катаклизмами, а с нашим культурным наследием. Очень часто, когда в Бразилии кто-то узнает, что ты из России, то первая, поражающая тебя своей неожиданностью реакция — это восхищенные слова: "О! Достоевский!".

Благодаря ему, Пушкин и Чехов, Толстой и Горький "заговорили" по-португальски, а их книги стали настоящими бестселлерами. И в том, что Достоевский оказался сейчас в Бразилии самым читаемым писателем, конечно же, не малая заслуга Бориса Соломоновича, который удивительно точно сумел передать на португальском языке пульсирующий ритм его прозы. Причем Шнайдерман был не только переводчиком, но и тонким исследователем творчества писателя, его книга "Достоевский: Проза-поэзия" (1982) стала образцом филологического анализа.

И хотя Борис Шнайдерман прожил в Советском Союзе всего лишь восемь лет — в 1925 году его семья решила бежать в Бразилию, — но всю жизнь он чувствовал свою принадлежность к миру русской культуры и литературы. В детстве и юности главным для него было сохранить язык, и он учился писать по-русски, переписывая по многу раз и практически выучивая наизусть произведения Пушкина и других классиков, благо что родители привезли с собою целые чемоданы русских книг. Поэтому не удивительно, что Борис Соломонович всегда поражал своих друзей и собеседников глубоким и доскональным знанием русской литературы, и вплоть до последних дней своей жизни, сохраняя феноменальную память, он мог свободно цитировать своих любимых авторов — Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова, Горького.

И хотя родители настояли на том, чтобы Борис получил специальность агронома, гарантировавшую ему безбедное существование в Бразилии, он очень рано начал пробовать себя в переводе, причем одним из первых стал переводить с русского на португальский, что было невероятной редкостью, ведь, в основном, русские писатели были известны по непрямым переводам — с французского, испанского или же английского. Борис Соломонович всегда любил с беспощадной самоиронией рассказывать о том,

что первой "жертвой" его переводческой дерзости стали ни много ни мало "Братья Карамазовы" Достоевского, перевод которых он предусмотрительно подписал псевдонимом "Борис Соломонов" и впоследствии никогда не упоминал в списке своих трудов. Но кто знает, если бы отчаянный молодой человек не набил бы руку на переводе тысячи страниц этого романа, может быть, он не стал бы позже таким блестящим и невероятно требовательным к себе переводчиком русской литературы. И более того — создателем целой школы литературного перевода, которая теперь уже исчисляется не одним поколением его учеников.

Очень интересным был опыт совместной работы Бориса Шнайдермана с известными бразильскими поэтами-конкретистами, братьями Аугусто ди Кампусом и Аролдо ди Кампусом. Вместе они переводили поэзию Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Хлебникова и — больше всего — Маяковского. И в том, что Маяковский в Бразилии превратился в любимого поэта студенчества и интеллигенции, тоже огромная заслуга Бориса Шнайдермана.

Перевод для Бориса Шнайдермана был искусством и сотворчеством. Как он сам писал в своей книге "Перевод, отчаянный поступок" (2011), "без бесстрашия, готовности к риску и полетов воображения не может быть хорошего переводчика".

Страх

Так-то, папаша, ты уж мне поверь — на войне ничего нет страшнее страха.

Я еще и на сходни-то не ступил, а страх уж во мне сидел. Гулял я тогда с одной из нашего же района, родители у нее были люди простые, сама она — небалованная. Но потом ее сестрица подцепила богатенького женишка, а тот давай катать ее по целым дням в автомобиле и дарить дорогие подарки. Хорош же я был рядом с ними — службишка жалкая, костюм истрепан, башмаки прохудились. А призвали меня — стало совсем тошно. Приду, бывало, повидать свою девочку, она меня приглашает войти в дом, а дома вся семейка с сестриным женихом носится — Лусиано то, Лусиано это, — посмотришь и плюнешь. А Лусиано сидит и с важным видом толкует об импорте, об экспорте, о международной политике. "Никогда вас не отправят воевать, это же не корабль, это так — одна видимость". Но я боялся, я умирал от страха. Нас отправят, отправят на фронт, и я навсегда потеряю свою Терезу.

На базе все казалось готовым к скорой отправке. Помнишь учения в военном городке? Когда я поднялся по штормтрапу на деревянный макет корабля и поглядел сверху на

ставшие сразу маленькими домики, у меня зашлось сердце. Матерь Божья, как холодно и страшно мне стало!

И вот нас погрузили на корабль и отправили на фронт. Всю дорогу я боялся подводных лодок. Спал скверно, сердце выскакивало из груди, еда не лезла в глотку, мутило страшно, и я валялся на койке, будто рваная тряпка. И покуда не началась для меня настоящая война, все повергало меня в ужас.

Я участвовал в первом наступлении на Монте-Кастелло[1], мы были там вместе с американцами. Ну, выстрелил разок, сам услышал выстрел, упал на землю, укрываясь от летящих снарядов, — все время перепуганный, все время в страхе.

Потом случился тот ужасный штурм двенадцатого декабря[2]. Мы были в подкреплении, ждали в укрытии у домов и смотрели, как движется вверх по склону другой батальон. Люди шли, сжавшись от холода, увязая в жидкой грязи, но не останавливаясь. Один из наших сказал мне: “Ты только глянь. Там, наверху, уже и нет никого. Фрицы давно удрали. А вся слава достанется этим”. Я поглядел на склон. Солдаты уже подобрались к самому гребню, еще чуть-чуть, и Монте-Кастелло наш. Куда там... какой жуткий поднялся огонь. Минометы, автоматы, винтовки, адский грохот. Наши солдаты бежали вниз по склону, вслед им пели немецкие пулеметы, солдаты падали... Потом, ночью, выходили похоронные патрули, чтобы собрать то, что осталось от людей на склоне холма.

И я выходил в патруле. Боялся, но приказ выполнял.

Я чувствовал себя подавленным, разбитым. Одни мои товарищи погибли, другие были в тылу, в госпитале. Командовавшего нами лейтенанта эвакуировали с военным неврозом. В один прекрасный день наш патруль снял его с дерева — лейтенант принял нас за немцев и полез прятаться.

Невротик, скажите пожалуйста! А кто здесь не невротик? И я бы хотел вот так эвакуироваться, не было у меня других шансов выйти живым из этого ада.

Мне было так худо, что от отчаяния я пошел на крайность. Было время обеда, мы собрались у походной кухни. Капитан, повар-сержант и еще несколько офицеров, начи-

1. В ноябре 1944 г. бразильский экспедиционный корпус совместно с американцами начал наступление на позиции немцев на горе Монте-Кастелло на севере Италии. Бои растянулись на три месяца, бразильцы понесли тяжелые потери убитыми и ранеными. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. 12 декабря бразильцы предприняли последний штурм Монте-Кастелло. Пять часов под дождем и под немецким огнем, в грязи, на голой горе, без укрытия и артиллерийской поддержки.

тавшись свежих газет из Бразилии, спорили о политике. Только и слышно было — бригадный генерал то, генерал Дутра[1] се, а мы всё стоим и ждем еды. Я подумал, что фриц сейчас как сыпанет нам конфеток, ну и взбесился.

Взбежал на какое-то возвышеньице, сорвал с пояса гранату, кричу: "Накладывай еду, а то разнесу тут все в клочья!". Кто-то кинулся меня разоружать, кто-то за руки схватил. Но чтоб отправить в госпиталь с неврозом, так нет. Притащили бумагу, чернила и там же, на месте, накатали огромную кляузу. Описали все, как было, слово в слово. И сказали, что отвечать я буду перед трибуналом. Велика важность — трибунал! Главное — убраться с передовой. А там, глядишь, подоспеет амнистия.

В общем, стал я ждать этого трибунала. А тем временем произошел тот случай с немецкими пленными.

Патрулировали мы одну зону. Дошли до отмеченных на карте домов и собрались уже возвращаться. Тут сержанту пришло в голову, что раз фрицев в селении нету, можно попробовать раздобыть вина. Нам с моим товарищем Руем достался здоровенный каменный дом, на вид совершенно пустой. Я стал искать по комнатам вино, а Руй шел рядом с автоматом наизготовку. И вот открываю я одну дверь и слышу чье-то дыхание. Быстро обегаю комнату фонариком — лампочку на всякий случай затемнил пальцами, — и вижу четверых фрицев, растянулись на полу и дрыхнут. Сделал знак Рую (Руй был капрал, он должен был скомандовать).

Ну, разбудили парней автоматной очередью в стену. Они вскочили, перепуганные, руки вверх, кричат: "Камрад! Камрад!". Поговорили с ними на жутком итальянском, отсыпали им сигарет. Спросили, не прячутся ли поблизости их товарищи, они сказали, что в соседнем доме спят еще четверо и даже часового не выставили. Я сразу понял, что это не западня, — эти испуганные взгляды ни с чем не спутаешь, я-то в этом понимаю. Фрицы боялись еще побольше моего. Ну, вышли мы на улицу — Руй со своим автоматом, я с винтовкой в одной руке и с гранатой в другой, а перед нами четверо немцев, руки у всех сцеплены на затылке. Зашли в тот, другой, дом, Руй дал еще одну очередь в стену, и мы с триумфом вернулись в подразделение, пригнав перед собою восемь парнишек-пленников.

1. Эурико Гаспар Дутра (1883–1974) — шестнадцатый президент Бразилии, в описываемое время — военный министр в правительстве Жетулио Варгаса, командующий Бразильским экспедиционным корпусом.

Через несколько дней капитан собрал всю роту. Вначале, конечно, вступление — о воинском долге, о необходимости поддерживать дисциплину и все такое. “Ага, — думаю, — вот он, мой трибунал”. И ведь понимаю, что теперь меня отправят в тыл, а там непременно будет амнистия, ну и вряд ли меня накажут так уж сурово (невротик я в конце концов или нет?), но все равно стоит подумать о трибунале — и от одного слова делается внутри как-то нехорошо, будто уже стоишь перед расстрельной командой.

Но капитан ни словом про трибунал не обмолвился. Наоборот, всячески меня расхвалил и зачитал приказ, согласно которому за проявленное мужество я был произведен в сержанты. Я страшно растерялся, я так был озадачен, что чуть не спросил: “Капитан, а как же трибунал?”. Но об этом никто и не вспомнил — меня реабилитировали, повысили в звании, в общем, я был героем дня. Все меня поздравляли и жали мне руку. Будто в школе, на церемонии вручения дипломов.

Потом случилась история пострашней. Меня повысили и поставили командовать патрульной группой. Я пошел к капитану: нельзя ли назначить старшим сержанта поопытней? Очень уж серьезное предстоит дело. Капитан засмеялся и сказал, нет, нельзя, назначили командиром — иди и командуй. Велел мне отобрать в группу нескольких бойцов. Я поглядел на них — почти сплошь новички, только что прибывшие из запасных полков, у всех в глазах этот особенный страх, тоскливая эта тревога первых дней на передовой. Мне жалко их стало, и я спросил, есть ли добровольцы. Вызвался один капрал, сказал: “Я пойду”, и я решил, что одного мне будет довольно. Вышли с ним вдвоем, капрал с автоматом, и я — с винтовкой в одной руке и с гранатой в другой. Капитан поднялся на колоколенку церкви — посмотреть, насколько мы углубимся.

Мы поднимались по склону, тут и там валялись тела убитых бразильцев. Дошли до пункта, помеченного на карте, и уже собирались было вернуться, но тут я гляжу на одно дерево, а на нем сидит фриц и изучает в бинокль наши позиции. Я сделал знак капралу, автомат рыкнул, и фриц навернулся с ветки.

Тут же на гребне холма появляется другой, вскинул руки и бежит к нам с криками: “Камрад, камрад! Ньенте капут!”. Я машу капралу, чтоб не стрелял, да без толку — очень уж он испугался, а поди останови испуганного человека, если у него палец на спусковом крючке. Залепил немцу очередью прямехонько в лоб. Тут же поднялась адская стрельба, и весь холм покрылся немцами. Не знаю уж, как я додумался не бежать

вниз по склону. Вместо того чтоб отступать по дороге под пулями, мы сдали вправо, сделали большой крюк, и там уже вернулись в часть. Позже наши взяли в плен одного фрица и узнали от него, что на холме их было шестьдесят шесть человек, и все собирались сдаваться, а стрелять в нас начали, оттого что мы убили их товарища, который шел к нам парламентером — о сдаче шел договариваться.

Вот так-то, папаша, но все это, вот все, что я тебе тут рассказываю, не идет ни в какое сравнение с Монтезе[1]. Мы тогда вошли в город, я во главе отделения, как всегда с винтовкой в одной руке и с гранатой в другой.

Я ведь учил своих людей: “Рассыпьтесь, не жмитесь друг к другу”. Но они, как бараны, при виде опасности все норовили сбиться в кучу где-нибудь в углу.

В одном из окон весело защелкал автомат. Я обернулся и увидел ошметки своего отделения — одни мертвы, другие ранены. Из двенадцати бойцов на ногах оставались только мы с капралом. Санитары подбирали наших раненых, а мы все стреляли, все гнали фрица из дома в дом.

Ох, папаша, я как вспомню обо всем этом, мне бежать хочется, на пол хочется упасть, закричать “Караул”. Да, ты прав, все кончено, мы ждем отправки домой. Но во мне все тот же страх. Что я буду делать? Когда меня призвали, я сидел без работы, дома меня ждут только мои драные башмаки да костюм с истрепанными рукавами.

Я уже давно не получаю писем от Терезы, она, конечно же, нашла себе кого-то, я даже не сомневаюсь. Но это и неважно, я не могу вернуться к той жизни. Я все вспоминаю лицо Лусиано, эти его белые зубы, и как он меня спрашивает в уголке гостиной: “Ну, что скажешь о часиках? Думаешь, моей невесте понравится такой подарок?”.

Нет, теперь все будет по-другому. Но мне страшно, папаша, как же мне страшно.

Ненависть

Наперекор железу и огню, наперекор усталости и холоду, наперекор дождю и снегу люди брали приступом гору. Поднялись по откосу, спустились по откосу, перебрались по доскам

1. Битва при Монтезе началась 14 апреля 1945 г. и продолжалась три дня. В результате городок Монтезе был почти полностью разрушен, погибло 189 мирных жителей. БЭК потерял 430 человек погибшими (34 человека), ранеными, пропавшими без вести и взятыми в плен.

через реку, прошли сквозь сложенный из камня городок, а вокруг рвались гранаты, и люди ложились наземь, вжимались в стены, потом поднимались и шли всё вверх, вверх, вверх.

Им дали немного поспать, а с утра отправили в атаку, опять всё вверх и вверх по склону. Гранаты, автоматы и базуки раскалились от желания добраться до вершины. Промокшие до костей, в липнущей к телу одежде поднимаются люди в гору. По дороге берут пленных, уничтожают вражеские форпосты.

Дошли, наконец, до гребня, остановились, принялись обустраиваться. Роют окопы, тянут телефонные линии, устанавливают пулеметы. Вскрывают банки с неразогретыми консервами, растирают иззябшие руки. А ветер хлещет по ушам и не оставляет попыток забраться под плотные куртки.

К вечеру начинается метель. Солдаты впервые видят снег. В другое время он вызвал бы у них интерес. Теперь они пытаются от него укрыться — скукожились в своих наскоро вырытых норах, подняли воротники американских шинелей.

Темнеет. Часть солдат обосновалась в окопах, остальные укрылись в близстоящих домах.

Капитан обеспокоен. Это наступление — чистой воды безумие! Ему с трудом удается поддерживать связь с другой ротой, и пойди сейчас немцы в контратаку, где ему взять боеприпасы? В штабе батальона гарантий не дают: “Если хотите, пришлите людей. Поделимся, чем сможем, но многого не ждите”. А линия фронта растянута, один батальон удерживает четыре с половиной километра свежезавоеванной земли, и нет никаких резервов!

— Абсурд! Безумие! — бранится капитан Селсо. — Не понимаю, что себе думает командование. Конечно, наше дело подчиняться, но в этом же нет никакого смысла, это просто преступно!

Лейтенант Руй пытается его успокоить. Ну полно, полно. Все будет хорошо.

— Слепых-то тут нет, — продолжает брюзжать капитан. — Мы подошли почти к Кастельнуово-ди-Гарфаньяна[1], вряд ли фрицы позволят нам остаться на этой высоте с видом на их позиции. Контратака не заставит себя ждать, попомните мои слова.

Лейтенант Руй подходит к окну и поправляет брезент, заменяющий выбитые стекла. Зажигает фонарик и перечитывает последнее письмо из дома. Как прекрасно, как восхити-

1. Castelnuovo di Garfagnana — коммуна в Италии, в регионе Тоскана.

тельно звучат слова Олечки! Смуглой Олечки, милой Олечки, настоявшей на их свадьбе за два месяца до его отправки на фронт. Как сладостно получать эти маленькие весточки из далекого мира! Олечка вяжет ему пуловер, матушка уже отослала ему шерстяной башлык, все газеты твердят о подвигах корпуса. Ты же был уже в... Часть письма вырезана военным цензором, там теперь дыра. Какая жалость! Зачем было это делать? Что бы случилось, если б ему оставили еще немножко нежной Олечкиной прозы? Она в жизни не написала бы ничего, что могло бы ему навредить.

Капитану Селсо не лежится, он ерзает на брошенном на землю одеяле.

— Даже не думайте, дорогой мой, я этого так не оставлю! Нет, не оставлю! — И тут — адский грохот. Капитан звонит в штаб батальона.

— Немцы пошли в наступление! Подкрепление, немедленно!

Что могут сделать его люди? Единственная рота на всю эту высоту?

Гитлеровы пилы визжат все ближе, все слышней одиночные выстрелы из винтовок. И вой минометов. И артиллерия бьет по тылам, чтобы не дать приблизиться подкреплению.

Люди сопротивляются. Усталые, промокшие, взбешенные. Швыряют ручные гранаты, стреляют из пулеметов. Враг уже прорвался на позиции. Мелькают во тьме неясные пугающие тени. А пилы визжат. А минометы воют. А товарищи падают.

Капитан и лейтенант вышли из укрытия.

— Уходим отсюда. Начинайте отступление!

Люди продолжают стрелять. Кто-то падает, товарищи подхватывают его и утаскивают вниз по склону.

Капитан расстрелял рожок автомата.

— Спускаемся! Быстро!

Капитан и лейтенант стреляют и стреляют, покуда их люди отступают вниз по склону.

— Жаль только, дружище, патроны кончаются.

Наконец, они начинают отходить вслед за ротой.

Время от времени останавливаются, чтобы дать очередь.

Враг преследует их. Щелкают винтовочные выстрелы, пули то и дело свистят у самой головы. И никак не замолкнут, не уймутся страшные пилы.

Лейтенант Руй падает, вместо ноги кровавое месиво. Капитан, на коленях, засыпает ему рану стрептоцидом, торопливо накладывает марлевую повязку. Но кровь не останавливается, хлещет сквозь марлю. Капитан тащит лейтенанта на

плечах. Так они слишком заметная цель. Ложатся животами на землю, ползут.

— Старина, дружище, не падайте духом, я здесь, я вас не брошу.

Кровь хлещет, раненый лишился чувств.

— Ну-ка, бодрее!

Ползет капитан Селсо, тащит за собой лейтенанта. Назойливо жужжат выстрелы, за деревьями мелькают подозрительные тени.

Капитан дает очередь из автомата.

— Мы выживем, старина, думайте об Олечке!

Раненый тихонько стонет.

Капитан думает, анализирует. Он не сумеет уйти от врага, волоча за собою раненого по камням и буеракам. Нет! Правильней будет оставить лейтенанта в каком-нибудь укрытии, а самому сбегать за санитарами.

— Только не падайте духом! Я оставлю вас на минутку, вы побудете тут, а я мигом вернусь и оттащу вас в госпиталь.

Раненый кивает, да, да.

Падает снег.

Солдаты капитана укрылись за невысокими кустами и продолжают стрелять.

Капитан взял нескольких санитаров, поднялся с ними по склону. Под снегом и пулями искали они лейтенанта. Ни малейшего следа. Может, он попал в плен? А может, мы просто не сумели его найти, а он лежит в своей норе и стонет?

Непроглядная ночь. За деревьями мечутся тени. Жужжат пули.

На следующий день обессилевших людей собрали за линией фронта. Люди были оборваны, грязны, руки исцарапаны, глаза почти безумны. Командовал ими капитан Селсо, придавленный, сникший. Он все прокручивал в голове планы отправиться с патрулем на поиски лейтенанта Руя.

Майор объявил:

— С вами будет говорить генерал.

Людей построили. Генерал, низенький и толстый, вышел из дверей какого-то дома и направился к ним.

— Трусы! Вы запятнали честь нашей армии! Чтоб это было в последний — вы слышите меня?! — в последний раз!

Солдаты стояли неподвижно. Полубезумные взгляды. Лица, искаженные тоскливой мукой. Перед глазами все еще падают товарищи. Отчаяние. Но сильнее всего — ненависть. Ненависть вскипала в людях в этот момент, вскипала, и разрасталась, и заполняла их целиком.

Бразильский "Парнас"

Стихи Раймунду Коррейа, Олаву Билака, Алберту ди Оливейры, Жоана Круза-и-Соузы

Перевод и вступление Ирины Поляковой

О французских поэтах-парнасцах российским читателям известно немало. Их переводили, издавали, о них писали популярные статьи и серьезные исследовательские работы. Бразильский "Парнас" известен в нашей стране гораздо меньше. И по сей день среди любителей литературы нет-нет, да и звучит, что настоящий "Парнас" — это Сюлли-Прюдом и Леконт де Лиль, а остальные — пустые эпигоны, не создавшие ничего принципиально нового.

Безусловно, бразильская литература формировалась под сильным влиянием европейской, в первую очередь, португальской и французской. Бразильский "Парнас" в этом смысле вовсе не исключение, и даже более того — "Парнас" появился в Рио-де-Жанейрно в тот момент, когда в самой Франции это направление уже двигалось к закату, а в недрах его зарождались модернистские течения.

В самой Бразилии это был очень важный момент, когда европейские идеи и стили соединялись с национальной средой. Эти два потока в конце концов слились и породили удивительное явление, давшее начало богатой и самобытной бразильской литературе XX столетия. Бразильская поэзия постепенно обретала свое собственное мироощущение. Это была воистину эпоха великих потрясений — страна избавилась от рабства, монархии, диктатуры и связанных с ними застойных явлений в культуре и общественной жизни. В это время появляется столь необычное для бывших колоний явление, как столичная интеллигенция, окончательно сформировавшаяся к середине 90-х, когда появилась Бразильская академия литературы, ставшая центром интеллектуальной жизни страны. Местные поэты и прозаики перестали считать себя колониальными. И хотя стремление покорять европейские столицы окончательно не исчезло, куда более важным делом стало добиться признания в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро.

В этих условиях обязательно должно было появиться новое направление в поэзии — еще пропитанное европейскими чувствами, перенявшее классические европейские формы, но уже наполнившее их новым духом и новыми впечатлениями. Это была "научная школа", пронизанная духом французской революционной поэтики. Та самая школа, которая в конце концов назвала себя "Парнасом", подчеркнув тем самым, что формировалась под влиянием одноименной парижской группы и восприняла ее идеалы.

© Ирина Полякова. Перевод, вступление, 2017

Несмотря на то что в Бразилии поэтические течения появлялись порой в неожиданной для европейца последовательности, взаимоисключающие явления существовали порой одновременно, а границы между ними зачастую оказывались размытыми — романтизм все же был самым из них значимым. Но на рубеже веков он практически сошел со сцены, на смену ему пришел парнассизм. Точность образов заменила субъективные переживания лирического героя, а Творение заслонило Творца.

Самыми крупными его представителями стали члены "Великой триады" — Алберту ди Оливейра, Раймунду Коррейа и Олаву Билак. В дальнейшем к группе присоединились еще несколько поэтов.

Бразильский "Парнас", хоть и появился по примеру французского, все же не являлся точной копией последнего. Да, поэты "Великой триады" работали в тех же классических формах, что и их французские единомышленники, они стремились смотреть на вещи объективно, следовали лозунгу "научной поэзии", но тяга к социальной тематике у них выражена явно сильнее, как и субъективное отношение автора к происходящему. Если говорить о безусловно общем — то это лишь кристальная чистота формы и предельная точность поэтического языка. Граничащего с математическими формулировками. Во всем остальном бразильский "Парнас" — явление настолько своеобразное, что даже столетие спустя литературные критики не знают, в какие рамки его вписать. Можно сказать, что именно с этого момента бразильская литература пошла своим путем.

Бразильский символизм оказался явлением не менее своеобразным и пока еще недостаточно изученным. Крупнейший представитель этого течения, Жоан Круз-и-Соуза, хоть формально не был членом группы, но фактически еще являлся наполовину парнасцем, с его склонностью к публицистике и умением ставить социально острые вопросы. Он сам был символом изменений, происходивших в стране, — чернокожий поэт, ценой таланта и огромных усилий добившийся общественного признания. Он — сторонник классических форм, давший фактически новую жизнь сонету. Как и парнасцы, он старается передать свои чувства через некие внешние проявления. Но сам считает себя символистом и открыто это декларирует. Даже видней-шие представители бразильской литературы не были еще достаточно смелы, чтобы самостоятельно определить свое творческое направление. Впрочем, бразильские символисты гораздо ближе к своим французским учителям и единомышленникам, нежели бразильские парнасцы — к своим. Ориентация на внутренние переживания, ощущение трагичности ситуации, подчеркнутая метафоричность, переклички не только с французскими, но также и с русскими и скандинавскими символистами — этакое мировое единение поэтов, создающих искусство для искусства.

Литературный процесс непрерывен, и каждое новое поэтическое здание строится на фундаменте, созданном предшественниками, даже если сами литераторы это отрицают. Бразилия — земля, где еще много неизведанных литературных уголков. С некоторыми из них мы и предлагаем вам познакомиться.

Раймунду Коррейа

В*идение*

На синий холст луна взошла неспешно.
Мерцанье звезд. И тишь, и моря дрожь.
Магнолия грудь обнажает нежно,
А пальмы скрыл недвижный сумрак рощ.

Так ласков бриз, и все доступно взору:
Цветы в садах и зелень на лугах.
И песни фей струятся, и озера
Колышутся в уснувших берегах...

Там водопад — и путь ложится длинный, —
Вода меж скал пузырится, кипит!
Спешу туда, где плачет мандолина,
Пока земля, благоухая, спит.

И предо мной — видение живое;
Прекрасные мечты мои полны
Той, что лежит, укрытая листвою,
А мысли — к небесам устремлены.

Не чувствует она — коса златая
Дыханьем юга чуть расплетена,
Вдруг засмеется, детство обретая,
Заплачет — и опять взойдет луна.

Там — райский сад, и белой цаплей (Боже!)
Она лежит, так трепетна, мягка,
Тая любовь, спит на зеленом ложе,
И флер стыда прикрыл ее слегка.

О, гурия в прекраснейшем серале!
Расплелся локон. Вкруг нее — цветы,
А на устах — росинки заиграли,
Душа полна любви и чистоты.

Раймунду да Мота де Азеведо Коррейа (Raimundo da Mota de Azevedo Correia; 1859–1911) — поэт. Входил в группу "Парнас". Один из основателей Бразильской академии литературы. По образованию юрист.

Всегда по ней печалью грудь томится,
И радостная рвётся к ней мечта:
К ее душе моя душа стремится,
К ее рукам — хотят прильнуть уста.

Последний приют

О, чудный край! За золотой мечтою
Спешу сюда, где птиц слышны рулады,
В цветенье рощ — открыть природа рада
Чистейший клад, сокровище святое.

Здесь огненной сверкает высотою
Извечный день, и роскошь водопада
Все серебро свое являет взгляду,
И апельсин — сиянье золотое.

Здесь, среди роз и света — саван нежный
Ужасные пусть скроет разрушенья —
Что смерть любви, чуть вспыхнувшей, приносит.

Пусть мать-земля, порвав наряд небрежно,
В последний миг подарит утешенье,
На бренный прах — лоскут зеленый бросит.

Олаву Билак

Аншиета

О паладин! В деяниях опасных
Твой трудный путь отмечен чудесами,
И голос твой — навеки с голосами
Ветров и рек в чащобах непролазных.

Несешь любовь ты в проповедях страстных.
Индейцам, что за дикими лесами —

Олаву Билак (Olavo Bilac; 1865–1918) — поэт, журналист и переводчик, еще при жизни получивший от одного из ведущих литературных журналов титул “Принц бразильских поэтов”. Один из основателей бразильского “Парнаса” и Бразильской академии литературы.

Наивней птиц, влекомых небесами,
Злей хищников, жестоких и прекрасных.

О Сеятель! Бросая в души зерна
Надежд и грез, страну берешь без боя —
Но здешние шипы острее терна.

И сердце ты смирить бы смог любое.
Орфей, тебе и хищники покорны.
Святой Франциск. И птицы — пред тобою.

* * *

Взгляни же! Взор спокойный твой втекает
Мне прямо в сердце медленной волной
И золотистым отблеском ласкает
Заброшенность и тень глуши лесной.

Скажи хоть слово! Сразу засверкает
Сонм ярких звезд — веселый, озорной,
Во тьму небес их пламя проникает,
Рассыпавшись над летней тишиной.

О, говори! Смотри! Слеза блеснула,
Все в нежности нежданной утонуло.
В твоих зрачках — сверкание огня.

Твой голос тих — но слышу песнь сирены!
И вспыхнет луч в душе моей смиренной,
И этот свет — сейчас сожжет меня!

Рождество

Иисус родился! Небеса — без края!
Лучатся счастьем звонкие напевы!
Забилось сердце, целый мир вбирая,
Бескрайний мир — под ветхой крышей хлева!

Ни шелк, ни бархат тени не набросят
На лик Младенца — спит он в нищете.
Но бедняки — дары свои приносят
Тому, кто примет муку на кресте.

С улыбкой спит Младенец на соломе,
Его, склонясь, ласкает взором Дева.

И никого нет с ними рядом, кроме
Животных, под убогой крышей хлева.

Не в золотом родился он чертоге,
Хоть в этом месте мир царит и лад,
Он видел пред собою хлев убогий,
На бедных обратив свой первый взгляд.

Цари земные, грешны и богаты,
Шли к ним, избегшим Иродова гнева,
Ему несли цветы и ароматы,
Рожденному под скромной крышей хлева.

И гимн любви, ликуя, расцветает
В бескрайнем небе. Люди, Рождество!
Вся слава мира в том хлеву взрастает –
Любовь и всепрощение Его.

О Рождество! Там, из небес глубоких,
Струится счастье! Радостны напевы!
И – слава Богу нищих и убогих,
Рожденному под нищей крышей хлева!

Альберту ди Оливейра

Забытая перчатка

“Один лишь раз дала судьба лихая
Облечь ту руку тканью белоснежной,
Жизнь – словно шквал. Промчался, громыхая,
И подхватил, и обронил небрежно.

Я, как цветок печальный, засыхаю,
На сундуке, и, дар храня прилежно,
Все аромат изысканный вдыхаю,
Оставленный ее рукою нежной.

Альберту ди Оливейра (Alberto de Oliveira; настоящее его имя – Антонио Мариано ди Оливейра; 1859–1937) – поэт, университетский профессор, занимал высокий пост в правительстве штата Рио-де-Жанейро, был видным деятелем Республиканской партии. Идеолог группы “Парнас”. Отец-основатель Бразильской академии литературы.

Я — лишь сосуд, и лилии чудесной
Однажды здесь душа была сокрыта,
Но скоро я ничтожным прахом стану.

О, если б кто проник в сосуд сей тесный
И понял скорбь перчатки позабытой —
Сколь страшную он разглядел бы рану!”

Жоан Круз-и-Соуза

Звезды

Там, в небесах, непостижимых взгляду,
В печали Сферы, коей края нет,
Весна Любви сквозь безграничье лет
Бредет — и звезд трепещут мириады.

О, сколько тайн, стремящихся куда-то!
О, сколько душ спешат найти свой бред!
Жестокий мир! И плачут звезды. Свет
Плывет с небес, сверкающих богато!

Бутоны звезд, жемчужно-серебристы,
Раскрылись вдруг. И каждый луч их чистый
Безумною мечтой летит с высот.

Как знать? Не свет ли то эпох забытых?
Свет тысяч душ, в далеком прошлом скрытых?
И каждый луч тот — вздох людской несет?

Жоан Круз-и-Соуза (Joao da Cruz e Sousa; 1863–1898) — первый поэт-символист в литературе Бразилии. При жизни издал один сборник (два других вышли уже после смерти).

Наталия Константинова
Неделя продолжает жить

Даже если бегло просмотреть бразильскую прессу за этот год, нетрудно заметить, что она пестрит заголовками, в которых присутствует слово *Semana* (звучит как *Семана*, а в переводе значит *Неделя*). Вот несколько характерных примеров: "*Неделе* современного искусства исполнилось 95 лет"; "Празднование 95-го юбилея *Недели*"; "*Неделя* современного искусства продолжает жить в памяти"; "Медиа-сеть 'Глобу' отдает дань *Неделе*"...

Что же это за событие, которое оказалось в состоянии привлечь к себе внимание всех ведущих СМИ Бразилии, хотя речь идет о далеком прошлом и к тому же о дате не круглой? Ответ у всезнающих Яндекса и Гугла, конечно, есть. Но, по большому счету, у нас о бразильской *Неделе* ничего не написано. А ведь она действительно ознаменовала своего рода революцию в бразильской культуре.

Главным амфитрионом торжеств на этот раз, как и почти век назад, стал Муниципальный театр Сан-Паулу. Кроме того, в мероприятиях, посвященных литературной составляющей *Недели*, активно поучаствовали два дома-музея ее идейных вдохновителей и организаторов — Гильерми ди Алмейды и Мариу ди Андради. Музеи, кстати, государственные. Может быть, поэтому сегодня все очень серьезно и даже чинно.

Не так было 3 февраля 1922 года. В Программе, которую гости тогда получали при входе в театр, предлагалось осмотреть выставку молодых художников и скульпторов, демонстрировавших своими произведениями новые тенденции в изобразительном искусстве, послушать музыку в авторском исполнении и стихи. Но самое главное — устроители приглашали поговорить о состоянии национальной культуры. Звучало заманчиво. Не более того. И респектабельная публика, приглашенная на феерическое действо всех муз, не могла ясно представить себе, что ее ждет. Между тем первый "культурный шок" ждал уже в фойе, где экспонировались живопись и скульптура. Творчество молодых вступало в непримиримый спор с художественным вкусом и представлениями о "прекрасном", господствовавшими в бразильском обществе начала XX столетия. Лишь немногие гости проявили любопытство. Большинство же ис-

© Наталия Константинова, 2017

пытало подобие ужаса, не постеснявшись выразить вслух, со свойственным бразильцам темпераментом, свое неприятие увиденного. Но это были только "цветочки". Сюрпризы продолжились, когда приглашенные заполнили зрительный зал. Первым выступил известный писатель Граса Аранья с лекцией "Эстетическое переживание в современном искусстве". Оратор, лихо подогревая уже накалившуюся до предела эмоциональную атмосферу, беззастенчиво хвалил выставленные в фойе работы и подвергал уничтожающей критике замшелый академизм и косность в национальном изобразительном искусстве. Досталось и Бразильской академии литературы как своего рода фундаменту этого академизма. Пафос выступления Араньи заключался в необходимости освобождения искусства от пут прошлого с целью его радикального обновления, как в идейном, так и в формальном плане. "Где находится безошибочный критерий прекрасного? — обращался Граса Аранья к аудитории. — Этот критерий — не красота, а иное чудо. Оно в осуществлении связи с Космосом через эмоции, рожденные нашими чувствами, смутными и неопределенными, которые приходят к нам оттуда, открывая формы, цвет, звуки, ритмы, вкусовые ощущения, и ведут к высшему единству со всей Вселенной"[1].

1. Graça Aranha J. P. A emoçao estética na arte moderna. — Sao Paulo, 13.02.1922.

Несмотря на свое название, *Неделя* длилась три дня. Но каждый из них сопровождался обширной культурной программой. Лидировали, задавали тон, пожалуй, поэты и поэзия. Одна из декламаций вызвала особое негодование публики, когда Роналд ди Карвалью стал читать стихотворение своего друга Мануэла Бандейры "Жабы", в котором критиковались местные парнасцы, а также их последователи.

Следом за Роналдом ди Карвалью декламировал Гильерму ди Алмейда, затем выступили уже добившиеся к тому времени признания прозаики и поэты Менотти Дел Пикья, Мариу ди Андради и Освалд ди Андради. Вилла-Лобос вышел на сцену во фраке. При этом на одной его ноге был ботинок, а на другой — тапочек. Публика сочла такую манеру одеваться "футуристической" (что собственно и требовалось) и освистала гениального композитора и исполнителя. Не слишком дружелюбный прием не помешал ему исполнить свои камерные сочинения — "Сонату № 2" и "Трио для скрипки, виолончели и фортепьяно", созданные в 1916 году. Во втором отделении Роналд ди Карвалью прочел лекцию "Современная живопись и скульптура Бразилии". Лекция была прочитана под музыкальный аккомпанемент. Эрнани Брага исполнил "Мистический вальс".

Может показаться, что происходит ровно то же самое, что и в Европе, причем "прилетело" не только из Парижа. Авангард всегда своего рода интернационал. В конце концов, тапочек Лобоса или желтая коф-

та Маяковского, по сути, ничем не отличаются... Не совсем так. *Неделя* (*Семана*) имела собственный политический и мировоззренческий подтекст, свою глубину. Шел процесс формирования бразильской нации. И большой удачей и заслугой семанистов было то, что им удалось, усваивая новое иностранное, превратить его в нечто свое. Они руководствовались не только поисками новой эстетики, но и стремлением утвердить национальную культуру, обнажая ее корни и многообразие средствами искусства. Интеллектуалы, инициировавшие *Неделю* современного искусства, заявили о себе, когда действительно назрела необходимость отказаться от старых эстетических ценностей, чтобы освободить место для новых художественных форм и стилей.

Концептульная основа движения разрабатывалась "группой пятерых". В "пятерку" входили писатели и поэты Мариу ди Андради, Менотти Дел Пикья, Освалд ди Андради, художницы и скульпторши Анита Малфатти и Тарсила ду Амарал. Именно эта команда сформулировала идеи и представила образцы нового, модернистского искусства Бразилии. Его рупором стал журнал *Клаксон* — ежемесячное издание, первый номер которого печатается сразу после завершения *Недели.* С этим журналом сотрудничали такие известные деятели бразильской культуры, как Мануэл Бандейра, Ди Кавалканти, Анита Малфатти, Сержиу Буарки ди Оланда, Граса Аранья. Журнал публиковал эссе, хроники, критические статьи, графику. Предисловие к первому номеру можно считать программным документом.

Позже манифесты модернистских движений могли сыпаться как из рога изобилия. Но в каждом не составит труда уловить отголоски *Недели.* Например, *Пау Бразил* — направление, возникшее в 1925 году с выходом в свет одноименного сборника стихов Освалда ди Андради (так называется дерево, от которого произошло и название страны), — пропагандирует связь литературы с бразильской действительностью и зовет к "новому открытию Бразилии". Среди лозунгов (как и в манифесте предшественников) выдвигается необходимость сплава народной архаики и современности. В том что касается языка, предлагается отказаться от строгого соблюдения правил грамматики и пунктуации, очистить лексику от архаизмов и наукообразности, смело использовать неологизмы, то есть говорить "побразильски", "так, как мы говорим", пусть даже и с ошибками. Понятно, что сходства позиций здесь видны невооруженным глазом еще и потому, что и на этот раз ключевой фигурой стал Освалд ди Андради, так же как и три года спустя, когда появилось движение под осознанно провокационным названием "Антропофагия". В его Манифесте провозглашалось, что обновление искусства должно произойти благодаря "восстановлению индейских ценностей, высвобождению инстинктов и валоризации первозданности".

"Антропофагия" представляла собой более радикальное ответвление *Пау Бразил.* Участ-

ники этого движения выступали за "ритуальное *пожирание* европейских ценностей, чтобы преодолеть патриархальную капиталистическую цивилизацию" с ее с вопиющим социальным неравенством. Выход – в социальном плане – виделся в возвращении к коренным, неевропейским истокам, а в цеховом – к мифам и легендам народной культуры.

Особый интерес представляет движение *Верди-Амарелу* (*Зелено-желтое* – от цветов национального флага), которое разительно отличалось от всех предыдущих. Оно поставило задачу защищать национальные границы от иностранного культурного влияния. Тем не менее это было литературное модернистское движение, основанное поэтом и эссеистом Касану Рикарду, уже упоминавшимся Менотти Дел Пикья и Плиниу Салгаду – писателем, политиком и лидером крайне правой партии *Бразильское интегралистское действие*. Любопытный пример ангажированного искусства, пропитанного идеями итальянского фашизма. Они жестко критиковали "офранцуженный национализм" Освалда ди Андради, ратуя за *чистый национализм*, впрочем, черпающий вдохновение у автохтонного населения, в частности, индейцев тупи. Не случайно в Манифесте фигурировал парафраз *Tupi or not tupi, that is the question*. В качестве символа были выбраны идолы, которым поклонялись эти племена. "Желто-зеленые" были убеждены, что народная душа должна быть ведома политической и интеллектуальной элитой.

Распространение модернизма в географическую ширь, в бразильские штаты, происходит в период с 1926-го по 1930 год. В 1926-м появляется *Манифест регионализма*, заложивший основы нового движения. Оно издает свой журнал. Читаются лекции, организуются выставки, проводятся конференции. Основная цель – способствовать объединению всех северо-восточных штатов в русле новых модернистских тенденций.

К северо-восточному регионализму принадлежат выдающиеся писатели Бразилии – Грасилиану Рамус, Жозе Линс ду Регу, Ракел ди Кейрос и, наконец, писатель с мировым именем, некогда любимый (и заслуженно) в нашей стране, – Жоржи Амаду, все творчество которого неразрывно связано с Северо-Востоком. Регионалистическое движение хронологически знаменует собой вторую фазу модернистского движения.

Последователей *Недели* вряд ли получится перечислить. И даже компьютерные счеты не помогут. Многие художественные течения и движения, появившиеся годами и десятилетиями позже, во второй половине XX века, можно считать продолжателями эстетики, первоначально представленной на *Неделе* в феврале 1922 года. Причем не важно, о какой сфере культуры пойдет речь: в литературе – Эрику Вериссиму, Клариса Лиспектор, Осман Линс, Клаудиу Агиар, Рубем Фонсека; в кино – Глаубер Роша; в музыке – *тропикализм*, *песни протеста* и *босса-нова*; в архитектуре – творчество Лусиу

Косты и Оскара Нимейера; в театре — *Лира Паулистана* в Сан-Паулу (названо в честь одноименной книги Мариу ди Андради), теория и театральная практика Аугусту Боала, пьесы Плиниу Маркуса. Современные бразильские искусствоведы находят прямую связь между ставшим столь популярным в стране граффити и творчеством Тарсилы ду Амарал.

К сожалению, так бывает. Немногие из современников сразу же сумели по достоинству оценить эстетическую и мировоззренческую значимость деятельности семанистов. В течение довольно длительного времени в оценках преобладали мнения агрессивного большинства, консерваторов. Зато сегодня *Неделя* продолжает жить, связывая творчество нескольких поколений бразильской художественной интеллигенции в культурную традицию.

Именно семанисты сделали бразильскую литературу интересной миру. Они как наш *Серебряный век*... Хотя нет. Снова не совсем так. В Южном полушарии все наоборот: сначала *Серебряный век* (*Неделя*), а потом *Золотой* — современность, которая тоже начинается с них.

Рафаэл Теодору

Общество неграмотных: быть умным для подростка становится преступлением

Перевод Максима Тютюнникова

Если ты подросток, это вовсе не значит, что у тебя стоит штамп в паспорте, санкционирующий безнаказанное поглощение всякого культурного мусора, ведь не думаем же мы, будто мозг подростка пребывает в состоянии атрофии вплоть до совершеннолетия.

О подростковом возрасте сказано уже многое. И в самом деле, у психологов и психоаналитиков рассуждения об этом этапе становления личности — одна из излюбленных тем. Мнения весьма разнообразны, от "трагедии расставания с детством" до банальной "фазы физиологической и психологической трансформации", определения можно найти на любой вкус и размер. Уже появилось даже клише "раздраженный" в отношении подростка.

И в связи с этим мне сразу видятся две проблемы. Первая и самая очевидная: идея "подросткового периода" берется на вооружение, в основном, родителями, не имеющими ни малейшей научной подготовки, позволяющей разобраться в том, с чем они имеют дело. Именно так: большинство родителей воспитывает детей, не имея понятия ни о психологии, ни о психоанализе.

Далее: родителям-воспитателям, не склонным к глубоким размышлениям о сущности воспитания, легче "купить" идеи, продающиеся в популярных книгах типа "сам себе психолог", которые почти никогда не дают критического анализа юности, рассматривая ее как некий безобидный "обряд инициации" при переходе в мир взрослых. Я уже и не говорю о тех крайних случаях, когда родители верят конъюнктурщикам, сбывающим явно антинаучные рецепты "укрощения молодежи", начиная с "инструкций о том, как сделать своего ребенка гениальным, как Эйнштейн, заставляя его с колыбели слушать Моцарта, ибо классическая музыка очищает ум младенца", заканчивая вечно осуждаемыми практиками, доставшимися нам в наследство от суровой диктатуры ("палочная педагогика"). Подросток, — учат

© Максим Тютюнников. Перевод, 2017
Статья публикуется с любезного разрешения издания Revista "Bula".

подобные книги, — это человек в "фазе трансформации". Поэтому он, естественно, слегка недоделанный, слегка дезориентированный, если не сказать неряшливый, в частности, и в том, что касается его собственного умственного развития. Обыденное сознание рассматривает подростка лишь как эскиз, написанный смывающейся краской, который значительно позже переписывается начисто красками с палитры культуры и интеллекта.

Очевидно, что серьезные исследователи такого не менее серьезного предмета, как психология подростков, должны отмести с порога эти вульгарные представления. Стоит лишь обратиться к историографии, как некоторые мифы мгновенно рушатся. Первый из них — это идея подросткового этапа, существующая вне истории и вне времени. Те, кто разделяет подобные идеи, не осознают, что пубертат, понимаемый как половое созревание, не обязательно описывался в рамках "идеологии подросткового периода". Подростковый этап на самом деле современное "изобретение".

Именно это имеет в виду Контардо Каллигарис[1], говоря: "Наши подростки любят, учатся, спорят, работают. Сражаются со своими телами, которые вытягиваются и меняются. Борются со сложностями взросления в непростых условиях современной семьи. Как говорят теперь, они ищут себя и временами себя находят. Но, кроме того, им приходится бороться с подростковым периодом (переходным возрастом), созданием несколько пугающим, питаемым воображением и подростка, и родителей. Мифом, созданным в начале XX века, особенно набравшим силу после Второй мировой войны".

Создав миф о "подростковом этапе", мы вызвали к жизни и вторую проблему, куда более серьезную. Речь идет о концепции, согласно которой фаза психологической трансформации, пора взросления, может оправдывать любые бестолковые культурные эксперименты и даже недостаток интеллектуального развития. Если придерживаться этой точки зрения, молодой человек свободен осваивать самый разнообразный культурный опыт, в том числе отказываться от преждевременной "интеллектуализации". В принципе, будь наше общество идеальным, это не представляло бы никакой проблемы. Молодому человеку контакт с различными культурными течениями мог бы принести пользу, мог бы способствовать расширению его горизонтов.

Но в том-то и дело, что мы живем не в идеальном обществе. Мы живем в обществе, ориентированном на потребление кича. А подросток оказывается наивной и почти беззащитной жертвой капиталистической культурной индустрии, которая не требует ни рассуждений, ни интеллектуальных усилий.

1. Контардо Каллигарис — итальянский писатель, драматург и психоаналитик, обосновавшийся в Бразилии. Колумнист газеты "Фолья ди Сан-Паулу", автор книги "Подростковый период". (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Оглупление молодежи

В рамках культуры, производимой в промышленных масштабах, когда речь заходит о "современных" подростках, молодежи "глобально-цифровой эры", сразу возникает образ персонажа, напрочь лишенного элементарного критического мышления. Ведь тому, кто находится в "стадии трансформации", можно все: от танцев под безграмотные песни Мистера Катра[1] до просиживания часами перед телеэкраном и поглощения пошлых мелодраматических сериалов (в 18, 19, 20, 21 и 22 часа); от потребления бесконечных кассовых голливудских блокбастеров до того, чтобы "болеть" за жертв клинического идиотизма из экипажа "корабля дураков" реалити-шоу, — все это только "этап", это они еще "перерастут". На самом деле, в катехизисе капитализма, написанном для юных потребителей, выражение "наслаждаться молодостью" — это синоним выражения "тупо тусоваться".

При этом представители индустрии культуры, в отличие от большинства родителей, оценили значение мифа о современном подростке. Оставляя эмоциональные кризисы, характерные, как принято считать, для этого периода, на откуп психологам и психоаналитикам, они силой "запихивают нам в глотку" стереотип подростка — тупого животного, никчемного бесчувственного юнца. Чтение презирается как "школьное занудство", пошлые песенки типа "Эз май лави"[1] выдаются за поэзию — как будто непреходящую ценность может иметь нечто столь низкосортное и примитивное, словно оно создано в творческом порыве колонией анаэробных бактерий.

В мире музыки появляется формула для взращивания звезд под названием "Boys Band"[2] — лихо отплясывающие смазливые мальчики, поющие песенки с припевом слаще, чем малиновый сироп. Они запросто становятся любимцами девочек, едва-едва освоившихся с тем, что у них регулярно наступают месячные. Имеются также поп-певицы уровня Бритни Спирс и Майли Сайрус, которые "вдохновляют" целое поколение своим "талантом" провоцировать скандалы, профессионально используемые для маскировки недостатка вокальных данных и неспособности точно попадать в ноты — вещей совершенно неприемлемых для тех, у кого есть хотя бы минимальные представления о музыке.

Реакция родителей, в основном, состоит в том, чтобы держаться на равном удалении от противоборствующих сторон (ребенка и его культурного формирования). Они оставляют подростка на попечение телевизора (школа в Бразилии

1. Мистер Катра — сценический псевдоним современного бразильского композитора и певца, настоящее имя которого — Вагнер Домингес Коста.

1. "Ex-my love" — популярная песня Велозу Диаса, в которой все слова на португальском языке и только начало припева звучит так: "Эз май лави".
2. "Мальчиковые группы", ансамбли, состоящие из мальчиков.

уже давно не является ядром интеллектуального развития общества), обрекая его на жизненный путь по образцу сериала "Кружева", мыльной оперы, десятилетиями представляющей мелодраму из жизни молодежи среднего класса, персонажи которой больше беспокоятся о том, с кем потусоваться на дискотеке, чем о сдаче вступительных экзаменов в университет (если вообще в этом тоскливом сериальном мире найдется место университету). Есть даже "юные духом" родители: они "ловят волну" и по полной переживают (или про-живают?) потерянную юность в самых бессмысленных ее проявлениях. И вот они вместе с детьми стоят у дверей клубов, где по полгода выступают одни и те же артисты. "Это просто этап, — говорят они, пытаясь оправдать непростительное отсутствие критического видения, заставляющее их попусту терять время. — Скоро пройдет".

Гонения на ум

Подобное прекраснодушие не способно, однако, скрыть культурный упадок, проистекающий из всего вышесказанного. Молодежь потребляет телепрограммы и тексты песен, которые повышают и без того заметный уровень функциональной неграмотности бразильского общества. И мало того. Начинается травля тех, кто сопротивляется стереотипу оглупления молодежи. Если, к примеру, молодой человек принимается разбирать классические партитуры, он тут же становится "ненормальным", "чудиком", ведь все его друзья, играющие на том же инструменте, извлекают аккорды, напевая песни, в которых рифмуется "любовь" и "кровь" или пересчитываются "звезды в небе, за которыми я отправлюсь". Нельзя не упомянуть также произведения, где фигурируют "матросы и солдаты, которые не женаты" — эти герои постмодернистской трагедии интеллектуалов. Так же, если подросток начинает читать Машаду ди Ассиза или Жозе де Аленкара, под чудесным воздействием природного ума, бесконтрольно толкающего его к познанию, то на людях он должен вести себя осторожно. Подобная неординарность в выборе бразильской литературы для самостоятельного чтения не в рамках обязательной школьной программы и не для подготовки к экзаменам может повлечь за собой насмешки и унижение, начиная от эпитетов "зануда" и "ботаник", прозвищ которыми не станет гордиться ни один подросток, доходя, в худшем случае, до крайних проявлений детско-подростковой агрессии, выражающейся в насильственных действиях в отношении юного интеллектуала. А если этот самый подросток позволит себе читать книги по философии, это уже грозит самостоятельным мышлением. И не удивительно было бы, если б его родители, одураченные мифом о современных подростках, попытались пресечь это в судебном порядке, по возможности отправив юношу на принудительное психиатрическое лечение, где его спасли бы от любых философских размышлений.

Вот такое нам грозит будущее. В функционально негра-

мотном обществе быть умным в подростковом возрасте становится "преступлением". Стало быть, любые проявления ума должны быть преследуемы и наказуемы, дабы, дисциплинируя тело и рассудок, предотвратить разрушение оков, которые одни только спасают нас от "бунта носителей культуры" против технологии конвейерного производства душ, выстроившей тюрьму, фундаментом которой стал миф о современном подростке.

"На самом деле это были бунты на уровне тела против самого тела тюрьмы. Протестовали не против слишком примитивной или слишком антисанитарной, слишком отсталой или слишком совершенной тюремной обстановки, а против самого материального существования тюрьмы как инструмента и вектора власти; против всей технологии власти над телом, которую технологии "души" — осуществляемой воспитателями, психологами и психиатрами — не удается ни замаскировать, ни компенсировать по той простой причине, что сама она является одним из ее орудий" (Фуко)[1].

В заключение повторим, что существует целое направление в культурной индустрии, предназначенное для подростков. Хотя тинейджеры — "изобретение" современное, это такая же рыночная ниша, как и любая другая. Для нее изготавливают артистов, поющих под фонограмму и собирающих стадионы, романы о юных ведьмах и вампирах, журналы, выбирающие "мисс" или "мистера" чего-то там. В этом "подростковом мире" работать моделью — предел мечтаний, блокбастеры Майкла Бэя важнее, чем фильмы Ингмара Бергмана, совершенно нормально быть истеричным фаном, поселяющимся в палатке у дверей концертного зала за несколько месяцев до долгожданного выступления своего кумира, или юным религиозным фанатиком, который с Библией под мышкой отправляется "очищать человечество от скверны", совершенно не обладая способностью критического анализа.

К счастью, как обычно бывает с любым правилом, и здесь есть свои исключения. Истории известны имена великих художников, чей талант проявился очень рано. Как раз в подростковом возрасте.

П*ример* Р*ембо*

В литературе самым значимым, несомненно, является пример Артюра Рембо. Великий представитель французского символизма создал свои шедевры, будучи еще подростком. И рано вписав свое имя в пантеон великих писателей, он так же рано перестал писать стихи, оставив это занятие, едва перешагнув двадцатилетний рубеж. И по сей день это самое печальное "прощай" в истории литературы. Ранний гений, желавший превзойти самого себя даже в отречении от поэзии.

1. Мишель Фуко "Надзирать и наказывать". Перевод Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой.

Как верно отметил Иву Баррозу[1]: "Его стремление превзойти всех и вся — но более всего, превзойти себя самого — заставило его, даже понимая, чего он достиг на поэтическом поприще, бросить все, чтобы завоевывать не поэтические, антипоэтические рубежи, отдавшись новому приключению с той же страстью, с какой он отдавался поэзии. Настоящий ранний гений? Поразительный случай высшего предначертания? Жизнь в два этапа, дополняющих друг друга? Я сказал бы: человек, которому удалось прожить две жизни, и обе с полной отдачей. Наконец, человек дважды прошедший через Ад!"

Но, возможно, не совсем правомерно приводить в качестве юного интеллектуала Рембо. Дело в том, что французский поэт принадлежал другому веку и, стало быть, обществу, устроенному совершенно иначе, чем наше. Поэтому я подобрал пример из нынешней эпохи — очень юной певицы, которая, даже будучи "поп", доказывает, что можно быть подростком, не теряя при этом изысканности и вкуса.

Пример Бёрди

Достойный пример юного таланта в поп-музыке — певица Жасмин ван ден Богард. Она родилась в 1996-м в Англии, Лимингтоне графства Хемпшир, и более известна как Birdy (птичка *англ.*) — детское прозвище, данное ей родителями. Взяв его в качестве сценического псевдонима, всего лишь в пятнадцать лет она записала отличный альбом.

Вышедший в ноябре 2011-го альбом с тем же названием, "Бёрди", состоял в основном из кавер-версий. Тонкость в том, что это были версии песен из репертуара групп, принадлежавших к жанру так называемого "инди-рока", большая часть которых была неизвестна широкой бразильской публике. Риск, что такого рода альбом окажется очередным образцом пустой подростковой сентиментальности, был велик: достаточно было добавить немного призывных завываний, и появилась бы еще одна коммерчески успешная певица-подросток, трудящаяся во здравие продюсеров и импресарио музыкальной индустрии. Но то, что звучит в "Бёрди", совершенно иного свойства. Есть юная певица — даже очень юная, — гармонично сочетающая игру на фортепьяно с поставленным голосом очень элегантного тембра.

Первый трек "1901" сразу дает понять, насколько Бёрди выше того, чем увлекается большинство подростков. Ей удалось воссоздать песню, изначально записанную группой "Феникс", абсолютно целостно и с таким вокальным изяществом, какое редко встречается сейчас в поп-музыке.

Это могло бы оказаться лишь счастливой дебютной вспышкой. Но сомнения улету-

1. Бразильский переводчик поэзии, перу которого принадлежат переводы полного собрания стихотворений Артюра Рембо на португальский язык.

чиваются по мере прослушивания следующих треков. И в "Skinny Love"[1] и в "Shelter"[2], оригинальные записи которых принадлежат соответственно группам "Бон Айвер" и "Экс экс", становится ясно, что создатели альбома прекрасно сумели раскрыть талант девочки, подчеркнув тембр ее голоса печальным, а потому приятным, звучанием.

В песне "People Help the People"[3] группы "Черри Гост" особенно проявилась зрелость Бёрди и ее превосходный вкус, аккорды пианино ясно слышны, даже когда вступают остальные инструменты (ударные, контрабас и виолончель), нисколько не опошляя эмоциональность ее исполнения. В треках "Terrible Love"[4] группы "Нэшнл" и в "The District Sleeps Alone"[5] группы "Постал Сервис" прекрасно звучит соло фортепьяно Бёрди. Так понимаешь, что она не только профессиональная певица, но и хорошо владеет инструментом (что неудивительно, ведь ее мать профессиональная пианистка).

И даже когда Birdy решается создать кавер-версии известнейших вещей, таких как "Fire and Rain"[6] Джеймса Тейлора и "Farewell and Goodnight"[7] группы "Смэшинг Памкинс", ей удается привнести в них нечто свое: изящный и выверенно эмоциональный вокал.

1. "Исхудалая любовь" (*англ.*).
2. "Убежище" (*англ.*).
3. "Люди помогают людям" (*англ.*).
4. "Ужасная любовь" (*англ.*).
5. "Район одиноко спит" (*англ.*).
6. "Огонь и дождь" (*англ.*).
7. "Прощай и доброй ночи" (*англ.*).

Тем, кому захочется в полной мере оценить талант Бёрди и богатство ее голоса, я советую купить кавер-версии английской певицы вместе с оригинальными записями тех групп инди-рока, из которых они были взяты. При таком сравнении, исключая разве что "Comforting Sounds"[1] группы "Мью" (очень хорошей и в оригинальной версии с соло электрогитары), становятся особенно заметными необыкновенные способности этой артистки. Я рискнул бы даже сказать, что, если бы не мастерское звучание фортепьяно Бёрди, я не ценил бы эти песни так, как ценю теперь. Вероятно, о некоторых из них не узнал бы вовсе.

Талант, критический взгляд и вкус

Поскольку дебютный альбом кавер-версий имел успех, естественно, что музыкальная критика бросила Бёрди вызов, знакомый любому артисту из мира музыки: в следующем альбоме от нее ждали неизвестных композиций, в основном собственных. Между тем на вопрос о том, умеет ли юная англичанка сочинять музыку так же хорошо, как она играет на пианино и поет, ответ прозвучал уже в этом первом альбоме, ведь трек "Without a Word"[2] подписан ее именем.

Должен сознаться, что изысканный и печальный го-

1. "Утешительные слова" (*англ.*).
2. "Без единого слова" (*англ.*).

лос Бёрди особенно обрадовал меня той легкостью, с которой он вернул мне песню одной из моих любимых исполнительниц: американки Фионы Эппл. Они схожи даже ранним профессионализмом. Ведь Фиона Эппл выпустила блестящий альбом "Tidal"[1], когда ей было всего девятнадцать. И Бёрди, будучи еще подростком, уже разгорается яркой звездой среди певиц новейшего поколения в жанре "поп", все менее гостеприимно встречаемых исполнителей качественной музыки.

Имея перед глазами примеры таких художников, как Рембо в литературе и Бёрди в музыке, нельзя вновь не вернуться к рассуждениям о подростках. Как же люди, еще очень молодые, могут проявлять столь высокий художественный вкус? Неужто они получили вакцину против отупляющего стереотипа? Или это лишь "счастливая случайность" в мире искусства?

Мне лично хочется верить, что секрет — в отказе от шаблонов. Разрушение оглупляющего стереотипного представления о подростках в современном мире может произойти благодаря пониманию философского смысла этого мифа, особенно в его связи с культурной индустрией. На самом деле, не существует никаких препятствий для того, чтобы молодой человек проявился как юное дарование в области искусства или науки — хотя в последней это случается крайне редко. Нужно иметь в виду, что, если ты подросток, это вовсе не значит, что у тебя стоит штамп в паспорте, санкционирующий безнаказанное поглощение всякого культурного мусора, ведь не думаем же мы, будто мозг подростка пребывает в состоянии атрофии вплоть до совершеннолетия. Наоборот, необходимо, чтобы родители осознали то, о чем философы твердят веками: талант, критический взгляд и хороший вкус не зависят от биологического возраста. Более того, чем раньше будут достигнуты эти вершины, тем лучше для молодежи и для общества, которое именно на юных возлагает свои надежды на будущее культуры. Будущее более достойное. Более мудрое.

1. "Прилив" (*англ.*).

Алексей Иващенко

“Вдоль по тропинке прибрежной...”

...Легенда гласит, что все было именно так: они сидели в маленьком кафе на пляже Копакабана в Рио-де-Жанейро и любовались не то закатом, не то рассветом — история умалчивает. И день за днем наблюдали за удивительной красоты девушкой, грациозной походкой проходившей мимо них. Они сочиняли песни, они хотели покорить мир; разумеется, они написали песню об этой прекрасной незнакомке. Через несколько месяцев “Девушку из Ипанемы” Антониу Карлоса Жобима и Винисиуса ди Морайса действительно пел весь мир. А еще года через полтора вокруг дома Элоизы Энеиды Менезес Паес Пинту вдруг стайками забегали репортеры и фотографы — в случайном разговоре Винисиус рассказал кому-то, про кого была написана эта знаменитая песня...

Поэта и композитора свел вместе театр — они начали сотрудничать за несколько лет до этого во время работы над пьесой “Орфей из Консейсана”, которую Винисиус ди Морайс, бразильский поэт и дипломат, написал в 1954 году. Пьеса победила в конкурсе драматургии в Сан-Паулу, и для написания музыки к ее постановке был привлечен Антониу Карлос Жобим, тогда еще не слишком известный композитор из Рио. Так началась совместная работа двух удивительных людей, заложивших основы нового направления бразильской музыки — босса-новы.

Говорят, что именно Том Жобим (как его стали называть на американский манер после бешеного успеха его музыки в Штатах) самолично придумал название этой новой музыке. Bossa в переводе с португальского дословно означает шишка или холмик, однако в пятидесятые годы прошлого века в Бразилии это слово имело очень распространенное жаргонное значение — что-то типа “фишка” или “мулька”. Действительно, точнее не скажешь...

Официально первым произведением нового стиля, в каком-то смысле его манифестом, считается песня “Chega de

© Алексей Иващенко, 2017

Saudade"[1], написанная Жобимом и Морайсом в 1958 году. Таким образом, жанру босса-новы скоро исполнится 60 лет.

Они как-то очень здорово "совпали" друг с другом, они написали вместе десятки песен, многие из которых стали известны во всем мире и превратились в "джазовые стандарты" — музыкальные темы, которые любой джазовый музыкант знает наизусть и может, не задумываясь, сыграть в любой тональности. Соединение традиционной бразильской песенной и танцевальной музыки, ритмов самбы с гармонической структурой американского джаза дало совершенно невероятные результаты — босса-нову запел весь мир. Правда, не сразу...

...Говорят, что после увольнения за опоздания на репетиции из группы "Парни с Луны" карьера самодеятельного певца Жоана Жилберту стремительно понеслась вниз — семь лет он катился по наклонной плоскости, курил марихуану, жил где придется, сутками бренчал на гитаре, прежде чем встретил Антонио Жобима, нашел свой единственный и неповторимый стиль и стал великим Жоаном Жилберту. Синкопированный ритм гитарного аккомпанемента и внешне почти безэмоциональная, удивительно спокойная манера исполнения Жилберту идеально совпали и с музыкой Жобима и со стихами Морайса. Музыка нашла своего проводника.

Можно понять многочисленных подражателей, появившихся почти сразу — это казалось так просто: тихий голос, несколько сыгранных как бы "не в такт" аккордов на гитаре — и вот он, успех! Одно время бытовало даже мнение, что для исполнения босса-новы никаких особых талантов не нужно — пой себе, как душа велит, и все получится. Не попадающие в ноты, но при этом вполне довольные собой певцы вдохновили Жобима и еще одного его соавтора, поэта и музыканта Ньютона Мендонсу на написание песни. Так появилась "Desafinado" — в дословном переводе "мимо нот, фальшиво", — песня человека, не обладающего музыкальным слухом, но обожающего петь.

Зря ты мне твердишь, что иногда я
Неточно в ноты попадаю...
Безупречный слух и красоту твою

1. Saudade — очень емкое слово, которое означает не просто тоску, а чувство нехватки чего-то или кого-то далекого или давнего. С учетом этого, название песни может быть очень условно переведено, как "Хватит уже тосковать по тебе".

Поровну ценю я.
Сам же, извини, но как могу, так и пою.

Вовсе я пою не мимо нот, мой друг.
Это просто очень тонкий ход, мой друг.
Обидеть музыканта — просто пара пустяков,
Не сумев понять, что новый стиль таков...

Если строчка сердцем напевается,
Это босса-нова называется.
Знай, не так уж важен абсолютный слух.
Оттого всегда фальшивит тот, кто сердцем глух.

Ответь мне, наконец, на мой простой вопрос:
Ну разве можно к звукам относиться так всерьез?
И почему на наших фотографиях
У тебя такое умное лицо.

Если страсть в груди не умещается, мой друг,
Людям песни петь не запрещается, мой друг,
Ведь сердце, как известно,
От любви всегда поет.
То на счастье пылко уповая,
То вдруг от обиды дыханье сбивая,
Ведь любовь — материя живая,
Ей не надо точных нот[1].

По иронии судьбы именно эта песня, написанная почти что в шутку, принесла Жобиму первый настоящий успех в Америке. Афиши его первых американских гастролей гласили: "А. К. Жобим, автор "Дезафинаду". А потом эти песни были исполнены самыми именитыми певцами — и Фрэнк Синатра, и Элла Фитцджеральд, и многие другие пели босса-нову, немало способствуя ее мировой популярности.

Мы, советские люди, эту музыку знаем с юных лет — железный занавес, довольно плотно отсекавший нас тогда от западной песенной культуры, для этих небесных мелодий сделал небольшое исключение. При этом говорят, что в целом партийное руководство СССР босса-нову осуждало, как водится, считая ее "проектом ЦРУ". Тем не менее мелодии эти все-таки звучали, иногда почему-то под вывеской "музыки

1. Перевод Алексея Иващенко и Ирины Богушевской. Остальные переводы в тексте — Алексея Иващенко. (*Прим. составителя.*)

французских композиторов". Музыка эта вдруг оказалась удивительно близка и созвучна русскому сердцу. Возможно, сказалась наша безотчетная тяга к стране, где все ходят в белых штанах и много-много диких обезьян. А может быть, все проще — и музыка эта созвучна не только нам, а множеству самых разных сердец по всей планете; не зря босса-нову поют и по-английски, и по-французски, и по-итальянски, и по-немецки, и даже по-фински!

Первоначально идея сделать близкие по характеру к оригиналу переводы этих песен на русский язык и спеть их пришла Ирине Богушевской — удивительной певице и поэтессе, автору прекрасных песен; увлечь меня этой идеей было совсем нетрудно. Во-первых, я неоднократно слышал от не говорящих по-русски иностранцев, что русский и португальский языки фонетически им кажутся очень похожими, вплоть до того, что группу разговаривающих между собой русских, например, в аэропорту, они не могут отличить (как минимум на слух) от группы разговаривающих между собой бразильцев! А во-вторых, мне всегда хотелось понять, про что они там поют. То есть в целом-то все понятно — любовь, грусть, верность, дружба, радость, печаль... Но это все — с английского, на который босса-нова была переведена сразу после появления, в 60-е годы. А почему-то казалось, что в оригинале, по-португальски, все как-то немножко по-другому.

Португальского я не знаю, Ирина — тоже, пришлось найти людей, которые знают его достаточно хорошо, чтобы сделать "художественный подстрочник", передающий аромат оригинала. Оказалось, что в оригинале все действительно по-другому. И не немножко. И не только по смыслу, но и фонетически. Ритмическая основа, внутренние ударения, способы рифмовки — все это в английской версии отличалось от бразильского оригинала. А оригиналы оказались совершенно чарующими.

Мы с Ириной попытались сохранить этот аромат...

Вдоль по тропинке прибрежной
Над кручей отвесной,
Легка и прелестна,
Почти бестелесна,
Походкой небесной
Проходит она.

Столь грациозна, пленительна
И несравненна,
Что каждый готов

Угодить в этот плен, но
Она неизменно
Проходит одна.

И, словно громом, на месте
Вновь поражен наповал я.
Той красотой в каждом жесте,
Что в мечтах лишь себе рисовал я.
О, почему мы не вместе?..

И, растворяясь в сиесте,
Вновь я любуюсь украдкой
Той красотой в каждом жесте,
Что терзает мой разум загадкой.
О, почему мы не вместе?..

О, почему, словно две нерифмованных строчки,
Стремясь обойти запятые и точки,
Мы поодиночке
По жизни идем!
Идем и идем...

...Говорят, что когда в 1959 году "Орфей из Консейсана" экранизировался, продюсер будущего фильма попросил авторов написать новые песни — ему не хотелось использовать музыку из театральной постановки. Морайс в это время работал в посольстве Бразилии в Уругвае; по телефону они с Жобимом смогли сочинить всего три песни. Однако Жобим посоветовал продюсеру и режиссеру обратиться к своему другу, гитаристу Луису Бонфа, которого считал очень талантливым мелодистом. Песня "Утро карнавала", появившаяся в результате сотрудничества Луиса Бонфа и поэта Антониу Мария стала еще одним мировым хитом, написанным в стиле босса-новы. Фильм "Черный Орфей", кстати, получил целый букет наград, среди которых — "Оскар" за лучший зарубежный фильм. А песня "Утро карнавала" добралась-таки и до Советского Союза и в 1964 году прозвучала в фильме "Зеленый огонек", правда, как водится, по-французски и без указания авторов...

О, как это утро светло.
Ночь тает, и время пришло
Бродить, теряя покой,
В тени стены городской,
Куда людскою рекой
Нас принесло.

Мне сладок мой сон наяву,
Я завтрашний день не зову –
В потоке людском,
Безумством влеком,
С тобой рядом плыву.

И, часов не считая, шумит карнавал,
Что навек меня заколдовал...

Жобим и сам иногда писал стихи для своих песен, один из общепризнанных мировых песенных шедевров – "Corcovado" – написан композитором на свои стихи. Корковадо (в переводе с португальского – горбун) – это гора в Рио-де-Жанейро, прямо в черте города. На ее вершине стоит знаменитая 38-метровая статуя Христа-Искупителя, раскинувшего руки в стороны и как бы обнимающего весь мир...

Бесконечный свет луны,
Еле слышный звук струны –
Счастье тех, кому так мало надо.
И затихли до утра
Море, небо и гора
С именем волшебным Корковадо,
Боже, как прекрасно...

Я хочу, от суеты
Скрывшись там же, где и ты,
Жить да быть пока пылает пламя.
В своей благословенной
Таинственной вселенной,
Что нам была подарена судьбой,
В тот миг, когда мы встретились с тобой.

Антониу Карлос Жобим умер от сердечного приступа в 1994 году. Он был очень плодовитым композитором и писал песни до самых последних дней. Его музыка стала не просто национальным достоянием – она прославила бразильскую культуру и стала одной из самых настоящих бразильских "фишек". Но, отдавая должное великому новаторскому таланту композитора Жобима, мы не должны забывать и о литературной основе его песен – удивительных, легких, лаконичных и глубоких стихах поэта Винисиуса ди Морайса, Ньютона Мендонсы, Антониу Мария и других его соавторов.

Владимир Ильинский
Футбол как искусство

С чем у вас ассоциируется Бразилия? Только отбросьте ставшую крылатой фразу из фильма “Здравствуйте, я ваша тетя” о лесах, “где много диких обезьян”.

С кофе? Со знаменитыми карнавалами? С зажигательными танцами?

Все так, но, уверен, почти каждый скажет: “Конечно, с футболом”. И будет прав. Ибо бразильский футбол — это нечто особенное. Это не просто хорошая игра, это некая разновидность искусства. Пластикой бразильцев, их умением обращаться с мячом не обладает больше никто в мире. Они не бьются на поле, как гладиаторы, они именно играют. Забейте нам, сколько сможете, как бы говорят они, а мы забьем столько, сколько нужно для победы. Да, они иногда проигрывают, бывает, даже крупно (что, правда, случается крайне редко). Порой бразильцам, как ни парадоксально, мешает их стремление играть красиво и эффектно. Им по природе чужд практицизм, чем так часто пользуются, к примеру, итальянцы, ближе всех подобравшиеся к бразильцам по количеству побед в чемпионатах мира. Но независимо от результатов бразильский футбол — это знак качества. Комментаторы всего мира, увидев мягкую остановку мяча, который словно прилипает к ноге игрока, восклицают: “О! Бразильская техника!”. А у бразильцев меняется поколение за поколением, а эта техника и пластичность никуда не деваются. Во многих странах при смене поколений случается провал, и требуются даже не годы, а десятилетия, чтобы вновь вернуться в число сильнейших. Бразильцам же требуется пара месяцев, и они снова одни из лучших, если не лучшие.

Как это у них получается? Почему именно Бразилия дала миру столько великих футболистов? Они и сами не знают. У них нет ответа. Может, гоняя с раннего детства мяч на песчаных пляжах, они учатся технике обращения с ним? Или дело в чем-то другом? Может, дело в национальном отношении к футболу? Говорят, чтобы понять душу бразильца, нужно увидеть его реакцию на мяч, влетающий в ворота противника.

© Владимир Ильинский, 2017

Говорят, в Бразилии нет ни одного человека, который бы хоть раз в жизни не ударил ногой по футбольному мячу. Говорят, в Бразилии не найти людей, не знающих футбольных правил. В небольших городках по случаю приезда известной команды закрываются лавки, жизнь словно замирает, устраиваются "внеочередные" выходные дни, а заключенных выпускают из тюрем посмотреть футбол. Когда же национальная команда проигрывает, грустит не только бразильская "торсида" — вся страна погружается в траур. Горюют после поражения своих команд болельщики всех стран, но в Бразилии, где футбол — это всепоглощающая страсть, почти религия, любое поражение воспринимается как трагедия.

Мы узнали бразильский футбол в 1962 году, когда сборная СССР поехала в Чили на чемпионат мира. По телевизору его не показывали, но фамилии Сантоса, Жильмара, Беллини, Диди, Вава, Загало, Гарринчи и Пеле стали известны мгновенно. Что они делали на поле, как играли и как забивали, мы увидели через много лет, когда нам стали доступны съемки тех матчей. А тогда их имена были просто легендой. Никто не видел этих футболистов, но имена знали все, и все в один голос говорили, поднимая большой палец вверх: "Ну бразильцы... Это волшебники!". "Сухой лист", например, в Бразилии стали применять еще тогда. Это теперь таким ударом никого не удивишь, а в 50-е годы он был подвластен лишь бразильцам. В том же, 62-м году, они, ко всему прочему, поразили мир и своей тактической расстановкой 4—2—4, когда все играли по старинке "дубль В"[1]. А тренировал их команду Висенте Феола, сам никогда в футбол не игравший. Кто еще мог себе такое позволить? Только Бразилия. И они стали чемпионами мира, и повторили свой успех в 1962 году, а потом и в 1970-м. С тех пор повторить победный успех им долго не удавалось, но из года в год они были среди сильнейших, и матчи с их участием неизменно вызывали необычайный ажиотаж. Снова чемпионами они стали в 1994 и в 2002 годах.

Судьбы бразильских звезд складывались по-разному. Пеле довольно рано занялся предпринимательской деятельностью. В 1966 году, когда я еще ребенком поехал с родителями на чемпионат мира в Англию, в витрине спортивного магазина на Пикадилли я увидел бутсы "Пеле", одну из моделей знаменитой фирмы "Адидас". (У нас о таких бутсах тогда можно

1 Данная расстановка (3—2—5) называется "дубль-В" по той причине, что при взгляде на нее сверху можно увидеть букву "W", которая образуется игроками как обороны, так и атаки.

было только мечтать — там шипы ввинчивались в гнущуюся пластмассовую подошву, а у наших прибивались к толстенной подошве гвоздями.) Уже тогда Пеле использовал свое имя, делая на нем бизнес, оставаясь при этом еще много лет действующим игроком. И сегодня Эдсон Арантис ду Насименту вполне успешный бизнесмен. А вот его партнер по сборной Гарринча, или Манэ, как называла его вся Бразилия, уйдя из футбола, умер в нищете и был всеми забыт, хотя буквально за несколько лет до смерти вся страна носила его на руках. Рассказывают, как однажды, находясь в зените славы, он шел, преследуемый толпой мальчишек, по Рио-Де-Жанейро и увидел два бара на противоположных сторонах улицы: в одном яблоку было негде упасть, а в другом было пусто. Манэ вошел в пустой бар, прекрасно понимая, что его выбор сделает хозяина этого заведения безбедным на многие годы. Так и случилось. Гарринча попросил "кафезиньо", выпил, расплатился, похлопал хозяина по плечу и вышел, не сказав ни слова. Через мгновение бар был забит до отказа, а хозяин, не веря своему счастью, прибивал к стене стул, на котором только что сидел всеобщий любимец, великий футболист.

Их много в Бразилии, волшебников мяча, в творческой игре которых отражается душа бразильского народа, его стремление превратить любимую миллионами игру в праздник, сродни карнавалу. (А в том, что касается карнавалов, бразильцы сильны, как никто.) Помимо уже названных, это Тостао, Эду, Жерсон, Зико, Сократес, Ромарио, Кака, Рональдиньо, Роберто Карлос, Роналдо, Неймар и много-много других... Их, по меньшей мере, сотни. Это мы с трудом набираем двадцать игроков в сборную, а в Бразилии хороших футболистов столько, что в пору создавать под них вторую, третью или четвертую сборные.

В свете нынешнего положения российского футбола в мировой табели о рангах история игр с виртуозами мяча выглядит вовсе не так страшно, как могло бы казаться.

Проиграв им в 1962 году на чемпионате мира в Чили 0 : 2 и в 65-м накануне лондонского чемпионата мира в товарищеском матче в Москве 0 : 3, мы как бы расписались в полной своей несостоятельности (а ведь советский футбол тех лет был значительно сильнее нашего нынешнего). Однако на счету нашей сборной были и победы над бразильцами, особенно ценен выигрыш в финале Олимпийского турнира 1988 года в Сеуле (2 : 1), правда на олимпиадах страны-участницы выставляют не национальные сборные, а олимпийские, куда не могут входить игроки главной команды страны, что отчас-

ти принижает значимость победы, но в истории остаются лишь результаты, а кто их добивался — это уже дело десятое.

И совсем особняком стоит выигрыш нашей сборной на знаменитом стадионе Маракана в 1980 году, пусть это была и товарищеская встреча. Через несколько лет после нее, беря интервью для журнала, издаваемого агентством печати "Новости" в Бразилии, у одного из героев того матча Федора Черенкова, я спросил: "Что для вас значил гол, забитый бразильцам на знаменитой Маракане?" — "У каждого футболиста всегда есть своя мечта, — ответил Черенков, — кто-то спит и видит себя игроком 'Спартака', кто-то — национальной сборной. А я с детства мечтал сыграть на Маракане против бразильцев. И вот моя мечта сбылась. А уж забить там гол... — об этом даже подумать было невозможно..."

Анна Смирнова-Энрикес
Письма из Солнечного города

О *времени*

В первые месяцы после приезда в Бразилию меня не покидало ощущение некоторой неправильности устройства окружающего мира. Это ощущение усиливалось с выходом на улицу ранним утром, тихонько напоминало о себе в течение дня при взглядах за окно и снова твердо укреплялось на закате. Конечно, что-то такое помнилось мне из школьных уроков географии и книжек про Захара Загадкина, но проснуться в один прекрасный день и осознать, что солнце крутится совсем не в ту сторону, к которой ты привык за двадцать лет своей жизни, — это другое дело. Хочется воздеть руки к небу и закричать: "Эй, вы! А ну-ка крутите солнце в правильную сторону! Что за шутки!" Но — увы! У солнца свои собственные соображения по этому поводу.

Первая же поездка в Сантус привела меня к солнечным часам на берегу океана. Часам, по которым тень-стрелка бежала справа налево и на которых цифры располагались в обратном привычному (нам, сибирякам) порядке. Возле часов стояла скамеечка, на ней я и просидела довольно долгое время, переводя взор с синего океана на томно бегущую в обратную сторону стрелку. Мне до сих пор кажется, что если поставить здесь, на пляже, колбочку с песочными часами, то струйка упорно забьет вверх, вопреки сибирским законам физики...

Луна в местных широтах тоже ведет себя по-другому. Вместо того чтобы показывать узкое личико с острым подбородком, улыбающееся то направо, то налево, полумесяц лежит на спине или смотрит прямо вниз. Когда я рассказала местным ребятам, что в Европе он танцует по горизонтали, они ужасно обрадовались: "Теперь ясно, почему его рисуют таким в детских книжках!".

Звезды в нашем пыльном и дымном Сан-Паулу появляются не особенно часто. Но когда появляются, невольно пытаешься рассмотреть Малую Медведицу и Полярную звезду. Увы! Сама идея, что созвездие может называться Медведицей, вселяет в моих бразильских друзей твердую уверенность, что его можно рассмотреть только из Сибири.

В Бразилии время вообще течет немного в другую сторону. Никто никуда не торопит-

© Анна Смирнова, 2017

ся — праздники начинаются через два-три часа после назначенного времени, встречи где-нибудь у метро можно ждать до сорока минут, а на лекции, уроки и семинары опаздывающие подтягиваются до самого конца. Даже на защитах диссертаций дверь хлопает беспрерывно. В самом начале моего пребывания здесь мы, пять магистрантов, вместе ходили на лекции в здание напротив, начинающиеся официально в 11 часов. Ребята начинали собирать сумки в 11:10, и в аудиторию мы заходили аккуратно в 11:15. Как-то я спросила у одного из магистрантов, Адальберто, почему в Бразилии всегда опаздывают. "В Сан-Паулу много пробок. Многие люди добираются издалека. На пересечение города могут уйти часы, особенно в плохую погоду. Мэрия должна бы заняться дорогами..." Тогда я спросила, а почему всегда опаздываем на лекции мы. "В Сан-Паулу много пробок. Мэрия должна бы заняться дорогами..." — терпеливо повторил мой друг. "Но нам же нужно всего лишь перейти улицу!" — "В Сан-Паулу много пробок! Мэрия должна бы заняться дорогами..." — грустно сказал Адальберто в последний раз, отчаявшись понять, какого еще объяснения я жажду. Даже междугородние автобусы деликатно ждут опаздывающих по 10—15 минут.

Надо сказать, что в России я опаздывала везде и всегда, в том числе и пару раз на средства междугороднего передвижения. Поэтому новая жизнь мне решительно понравилась — когда со скрипом открываешь дверь через полчаса после начала урока или репетиции, тебе приветливо улыбаются и даже частенько прерывают занятие, порывисто обнимая. Из-за этого, правда, времени на объятия с опоздавшими иногда уходит больше, чем на само занятие, что несколько усложняет обучение чему бы то ни было, но положительно влияет на общую атмосферу.

В личной жизни также не принято торопиться и торопить никого и никогда. Никто не будет слать встревоженных сообщений, если ты решил прийти на день рождения через два-три часа после начала празднования. А уж вместе куда-то собираться... интуитивно я знаю, как все будет, но с любопытством примечаю, что именно заставляет нас выходить через час после слов "Все готово!". Один раз мы выходили целых полтора часа, потому что после слов "Мы выходим!" моя подруга пошла в душ с шестилетней дочкой и потом делала ей розовый педикюр. Свеженапедикюренные ноготки я увидела только вечером, потому что туфельки надели закрытые. Другая подруга со словами "Все готово!" стала подшивать платье, в котором собиралась идти... Но все обоюдно, зато и меня никто не ждет у двери и не нервничает. Я сама так собираюсь, и нет ничего хуже немого укора во взгляде, пока выбираешь, какую блузку надеть.

Зная правила бытия в бразильской реальности, ошибиться невозможно. Как-то я гостила у друзей в городе Уберландия, и моя подруга Валеска, уходя, сказала, что вернется в 17:30, а если вдруг дизайнер по

интерьерам придет раньше, я должна открыть ему дверь. В 18 часов не было ни ее, ни дизайнера, и я спокойно пошла в душ. Не надо волноваться, думать, что что-то случилось, звонить... значит, либо обе опаздывают и придут одновременно, либо дизайнер передумала и не придет. Все пришли часов в 19. Я потом подругу спросила, как ей дизайнер, ничего, что она так опоздала? "Ничего, — ответила моя Валеска, — очень удобно получилось, я же сама задержалась, мне как раз было нужно купить новую микроволновку!"

Русским часто тяжело понять, как бразильцам удается так опаздывать и почему при этом никто не раздражается. Очень просто — все опаздывают гармонично, в едином режиме. Чтобы научиться приходить по бразильскому времени, нужно в тот момент, когда ты уже готов выйти, например, заново принять душ, одеться и накраситься. Получится то, что нужно.

Интересно, что долгосрочное планирование здесь тоже работает по другим законам. "Давай пообедаем на следующей неделе", "Заходи в гости на праздники" или "Давай куда-нибудь сходим на выходные " — абстрактные формулы вежливости и хороших намерений. Если не происходит договоренности на конкретный день и час, то вам вряд ли перезвонят. И безумно удивятся, если вы появитесь на пороге в те самые праздники. И даже если с вами точно договорились о времени, но не позвонили снова за день до мероприятия — никуда ходить не стоит. Учитывая, что бразильцы никогда не говорят "нет", бурно соглашаются со всеми предложениями и всегда кипят идеями по поводу совместного времяпрепровождения, вычленить реальные намерения из общей массы восторженных восклицаний иногда довольно сложно и требует терпения и опыта. Иногда даже сами бразильцы ошибаются. Как-то моя подруга Изабела задумала поздравить свою девяностолетнюю сан-паулускую бабушку с днем рождения. Изабела позвонила в пятницу, и старушка бодро воскликнула: "Конечно, заходи в воскресенье в любое время!" Когда Изабела явилась к бабушке домой, с цветами и тортом в руках, строгий швейцар сказал ей, что интересующая ее сеньора улетела сегодня путешествовать и вернется через неделю. Конечно же, ей не хотелось расстраивать Изабелу невоспитанным "нет".

О *поцелуях*

Когда я только приехала в Бразилию, меня сразу предупредили, что при знакомстве или просто приветствии полагается обнять человека и поцеловать. Я с готовностью за это взялась и смачно целовала в щеку даже шефиню нашей лаборатории, пока не обнаружила, что на самом деле все не так просто. В более формальной обстановке поцелуй лишь имитируется чмоканьем в воздух возле уха приветствуемого. И объятие объятию тоже рознь. С малознакомым человеком оно ограничивается взаимным возложением рук на плечи на пару секунд. А хорошего знакомого таким по-

верхностным приветствием можно и обидеть.

Я давно к этому привыкла, и, когда вижу новое лицо, мне уже не кажется странным сначала обнимать и целовать, а уже потом спрашивать, как зовут. Такова традиция. В итоге регулярно обнимаешь людей, чьего имени не знаешь и вряд ли когда-нибудь узнаешь. Помню, как я была потрясена, когда в первый поход к врачу толстая женщина в белом халате тоже первым делом меня обняла и поцеловала... уж не знаю, насколько это гигиенично в больнице.

Русскому человеку привыкнуть к этому не так просто. В свой визит в Бразилию моя мама пару раз отказалась идти со мной на репетицию хора под предлогом: "Не-е-е, снова придется сорок человек целовать... замучили своими поцелуями!". А я уже давно и безнадежно втянулась. Как-то у меня заболела голова, на репетицию я пришла кислая, но, после того как меня сорок раз обняли, поцеловали в глазик и сказали "бедненькая!", сразу все прошло.

В Бразилии я привыкла регулярно обнимать окружающих и прикасаться к ним, но в поездках в Европу или Штаты я каждый раз заново открываю, что это принято далеко не везде. Излишнее физическое сближение воспринимается как некое нарушение границ, и про это приходится постоянно помнить. Когда я прилетела в Россию первый раз после трех лет проживания в Сан-Паулу, в Шереметьево меня ждала близкая подруга из Томска. Я вопила и обнимала ее, пока она не начала тихонько меня отпихивать: "На нас же смотрят!" Когда я огляделась, то довольно долго стояла и ржала... Русские, выходя к встречающим, ограничивались небрежным хлопком по плечу или коротким объятием. После нескольких лет жизни в Бразилии это смотрелось удивительно комично. Но, конечно, я смеялась не над людьми в аэропорту, а над тем, что раньше в моей жизни все было одним образом. А потом стало совсем, совсем другим...

Безусловно, обстановка отношений по-бразильски весьма располагает к сближению противоположных полов. Выразить особую приязнь очень просто — чуть дольше объятие, поцелуй губами в щеку, и обе стороны уже понимают, в чем дело. Я поначалу периодически попадала в идиотские ситуации, потому что не могла составить четкую шкалу разделения интимности приветствия. Мне казалось, что во время приветствия нужно всегда отвечать примерно так же, как поступают с тобой. Но все не так просто — ведь если ты отвечаешь на теплое прикосновение мужских губ к щеке тем же, то в следующий раз тебя сгребут в охапку уже с более серьезными намерениями. Поэтому, когда мужчина исполняет ритуал приветствия особенно пламенно, женщина может ограничиться подставлением щеки. Это такое милое "нет".

Как-то я ездила на конгресс по генетике в Австрию и повстречала там одну весьма симпатичную бразильянку из Сан-Паулу, уже полгода живущую в Цюрихе. "Послушайте, — сказал она, — я ничего здесь не понимаю! У меня за все это время

ничего ни разу не было! Как они вообще знакомятся?!"

Мне интересно об этом рассказывать, потому что я побывала с обеих сторон баррикад. Помню ощущение странности, когда незнакомые люди тискают тебя и похлопывают по лопаткам. Помню ощущение потерянности, когда через много лет я почувствовала, как спины сибирских друзей деревенеют под моими руками ("Ну что уж ты так уж!").

Не раз приходилось наблюдать поведение новоприбывших русских в бразильских обнимательных ритуалах: все эти "А что будет, если я целовать их не стану?", "Терпеть этого не могу!" и даже уверенное "Как-нибудь отобьемся!". Когда я только приехала, то не могла удержаться и все время исподтишка наблюдала за лицами обнимающихся, так что с уверенностью могу сказать, что бразильцы во время объятий улыбаются и даже глаза закрывают от удовольствия! Очень забавно наблюдать, как бразилец жмурит глаза и сияет медным пятаком, прижимая к себе только что обретенного друга, а физиономия русского участника объятий в это время приобретает тоскливое выражение "Ну чего тебе от меня надо?".

Мало того, бразильцы при этом еще и слова ласковые говорят. К женщине (в том числе и женщины между собой) в большинстве случаев обращаются "querida" ("дорогая") или "linda" ("прекрасная"), даже если видят ее первый раз в жизни. У меня поначалу возникало ощущение искусственности в этих ситуациях постоянных комплиментов и объятий, и я, стыдно признаться, вела со своими лабораторными друзьями долгие разговоры на темы "Насколько это искренне, если с человеком незнаком" и "Зачем улыбаться, если не хочется". Особенно меня раздражало бразильское приветствие "Tudo bem?" ("Все хорошо?"), на которое полагается отвечать бодро и звонко все тем же "Tudo bem!". Меня возмущало, что нельзя искренне сказать: "Не-е-ет, совсем не все хорошо!" Но если бразильцу ответить на это приветствие коротким и мрачным "нет!", он, скорее всего, кудахтнет от смеха и тепло хлопнет тебя по плечу.

Выпутываясь из бразильских объятий, некоторые мои русские приятели еще долго приговаривали: "Ну, лицемерные! Ну, вероломные! Они же совсем меня не знают!". Или даже: "Чего-то они ко мне подлизываются! Наверно, им что-то от меня надо!" А я довольно скоро пришла к выводу, что дело совсем не в фальши и лицемерии. Скорее, здесь работает презумпция симпатичности — человек симпатичен, пока не доказал обратное. И поэтому его приветствуют объятием, не задумываясь и с искренней улыбкой.

Все, что я здесь рассказываю, — о Сан-Паулу. В других бразильских штатах жителей Сан-Паулу считают грубыми, угрюмыми, нелюдимыми, затерянными в ритмах самого большого в Бразилии города. Ведь здесь даже целуют при приветствии всего один раз! А в других местах полагается — три.

Есть у меня и обратный опыт — прогулка с бразильцем по Сибири. Мой компаньон

всех приветствовал радостным бразильским способом, отчего в некоторых кругах снискал славу необузданного мачо. Помню, как-то, когда он при знакомстве прижал к сердцу одну весьма почтенную сеньору, меня вдруг дернули за рукав: "Эй! Ну-ка скажи ему, что это моя жена!".

О *нравах*

Ах, эти бразильские нравы! Идешь в туалет, закрываешься в кабинке и сразу слышишь голос из соседней:

— Кто здесь?

А вы бы что сказали? Говорю:

— Свои.

(А если бы ответил густой мужской бас, то что?)

— А-а-а, Аня! Привет, Аня! Да я просто на всякий случай спросила, просто я тут делаю номер два и, смотря что за человек, могу стесняться.

Все еще не зная, кто это, заинтересованно спрашиваю:

— А меня ты не стесняешься?

— Не-е-е, что ты! Ты очень-очень классная!

Вот так, шел в туалет, а получил комплимент. Потом, задним числом, по смеху я догадалась, что это была наша секретарша.

В целом в Бразилии соседствуют свободные нравы и строгие католические, смотря куда ступишь. Куда там сериалам!

— Ты знаешь, у моей двоюродной сестры такие строгие родители, что, когда ее бойфренд у них ночевал...

— Ну если ночевал, не такие уж строгие!

— Да подожди ты! Они клали его в ее комнату, а ее — в своей спальне между собой...

(Потом бойфренд погиб в аварии на мотоцикле, через два месяца оказалось, что девушка беременна.)

А недавно мы ездили на семейный праздник в честь отбытия знакомой в Канаду на шесть месяцев на курсы английского. Частный дом в охраняемом закрытом районе в горах, бассейн с подсветкой, семь столиков, живая музыка, повара тут же при тебе делают мини-пиццы из любых комбинаций на выбор (моя ударная — печеный чеснок, яйцо, грибы, сердцевина пальмы, базилик, руккола, три сыра). Родственники подъезжают один за другим, при появлении брата моей знакомой с шестилетним сыном хозяйка дома начинает плакать. Подруга тихо поясняет:

— Она плачет, потому что это первый раз, когда ее мама увидит внука. Она его никогда раньше не видела!

— В смысле, далеко живет?

— Да нет, раньше она отказывалась его признавать!

Девушка, сопровождающая брата, тихонько объясняет, что это не ее ребенок, так получилось. Подробности узнаю уже в машине: бабушке раньше почему-то казалось, что внук не от ее сына. Поменял подругу, сделал генетический тест — и она приняла и внука, и новую девушку. Получился двойной праздник.

Или вот смотрю программу бесплатных концертов в Сан-Паулу. В июне, в частности, предлагаются театральные пьесы по новеллам Эдгара

По... на кладбище Консоласау[1]. Оказывается, новая политика департамента по культуре — превратить кладбища в места культуры и отдыха. Также там проходят сеансы кино. Кладбище по-португальски — "cemitério", а культурная программа с показом кино — естественно, "Cinetério". Кто думает, что я шучу, тот не был в Сан-Паулу.

В Сан-Паулу что угодно может превратиться в неожиданное приключение. Вот вы когда-нибудь знакомились и обнимались с замечательными новыми людьми в процессе вагинального ультразвука?

Недавно я отправилась на этот самый ультразвук в рамках тестирования возможностей бразильской государственной медицины. Близко от дома, погода хорошая, новое место. Диагностический центр на Жабакваре, куда приезжают врачи со всей Бразилии на курсы ультразвука. Врачам — присмотр и обучение, пациентам — бесплатные исследования.

Вызывают по имени, иду по коридорчику и слышу русское: "Куда?" Показалось, наверное. Захожу в кабинет — там двое начинающих специалистов.

— А, ты русская? Как здóрово! У нас тут в группе студентов тоже одна русская есть!

— Ого, вы знаете, я ведь услышала в коридоре: "Куда?" и сразу подумала что наши!

— Мы сейчас ее позовем!

Раздеваемся, простыночкой накрываемся, холодный, мокрый ультразвуковой ствол, над головой экран, где все показывают. Потом приходит врач, и вслед за врачом наш кабинет мгновенно заполняется народом. В толпе выделяется светящаяся круглолицая блондинка. Она бросается ко мне и жмет мне руки, пока на экране медленно проплывает мой правый яичник. Наклоняться ко мне неудобно, и девушка садится на корточки — в бразильской беседе принято смотреть в глаза и с близкой дистанции.

— Так ты правда русская? Меня ребята позвали, только я не говорила "Куда?"!

— Ого, а они запомнили слово "куда"? А как ты сюда попала?

— У меня мама вышла замуж за кубинца, и меня маленькой увезли на Кубу! Там я выросла, потом уехала работать в Боливию, вышла замуж за боливианца, и вот мы переехали в Бразилию! Мы живем в Аракажу, а сюда приехали на курсы. А вот, кстати, и мой муж!

Муж, тоже оказавшийся в кабинете, отчаянно улыбается, показывая, что рад знакомству. На экране сверху проплывает мой левый яичник. Смотрю на мужа.

— Ну и как, ты уже побывал в России?

— Еще нет, но поедем в ноябре!

Прощаясь, Люба из Аракажу меня обняла, а потом тепло поцеловала в лоб. А тот практикант, что постарше, сказал:

— Теперь я не пропаду, если поеду в Россию и мне надо

1. Кладбище Consolação — одна из главных достопримечательностей города Сан-Паулу. Многие знаменитые люди Бразилии похоронены здесь.

будет сделать кому-нибудь ультразвук, — я спрошу: "Куда?"

Впрочем, последняя фраза моих врачей на самом деле была не эта. Последняя была: "А теперь мы выйдем, чтобы вы могли одеться НЕ СМУЩАЯСЬ!" Неужели у меня таки был смущенный вид?

О *налаженном быте*

После долгого пребывания во Франции на все смотришь другими глазами. Все — знакомое и незнакомое. Совсем иное устройство быта бросается в глаза.

Вот у моей подруги Ракель четырехкомнатная квартира. Четвертая комната, правда, переделана из части "área de serviço" — это специальное пространство в каждой бразильской квартире, примыкающее к кухне и обычно раза в два большее ее по размерам. Предназначено для установки стиральной машины и сушки белья, там стоит большая дополнительная раковина, натянуты веревки, на полу кафель, большие окна, чтобы все проветривалось. Даже у кота Ракель есть свое собственное пространство, переделанное из туалета для прислуги. Там стоит его ящичек с песочком и хранятся его вещи. У входа в квартиру не коврик, а белое полотенце.

Комната и дополнительный туалет для прислуги — обычное дело в бразильских квартирах, имеющих две и более спален. Комнатки для прислуги крохотные, несколько квадратных метров, но никто и не предполагает, что она там будет жить. Это чтобы переодеться, оставить вещи, иметь свое личное пространство. Лифтов в зданиях тоже обычно два: для жителей и "de serviço" — для прислуги. В сервисном нет зеркала, он может быть поменьше. Но обычно на разницу лифтов никто не обращает внимания, только в домах, стоящих у пляжа, просят, если ты в шлепанцах, полных песка, пользоваться сервисным. У лифтов всегда висят таблички, что, согласно бразильским законам, расовая дискриминация в данном лифте запрещена.

Я помню, как меня, девочку из Страны Советов, поначалу смущало присутствие прислуги. Первый опыт — мы поехали к друзьям на океан в Перуиби. Большой дом с бассейном и садом. В доме работали темнокожая служанка и ее дочка лет одиннадцати — ходили, прибирали, убирали за нами тарелки. Сколько-то лет спустя я поехала в Уберландию в гости к другой подруге, и она с гордостью мне представила свою кормилицу, вырастившую ее, а ныне работающую в ее доме. Обе смеялись и обнимались. Когда мы сели за стол, я шепотом спросила подругу: "А она?" — и подруга замахала рукой: "Что ты, что ты, она уже поела..."

И никогда не забуду день, когда одна аспирантка нашей лаборатории не пришла на работу. Звоню, что случилось? Прислуга заболела, а чистая одежда кончилась. Как включать стиральную машину — непонятно... Я тогда бегала, включала, ага. Странно вспоминать, как я с ней же ругалась — почему ты разговарива-

ешь со служанкой, как с умственно отсталой, что это за "Ты моя хорошенькая красавица, какой на тебе чистенький беленький передничек, как ты хорошо пахнешь, я принесла тебе подарочек"?!! Ну она же иначе будет обижаться, говорила подруга, все так делают. К тому же она и правда такая чистенькая, хорошенькая и передничек аккуратный!

Мое любимое место в Сан-Паулу – Вила-Клементино, район моего первого бразильского университета UNIFESP[1]. Здесь я знаю все улочки, закоулочки, дорогу до парка Ибирапуэра. Здесь стоят все три здания моей бывшей лаборатории, помещения для репетиций гитарного оркестра и хора, театр Маркус Линденберг, где мы часто выступали, и все мои любимые ресторанчики – пиццерии, японские родизио[2], блинная, буфеты "por quilo"[3] всех типов и цен... и, конечно же, торговый центр Санта-Круз ("Святой крест"). Когда я пришла в мою первую лабораторию на стажировку, его еще не было – просто стоял большой забор, из-под которого выезжал эскалатор метро. Потом была стройка, открытие, и вот они – мои любимые магазины одежды, любимый обувной, закусочные, рестораны с едой на вес, печеная картошка, фрукты в шоколаде, книжный, кинотеатр, немецкая пивная. Рядом – мой любимый арабский круглосуточный фастфуд "Habib's". Там табули с правильными приправами, киби и эсфиры – явные родственники наших ватрушек. Со свежим сыром, со шпинатом... В Бразилии потомков ливанцев больше, чем в самом Ливане. Даже в Википедии написано, что эсфиры вне арабских стран особенно популярны именно в Бразилии, Мексике и Аргентине. Популярны – в смысле, на каждом углу. Правда, бразильцы, конечно, всегда все переделывают на свой манер. Здесь есть эсфиры и сладкие, и не просто с шоколадом, а, скажем, с шоколадом и конфетками "M&M's", что типично арабской кухней никак не назовешь.

После долгого времени, проведенного во Франции, вспоминать забытые вкусы – удовольствие невероятное. Салат с помидорами, сыром и луком-пореем из "Roda Grill", соки из асеролы, аморы, гравиолы, маракуйи, тапиока с кокосом и сгущенкой... И маниока, хрустящая, волокнистая. И брокколи, брокколи! Брокколи во Франции – не такая. Проверила в интернете – и правда, на бразильском рынке доминирует брокколи "веточной" разновидности: длин-

1. Universidade Federal de São Paulo – Федеральный университет Сан-Паулу, выросший из самой большой и известной в Латинской Америке высшей медицинской школы Escola Paulista de Medicina (EPM)
2. Родизио – бразильская система ресторанного обслуживания, когда клиент платит фиксированную цену, а официанты ходят по залу и предлагают разные блюда на выбор. Широко распространена в пиццериях, японских ресторанах и ресторанах, специализирующихся на мясе – "churrascaria".
3. "Por quilo" – бразильская система ресторанного обслуживания, где клиент сам накладывает себе еду и оплачивает по весу. У всех ингредиентов цена одинаковая – рис ли это, кальмары или курица.

ные веточки, много листьев, соцветия не комочками, а капельками. Как-то подруга послала меня на рынок, сказав: "Бери обычную брокколи, не японскую". И я размышляла: что это за такая японская? — и оказалось, что на рынке простая, всем известная, брокколи с плотными головками, которую во Франции везде и продают, подается как "brócolis japonês". Я такую люблю только в пицце. А по веточкам, по веточкам я скучала... у нас на один из обедов были даже листья этой брокколи вареные. Вкусно!

Не сразу заново привыкла к холмистым тротуарам — здесь за каждый участок тротуара отвечает соответствующий дом, поэтому каждые пять метров меняется и материал его покрытия, и высота укладки. Сан-Паулу — это горки, горки, горки, все время идешь по ступенькам и запинаешься, пока не привыкнешь.

И еще: я забыла про местные розетки. Они и раньше были весьма разных типов, несовместимых с европейским стандартом, а теперь еще и новый придумали — три круглых штырька совсем рядом. Когда отправляешься в гости, формат розеток предугадать невозможно, а адапторы приходится специально разыскивать, причем в магазине обязательно намекнут, что скоро продавать их прекратят. За адаптором для французского ноутбука я обегала в округе шесть магазинчиков! Идешь в ближайшую электронику — тебе говорят: гляньте за углом, после супермаркета. За углом говорят — зайдите в торговый центр, спросите, где продают ракетки для тенниса. Там рядом, слева, будет лавка. Вот так по инструкциям я и шла, пока в шестом по счету месте адаптор не обнаружился. Правда, он годен только для розеток на два плоских штырька, универсальный я не нашла. Его почему-то купить очень сложно, хотя он так устроен, что можно врубиться и в два плоских штырька, и в три круглых. Эх!

Метро и автобусы дорогие: три реала[1] восемьдесят! За двенадцать можно пообедать. Зато в метро везде очень чисто и хорошо пахнет — не парижские катакомбы! Когда ни иду — служащие в униформе трут швабрами стенки, ароматный ручеек мыльной пены змеится, по вагонам ходят уборщицы с совочками. Через турникеты не прыгает никто. Система для зарядки карточек на проезд обычно не работает, зато работают все эскалаторы, лифты и поезда не ломаются. В вагонах висят телевизоры, и интересно, что там не показывают ни время, ни названия следующих станций. Зато показывают фрагменты из футбольных матчей и астрологический прогноз.

И еще банки, банки! В бразильском банкомате можно сделать все что угодно, напечатать чеки, разблокировать карточку для использования за границей, положить деньги или чек на счет, подать декларацию об освобождении от налогов... Мало того, эти функции постоянно расширяются.

1. Бразильский реал равен примерно восемнадцати рублям.

Как-то раз, подойдя к банкомату вслед за пожилой сеньорой, я увидела опцию "Добровольное разоружение", а когда ткнула в кнопку, там появилась форма для заполнения. Потом уже в интернете посмотрела, что в этом году идет кампания по анонимному разоружению. Можно принести оружие в полицейский участок, они тебе дадут расписку. Потом пишешь ее данные в банкомате — и тебе на счет положат 100, 200 или 300 реалов, в зависимости от типа оружия. В бразильском бюджете на это заложено девять миллионов. Ну не молодцы ли?!

Об автобусах

Очень важно в Сан-Паулу уметь ездить на автобусе. За годы отсутствия этот навык потерять легко, он включает два основных элемента. Первый — не стесняться остановить автобус, чтобы просто рассмотреть его номер или спросить, куда он едет. Номера у автобусов шестизначные, мчатся они со скоростью света, а 875М-10 и 875А-10 ходят разными дорогами. Кроме того, большая часть маршрутов проложена по улицам с односторонним движением, и если вы куда-то таки доехали, то остановка обратно будет, скорее всего, в трех кварталах и двух поворотах вниз по лесенке (чтобы узнать, где именно, лучше всего остановить любой автобус и спросить). Второй элемент — не падать с сиденья, пока автобус сломя голову мчится по горам. И вообще уметь выбрать место, где сесть. В полупустом автобусе у окна садиться не стоит, лучшее место для иностранца, который плохо знает, где выходить, — на переднем сиденье прямо перед кондуктором. У него под креслом еще такая приступочка есть, за которую удобно держаться ногами — крепче сидишь.

Сан-Паулу находится в горах, на высоте 800 метров, но бразильских водителей спуски, подъемы и внезапные повороты не смущают — автобус всегда мчится с порядочным ветерком. Кроме того, водители останавливаются, где попросишь, и пассажиров тоже подбирают на ходу — сколько раз я видела буквально бросающегося под колеса на повороте парня, машущего рукой! И остановятся, и дверь откроют, и посмеются, и по плечу хлопнут, если шибко бежал (пока поток машин терпеливо ждет, когда же автобус выедет с перекрестка). Во всех автобусах установлены турникеты, можно пройти или проведя карточку по валидатору, или заплатив кондуктору. Правда, дети, подростки и мулаты маргинального вида лихо пропол-зают под турникетом на животе. На автобусах сбоку висят таблички "Бесплатный проезд запрещен!", но все равно кондуктор кивает и придерживает турникет, пока под него ныряет очередной заяц.

А еще у автобусных остановок нет названий, поэтому надо обязательно знать близлежащие ориентиры. Если кондуктор их знает — скажет: "Все понятно, это четвертая остановка на Серра-Кора!" Если не знает — крикнет: "Моторис-

таааааа, ты знаешь, где там за углом маленький супермаркет с зеленой вывеской?" Чтобы кондуктор про тебя не забыл и предупредил вовремя, лучше всего оставаться рядом и разговаривать. Я и разговариваю.

— Ооо, так ты русская и говоришь по-русски?

— Ну да. И там, куда я еду, меня встречает на остановке друг, который тоже говорит по-русски. Он из Донецка, знаешь, та часть Украины, где идет война.

— Знаю, конечно. Там еще много бразильцев.

— Каких бразильцев?

— Как каких? В футбольном клубе "Шахтер"!

— В каком еще футбольном клубе?

— "Шахтер"! Из Донецка! Спроси у своих друзей.

На своей обычной линии я всех кондукторов уже знаю, они всегда говорят "Доброе утро!" и "Успешной работы!", а по дороге рассказывают разные истории. Когда народу мало, водитель тоже включается в разговор. Как-то я уронила в автобусе алюминиевую баночку от холодного чая "Липтон", и она, дребезжа, прокатилась под турникетом, скатилась на ступени у входной двери и с лязгом там стала подпрыгивать. Водитель молча остановил автобус. Встал. Поднял баночку. Положил в мусорку. Улыбнулся и махнул мне рукой: "Э-ге-гей!"

Мой любимый кондуктор — смуглый парень на костылях, с ампутированной выше колена ногой. Водители и другие кондукторы кличут его Трехногим. Он всегда веселый и улыбчивый и с удовольствием рассказывает, что у него лучшая в мире работа: "Целый день ездишь! Все видишь! С людьми общаешься!". Когда я вижу, что это он, то сразу сажусь на переднее сиденье и готовлюсь слушать новые истории.

В некоторых автобусах есть телевизоры под потолком, чтобы облегчить работу кондукторов по рассказыванию историй. В основном показывают коротенькие ролики на тему общественного транспорта — каждый может прислать свою историю и выиграть приз. Помнится, в последний раз история была об одном кондукторе, который нашел под сиденьем вставную челюсть, отыскал ее хозяина, и они стали друзьями. И кадр последний — оба обнимаются, а кондуктор держит челюсть в руках, и челюсть улыбается тоже.

Про детский сад

Мои бразильские друзья — чудесные и надежные, и я их люблю, в первую очередь, за прекрасные человеческие качества. Но во вторую (и вовсе не в последнюю) — за совсем иной культурный бэкграунд. Все время случается что-то удивительное, и я многому у них учусь. Даже слушать разговоры Ракель с ее маленькими дочками — волнующе любопытно.

— Кларинья, я ухаживаю за котом, купленным тебе на день рождения, каждый день. Я покупаю ему еду, песочек, игрушки и каждое утро протираю его влажным надушенным платочком!

Я выждала, пока их разговор закончится, и переспросила Ракель про влажный надушенный платочек.

— А как же, — сказала она, — а почему, как ты думаешь, я по утрам так долго задерживаюсь в душе?

И правда, почему бы?

Кларе шесть лет. Младшей, Яре, три года. В прошлую среду у Яры был день рождения. В ночь со вторника на среду мы надували десятки воздушных шариков, а два самых больших заполняли подарками. Берешь воздушный шар. Вставляешь ему в глотку кольцо с изолентой пошире. И кидаешь туда пластмассовых паучков, коняшек, пластилин и разные наклейки, потом надуваешь.

У Ракель волшебные руки. Она умеет делать всякие соусы с маракуйей, знает, где на ступнях самые чувствительные точки и легко помещает электрод в нужный центр в мозге крысы. Она может понятно объяснить, как резать сыр или открыть "хитрую" коробочку. Кольцо изоленты в воздушном шарике — просто очередной магический ритуал.

День рождения празднуется весь день. Первый подарок утром Яре дарила Клара. Подарила, а потом несколько часов плакала у себя в комнате, потому что день рождения не у нее (хотя мама, конечно же, подарила подарки и ей). Даже после двух часов утешения слезы не иссякли. Из комнаты доносилось: "Ну почему день рождения не у меня? Этот мир ко мне так несправедлив! Я ХОЧУ ЕГО ИЗМЕНИТЬ! СОВСЕМ ИЗМЕНИТЬ!" Такой подход вызывает у меня глубокое уважение.

Днем празднование продолжилось в детском саду. Мы взяли с собой Клару, торт, сладкие шоколадные бригадейро[1], киндин[2] и поехали в этот самый сад на машине через всю авениду Паулисту. Правда, по пути я надувала гигантский воздушный шар с подарками, поэтому Паулисты почти не видела. Потом я его держала, а Ракель завязывала, ведя машину одной рукой ("А вот тут меня как-то чуть не ограбили на светофоре. Я ехала с обеими дочками, стекла в машине были закрыты, два пацана к нам заглянули и пошли к следующей. Опустили стекло руками и стали бить водителя. Как я перепугалась... Клара, нет, открывать окна тут нельзя!").

Я никогда раньше не была в бразильском детсаду. Наш называется "Лумиар". Внутри большая крытая детская площадка. Когда мы зашли, по ней бегали перемазанные краской дети и воспитательницы. Щеки были разноцветные у всех, у одной — клоунский нос. "Это Маяра, воспитательница. Это Аня, моя подруга из России, она мне ближе, чем сестра. Вам очень идет этот нос, Маяра!"

"Лумиар" славится новаторским подходом к детскому обра-

1. Самодельные шоколадные конфеты, изобретенные в Сан-Паулу, делаются из сгущенного молока, шоколада и масла, с покрытием из шоколадных гранул.
2. Киндин — десерт на основе желтков, сахара и тертого кокоса, родом с севера Бразилии.

зованию. Здесь правило — объяснять, а не наказывать. Каждый день в конце занятий группа садится в кружок, дети по очереди рассказывают, как прошел день, обсуждают общие дела. Раз в неделю делают общий круг на весь садик. Правда, один раз какой-то папа забрал ребенка оттуда со скандалом, заявив, что не хочет, чтобы его ребенок прыгал на столе. Но это был единственный случай. Стоит такой садик полторы тысячи реалов в месяц.

Я не могу такого представить в своем советском садике: посреди дня в группу приходит мама и ее друзья, начинают вешать воздушные шары и расставлять сладости... Девочкам раздают веселые колпачки с Рапунцель, мальчикам — однотонные фиолетовые. Зажигаем свечки на торте, Яра задувает, Клара рядом, задувает оставшиеся. Воздушный шар с подарками протыкают, весело собирают с пола цветных паучков. Важный момент — раздача памятных сувениров, lembrancinhas. Клара делала их для Яры целый день — взять пластмассовую игрушку и кусок пластилина, положить в бумажный пакетик, перевязать фиолетовой ленточкой, надписать "Iara"... Сувениров целая корзинка.

— Яра, возьми корзинку, скажи: амигос, это вам на память сувениры!

Яра берет корзинку, делает шаг вперед и уверенно говорит: "Амигос!" Дальше она забыла, но все разбирают сувениры, и всем хорошо.

Потом наступило время вечернего круга в детсаду, мы оставили Яру с ее группой и поехали домой готовить домашний праздник. Теперь уже с родственниками. Снова торт, колпачки, протыкать воздушный шар... После такого Дня Рождения я отходила дня два. Зато теперь я знаю, как делать детские сюрпризы. И усвоила очень-очень важную вещь: на день рождения дарить подарки всем детям! Подарок для Яры, подарок для Клары. Именинница радуется еще больше виновницы торжества.

Как-то Яра приболела, не пошла в садик, и я с ней осталась одна дома. Кроме самого по себе общения с ребенком, общение получилось еще и с незнакомой системой воспитания. Все время узнаешь что-то новое. В тот раз, например, я обнаружила, что сей ребенок с удовольствием сам выливает в унитаз свой горшок и увлеченно его потом ополаскивает в раковине, забравшись на специальную скамеечку. Поэтапно научила меня пользоваться туалетной бумагой (свертывает тугим матрасиком — "надо, чтоб было красивенько и не рвалось!"). Котика хвалит за то, что он хорошо пахнет. Его поведение корректирует восклицанием "Нет, сеньор!".

У каждой из наших девочек есть свой детсадовский дневник. В нем воспитатели сообщают, что ребенок ел, сколько раз ходил в туалет и приглашают на праздники и дни рождения. Родители пишут, что произошло дома за вечер. Ракель аккуратно записывает: приходил дедушка, играли с котом, пекли тапиоку, купили новое платье...

Я на это смотрю с недоумением — ты думаешь, говорю, они и правда это читают? А

как же, отвечает, а как им иначе узнать, на какие темы разговаривать с ребенком? И они всегда отвечают!

Бразильцы — страшные чистюли. Любовь к чистоте прививается с детства, даже в детском саду дети чистят зубы после каждой еды. Вернее, именно в детском саду обязательно показывают, как чистить зубы правильно. Результат: пятилетний ребенок сначала угостил меня конфетой за полчаса до ужина, потом погнал чистить зубы ("Делай, как я!"). Пыталась убедить, что полчаса до ужина можно подождать, — не прошло, ребенок твердо знает, что, если сразу после сладкого зубы не почистить, они выпадут. Вчера я, "шагая в ногу с ребенком", чистила зубы раз шесть. Те, кому это кажется смешно, знайте: у многих моих тридцатилетних бразильских друзей кариеса не было никогда.

Конечно, в атмосфере, где все вокруг постоянно чистят зубы и орудуют зубной нитью (в том числе в общественных туалетах и в гостях после обеда), привыкнуть к соблюдению гигиены проще. Но и сам менталитет "Важно хорошо пахнуть!" в этом помогает. Клара после чистки зубов каждый раз подбегает к маме и дышит ей в лицо. "Боже мой! Как ты хорошо пахнешь!" В Бразилии эта фраза отлично подходит для приветствия людей любого возраста.

Об овощах, фруктах, зверятах и архетипах

Я помню день моего первого сильного потрясения от зооморфного выражения. Это было, когда я взяла словарь и обнаружила, что "Eu sou uma anta!", восклицаемое моей лучшей подругой Валеской за обсуждением вопросов базовой статистики, означает "Я — тапир!". Вернее, "самка тапира". Сие животное, малоизвестное в Сибири, ассоциируется у бразильцев с ленивым, неторопливым и ужасно глупым существом.

Другое выражение, часто шутливо повторяемое на разные лады, — "amigo da onça". То есть "друг ягуара". Означает "друга" злонамеренного, фальшивого и любящего тайком устраивать подлянки. Этот образ стал популярен из-за одноименного персонажа карикатур, выпускавшихся пернамбуканским художником по имени Периклес в 1943—1962-х годах.

Часто красивого или дорогого сердцу мужчину называют "gato" — "кот", а девушку — "gata" или "gatinha" ("кошка" или "кошечка"). Для употребления таких слов интимная обстановка совсем не обязательна — это может быть просто комментарий на улице. Изобретательный бразильский ум навыдумывал и всяких кошачьих производных, например, "gatíssima", когда к "кошке" присоединяется суффикс прилагательного превосходной степени. Рискну перевести это как "наикошачнейшая".

Широко распространенный символ глупости — осел, по-португальски "burro". Но интересно, что здесь используется и женский вариант ("burra" — "ослица"), и уменьшительно-ласкательные варианты. Заявление вроде "Hoje

eu estou meio burrinho" – "Я сегодня немного ослик" – означает, что человек несколько плохо соображает в данный день.

"Loba" – "волчица" – говорят о женщине старше сорока, вышедшей на "охоту". Здесь повсюду висит реклама нижнего белья "Чулки волчицы". Меня как-то спросили, есть ли такое понятие в русском, но на ум не пришло ничего, кроме "женщины бальзаковского возраста" – выражения, совсем не соответствующего бразильскому духу охоты. Или я что-то упустила?

"Mão de vaca" – "кулак коровы" – очень образное выражение, описывающее человека жадного. Как известно, "кулак коровы" – это копыто, то есть такой кулак, который не разжимается ни в какой ситуации и денег или чего бы то ни было никому не даст.

Есть выражения и на птичью тему, например "mãe coruja", то есть "мать-сова", означающее мать, способную бесконечно любоваться своим потомством. Я сначала думала, что название пришло от способности совы зорко за всем приглядывать, но один мой знающий друг объяснил, что источник сего образа пришел из басни Лафонтена "Орел и сова". Почему-то на русском языке эта басня не особенно известна, и даже Гугл дает на нее единичные ссылки без полного текста. Но французский оригинальный текст рассказывает о том, как сова, дружившая с орлом, попросила его не кушать ее детей, которых он легко сможет узнать среди других, так как они "самые красивые". Естественно, у орла оказались другие эстетические критерии и совиных детей он не распознал и съел. Так что речь в басне идет о слепой материнской любви. Бразильцы же в большинстве своем о басне тоже не помнят, и местный аналог "Одноклассников" пестрит многочисленными комментариями под фото вроде "Матьсова!", "Сестра-сова!" и даже "Отец-суперсова!", выражающими безумную нежность к молодому поколению.

Есть еще птичье выражение "ver passarinho verde" – "увидеть зеленую птичку", так говорят о человеке, у которого на физиономии явственно написаны нежно-влюбленные чувства. Возможно, это выражение пришло из XIX века, когда, по непроверенным слухам, зеленых попугайчиков дрессировали для доставки любовных писем.

Спускаясь далее по эволюционной лестнице к ракообразным, упомяну выражение "fazer boca de siri" – "делать крабий ротик". Так как рот у крабов маленький, оно используется для обозначения необходимости хранить секрет. А вот бразильский аналог русского выражения "Когда рак на горе свистнет" – это "Когда корова закашляет". Что указывает на то, что в бразильской жизни невозможного меньше.

Одна из самых цитируемых птичек-зверюшек – это "galinha", "курица". Обозначает как мужчин, так и женщин, в выборе партнеров руководствующихся исключительно количеством, а не качеством. Ранее

это слово употреблялось только в отношениии женщин, так как для мужчин такое поведение не считалось предосудительным. В последние же 20 лет это определение распространилось и на них, причем сохранив свою женскую форму ("Galinha" – это именно курица, а не петух), что усиливает его пренебрежительный оттенок. Частенько можно услышать в автобусе в женских разговорах "Descobri que o cara é maior galinha!", что буквально означает: "Обнаружила, что этот тип – самая большая курица!". А подтекст вам теперь понятен.

Другое весьма часто упоминаемое животное – это "veado", "олень". Интересно, что у других народов олень является символом мужественности и даже появляется на разных гербах с гордо поднятой головой. В Бразилии же он обозначает лицо нетрадиционной сексуальной ориентации и в этом случае произносится и часто пишется как "viado". В этом значении данное слово употребляется как минимум с 40-х годов. Говорят, что однажды в Рио (это было в 20-е годы) наряд полиции не смог задержать группу аккуратно причесанных мужчин возле площади Тираденте́с, где они обычно собирались. Рассказывая об этом случае, комиссар полиции сказал, что кандидаты на задержание рассыпались в стороны, как олени, и это выражение облетело все газеты.

Возможная принадлежность к "veado" является объектом постоянных шуток. К самим лицам нестандартного образа жизни относятся совершенно терпимо, тепло и весело. Браки между лицами одного пола в Бразилии разрешены, и усыновления тоже. Каждый год в Сан-Паулу проходит гигантский гей-парад на полмиллиона человек, есть много специальных клубов, да и на парочки в метро никто не пялится. Но человека, родившегося 24-го числа, способны просто сжить со свету. Чем же не угодило 24-е число? Дело в том, что номер "24" соответствует оленю в "jogo do bicho" ("игре в зверей"), запрещенной, но широко распространенной азартной игре. Поэтому мужчины, родившиеся 24-го числа, по возможности это скрывают, но все равно подвергаются насмешкам без конца.

Еще одно общеупотребительное словечко – "perua", "индюшка", использующееся для обозначения женщины, одевшейся (или раздевшейся) так, чтобы привлечь к себе внимание. Я пыталась вспомнить какой-нибудь русский аналог, но, кроме "фифа", ничего на ум не пришло. Хотя это не совсем то. Кроме того, этим же словом обозначают маленькие маршрутные автобусы.

Очень широко употребляется выражение "fazer vaquinha" – "делать коровку". Оно обозначает "скидываться деньгами на что-то". Обычно в лаборатории скидываются на тортик или подарок, и мейлы под титулом "Кто участвует в коровке?" – обычное дело. Интересно происхождение этого выражения. Оно тоже появилось в 20-е годы прошлого века и связано с футболом и все той же азартной "игрой зверя".

В начале прошлого века бразильские футболисты официальной зарплаты не получали и на премии им часто скидывались болельщики. Вручаемая сумма зависела от показанного командой результата, а ее величина обозначалась числами из "игры зверя". Двадцать пять тысяч — максимальная премия — соответствовала "корове", символизирующей число "25". Отсюда и пришло выражение "делать коровку", в смысле "скидываться деньгами".

Особую роль в экспрессивных выражениях играют овощи фаллической формы. По вполне понятным причинам. Один из таких объектов — репа. В Бразилии она совсем не круглая, и здесь сказка о репке приобрела бы особенный смысл... Выражение "tomar nabo" — "получить репу" означает "провалиться на экзамене". "Se não estudar, vai tomar nabo atrás de nabo!" — "Если не будешь учиться, будешь получать репу за репой!" Жалобы на репу я регулярно слышу от своих студентов. Также любую проблему можно назвать "pepino" — огурец. Существует выражение "разрешить огурец (проблему)" — "resolver um pepino". Иногда даже говорят: "Мне надо столько огурцов разрешить, ты не представляешь!"

И так, к слову, недавно я услышала загадку-шутку: "Какая еда включается и выключается сама собой?" Ответ: "strogonoff" (то есть "бефстроганов"). Потому что слово содержит в себе английские "on" и "off" — "включить" и "выключить". В Бразилии бефстроганов весьма популярен, особенно в варианте из курицы в томатном соусе с шампиньонами и сливками, посыпанный картофельной соломкой и подаваемый с рисом. В местном произношении это название превращается (и часто даже так и пишется!) в "estrogonofe" ("эстрогоно́фи"). Ни один бразилец из тех, кому я рассказывала о происхождении названия этого блюда, никогда раньше с русской фамилией его не связывал. Впрочем, в Бразилии "strogonoff" делают и из креветок, и из трески в соответствующем соусе, и даже из японских грибов шитаке. Бывает "strogonoff" из шоколада, когда мягкие кусочки шоколадной массы плавают в соусе из сливок и коньяка. Ну и конечно, "добавление в соус кокосового молока придаст этому русскому блюду тропический привкус..."

О *бразильской любви к русскому языку*

После пяти лет жизни во Франции я вернулась в Сан-Паулу в середине 2015 года. К старым друзьям, прекрасной музыке и узеньким горным улочкам с сумасшедшими автобусами. За время моего отсутствия Бразилия попала в глубочайший экономический кризис, и вишенкой на торте хаоса и безработицы стал импичмент президента, когда за прямой трансляцией голосования в парламенте следила вся страна. С научными грантами стало туго, и я начала подрабатывать уроками русского языка, попав

в новый, сказочный мир. Меня часто спрашивают, какие у бразильцев бывают мотивы изучать русский язык. Ну вот, например!

Прихожу домой к молодому адвокату давать частный урок. Очень дорогой район, дорогой дом, двухэтажная холостяцкая квартира. Адвокат молодой, белозубый, с голливудской щетиной, накачанный, работает до ночи, свободное время только по утрам. Два раза в неделю в 7 утра он занимается с частным тренером — качается, один раз учит русский язык.

— Но почему ты решил учить русский?

— У меня лучший друг женился на русской, у меня теперь русский крестный сын, и мы хотим все с ним разговаривать по-русски, чтобы он не терял язык.

— Вот это да, а сколько ему лет?

— Ему уже год!

Осталось только спросить, где эта семья живет.

— В Куритибе!

400 км от Сан-Паулу.

Или вот еще — звонок от пожилой пенсионерки.

— Я бы хотела уроков двадцать, так, чтобы заниматься каждый день... я как раз сейчас после операции отхожу, все равно из дома никуда не выйти!

Еще одна прекрасная пенсионерка у меня в школе, в субботней группе. В эту субботу она пришла какая-то потерянная. Оказалось, ее дочь работает в Штатах главой отдела микробиологии "Кока-колы", и только что выяснилось, что ее весь год будут посылать в длительные командировки в Китай. И на время ее отсутствия нашей 74-летней пенсионерке придется летать в Атланту, чтобы заботиться о внучке, которая ходит там в школу. Она даже достала из сумочки помятую бумажку с датами: "Вот смотри: три недели там, две тут... три недели там, одну тут... две недели там, две тут... и это когда я стала серьезно заниматься русским языком и планировать путешествие в Сибирь!"

У меня практически все ученики любимые, но на веселую парочку — журналист и патологоанатом японского происхождения — я просто надышаться не могу. Особенно сейчас, когда мы уже дошли до первых диалогов. Диалоги в учебнике предлагаются страшно скучные, с вопросами на уровне "Психолог слушает или говорит?" Я объясняю ученикам: это отправная точка. Давайте продолжайте разговор. Кто окажется последним, тот молодец.

— Психолог слушает или говорит?

— Говорит.

— А что говорит?

— Говорит, что не любит дети.

— Психолог — это мужчина или женщина?

— Он не знает. Он трансвестит.

— А где он/она живет?

— Он/она живет в Боливия.

— А почему он/она не любит дети?

— Он/она не знает. Он/она много знает, но не это.

— Он/она не изучал дети в университете?

– Нет. Он/она купил диплом.

– У него/нее есть деньги?

– Уже нет. Диплом – это очень дорого.

Или вот такой диалог:

Я *(бодро)*: Какое у тебя сегодня настроение, Андре?

Андре, патологоанатом: Отличное, я люблю жизнь.

Я *(бодро)*: Какое у тебя сегодня настроение, Фернандо?

Фернандо, журналист: ВСЕ.

– Все? Это что? ХОРОШЕЕ или ПЛОХОЕ?

– Все вместе. Как сказать по-русски “eu sou esquizofrênico”?

– “Я шизофреник”.

Особенно интересно давать разговорный курс русского, на него приходят ученики всех уровней, кто хочет. Недавно обсуждали тему хобби.

Оказалось, что многие любят смотреть фильмы. И что двое из шести в числе любимых фильмов называют “Иди и смотри!”, “Солярис”, “Сталкер”, “Кин-дза-дза”. И еще “Вот придет кот”, чешский фильм 1963 года. Притом мальчику, который больше всех знал про русское кино, всего-то двадцать три года. На прощание он даже присел в поклоне “ку” прямо на пороге школы. Правда, слово шепнул одними губами. В бразильском языке это очень неприличное ругательство и обозначает дырочку в попе. То, что в русском фантастическом фильме может быть планета, где во всем языке только одно слово – вот это!, имеет для бразильцев совсем другое философское значение. Недаром фильм получил премию на международном фестивале в Рио в 1987 году.

А в другой раз мы разговаривали о домашних животных. Из четырех учеников они были у троих. У одного бразильца – собака Нина, у другого – кошка Мурка, а третий... третий – экзотичный мексиканец.

– У меня не кот, не собака, у меня есть рыба!

– Рыба! Вот это да! Рыбка! Одна?

– Одна. Большая, красная, очень красивая.

– А она мальчик или девочка?

– Девочка.

– А как ее зовут?

– Это русское имя.

– Какое?

– Никита!

Самого мексиканца, кстати, зовут Хуан. Если вам вдруг станет грустно, подумайте о мексиканце Хуане с красной рыбкой Никитой. Они живут в Сан-Паулу, тут тепло, хорошо и счастье есть.

Среди книг

с Еленой Огневой

Светлый лик бразильского романтизма

"Они – два голоса, сплетенных ветром...": поэзия бразильского романтизма. "Eram vozes – Que uniam-se co'as brisas!": Poesia do Romantismo brasileiro [на русском и португальском языках] / Пер. и сост. В. А. Махортовой. – М.: Центр книги Рудомино, 2016. – 224 с.

Небольшой, красиво оформленный сборник бразильской поэзии XIX века – двуязычное издание. Молодая переводчица Варвара Махортова представила на суд читателя стихи четырех романтиков, жизнь и творчество каждого из которых стали частью национального бразильского мифа.

Это довольно смелый замысел, ведь составитель предлагает СВОЕ видение ярчайшего периода становления бразильской литературы, выбором имен и отбором произведений стремясь дополнить и скорректировать картину бразильской поэзии, сложившуюся у тех читателей, которые интересовались бразильской культурой и судили о ней по имеющимся до сих пор немногочисленным переводам.

История знакомства россиян с бразильской поэзией начинается как раз с XIX века, и у истоков ее стоит А. С. Пушкин. Знаменитый пушкинский перевод одной из лир "Дирсеевой Марилии" Томаса Антонио Гонзаги – "Там звезда зари взошла" – не случайно предваряет стихи сборника, составленного В. Махортовой. Этот эпиграф говорит и о связи времен, и о традиционном поиске созвучий в сердцах поэтов. И хотя перевод носит подзаголовок "с португальского", выполнен он был с французского языка, по тексту Э. де Монглава. Возможно, поэт воспользовался подстрочным переводом, выполненным его другом С. А. Соболевским или С. Г. Ломоносовым, соучеником Пушкина по Царскосельскому Лицею, впоследствии поверенным в делах в Бразилии...

Почему Пушкина заинтересовал бразильский поэт конца XVIII века, вольнолюбивый певец любви? Многие исследователи утверждают, что его заворожил сам трагический образ бразильского заговорщика, обреченного властями на вечную ссылку и разлуку с любимой, участь которого напоминала русскому поэту судьбу его друзей-декабристов. Но ведь для перевода Пушкин выбирает не исполненные горечи и муки поздние стихи Гонзаги, а одну из самых нежных и светлых лир!

Так или иначе, это стихотворение, история которого и по сей день таит немало загадок для исследователей, становится своего рода смысловым и образным ключом к сборнику поэзии бразильских романтиков, определяя его светлую тональность.

Открывает галерею бразильских поэтов легендарный Антониу Гонсалвис Диас (1823–1864). Он представляет первое поколение бразильских романтиков, чьи имена традиционно ассоциируются с индеанизмом – литературным течением, сформировавшимся в 40-е годы в среде бразильских интеллектуалов. Молодая Бразилия, перестав считаться частью Португалии, впервые ощутила не только независимость от метрополии, но и самобытность своей культуры, задумалась об особенностях своей истории, о неповторимости своей природы, о роли "индейского начала" в жизни страны. Заложить основы национальной культурной традиции, создать национальную литературу, неотъемлемой частью которой стало бы поэтическое мировосприятие индейца, – такова была миссия индеанистов.

В рамках этого течения у нас традиционно осмыслялось творчество Гонсалвиса Диаса. Действительно, именно в этом ключе написаны его "Песнь индейца" и "Ложе из зеленых листьев", лирические монологи-жалобы, где горечь неразделенной любви отступает на второй план, а на первый выходит магическая красота, томное дыхание бразильской природы. Для индейца звуки, ароматы, цвета окружающего мира слиты воедино и образуют с его чувством единый узор. Эту особенность поэтического стиля Гонсалвиса Диаса переводчица передает находчиво и тонко. В. Махортовой удается сохранить и подчеркнуть мелодику стиха, уловить оттенки песенного начала в поэзии Гонсалвиса Диаса.

На родине поэта многие его стихи входят в школьные хрестоматии, их распевают неграмотные бразильцы, полагая что это слова народные, а несколько строк из его "Песни изгнания" даже стали частью национального гимна. По сути, эта элегия и есть гимн – ностальгическое воскрешение в памяти чудес родной земли, где пальмы пышнее, где любят жарче, где неумолчно "льется песня Сабиа". Составительница сборника предложила свой, новый, перевод "Песни изгнания", где символ Бразилии, маленькая звонкоголосая птичка-сабиа предстает под своим именем. В ставшем классическим переводе Павла Грушко речь шла о соловье, и стихотворение обретало универсальный смысл, в нем лирический герой тосковал о родине – в новом же переводе одна маленькая, но эмблематичная деталь сделала его тоску "бразильской".

Но то, что для нашего читателя кажется романтической экзотикой, для представленных в сборнике "Они – два голоса, сплетенных ветром..." поэтов – привычные реалии жизни, повседневность. Экзотика для них как раз открывалась за океаном, в Старом Свете. Гонсалвис Диас учился в Европе, затем ездил туда на лечение, был знаком с творчеством европейских романтиков, увле-

кался средневековой литературой. Искушенный читатель без труда различит в его поэзии темы и образы европейской романтической культуры.

Но речь в этих случаях не идет о заимствовании или даже влиянии. Перед нами творческое переосмысление мотивов, входящих в сокровищницу мировой культуры, их вплетение в бразильскую действительность, поиск "своих" аналогий. В стихотворениях "Пират" и "Владычица вод" Варвара Махортова открывает нам именно такого, доселе неизвестного, Гонсалвиса Диаса. В его бразильском пирате узнаваемы черты и байронической личности, и жениха-призрака из средневековых легенд, которые так любили португальские романтики. Но бразильский поэт неожиданно и эффектно распоряжается "чужим материалом": вернувшийся домой странник не губит невесту-изменницу, но мстит ей своим прощением!

А коварная Владычица вод из одноимённого стихотворения, заманивающая в смертельную пучину прелестного мальчика? Разве в описании сокровищ ее царства нет сходства с "Лесным царем" Гёте, а в зловещей красоте – с "Лорелеей" Гейне? Однако метафорический строй стихотворения, бережно сохраненный в переводе, не скроет исконно-бразильское происхождение Матери вод (так стихотворение называется в оригинале) – индейской русалки-Йары и богини афрохристианского пантеона – красавицы Йеманжи.

Несомненной удачей составительницы стало обращение к поэзии Казимиру ди Абреу (1837–1860) и Луиса Фагундиса Варелы (1841–1875), представителей второго, так называемого байронического поколения. "Уже не индеанисты", "еще не аболиционисты", они были незаслуженно обойдены вниманием переводчиков и литературоведов. Если о них и писали, то подчеркивали, что их байронизм был лишен протестного начала, бури общественной жизни их оставляли равнодушными. Постепенно формировался особый биографический миф: богема, золотая молодёжь, демонизм. Что греха таить, поэты этого поколения зачастую намеренно этот миф о себе творили, дорожа маской разочарованных и пресыщенных денди. Однако за модной позой не всегда удавалось скрыть реальные горести: бедность, тяжелые болезни – все то, что приведет их к безвременной смерти.

А между тем это были романтики, истово и беззаветно влюбленные в искусство, преданные красоте и поэзии. И интересны они читателям не своей общественной позицией и скандальной биографией, а изящным мастерством, музыкальностью стиха, смелой образностью. Именно это увидела в их творчестве и показала нам переводчица: сладкую тоску, saudade – а отнюдь не мировую скорбь... Колдовской, гипнотизирующий ритм вальса – а не поэтические условности в жалобах о безответной любви. Буйный полет творческой фантазии, способной порождать волшебные миры – а не разочарование очнувшегося от грезы всадника в ночной селве...

Можно поспорить с переводчицей, выбравшей для заглавия стихотворения Фагундиса-

Варелы слово “Видение” (ведь речь в нем идет об иллюзии, мечте, фантазиях, которые, “над разумом взяв власть”, уносят поэта в мир счастья и безмятежности — в отличие от стихотворения “Видение” Казимиро ди Абреу, где говорится именно о видении). Однако дух поэзии двух этих романтиков в сборнике передан бережно и чутко.

Картина романтической поэзии Бразилии была бы неполной без такой фигуры, как Антониу ди Кастро Алвес (1847–1871). В отличие от других бразильских поэтов, его имя известно русскоязычному читателю уже полвека. Представитель третьего, “кондорского” поколения бразильских романтиков, Кастро Алвес запомнился нам, прежде всего, как автор гневных обличений рабства, просуществовавшего в Бразилии до 1888 года (“Невольничий корабль”, “Негр-мститель” в переводах Инны Тыняновой). Да, это классика, но это не весь Кастро Алвес. Ведь уже в начале 60-х годов прошлого века Жоржи Амаду в Академической речи назвал своего славного соотечественника не только “утренней звездой свободы”, но и “ночной звездой любовных вздохов”, и посвятил ему книгу, переведенную в СССР в 1963 году. А в 1977-м вышел отдельный томик его лирики, позволивший узнать и Кастро Алвеса-пантеиста, певца бразильской природы.

В. Махортова существенно меняет традиционную пропорцию, на сей раз не в пользу гражданской лирики. Такой подход представляется оправданным, он позволяет нам увидеть не только воспаряющего “кондора-ниспровергателя” (“Солнце и Народ”), но и нежного влюбленного, способного среди тропических шквалов и гроз забыться, вспоминая об улыбке любимой (“Во время бури”), мудрого сказочника-философа (“Соловей и Роза”), легкомысленного мечтателя (“Мечта богемы”). Правда в последнем случае трудно согласиться с переводчицей, которая предпочла в передаче заглавия опереться на биографические реалии (стихотворение посвящено актрисе Эужении Камара), а не на текст, где поэт грезит именно о цыганском странствии, это его “Цыганская мечта”!

Однако эти мелочи не умаляют значения проделанной виртуозной и кропотливой работы, в результате которой еще несколько белых пятен на карте латиноамериканской поэзии исчезло, преодолена инерция восприятия, опровергнуты историко-литературные штампы. Это само по себе уже большая заслуга как составительницы-переводчицы, так и подготовивших издание Юрия Фридштейна и Антона Чернова. И конечно же, нельзя не приветствовать энтузиазм молодого бразилиста Варвары Махортовой, которая по достоинству оценила светлый лик бразильской романтической поэзии, как в свое время сделал это А. С. Пушкин.

Бразильская литература на страницах "ИЛ"

1957

Альвес Кастру — *Поэмы.* Перевод и вступление И. Тыняновой [8]

1963

Амаду Жоржи — *Необычайная кончина Кинкаса Сгинь Вода.* Сатирическая повесть. Перевод Юрия Кулагина [5]

Бразильские строфы: Винисиус ди Мораис, Кассиану Рикарду, Сесилия Мейрелис, Мануэл Бандейра, Карлус Друмон ди Андради, Рибейру Коуту, Жамил Алмансур Хаддад. Перевод М. Самаева. Вступление Юрия Дашкевича [10]

1965

Диас Гомес Альфредо — *Вторжение.* Пьеса в трех действиях и шести картинах. Перевод Юрия Кулагина. Вступление Маргариты Алигер [1]

1970

Вериссимо Эрико — *Пленник.* Роман. Перевод и вступление Юрия Кулагина [4]

1971

Алвес Кастру — *Из книги "Водопад Паулу Афонсу".* Перевод Инны Тыняновой [10]

1972

Амаду Жоржи — *Лавка Чудес.* Роман. Перевод Юрия Кулагина [2, 3]

1973

Вериссимо Эрико — *Происшествие в Антаресе.* Роман. Перевод Ю. Кулагина. Вступление Юрия Дашкевича [11, 12]

1975

Амаду Жоржи — *Тереза Батиста, уставшая воевать.* Роман. Перевод Ю. Кулагина. Послесловие Юрия Дашкевича [11, 12]

1976

Рамос Грасилиано — *Сан-Бернардо.* Роман. Перевод и вступление Лилианы Бреверн [11, 12]

1979

Вейга Жозе Ж. — *Тени бородатых королей.* Повесть. Перевод Лилианы Бреверн [9]

1980

Амаду Жоржи — *Возвращение блудной дочери.* Роман. Перевод Юрия Кулагина [7, 8, 9, 10]

Амаду Жоржи — *История любви Полосатого кота и сеньориты Ласточки.* Перевод Лилианы Бреверн [12]

1982

Иву Леду — *Стихи.* Перевод Владимира Резниченко [5]

Амаду Жоржи — *Военный китель, академический мундир, ночная рубашка.* Роман. Перевод Юрия Кулагина [8, 9]

1983

Жуниор Освальдо Франса — *Бразилец Жорже.* Повесть. Перевод Лилианы Бреверн [7]

1987

Сарней Жозе — *Рассказы.* Перевод Людмилы Новиковой. Вступление Юрия Дашкевича [6]

1988

Рибейро Жоан Убалдо — *Сержант Жетулио.* Роман. Перевод Л. Новиковой. Вступление Жоржи Амаду [9]

1990

Амаду Жоржи — *Исчезновение святой.* Роман. Перевод А. Богдановского

1992

Из бразильской поэзии: Мануэл Бандейра, Сесилия Мейрелес, Дурвал Мендонса. Перевод Валерия Перелешина. Вступление Е. Витковского [8—9]

2009

Буарки Шику — *Будапешт.* Роман. Перевод и послесловие Екатерины Хованович [7]

2014

Скляр Моасир — *Леопарды Кафки.* Роман. Перевод Екатерины Хованович [7]

Екатерина Александровна Хованович
Переводчик с испанского и португальского языков. Победитель первого конкурса *Современная зарубежная художественная литература*, проводившегося Издательской программой Института *Открытое общество* [Фонд Сороса; 1998–1999], призер конкурса переводчиков поэзии Пабло Неруды, посвященного столетию поэта [2004], обладатель диплома критиков *зоИЛ* [2011], лауреат премии *Иностранка* [2015].

В ее переводе печатались произведения М. Скляра, Х. Кортасара, Х. Х. Арреолы, Г. Мистраль, П. Неруды, В. Уидобро, Р. Ортеги Мотенегро и др. Неоднократно публиковалась в *ИЛ*.

Мариу Раул Морайс Ди Андради
Mário Raul Morais de Andrade
[1893–1945]. Поэт, прозаик, музыковед, искусствовед, критик и фотограф. Один из основателей бразильского модернизма. Член авангардной группы *Пятеро*. Пионер в области этномузыкологии. Лауреат премии *Жабути* [1974].

Фактически создал современную бразильскую поэзию своей публикацией *Рехнувшаяся Паулисея* [*Pauliceia Desvairada*, 1922]. Его главный роман — *Макунаима, герой, у которого нет никакого характера* [*Macunaíma, o herói sem nenhum caráter*, 1928]. Перевод романа выполнен по изданию *Macunaíma, o herói sem nenhum caráter*. [Rio de Janeiro: Agir, 2007].

Моасир Скляр
Moacyr Scliar
[1937–2011]. Писатель. Лауреат премии *Жабути* [1988, 1993, 2009] и других национальных премий.

Автор романов *Один в поле воин* [*O exército de um Homen só*, 1973], *Кентавр в саду* [*O centauro no jardim*, 1980; рус. перев. 2002], *Макс и кошки* [*Max e os felinos*, 1981], *В ночь живота, бриллиант* [*Na Noite do Ventre, o Diamante*, 2005], *Обнимаю вас, миллионы* [*Eu vos abraço milhoes*, 2010] и др., рассказов, эссе, книг для детей. В *ИЛ* опубликован роман *Леопарды Кафки* [2014, № 7].
Перевод романа *Эдем-Бразилия* выполнен по изданию [*Éden-Brasil*. Companhia das Letras, 2002].

Луис Фернанду Вериссиму
Luis Fernando Veríssimo
[р. 1936]. Писатель, переводчик, журналист, ведущий телепрограмм, музыкант-саксофонист. Лауреат нескольких премий, среди которых премия *Юмор в журналистике* [1982], приза *Prix Deux Oceans* на фестивале культуры Латинской Америки в Беаррице, Франция [2004]. Обладатель титула *Интеллектуал года* [1996].

Известен своими юмористическими рассказами. Автор сборника рассказов *Популярный* [*O Popular*, 1973], книг *Аналитик из Баже* [*O Analista de Bagé*, 1981], *Клуб Ангелов* [*Clube dos Anjos*, 2003; рус. перев. 2005] и др.
Рассказ *Правда* [*A verdade*] взят из сборника *Комедии частной жизни* [*Comédias da vida privada*. L&PM, 1995], рассказ *Голос счастья* [*A voz da felicidade*] – из сборника *Жена Сильвы* [*A mulher do Silva*. Porto Alegre: L&PM, 1984], рассказы *Щёлк* [*Clic*] и *Струнный концерт* [*Recital*] – из интернета [http://www.releituras.com/lfverissimo_menu.asp], рассказ *Белый флаг* [*Bandeira Branca*] – из сборника *Сто лучших бразильских рассказов нашего века* [*Os cem melhores contos brasileiros do século*. Objetiva, 2000], рассказ *Мусор* [*O lixo*] – из интернета [https://www.mensagenscomamor.com/cronicas-luis-fernando-verissimo], рассказ *Новые технологии* [*Tecnologia*] – из интернета [https://www.pensador.com/textos_de_luis_ernando_verissimo/].

Борис Соломонович Шнайдерман
Boris Schnaiderman
[1917–2016]. Переводчик, писатель, эссеист. Профессор Университета Сан-Паулу [2001], доктор наук. Лауреат премии Бразильской литературной академии [2003]. Обладатель медали Пушкина [2007].

Первый переводчик русской классической литературы на португальский язык.
Автор книг *Война под сурдинку* [*Guerra em surdina*, 1964], *Достоевский: проза-поэзия* [*Dostoiévsky: Prosa. Poesia*, 1982], *Перевод, отчаянный поступок* [*Tradução, ato desmedido*, 2011], *Итальянская тетрадь* [*Caderno italiano*, 2015] и др.
Перевод глав *Страх* [*Medo*] и *Ненависть* [*Odio dos homens*] из книги *Война под сурдинку* выполнен по изданию Cosak & Naify, 2004].

Елена Николаевна Васина
Профессор кафедры русистики филологического факультета Университета Сан-Паулу, финалистка бразильских премий *Жабути* [2015] и *Аплаузо* [2015].

Автор более ста научных публикаций по сравнительному литературоведению, истории и теории русской литературы и театра и теории перевода. Автор-составитель и автор книг *Типология символизма в русской и западной культуре* [2005], *"Живой труп" Льва Толстого* [2007], *Русский театр: литература и спектакль* [2011], *Станиславский: жизнь, творчество и Система* [2015].

Ирина Полякова-Севостьянова
Переводчик с польского, чешского, испанского и португальского языков, журналист, бард.

Участвовала в антологии *Век перевода*. Переводила Б. Лесьмяна, В. Броневского, З. Красинского, А. Мачадо, Х. Р. Хименеса, А. ди Оливейру, О. Билака. В *ИЛ* публикуется впервые.

Наталия Сергеевна Константинова
Переводчик с испанского и португальского языков. Кандидат исторических наук. Возглавляет Центр культурологических исследований Института Латинской Америки РАН. Руководитель и инициатор проекта энциклопедии *Культура Латинской Америки*, удостоенной премии ЮНЕСКО *За вклад в диалог между цивилизациями*. Член Союза театральных деятелей.

Автор около двухсот публикаций по проблемам иберoамериканской культуры, истории и общественной мысли и книг *Страна карнавала* [2003] и *Многоголосица культур* [2015].

Рафаэл Теодору
Rafael Teodoro
Музыкальный и литературный критик, преподаватель, юрист-аналитик в прокуратуре.

Ведет свой блог, а также публикует статьи о литературе и музыке в различных журналах.
Текст публикуемой статьи *Общество неграмотных: быть умным для подростка становится преступлением* [*Em uma sociedade de analfabetos, ser inteligente na adolescência virou crime*] взят из интернета http://www.revistabula.com/730-em-uma-sociedade-de-analfabetos-ser-inteligente-na-adolescencia-virou-crime.

Алексей Игоревич Иващенко
[р. 1958]. Бард. Закончил географический факультет МГУ и ВГИК [актерская мастерская С. Ф. Бондарчука], работал в Театре Киноактёра, театре Алексея Рыбникова.

В соавторстве с Георгием Васильевым написал мюзикл *Норд-Ост*. Автор русских текстов мюзиклов *Звуки музыки*, *Русалочка*, *Призрак оперы*, *Поющие под дождем*, *Золушка*, *Привидение* и др. Перевел на русский язык бразильские песни в жанре босса-новы для совместного проекта с Ириной Богушевской *Утро карнавала*. В *ИЛ* публикуется впервые.

Владимир Игоревич Ильинский
[р. 1952]. Журналист, переводчик с английского, ведущий музыкальных программ на радио *Эхо Москвы*.

Автор многих статей в журналах *Эплоко*, *From Me To You* и др. В его переводе вышли книги Д. Леннона *Все, что я хочу сказать. Последнее большое интервью журналу "Playboy", записанное Дэвидом Шефом*, Ш. Осборн *Экстрим, или Моя автобиография* и др. В *ИЛ* публикуется впервые.

Анна Сергеевна Смирнова-Энрикес
Преподаватель русского языка, переводчик,

В *ИЛ* публикуется впервые.

организатор культурных мероприятий, блогер, ведет Живой Журнал под ником annsmile141. По образованию биолог. Живет в Сан-Паулу.

Елена Владимировна Огнева
Литературовед, переводчик с испанского и португальского языков, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Член редколлегии научного журнала *Литература двух Америк.*

Автор более 150 научных статей, предисловий и критических работ, учебников по истории зарубежной литературы. В ее переводе публиковались эссе А. Карпентьера и Ж. Амаду, письма и интервью Х. Кортасара, Э. Сабато и др. В *ИЛ* публиковались ее статьи *Фантастическое у Кортасара* [1978, № 8], *Эпоха единения* [1984, № 1], *"О были величавой и тревожной навеки мы преданье сохраним"* [2015, № 7], *"Скрипка, рядом с которой ходит несчастье"* [2016, № 6].

Переводчики

Владимир Дмитриевич Култыгин
[р. 1987]. Переводчик с португальского, испанского, французского, каталонского, английского языков, журналист.

Роман *Макунаима, герой, у которого нет никакого характера,* — его первый опубликованный художественный перевод.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Ирина Фещенко-Скворцова
Поэт, эссеист, переводчик. Кандидат педагогических наук. Член Союза российских писателей. Живет в Португалии.

Автор четырех книг стихов и литературно-критических эссе, статей об особенностях поэтической техники отдельных португальских авторов, более 60 научных публикаций по проблемам творчества в педагогике и психологии. Переводила португальских, бразильских, испанских поэтов, в их числе Ф. Пессоа и его гетеронимов. В *ИЛ* напечатаны статья о А. Нобре *Когда он родился, родились мы все* [2012, № 9], статья *Триумфальный день Фернандо Пессоа*, переводы поэмы С. Верде, сонетов Ф. Эшпанки, фрагментов роммана-эссе Ф. Пессоа *Книга неуспокоенности*, португальских легенд Ж. Маркеша и очерк *Записки эмигранта* [2015, № 7], статья и перевод стихов *Из португальской поэзии XX—XXI веков: традиции и поиск* [2016, № 4].

Ольга Михайловна Дзюба Переводчик с португальского. Обладатель диплома за лучший перевод рассказа *Кирпичный язык* М. Карвалью Первого Международного русско-португальского конкурса переводчиков художественной литературы *Иными словами*, организованного Лиссабонским университетом.	В *ИЛ* публикуется впервые.
Галина Викторовна Матвеева Литератор, издательский работник.	Составитель сборников, в том числе *Летучий корабль и другие славянские сказки* [2016] и *Пастушок и король эльфов и другие скандинавские сказки* [2016]. В *ИЛ* публикуется впервые.
Лея Давидовна Любомирская Прозаик. Лауреат *Русской премии* [2016] в номинации *Малая проза* за сборник *И с тех пор не расставались. Истории страшные, трогательные и страшно трогательные* [2015]. Живет в Португалии.	Автор книг *Профессор и воображаемый бразилец* [2007], *Лучшее лето в ее жизни* [2009], *Книга о живых и мертвых старушках* [2012], *Бродяга, Маг и Королева пряностей (и еще — Поэт, Мечтатель, Алхимик, Сочинительница и другие удивительные люди)* [2013] и др.
Максим Александрович Тютюнников [р. 1978]. Переводчик с испанского и португальского языков, научный редактор редакционно-издательского отдела ВГБИЛ.	Переводил произведения Ф. Пессоа, Д. Суньигу, К. Апабласу. В *ИЛ* публикуется впервые.

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции
(понедельник, вторник, среда, четверг
с 12.00 до 17.30).

В оформлении обложки использовано граффито бразильского художника-муралиста Эдуардо Кобры [р. 1976]. Работа посвящена бразильскому архитектору Оскару Нимейеру [1907—2012].

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.
Компьютерный набор Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Секретарь-референт Ксения Жолудева.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Исполнительный директор Мария Макарова.

Менеджер по правам Мильда Соколова.

Адреса редакции: 115035, г. Москва,
Космодемьянская наб., д. 44/2, корп. А
(юридический);
119017, г. Москва, Пятницкая ул., 41, стр. 1, 2
(почтовый);
г. Москва, Ленинградский просп., д. 68, стр. 24,
м. "Аэропорт" (фактический).
Телефон (495) 225-98-80.
E-mail: zhurnalil@yandex.ru

Купить журнал можно:
в Москве:
в редакции;
в киоске "Москва" (ул. Арбат, д. 20);
в киоске "Лингвистика" (Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино Николоямская ул., д. 1);
в книжном магазине "Русское зарубежье" (Нижняя Радищевская, д. 2; м. Таганская-кольцевая);
в киоске "Книжные мастерские" (ул. Тверская, д. 23, в фойе Электротеатра Станиславского);
в Санкт-Петербурге:
в магазине "Книжные мастерские" (Каменноостровский пр., д. 10);
в книжном магазине "Все свободны" (набережная реки Мойки, д. 28, второй двор, звонить в домофон);
в магазине "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 15);
в киоске "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 49А, 3-й этаж, новая сцена Александринского театра);
в Пензе:
в книжном магазине "В переплете" (ул. Московская, д.12),
в интернет-магазине "Лабиринт" (http://www.labirint.ru)

Официальный сайт журнала:
http://www.inostranka.ru
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит
один раз в месяц.

Оригинал-макет номера
подготовлен в редакции.

Регистрационное
свидетельство
ПИ № 8С77-63040
от 18 сентября 2015 г.

Подписано в печать
20.09.2017
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 6575.
Тираж 2800 экз.

Отпечатано в
ОАО "Можайский
полиграфический комбинат".
143200, г. Можайск,
ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф
Тел.: (495) 745-84-28;
(49638) 20-685.

Присланные рукописи не
возвращаются и не
рецензируются.

[11] 2017

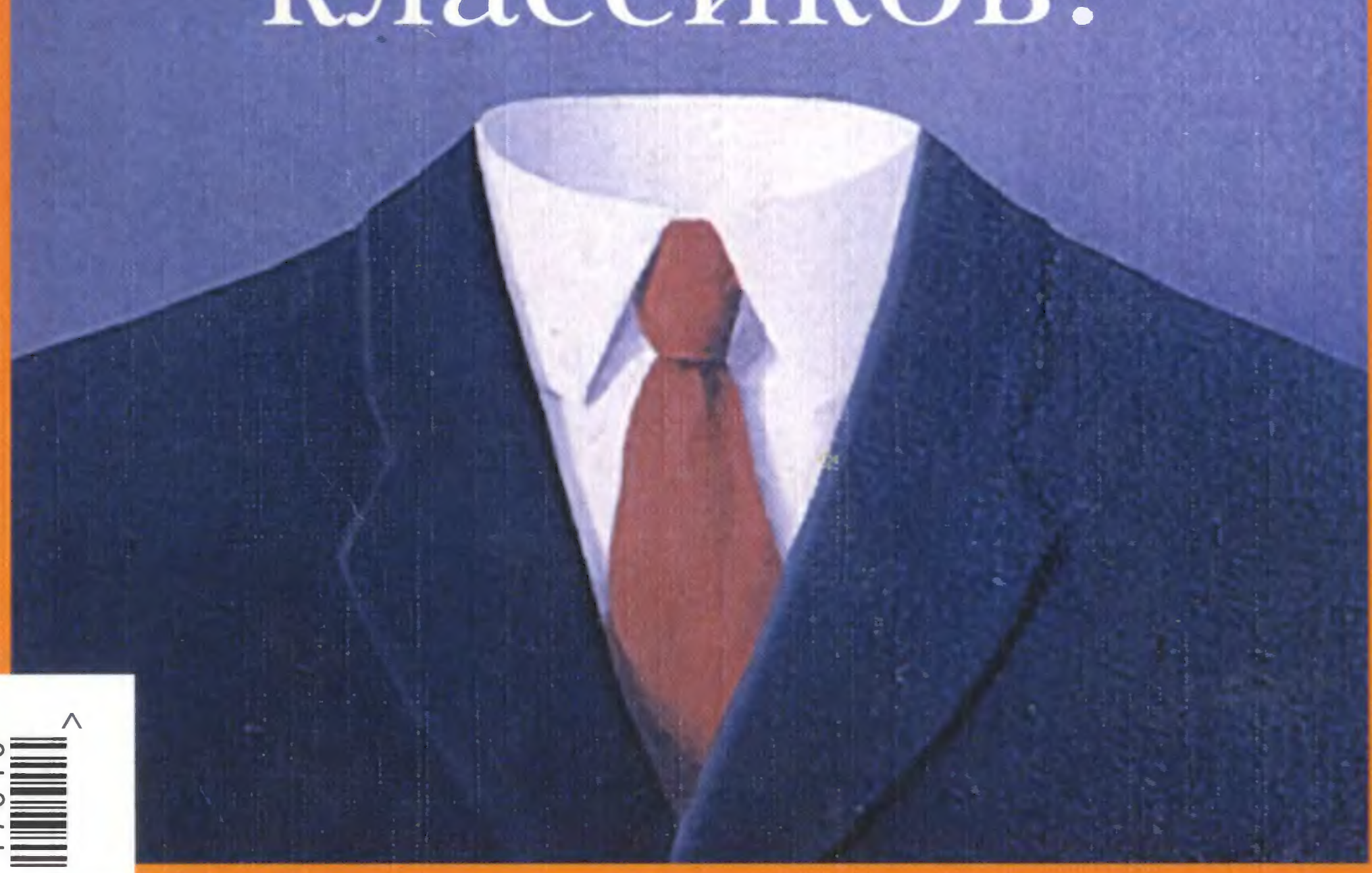
Специальный номер

Россия во мгле

100 лет Октябрьской революции

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Узнай завтрашних классиков!



Подписка во всех отделениях связи России,
подписной индекс 70394

Адрес редакции журнала "Иностранная литература":
г. Москва, Ленинградский проспект,
д. 68, стр. 24, м. "Аэропорт".

ИНДЕКС 70394

ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2017, №10, 1–288

ISSN 0130-6545
9 770130 654770 17010